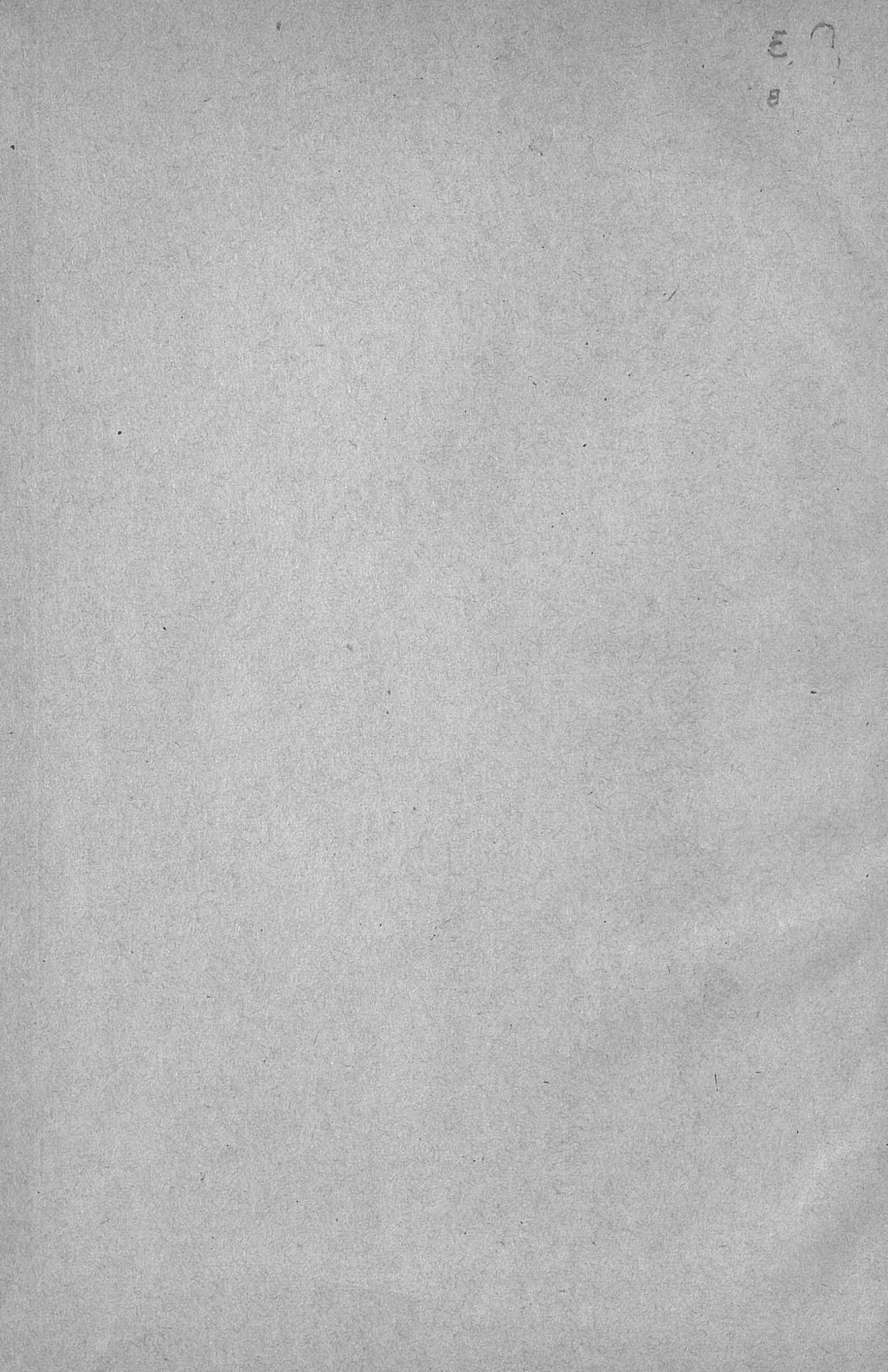

Эр1 537
Деникин А. И.
Очерки русской
смуты. Т. 1 вып 2

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ первый
Выпускъ второй

Крушеніе власти и арміи

Февраль-Сентябрь 1917

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

Очерки Русской Смуты

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ первый
Выпускъ второй

Крушеніе власти и арміи

Февраль-Сентябрь 1917

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

IMP. UNION, PARIS
46, BD ST-JACQUES

ГЛАВА XVIII.

Военныя реформы: генералитетъ и изгнаніе старшаго командного состава.

Одновременно съ подготовкой къ наступленію въ арміи шли реформы и такъ называемая «демократизація». На всѣхъ этихъ явленіяхъ необходимо остановиться теперь же, такъ какъ они предрѣшили какъ исходъ лѣтняго наступленія, такъ и конечныя судьбы арміи.

Военныя реформы начались съ увольненія огромнаго числа командующихъ генераловъ — операція, получившая въ военной средѣ траги-шутливое названіе «избіенія младенцевъ». Началось съ разговора военнаго министра Гучкова и дежурнаго генерала Ставки Кондзеровскаго. По желанію Гучкова, Кондзеровскій, на основаніи имѣвшагося матеріала, составилъ списокъ старшихъ начальниковъ съ краткими аттестаціонными отмѣтками. Этотъ списокъ, дополненный потомъ многими графами различными лицами, пользовавшимися довѣріемъ Гучкова, и послужилъ основаніемъ для «избіенія». Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль было уволено въ резервъ *до полутораста старшихъ начальниковъ, въ томъ числѣ 70 начальниковъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій.*

Гучковъ приводитъ такіе мотивы этого мѣропріятія [1]:

«Въ военномъ вѣдомствѣ давно свили себѣ гнѣздо злыя силы — протекціонизма и угодничества. Съ трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывалъ, что насъ ждутъ неудачи, если мы не примемъ героическихъ мѣръ... для измѣненія нашего командного состава... Наши опасенія къ несчастью оправдались. Когда произошла катастрофа на Карпатахъ, я снова сдѣлалъ попытку убѣдить власть сдѣлать необходимое, но вмѣсто этого меня взяли подъ подозрѣніе... Нашей очередной задачей (съ началомъ революціи) было дать дорогу талантамъ. Среди нашего командного состава было много честныхъ людей, но многіе изъ нихъ были неспособны проникнуться новыми формами отношеній, и въ теченіе короткаго времени въ командномъ составѣ нашей арміи было произведено столько перемѣнъ, какихъ не было, кажется, никогда ни въ

---

[1] Рѣчь на съѣздѣ делегатовъ фронта 29 апрѣля 1917 года.

одной арміи... Я сознавалъ, что въ данномъ случаѣ милосердія быть не можетъ и я былъ безжалостенъ по отношенію къ тѣмъ, которыхъ я считалъ неподходящими. Конечно, я могъ ошибаться. Ошибокъ можетъ быть было даже десятки, но я совѣтовался съ людьми знающими и принималъ рѣшенія лишь тогда, когда чувствовалъ, что они совпадаютъ съ общимъ настроеніемъ. Во всякомъ случаѣ все, что есть даровитаго въ командномъ составѣ, выдвинуто нами. Съ іерархіей я не считался. Есть люди, которые начали войну полковыми командирами, а сейчасъ командуютъ арміями... Этимъ мы достигли не только улучшенія, но и другого, не менѣе важнаго : провозглашеніе лозунга « дорогу таланту »... вселило въ души всѣхъ радостное чувство, заставило людей работать съ порывомъ, вдохновенно»...

Гучковъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что армія наша страдала и протекціонизмомъ, и угодничествомъ; что командный составъ ея комплектовался не изъ лучшихъ элементовъ и въ общемъ далеко не всегда былъ на высотѣ своего положенія. Что « чистка » являлась необходимой и по мотивамъ принципіальнымъ и по практическимъ соображеніямъ : многое сокровенное послѣ « свободъ » стало явнымъ, дискредитируя и лицъ, и символъ власти. Но несомнѣнно также, что принятый порядокъ оцѣнки боевой пригодности старшаго генералитета, отражавшій не всегда безпристрастныя мнѣнія, заключалъ въ себѣ элементы случайности и субъективности. Ошибки были несомнѣнно. Въ списокъ попали и средніе начальники, не выдѣлявшіеся ни въ ту, ни въ другую сторону, какихъ большинство во всѣхъ арміяхъ; попали и нѣкоторые достойные генералы.

Я долженъ, однако, признать что многіе изъ уволенныхъ врядъ-ли представляли особенную цѣнность для арміи. Среди нихъ были имена одіозныя и анекдотическія, державшіяся только благодаря инертности и попустительству власти. Я помню, какъ потомъ по разнымъ поводамъ генералу Алексѣеву вмѣстѣ со мной приходилось перебирать списки старшихъ чиновъ резерва, въ поискахъ свободныхъ генераловъ, могущихъ получить то или иное серьезное назначеніе или отвѣтственное порученіе. Поиски обыкновенно были очень не легки : хорошіе генералы — обиженные увольненіемъ или потрясенные событіями — отказывались, прочіе были неподходящими. Въ частности, когда явилась надобность послать нѣчто вродѣ военно-сенаторской ревизіи на Кавказъ, то изъ огромныхъ списковъ извлекли всего двѣ фамиліи : она принадлежала генералу, рапортовавшемуся больнымъ, другая... была *нѣмецкой*[1]). Ревизія не состоялась. Помню и такой эпизодъ : когда въ вагонѣ Гучкова обсуждалось разъ замѣщеніе какой то открывшейся вакансіи,

---

[1]) Съ этимъ обстоятельствомъ приходилось сильно считаться, ввиду настроенія солдатъ.

въ его спискахъ нашли имена 2-3 генераловъ — ранѣе не особенно двигавшихся по службѣ — нынѣ же отмѣченныхъ рѣшительно во всѣхъ графахъ выдающимися.

Что-же дали столь грандіозныя перемѣны арміи? Улучшился ли дѣйствительно въ серьезной степени командный составъ? Думаю, что цѣль эта достигнута не была. На сцену появились люди новые, выдвинутые установившимся правомъ избирать себѣ помощниковъ — не безъ участія прежнихъ нашихъ знакомыхъ — свойства дружбы и новыхъ связей. Развѣ революція могла переродить или исправить людей? Развѣ механическая отсортировка могла вытравить изъ военнаго обихода систему, долгіе годы ослаблявшую импульсъ къ работѣ и самоусовершенствованію? Быть можетъ выдвинулось нѣсколько единичныхъ «талантовъ», но на ряду съ ними двинулись вверхъ десятки, сотни людей случая, а не знанія и энергіи. Эта случайность назначеній усилилась впослѣдствіи еще больше, когда Керенскій отмѣнилъ на все время войны какъ всѣ существовавшіе ранѣе цензы, такъ и соотвѣтствіе чина должности при назначеніяхъ (іюнь), въ томъ числѣ, конечно, и цензъ знанія и опыта.

Передо мною лежитъ списокъ старшихъ чиновъ русской арміи къ срединѣ мая 1917 г., т. е., какъ разъ къ тому времени, когда гучковская «чистка» была окончена. Здѣсь — Верховный главнокомандующій, главнокомандующіе фронтами, командующіе арміями и флотами и ихъ начальники штабовъ. Всего 45 лицъ [1]). Мозгъ, душа и воля арміи! Трудно оцѣнивать ихъ боевыя способности соотвѣтственно ихъ послѣднимъ должностямъ, ибо стратегія и вообще военная наука въ 1917 году потеряла въ значительной степени свое примѣненіе, ставъ въ подчиненную рабскую зависимость отъ солдатской стихіи. Но мнѣ прекрасно извѣстна дѣятельность этихъ лицъ по *борьбѣ съ «демократизаціей», т. е., развалом арміи*. Вотъ численное соотношеніе трехъ различныхъ группировокъ:

Группировки — Командный составъ	ОППОРТУНИСТЫ		Боровшіеся противъ демократизаціи	ВСЕГО
	Поощрявшіе демократизацію	Не боровш. противъ демократизаціи		
Верховный Главноком. Команд. Арм. Ком. флот.	9	5	7	
Начальники штабовъ	6	6	7	
ВСЕГО:	15	11	14	40

[1]) Пяти не знаю, поэтому исключилъ ихъ вовсе.

Изъ нихъ впослѣдствіи, съ 1918 года участвовало или не участвовало въ борьбѣ:

Группировки — Командный составъ	ОППОРТУНИСТЫ.		Боровшіеся противъ демократизаціи	ВСЕГО
	Поощрявшіе демократизацію	Не боровш. противъ демократизаціи		
Въ антибольшев. организац.	2	7	10	19
У большевиковъ	6	—	1	7
Отошли въ сторону . .	7	4	3	14

Таковы результаты реформы наверху военной іерархіи, гдѣ люди находились на виду, гдѣ дѣятельность ихъ привлекала къ себѣ критическое вниманіе не только власти, но и военной и общественной среды. Думаю, что не лучше обстояло дѣло на низшихъ ступеняхъ іерархіи.

Но если вопросъ о *справедливости* мѣропріятія можетъ считаться спорнымъ, то лично для меня не возникаетъ никакого сомнѣнія въ крайней *нецѣлесообразности* его. Массовое увольненіе начальниковъ окончательно подорвало вѣру въ командный составъ и дало внѣшнее оправданіе комитетскому и солдатскому произволу и насилію надъ отдѣльными представителями командованія. Необычайныя перетасовки и перемѣщенія оторвали большое количество лицъ отъ своихъ частей, гдѣ они, быть можетъ, пользовались пріобрѣтенными боевыми заслугами уваженіемъ и вліяніемъ; переносили ихъ въ новую, незнакомую среду, гдѣ для пріобрѣтенія этого вліянія требовалось и время, и трудная работа въ обстановкѣ, въ корнѣ измѣнившейся. Если къ этому прибавить продолжавшееся въ пѣхотѣ формированіе третьихъ дивизій, вызвавшее въ свою очередь очень большую перетасовку командного состава, то станетъ понятнымъ тотъ хаосъ, который воцарился въ арміи.

Такой хрупкій аппаратъ, какимъ была армія въ дни войны и революціи, могъ держаться только по инерціи и не допускалъ никакихъ новыхъ потрясеній. Допустимо было только изъять безусловно вредный элементъ, въ корнѣ измѣнить систему назначеній, открывъ дорогу достойнымъ, и предоставить затѣмъ вопросъ естественному его теченію, во всякомъ случаѣ безъ излишняго подчеркиванія и не дѣлая его программнымъ.

Кромѣ удаленныхъ этимъ путемъ начальниковъ, ушло

добровольно нѣсколько генераловъ, не сумѣвшихъ помириться съ новымъ режимомъ, въ томъ числѣ Лечицкій и Мищенко, и много командировъ, изгнанныхъ въ революціонномъ порядкѣ — прямымъ или косвеннымъ воздѣйствіемъ комитетовъ или солдатской массы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и адмиралъ Колчакъ.

Перемѣны шли и въ дальнѣйшемъ, исходя изъ различныхъ, иногда прямо противоположныхъ взглядовъ на систему веденія арміи, нося поэтому необыкновенно сумбурный характеръ и *не допуская отслоенія опредѣленнаго типа командного состава.*

Алексѣевъ уволилъ главнокомандующаго Рузскаго и командующаго арміей Радко-Дмитріева за слабость военной власти и оппортунизмъ. Онъ съѣздилъ на Сѣверный фронтъ и, вынеся отрицательное впечатлѣніе о дѣятельности Рузскаго и Радко-Дмитріева, деликатно поставилъ вопросъ объ ихъ « переутомленіи ». Такъ эти отставки и были восприняты тогда обществомъ и арміей. По такимъ же мотивамъ Брусиловъ уволилъ Юденича.

Я уволилъ командующаго арміей (Квѣцинскаго) — за подчиненіе его воли и власти дезорганизующей дѣятельности комитетовъ, въ области « демократизаціи » арміи.

Керенскій уволилъ Верховнаго главнокомандующаго Алексѣева, главнокомандующихъ Гурко и Драгомирова за сильную оппозицію « демократизаціи » арміи; по мотивамъ прямо противоположнымъ уволилъ и Брусилова — чистѣйшаго оппортуниста.

Брусиловъ уволилъ командующаго 8 арміей генерала Каледина — впослѣдствіи чтимаго всѣми Донского атамана — за то, что тотъ « потерялъ сердце » и не пошелъ навстрѣчу « демократизаціи ». И сдѣлалъ это въ отношеніи имѣвшаго большія боевыя заслуги генерала въ грубой и обидной формѣ, сначала предложивъ ему другую армію, потомъ возбудивъ вопросъ объ удаленіи. « Вся моя служба — писалъ мнѣ тогда Калединъ — даетъ мнѣ право, чтобы со мной не обращались какъ съ затычкой различныхъ дыръ и положеній, не освѣдомляясь о моемъ взглядѣ ».

Генералъ Ванновскій, смѣщенный съ корпуса командующимъ арміей Квѣцинскимъ по несогласію на пріоритетъ армейскаго комитета, немедленно вслѣдъ за этимъ получаетъ, по иниціативѣ Ставки, высшее назначеніе — армію на Юго-западномъ фронтѣ.

Генералъ Корниловъ, отказавшійся отъ должности главнокомандующаго войсками петроградскаго округа, « не считая возможнымъ для себя быть невольнымъ свидѣтелемъ и участникомъ разрушенія арміи... Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ », назначается потомъ главнокомандующимъ фронтомъ и Верховнымъ главнокомандующимъ. Меня Керенскій

отстраняетъ отъ должности начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго по несоотвѣтствію видамъ правительства и за явное несочувствіе его мѣропріятіямъ и тотчасъ же допускаетъ къ занятію высокаго поста главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ.

Были и обратныя явленія : Верховный главнокомандующій, генералъ Алексѣевъ долго и тщетно дѣлалъ попытки смѣстить стоявшаго во главѣ Балтійскаго флота выборнаго командующаго, адмирала Максимова, находившагося всецѣло въ рукахъ мятежнаго исполнительнаго комитета Балтійскаго флота. Необходимо было фактическое изъятіе изъ окружающей среды этого принесшаго огромный вредъ командующаго, такъ какъ комитетъ его не выпускалъ, и Максимовъ на всѣ предписанія прибыть въ Ставку отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на критическое положеніе флота...

Только въ началѣ іюня Брусилову удалось избавить отъ него флотъ, цѣною... назначенія начальникомъ морского штаба Верховнаго главнокомандующаго!...

И много еще можно было бы привести примѣровъ невѣроятныхъ контрастовъ въ идейномъ руководствѣ арміей, вызванныхъ столкновеніемъ двухъ противоположныхъ силъ, двухъ міровоззрѣній, двухъ идеологій.

***

Я уже говорилъ раньше, что *весь* командующій генералитетъ былъ совершенно лояленъ въ отношеніи Временного правительства. Самъ позднѣйшій « мятежникъ » — генералъ Корниловъ говорилъ когда-то собранію офицеровъ : « Старое рухнуло! Народъ строитъ новое зданіе свободы, и задача народной арміи всемѣрно поддержать новое правительство въ его трудной, созидательной работѣ »... Командный составъ, если и интересовался вопросами общей политики и соціалистическими опытами коалиціонныхъ правительствъ, то не болѣе, чѣмъ всѣ культурные русскіе люди, не считая ни своимъ правомъ, ни обязанностью привлеченіе войскъ къ разрѣшенію соціальныхъ проблемъ. Только бы сохранить армію и то направленіе внѣшней политики, которое способствовало побѣдѣ. Такая связь команднаго элемента съ правительствомъ — сначала « по любви », потомъ « изъ расчета » — сохранилась вплоть до общаго іюньскаго наступленія арміи, пока еще теплилась маленькая надежда на переломъ армейскихъ настроеній, такъ грубо разрушенная дѣйствительностью. Послѣ наступленія и командный составъ нѣсколько поколебался...

Я скажу болѣе : *весь* старшій командный составъ арміи совершенно одинаково считалъ ту « демократизацію арміи », которую проводило правительство, недопустимой. И, если въ

таблицѣ, приведенной мною выше, мы встрѣтили 65% начальниковъ не оказавшихъ достаточно сильнаго протеста противъ «демократизаціи» (разложенія арміи), то это зависѣло отъ совершенно другихъ причинъ : одни дѣлали это по тактическимъ соображеніямъ, считая, что армія *отравлена* и ее нацо *лечить* такими рискованными противоядіями, другіе — исключительно изъ-за карьерныхъ побужденій. Я говорю не предположительно, а исходя изъ знанія среды и лицъ, со многими изъ которыхъ велъ откровенную бесѣду по этимъ вопросамъ. Генералы, широко образованные и съ большимъ опытомъ, не могли, конечно, проводить искренно и научно такіе «военные» взгляды, какъ напримѣръ : Клембовскій, предлагавшій поставить во главѣ фронта тріумвиратъ изъ главнокомандующаго, комиссара и выборнаго солдата; Квѣцинскій — «снабдить армейскіе комитеты особыми полномочіями отъ военнаго министра и Центральнаго комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, дающими имъ право дѣйствовать отъ имени комитета». Вирановскій, предлагавшій весь командный составъ обратить въ «техническихъ совѣтниковъ», передавъ всю власть комиссарамъ и комитетамъ!»...

Керенскій въ своей книгѣ разсказываетъ про «разгромъ Юго-западнаго фронта», который начался, якобы, «какъ только генералъ Корниловъ перевелъ туда Деникина [1]) и Маркова. Тамъ началось генеральное уничтоженіе всѣхъ командующихъ, сочувственно относившихся къ войсковымъ организаціямъ»... Это не вполнѣ точно : я на Юго-западномъ фронтѣ удалилъ *только одного* генерала Вирановскаго, желая въ арміи имѣть полководцевъ, а не «техническихъ совѣтниковъ». Этотъ эпизодъ вызвалъ рядъ «обличительныхъ» телеграммъ правительству комиссаровъ Гобечіо и Іорданскаго, грозное постановленіе исполнительнаго комитета Юго-западнаго фронта и по совокупности «явно отрицательнаго отношенія моего къ выборнымъ войсковымъ организаціямъ» (послѣднее вполнѣ справедливо) — требованіе, предъявленное Корнилову управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинковымъ и верховнымъ комиссаромъ Филоненко о моемъ отчисленіи [2])...

Какъ все это странно. Передо мною интересный документъ, характеризующій тотъ сумбуръ, который долженъ былъ происходить въ умахъ солдатъ и войсковыхъ организацій : письмо отъ 30 іюня генерала Духонина, бывшаго начальникомъ штаба Юго-западнаго фронта къ генералу Корнилову — тогда командующему 8-ой арміей :

«Милостивый Государь, Лавръ Георгіевичъ! Главнокоман-

---

[1]) Я былъ назначенъ главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта въ концѣ іюля

[2]) 25 августа 1917 года въ Ставкѣ.

дующій по долгу службы приказалъ сообщить Вамъ ниже слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности командира 2-го гвардейскаго корпуса, генерала Вирановскаго и штаба этого корпуса, *полученныя отъ войсковыхъ организацій* и относящіяся къ двадцатымъ числамъ іюня сего года.

Въ корпусѣ создалось настроеніе противъ наступленія. Генералъ В., будучи самъ противникомъ наступленія, заявилъ дивизіоннымъ комитетамъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не поведетъ гвардію на убой. Ведя собесѣдованіе съ дивизіонными комитетами, генералъ В. разъяснялъ всѣ невыгоды и трудности наступленія, выпавшія на долю корпуса, и указывалъ на то, что ни справа, ни слѣва, ни сзади никто не поддержитъ корпусъ. Чины штаба корпуса вообще удивлялись, какъ главнокомандующій могъ давать такія задачи, неразрѣшимость которыхъ ясна даже солдатамъ-делегатамъ. Штабъ корпуса былъ занятъ не тѣмъ, чтобы изыскать способы выполнить поставленную корпусу трудную задачу, а старался доказать, что эта задача невыполнима ».

Бѣдная революціонная демократія! Какъ трудно ей было разбираться въ истинной сущности военныхъ вопросовъ, за разрѣшеніе которыхъ она взялась, и отличить « враговъ » отъ « друзей »...

Позднѣе къ тѣмъ рубрикамъ, которыя приведены въ моей таблицѣ, прибавилась еще одна графа — чистыхъ демагоговъ, какъ, напримѣръ, Черемисовъ [1]), Верховскій [2]), Вердеревскій [3]), Егорьевъ [4]), Сытинъ [5]), Бончъ-Бруевичъ [6]), и другіе. Первые три успѣли выйти кратковременно на верхъ іерархической лѣстницы въ періодъ заката Временного правительства, прочіе — нѣтъ. Но всѣ они, за исключеніемъ Вердеревскаго, какъ и слѣдовало ожидать, заняли довлѣющіе имъ крупные посты въ большевистскомъ командованіи.

Насколько лояленъ былъ высшій командный составъ, можно судить по слѣдующему факту : въ концѣ апрѣля генералъ Алексѣевъ, отчаявшись въ возможности самому лично остановить правительственныя мѣропріятія, ведущія къ разложенію арміи, передъ объявленіемъ знаменитой деклараціи правъ солдата, послалъ главнокомандующимъ шифрованный проэктъ сильнаго и рѣзкаго коллективнаго обращенія отъ арміи къ правительству; обращеніе указывало на ту пропасть, въ которую толкаютъ армію; въ случаѣ одобренія проэкта обраще-

---

[1]) Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ.

[2]) Военный министръ.

[3]) Морской министръ.

[4], [5]) Начальники дивизій.

[6]) Генералъ для порученій на Сѣверномъ фронтѣ и въ Ставкѣ.

нія, его должны были подписать всѣ старшіе чины до начальниковъ дивизій включительно.

Фронты, однако, по разнымъ причинамъ отнеслись отрицательно къ этому способу воздѣйствія на правительство. А временный главнокомандующій Румынскимъ фронтомъ, генералъ Рагоза — позднѣе украинскій военный министръ у гетмана — отвѣтилъ, что видимо русскому народу Господь Богъ судилъ погибнуть, и потому не стоитъ бороться противъ судьбы, а, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, терпѣливо ожидать ея рѣшенія!.. Это — буквальный смыслъ его телеграммы.

Таковы были настроенія и нестроенія на верхахъ арміи.

Что касается категоріи начальниковъ, неуклонно боровшихся противъ развала арміи, то многіе изъ нихъ, независимо отъ большей или меньшей вѣры въ успѣхъ своей работы, независимо отъ ударовъ судьбы, шагъ за шагомъ разрушавшей надежды и иллюзіи, независимо даже отъ предвидѣнія нѣкоторыми того темнаго будущаго, которое уже давало знать о своемъ приближеніи тлетворнымъ дыханіемъ разложенія, — шли по тернистому пути, противъ теченія, считая, что это ихъ долгъ передъ своимъ народомъ. Шли съ поднятой головой, встрѣчая непониманіе, клевету и дикую ненависть, до тѣхъ поръ, пока хватало силъ и жизни.

ГЛАВА XIX.

«Демократизація арміи»: управленіе, служба и бытъ.

Для проведенія «демократизаціи арміи» и вообще реформъ въ военномъ вѣдомствѣ, «соотвѣтствующихъ новому строю», Гучковымъ была учреждена комиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра Поливанова [1]). Въ составъ ея вошли представители отъ военной комиссіи Государственной Думы и отъ Совѣта р. и с. д. Въ морскомъ вѣдомствѣ работала подобная же комиссія подъ предсѣдательствомъ виднаго дѣятеля Государственной Думы Савича. Мнѣ извѣстна болѣе работа первой, и потому я и остановлюсь на ней. Законопроэкты, выработанные въ поливановской комиссіи, предварительно ихъ утвержденія, шли на одобреніе военной секціи Исполнительнаго комитета Совѣта р. и с. д., имѣвшей большой вѣсъ, и часто даже занимавшейся самостоятельнымъ военнымъ законотворчествомъ.

Ни одинъ будущій историкъ русской арміи не сможетъ пройти мимо поливановской комиссіи — этого рокового учрежденія, печать котораго лежитъ рѣшительно на всѣхъ мѣропріятіяхъ, погубившихъ армію. Съ невѣроятнымъ цинизмомъ, граничащимъ съ измѣной Родинѣ, это учрежденіе, въ составъ котораго входило много генераловъ и офицеровъ, назначенныхъ военнымъ министромъ, шагъ за шагомъ, день за днемъ проводило тлетворныя идеи и разрушало разумные устои военнаго строя. Зачастую, задолго до утвержденія, дѣлались достояніемъ печати и солдатской среды такіе законопроэкты, которые въ глазахъ правительства являлись чрезмѣрно демагогическими и не получали впослѣдствіи осуществленія; они, однако, прививались въ арміи и вызывали затѣмъ напоръ на правительство снизу. Военные члены комиссіи какъ будто соперничали другъ передъ другомъ въ смыслѣ раболѣпнаго угожденія новымъ повелителямъ, давая обоснованіе и оправданіе своимъ авторитетомъ ихъ разрушающимъ идеямъ. Лица, присутствовавшія въ комиссіи въ качествѣ докладчиковъ, передавали мнѣ, что въ

[1]) Умеръ въ Ригѣ въ 1920 г., гдѣ состоялъ экспертомъ совѣтскаго правительства въ делегаціи по заключенію мира съ Польшей.

засѣданіяхъ ея можно было услышать иногда протестующій голосъ гражданскихъ лицъ, предостерегающій отъ увлеченій, но военныхъ — почти никогда.

Я затрудняюсь понять психологію этихъ людей, которые такъ быстро и такъ всецѣло подпали подъ вліяніе и власть толпы. Изъ списка военныхъ членовъ комиссіи къ первому мая видно, что большинство изъ нихъ — представители штабовъ и учрежденій, по преимуществу петроградскихъ (25) и только 9 отъ арміи, и то, повидимому, не всѣ они строевые чины. Петроградъ имѣлъ свою психологію, отличную отъ армейской.

Важнѣйшіе и наиболѣе тяжело отразившіеся на арміи демократическіе законы касались организаціи комитетовъ, о которыхъ изложено въ главѣ XX, дисциплинарнаго воздѣйствія, военно-судебныхъ реформъ [1]) и, наконецъ, пресловутой декларацiи правъ солдата.

Дисциплинарная власть начальниковъ упразднена вовсе. Ее восприняли дисциплинарные ротные и полковые суды. Они же должны были разрѣшать « недоразумѣнія », возникавшія между солдатами и начальниками.

О значеніи лишенія дисциплинарной власти начальника говорить много не приходится : этимъ актомъ вносилась полная анархія во внутреннюю жизнь войсковыхъ частей и дискредитировался *закономъ* начальникъ. Послѣднее обстоятельство имѣетъ первостепенное значеніе. И революціонная демократія использовала этотъ пріемъ во всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ, актахъ своего правотворчества.

Судебныя реформы имѣли своею конечной цѣлью ослабленіе вліянія въ процессѣ назначаемыхъ военныхъ судей, введеніе института присяжныхъ и общее значительное ослабленіе судебной репрессіи.

Упразднены военно-полевые суды, каравшіе быстро и на мѣстѣ за рядъ очевидныхъ и тяжкихъ воинскихъ преступленій, какъ то измѣна, бѣгство съ поля сраженія и т. д.

Отмѣнено заочное разбирательство дѣлъ о побѣгѣ къ непріятелю воинскихъ чиновъ и добровольной сдачѣ въ плѣнъ, чѣмъ была возложена на правительственные и общественные органы забота о матеріальномъ положеніи семействъ завѣдомыхъ измѣнниковъ, наравнѣ съ дѣйствительными защитниками родины.

По проэкту присяжнаго повѣреннаго Грузенберга военно-окружный судъ долженъ былъ имѣть составъ : одного предсѣдателя-юриста и шесть [2]) выборныхъ членовъ (3 офицера и

---

[1]) Важнѣйшія изъ реформъ военно-судебнаго и военно-уголовнаго характера проводились въ особой комиссіи подъ сильнымъ вліяніемъ начальника главнаго военно-суднаго управленія, генерала Апушкина.

[2]) Въ мирное время 8.

3 солдата), причемъ эта коллегія не только рѣшала вопросъ о виновности подсудимаго (безъ предсѣдателя), но и вопросъ о наказаніи, идя, такимъ образомъ, по пути расширенія правъ присяжныхъ значительно дальше гражданскаго судопроизводства.

Характерно, что Главное военно-судное управленіе задолго до переформированія судовъ, минуя Ставку, предписало арміямъ, « ввиду предстоящей демократизаціи судовъ », пріостановить разборъ дѣлъ... Такимъ образомъ, около 1½ мѣсяца военные суды не дѣйствовали вовсе.

Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ института присяжныхъ для общаго гражданскаго суда и общегражданскихъ преступленій, я считаю его совершенно недопустимымъ въ области цѣлаго ряда чисто воинскихъ преступленій, и въ особенности въ области нарушенія военной дисциплины. Война — явленіе слишкомъ суровое, слишкомъ безпощадное, чтобы можно было регулировать его мѣрами столь гуманными. Психологія « подчиненнаго » рѣзко расходится въ этомъ отношеніи съ психологіей начальника, рѣдко подымаясь до яснаго пониманія государственной необходимости. Какъ могъ составъ присяжныхъ, вышедшихъ изъ той же среды, что и комитеты, не раздѣлить ихъ шаткаго и перемѣнчиваго мышленія въ области политики и въ особенности военной дисциплины? Если организованная и крѣпкая армія можетъ управляться только единой волей вождя, а не желаніемъ «большинства», олицетворяемаго выборными коллективными органами, то и жизнь и воля ея должна регулироваться твердымъ яснымъ закономъ, не подверженнымъ воздѣйствію психологическихъ и политическихъ колебаній момента. Верховная власть можетъ прекратить войну, измѣнить законъ, изгнать вождей и распустить войска. Но пока существуетъ армія и ведется война, законъ и начальникъ должны обладать всей силой пресѣченія и принужденія, направляющей массу къ осуществленію цѣлей войны.

« Демократизація » военнаго суда могла-бы имѣть нѣкоторое оправданіе развѣ только въ томъ, что, подорвавъ довѣріе къ офицерству вообще, надо было создать и судебные органы смѣшаннаго, выборнаго состава, то есть, теоретически заслуживающаго большаго довѣрія революціонной демократіи.

Но и эта цѣль достигнута не была. Ибо военный судъ — одинъ изъ устоевъ порядка въ арміи — попалъ всецѣло во власть толпы. Органы сыска были разгромлены революціонной демократіей. Слѣдственное производство встрѣчало непреодолимыя препятствія со стороны вооруженныхъ людей, а иногда и войсковыхъ революціонныхъ учрежденій. Вооруженная толпа, заключавшая въ себѣ зачастую много преступныхъ элементовъ, всей своей необузданной, темной силой давила на судейскую совѣсть, предрѣшая судебные приговоры. Разгромы корпусныхъ судовъ, спасеніе бѣгствомъ присяжныхъ засѣдателей,

позволившихъ себѣ вынести неугодный толпѣ приговоръ, или расправа съ ними — явленія заурядныя. Въ Кіевѣ слушалось дѣло извѣстнаго большевика штабсъ-капитана гвардейскаго гренадерскаго полка Дзевалтовскаго [1]), обвинявшагося, совмѣстно съ 78 сообщниками, въ отказѣ принять участіе въ наступленіи и въ увлеченіи своего полка и другихъ частей въ тылъ. Процессъ происходилъ при слѣдующей обстановкѣ : въ самомъ залѣ засѣданія присутствовала толпа вооруженныхъ солдатъ, выражавшая громкими криками свое одобреніе подсудимымъ; Дзевалтовскій по дорогѣ изъ гауптвахты въ судъ заходилъ вмѣстѣ съ конвоирами въ мѣстный Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, гдѣ ему устроена была овація; наконецъ, во время совѣщанія присяжныхъ, передъ зданіемъ суда выстроились вооруженные запасные баталіоны съ оркестромъ музыки и пѣніемъ « Интернаціонала ». Дзевалтовскій и всѣ его соучастники были, конечно, оправданы.

Такимъ образомъ военный судъ мало-по-малу былъ упраздненъ.

Было бы ошибочно, однако, приписывать новое направленіе въ области юридическаго творчества исключительно давленію совѣтовъ. Оно находило оправданіе и въ образѣ мыслей Керенскаго, который говорилъ : « я думаю, что насиліемъ и механическимъ принужденіемъ въ настоящихъ условіяхъ войны, гдѣ дѣйствуютъ огромныя массы, добиться ничего невозможно. Временное правительство за три мѣсяца работы убѣдилось въ необходимости обращенія къ разуму, совѣсти и долгу гражданъ и въ томъ, что этимъ можно достигнуть желательныхъ результатовъ » [2]).

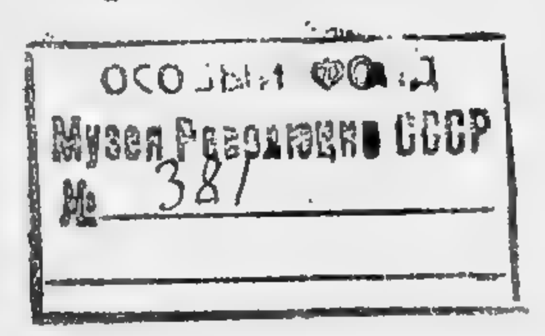
Въ самомъ началѣ революціи, указомъ 12 марта Временное правительство отмѣнило смертную казнь. Либеральная печать встрѣтила этотъ актъ рядомъ патетическихъ статей, выражавшихъ мысли весьма гуманныя, но лишенныя пониманія обстановки, въ которой живетъ армія и всякаго предвидѣнія. Русскій аболюціонистъ, управляющій дѣлами Временного правительства Набоковъ писалъ по этому поводу : «Отрадное событіе — признакъ истиннаго великодушія и проницательной мудрости... Смертная казнь отмѣнена безусловно и навсегда... Навѣрно ни въ одной странѣ нравственный протестъ противъ этого худшаго вида убійства не достигалъ такой потрясающей силы, какъ у насъ... Россія присоединилась къ государствамъ, не знающимъ болѣе стыда и позора судебныхъ убійствъ » [3]).

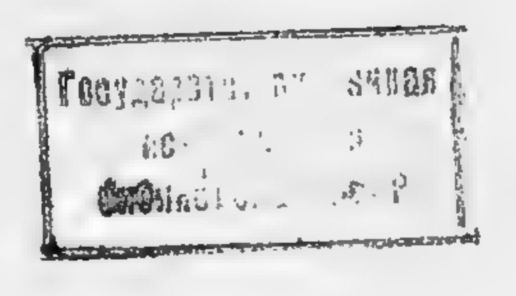
Интересно, что министерство юстиціи представило все-же на утвержденіе власти два проэкта, причемъ въ одномъ изъ

[1]) Въ 1921 г. совѣтскій посолъ въ Китаѣ.

[2]) Рѣчь 20 мая въ Ставкѣ.

[3]) « Рѣчь » отъ 18 марта 1917 года.

нихъ смертная казнь оставлялась, какъ кара за тягчайшія воинскія преступленія (шпіонство и измѣна); однако, *военно-судебное* вѣдомство, возглавлявшееся генераломъ Апушкинымъ, категорически высказалось за полную отмѣну смертной казни.

Но настали іюльскіе дни. Россію, привыкшую уже къ анархическимъ вспышкамъ, все-же поразилъ тотъ ужасъ, который повисъ на поляхъ битвы въ Галиціи, у Калуша и Тарнополя. Какъ хлыстомъ ударили по « революціонной совѣсти » телеграммы правительственныхъ комиссаровъ Савинкова и Филоненко, а также и генерала Корнилова, потребовавшихъ немедленнаго возстановленія смертной казни. « Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей — писалъ Корниловъ 11 іюля — не ограждаемыхъ властью отъ систематическаго разложенія и развращенія, потерявшихъ чувство человѣческаго достоинства, бѣжитъ. На поляхъ, которыя нельзя даже назвать полями сраженія, царитъ сплошной ужасъ, позоръ и срамъ, которыхъ русская армія еще не знала съ самаго начала своего существованія... Мѣры правительственной кротости расшатали дисциплину, онѣ вызываютъ безпорядочную жестокость ничѣмъ не сдерживаемыхъ массъ. Эта стихія проявляется въ насиліяхъ, грабежахъ и убійствахъ... Смертная казнь спасетъ многія невинныя жизни цѣной гибели немногихъ измѣнниковъ, предателей и трусовъ ».

12 іюля правительствомъ возстановлена смертная казнь и военно-революціонные суды, замѣнившіе собою прежніе военно-полевые. Разница заключалась въ томъ, что составъ новыхъ судовъ — выборный (3 офицера и 3 солдата) изъ списка присяжныхъ или изъ состава войсковыхъ комитетовъ. Впрочемъ, вызванная давленіемъ на правительство командованія, комиссаровъ, комитетовъ мѣра эта (возстановленіе смертной казни) заранѣе была обречена на неудачу : Керенскій впослѣдствіи на « Демократическомъ совѣщаніи » оправдывался передъ демократіей : « подождите, чтобы хоть одинъ смертный приговоръ былъ подписанъ мною и тогда я позволю вамъ проклинать меня »... Съ другой стороны, составъ судовъ и приведенныя выше условія ихъ дѣятельности также не могли способствовать проведенію ея въ жизнь : почти не находилось ни судей, способныхъ вынести смертный приговоръ, ни комиссаровъ, желающихъ утвердить его. По крайней мѣрѣ, на моихъ фронтахъ подобныхъ случаевъ не было. На ряду съ этимъ черезъ два мѣсяца дѣятельности военно-революціонныхъ судовъ въ военно-судномъ управленіи накопилась богатая литература, какъ отъ военныхъ начальниковъ, такъ и отъ комиссаровъ, установившихъ « вопіющія нарушенія нормъ судопроизводства, неопытность и невѣжество судей »... [1]).

---

[1]) Комиссаріатъ Юго-западнаго фронта.

Къ числу карательныхъ мѣръ, проводившихся въ порядкѣ верховнаго управленія или командованія, относится расформированіе мятежныхъ полковъ. Недостаточно продуманная мѣра эта вызвала совершенно неожиданныя послѣдствія: провокацію мятежа, именно, съ цѣлью расформированія. Ибо моральные элементы — честь, достоинство полка — давно уже обратились въ смѣшные предразсудки. А реальныя выгоды расформированія для солдатъ были несомнѣнны: полкъ уводился надолго изъ боевой линіи, мѣсяцами расформировывался, составъ его много времени развозился по новымъ частямъ, которыя такимъ путемъ засорялись элементомъ бродящимъ и преступнымъ. Всей тяжестью своей это мѣропріятіе, въ которомъ на ряду съ военнымъ министерствомъ и комиссарами виновна и Ставка, въ концѣ концовъ, ложилось опять таки на неповинный офицерскій составъ, терявшій свой полкъ — семью, свои должности и принужденный скитаться по новымъ мѣстамъ или переходить на бѣдственное положеніе резерва.

Кромѣ полученнаго такимъ путемъ отрицательнаго элемента, войсковыя части пополнялись и непосредственно обитателями уголовныхъ тюремъ и каторги въ силу широкой амнистіи, данной правительствомъ преступникамъ, которые должны были искупить свой грѣхъ въ рядахъ дѣйствующей арміи. Эта мѣра, противъ которой я безнадежно боролся, дала намъ и отдѣльный полкъ арестантовъ—подарокъ Москвы, и прочные анархистскіе кадры въ запасные баталіоны. Наивная и неискренняя аргументація законодателя, что преступленія были совершены въ силу условій царскаго режима, и что свободная страна сдѣлаетъ бывшихъ преступниковъ самоотверженными бойцами, не оправдалась. Въ тѣхъ гарнизонахъ, гдѣ почему либо болѣе густо сконцентрировались амнистированные уголовные — они стали грозой населенія, еще не видавъ фронта. Такъ, въ іюнѣ, въ томскихъ войсковыхъ частяхъ шла широкая пропаганда массоваго грабежа и уничтоженія всѣхъ властей; изъ солдатъ составлялись огромныя шайки вооруженныхъ грабителей, которыя наводили ужасъ на населеніе. Комиссаръ, начальникъ гарнизона совмѣстно со всѣми мѣстными революціонными организаціями предприняли походъ противъ грабителей, и послѣ боя изъяли изъ состава гарнизона ни болѣе, ни менѣе, какъ 2.300 амнистированныхъ уголовныхъ.

Преобразованія должны были коснуться всего высшаго управленія арміей и флотомъ, но поливановская и савичевская комиссіи провести ихъ не успѣли, будучи распущены Керенскимъ, сознавшимъ, наконецъ, весь вредъ, ими принесенный. Комиссіи успѣли лишь подготовить демократизацію высшихъ учрежденій Военнаго и Морского Совѣтовъ путемъ введенія въ нихъ выборныхъ солдатъ. Это обстоятельство имѣетъ тѣмъ болѣе курьезный характеръ, что по мысли законодателя эти Совѣты

должны были состоять изъ людей, богатыхъ знаніемъ и опытомъ и способныхъ разрѣшать вопросы организаціи, службы, быта, военно-морского законодательства и финансовыхъ смѣтъ вооруженныхъ силъ Россіи. Такое влеченіе некультурной части демократіи къ чуждымъ ей сферамъ дѣятельности имѣло и дальнѣйшее широкое развитіе. Такъ, напримѣръ, многими военными училищами правили до извѣстной степени комитеты изъ училищной прислуги, въ большинствѣ даже неграмотной, а въ дни большевизма въ составъ совѣтовъ въ университетахъ входили не только профессора и студенты, но и сторожа.

Я не буду останавливаться на мелкихъ работахъ комиссіи по реорганизаціи арміи и измѣненію уставовъ и перейду къ наиболѣе крупнымъ изъ нихъ — комитетамъ и «декларацій правъ солдата».

ГЛАВА XX.

«Демократизація арміи»: комитеты

Важнѣйшимъ факторомъ демократизаціи явились выборныя коллегіальныя учрежденія, начиная отъ военной секціи Совѣта р. и с. д. и кончая *комитетами* и *совѣтами* разнаго наименованія въ воинскихъ частяхъ и управленіяхъ арміи, флота и тыла; учрежденія войсковыя смѣшаннаго типа (офицерско-солдатскія), чисто солдатскія и солдатско-рабочія.

Комитеты и совѣты возникали вездѣ, какъ одна изъ общеизвѣстныхъ формъ революціонной организаціи, выработанная до революціи и санкціонированная въ началѣ ея приказомъ № 1. Въ Петроградѣ выборы отъ войскъ въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ назначены были 27 февраля, а первые войсковые комитеты появились въ силу извѣстнаго приказа № 1, 1-го марта; въ Москвѣ избраніе солдатъ въ мѣстный совѣтъ р. д. произошло въ первые-же дни революціи и 3 марта было подтверждено приказомъ «заурядъ-командовавшаго» войсками округа, подполковника Грузинова. Къ апрѣлю и въ арміи, и въ тылу почти повсюду дѣйствовали уже самочинные комитеты и совѣты разнаго наименованія, состава и круга дѣятельности, вносившіе невѣроятный сумбуръ въ стройную систему военной іерархіи и организаціи.

Въ первый мѣсяцъ революціи правительство и военная власть не принимали никакихъ мѣръ ни къ ликвидаціи, ни къ введенію въ извѣстныя рамки этого опаснаго явленія. Недооцѣнивая вначалѣ его возможныя послѣдствія, расчитывая на сдерживающее вліяніе въ новыхъ организаціяхъ офицерскаго элемента, пользуясь иногда комитетами для сглаживанія острыхъ вспышекъ въ солдатской средѣ, какъ пользуется врачъ малыми дозами яда, вводимыми въ больной человѣческій организмъ, правительство и командованіе отнеслись къ возникновенію этихъ военныхъ организацій съ колебаніемъ, нерѣшительностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ полупризнаніемъ. Гучковъ въ Яссахъ (9 апрѣля) говорилъ военнымъ делегатамъ: «Скоро состоится съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ организацій арміи, тогда будетъ выработанъ и общій нормальный уставъ. Пока-же *организуйтесь, какъ умѣете*, пользуйтесь существующими организаціями и работайте надъ общимъ единеніемъ».

Въ Минскѣ на торжественномъ открытіи съѣзда военныхъ и рабочихъ депутатовъ Западнаго фронта, 7 апрѣля, присутствовали и выступали съ рѣчами какъ предсѣдатель Исполнительнаго комитета Государственной Думы Родзянко, такъ и предсѣдатель Совѣта р. и с. д. Чхеидзе и главнокомандующій Западнымъ фронтомъ генералъ Гурко... Что касается Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то онъ въ самой категорической формѣ требовалъ введенія въ арміи солдатскихъ организацій, считая ихъ главнымъ основаніемъ демократизаціи.

Къ апрѣлю положеніе настолько запуталось, что власть не могла долѣе отстранять отъ себя рѣшеніе вопроса о комитетахъ. Въ концѣ марта въ Ставкѣ состоялось совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Верховный главнокомандующій, министръ Гучковъ, его помощники и чины штаба. Участвовалъ и я, какъ будущій начальникъ штаба Верховнаго главнокомандующаго. Совѣщанію предложенъ былъ готовый проэктъ закона, привезенный изъ Севастополя полковникомъ генеральнаго штаба Верховскимъ [1], составленный на основаніи положенія уже дѣйствовавшаго въ Черноморскомъ флотѣ.

Диспутъ свелся къ борьбѣ двухъ крайнихъ мнѣній, представленныхъ мною и Верховскимъ.

Верховскій тогда уже началъ свою слегка демагогическую дѣятельность, на первыхъ порахъ снискавшую ему расположеніе въ солдатско-матросской средѣ. За нимъ былъ опытъ, хотя и кратковременный, организаціи этой среды, доказательность приведеніемъ множества бытовыхъ примѣровъ — не знаю изъ жизни или изъ области фантазіи — эластичность убѣжденій и импонирующее краснорѣчіе. Онъ идеализировалъ комитеты, доказывалъ ихъ большую пользу и необходимость, даже государственность, какъ начала, регулирующаго безформенное стихійное солдатское движеніе, горячо отстаивалъ расширеніе круга вѣдѣнія и правъ комитетовъ.

Я указалъ, что введеніе комитетовъ — мѣра, которую не въ состояніи будетъ переварить армейскій организмъ, что оно равносильно разрушенію арміи. И, если власть не въ силахъ побороть это явленіе, то необходимо ослабить его опасныя послѣдствія. Средствами для этого я считалъ ограниченіе дѣятельности комитетовъ хозяйственными функціями, усиленіе въ составѣ ихъ офицерскаго элемента и пріостановку развитія организаціи вверхъ, чтобы не создавать объединенія и возглавленія ея въ крупныхъ войсковыхъ соединеніяхъ, какими являлись дивизіи, арміи и фронты. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось отстоять свои положенія лишь въ самой незначительной степени, и 30 марта вышелъ приказъ Верховнаго главнокомандующаго № 51 « о переходѣ къ новымъ формамъ жизни », при-

[1]) Будущій военный министръ.

зывавшій « офицеровъ, солдатъ и матросовъ къ дружной отъ сердца совмѣстной работѣ въ дѣлѣ водворенія въ войсковыхъ частяхъ строгаго порядка и прочной дисциплины ».

Общія начала «положенія» заключались въ слѣдующемъ :

1) *основныя задачи* всей организаціи : а) усиленіе боевой мощи арміи и флота, дабы довести войну до побѣднаго конца; б) выработка новыхъ формъ жизни воина-гражданина свободной Россіи; в) содѣйствіе просвѣщенію среди арміи и флота.

2) *форма организаціи* : постоянные органы — *комитеты* ротные, полковые, дивизіонные и армейскіе; временные органы — *съѣзды* корпусные, фронтовые и центральный при Ставкѣ; послѣдній выдѣляетъ *постоянный совѣтъ* [1]).

3) *Съѣзды* созываются соотвѣтственными начальниками или же по иниціативѣ армейскихъ комитетовъ. *Всѣ постановленія* съѣздовъ и комитетовъ прежде опубликованія утверждаются соотвѣтственными начальниками.

4) *Кругъ вѣдѣнія* комитетовъ ограничивался вопросами поддержанія порядка и боеспособности (дисциплина, борьба съ дезертирствомъ и т. д.) внутренняго быта (увольненія въ отпускъ, взаимоотношенія и т. д.), хозяйственными (контроль надъ довольствіемъ и снабженіемъ) и просвѣтительными.

5) *Вопросы боевой подготовки и обученія* части безусловно никакому обсужденію не подлежатъ.

6) *Составъ комитетовъ* опредѣлялся пропорціей выборныхъ представителей — одинъ офицеръ на двухъ солдатъ.

Для характеристики паденія дисциплины на верхахъ, я долженъ упомянуть о распоряженіи генерала Брусилова, отданномъ тотчасъ по полученіи « положенія », очевидно подъ вліяніемъ войсковыхъ организацій : изъ ротныхъ комитетовъ этимъ распоряженіемъ офицеры исключались вовсе, а въ высшихъ комитетахъ пропорція офицеровъ уменьшалась до ⅓ и даже 1/6...

Но прошло всего лишь двѣ недѣли, и военное министерство, не считаясь со Ставкой, опубликовало свое, новое положеніе, составленное въ знаменитой Поливановской комиссіи при участіи представителей Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ [2]). Это новое « положеніе » вводило существенныя поправки : офицерскій составъ комитетовъ уменьшенъ ; дивизіонные комитеты изъяты [3]); въ число задачъ комитетовъ вошло « принятіе законныхъ мѣръ противъ злоупотребленій и превышеній власти должностныхъ лицъ своей части »; если ротному комитету воспрещалось « касаться боевой подготовки и боевыхъ

[1]) Такимъ образомъ приказъ въ смыслѣ возглавленія организаціи пошелъ даже далѣе требованій, шедшихъ тогда снизу.

[2]) Предсѣдатель секціи — генералъ Апушкинъ.

[3]) Фактически сохранились и дивизіонные, и корпусные.

сторонъ дѣятельности части », то такой оговорки относительно полковыхъ комитетовъ уже не было; при этомъ командиръ полка могъ обжаловать, но не имѣлъ права пріостановить постановленіе комитета; наконецъ, на комитеты возлагалась обязанность входить въ сношенія съ политическими партіями, безъ всякаго ограниченія, о посылкѣ въ части депутатовъ, ораторовъ и литературы для разъясненія программъ передъ выборами въ Учредительное Собраніе.

Этотъ актъ, санкціонировавшій превращеніе арміи во время тяжкой войны въ арену для политической борьбы и лишавшій начальника права быть хозяиномъ своей части, явился однимъ изъ главныхъ этаповъ по пути разрушенія арміи. Интересно сопоставить взглядъ по этому вопросу въ арміи анархиста Махно, выраженный въ приказѣ одного изъ его « командующихъ войсками » Володина, отъ 10 ноября 1919 года :

« Въ виду того, что всякая партійная агитація въ данный боевой моментъ вноситъ сильную разруху въ чисто боевую работу повстанческой арміи, категорически объявляю всему населенію, что всякая партійная агитація до окончательной побѣды надъ бѣлыми, мною совершенно воспрещена »...

Черезъ нѣсколько дней, въ виду протеста Ставки, военное министерство приказало немедленно « пріостановить введеніе въ жизнь приказа въ части, касающейся комитетовъ. Тамъ, гдѣ таковые уже организованы, *можно ихъ оставить*, чтобы не вносить путаницы и дезорганизаціи ». Министерство признало необходимымъ переработать главу о комитетахъ на основаніяхъ приказа Верховнаго главнокомандующаго, « болѣе отвѣчающаго нуждамъ войскъ »...

Такимъ образомъ, армія къ серединѣ апрѣля имѣла многочисленныя системы войсковой организаціи : свои нелегальныя, созданныя до апрѣля, установленную Ставкой и вводимую министерствомъ [1]). Эти противорѣчія, перемѣны, перевыборы могли бы поставить части въ большое затрудненіе, если бы комитеты сами не упростили вопроса : они отбросили всѣ сдерживающія и регулирующія рамки и начали дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

---

1) Вотъ перечень общихъ армейскихъ организацій при штабѣ одной изъ армій Сѣвернаго фронта, не считая множества мѣстныхъ — въ каждой отдѣльной части, управленіи и командѣ :

1. Армейскій комитетъ (основной).
2. Отдѣлъ офицерскаго союза.
3. Исполнительный комитетъ военныхъ врачей.
4. « « ветеринарныхъ врачей.
5. « « сестеръ милосердія.
6. « « военно-медицинскихъ фельдшеровъ.
7. « « военно-ветеринарныхъ фельдш.
8. « « солдатъ-литовцевъ.

Наконецъ, во всѣхъ населенныхъ пунктахъ, гдѣ только квартировали войска или военныя учрежденія, образовались мѣстные солдатскіе совѣты или совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, не подчинявшіеся никакимъ нормамъ и сдѣлавшіе своей главной спеціальностью укрытіе дезертировъ и беззастѣнчивую эксплоатацію городскихъ и земскихъ управленій и населенія. Съ ними власть не боролась вовсе, ихъ не трогали, и только въ концѣ августа военное министерство, выведенное изъ терпѣнія безчинствами этихъ « тыловыхъ учрежденій », сообщило печати, что оно *« предполагаетъ* заняться разработкой особаго положенія о нихъ ».

Кто же входилъ въ составъ комитетовъ? Настоящаго боевого элемента, живущаго интересами арміи, понимающаго условія ея быта, проникнутаго военными традиціями, въ нихъ было очень мало. Доблесть, мужество, преданность долгу — всѣ эти невѣсомыя цѣнности не имѣли спроса на аренѣ митинговаго строительства новой жизни. Солдатская масса — къ великому сожалѣнію невѣжественная, неграмотная, уже развращенная, недовѣрявшая своимъ начальникамъ, выбирала своими представителями по преимуществу людей, импонировавшихъ ей хорошо связанной рѣчью, внѣшней политической полировкой, вынесенной изъ откровеній партійной литературы ; но больше всего — беззастѣнчивымъ угожденіемъ ея инстинктамъ. Какъ могъ состязаться съ ними настоящій воинъ, призывавшій къ исполненію долга, повиновенію и къ борьбѣ за Родину, не щадя жизни. Хорошіе офицеры, если и выбирались въ нисшіе комитеты, то рѣдко проходили въ высшіе, растворяясь въ чуждой имъ средѣ и постепенно отсѣиваясь. У нихъ не было ни довѣрія среди солдатъ, ни желанія работать въ комитетахъ, ни, можетъ быть, достаточнаго политическаго образованія. Въ высшихъ комитетахъ скорѣе можно было найти хорошаго и государственно мыслящаго солдата, чѣмъ офицера, ибо человѣкъ въ солдатскомъ мундирѣ могъ говорить толпѣ то, что она не позволила бы сказать офицеру.

9.	Исполнительный	комитетъ	солдатъ-поляковъ.
10.	«	«	« -украинцевъ.
11.	«	«	« -мусульманъ.
12.	«	«	« -эстонцевъ.
13.	«	«	« -грузинъ.
14.	«	«	военныхъ чиновниковъ.
15.	«	«	чиновъ интендантства.
16.	«	«	чиновъ авто-технической службы.
17.	«	«	заурядъ военныхъ чиновниковъ.
18.	«	«	чиновъ радіо-телеграфа.
19.	«	«	нестроевыхъ чиновъ арміи.
20.	«	«	призванныхъ 4-ой категоріи.
21.	Общество офицеровъ генеральнаго штаба арміи.		

Русская армія стала управляться комитетами, составленными изъ элементовъ чуждыхъ ей, большею часть случайно попавшихъ въ ея ряды, представлявшихъ скорѣе межпартійные соціалистическіе, нежели военные органы.

Казалось въ высокой степени страннымъ и обиднымъ для арміи то обстоятельство, что во главѣ фронтовыхъ съѣздовъ, представлявшихъ нѣсколько милліоновъ бойцовъ, множество отличныхъ частей со старой и славной исторіей, имѣвшихъ въ рядахъ своихъ офицеровъ и солдатъ, которыми могла бы гордиться всякая армія въ мірѣ, что во главѣ этихъ съѣздовъ были поставлены такіе чуждые ей люди : Западнаго фронта — штатскій, еврей, с.-д. большевикъ Познеръ; Кавказскаго — штатскій, с.-д. меньшевикъ, грузинскій шовинистъ Гегечкори; Румынскаго — соц.-рев., врачъ, грузинъ Лордкипанидзе.

Весьма любопытна оцѣнка изъ другого міра, данная составу тогдашнихъ военныхъ организацій Бронштейномъ (Троцкимъ) : «Армія должна была послать своихъ представителей въ революціонныя организаціи ранѣе, чѣмъ ея политическое самосознаніе могло подняться хоть въ слабой степени до уровня революціонныхъ событій... Слѣдовательно, кого же солдаты могли выбрать депутатами? Конечно, тѣхъ изъ своей среды, которые представляли въ ней интеллигенцію и полуинтеллигенцію, т. е. тѣхъ, которые обладали хотя бы самымъ малымъ политическимъ образованіемъ и которые могли его использовать. Такимъ образомъ, внезапно интеллигенты изъ мелкой буржуазіи достигли волею арміи небывалыхъ высотъ. Врачи, инженеры, адвокаты, вольноопредѣляющіеся, которые передъ войной вели самый обыкновенный образъ жизни и никогда не претендовали ни на какую высокую роль, очутились вдругъ представителями армейскихъ корпусовъ и даже цѣлыхъ армій. И они сразу почувствовали себя « вожаками » революціи. Ихъ политическая идеологія соотвѣтствовала какъ нельзя лучше колебаніямъ и недостаточной сознательности въ революціонныхъ массахъ... Въ то же время эта мелкая демократическая буржуазія въ своей гордости революціонныхъ «parvenus» испытывала глубочайшее недовѣріе и къ своимъ собственнымъ силамъ и въ отношеніи массы, которая все же изумительно выросла. Несмотря на то, что эти интеллигенты называли себя соціалистами и считались таковыми, они относились къ политическому всемогуществу крупной буржуазіи, къ ея знаніямъ и методамъ съ плохо скрываемымъ почтеніемъ » [1]).

* * *

Чѣмъ же занимались эти войсковыя организаціи, которыя должны были перестроить на новыхъ началахъ « самую свобод-

---

[1]) Троцкій. L'avènement du bolchevisme. 1919 г.

ную армію въ мірѣ? » [1]) Я приведу перечень вопросовъ [2]), подвергавшихся обсужденію, съ большими или меньшими варіантами, на фронтовыхъ съѣздахъ, давшихъ затѣмъ соотвѣтственное направленіе фронтовымъ и нисшимъ комитетамъ.

1) Объ отношеніи къ правительству, Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Учредительному Собранію.

2) Объ отношеніи къ войнѣ и миру.

3) О демократической республикѣ, какъ желательной формѣ государственнаго устройства.

4) Аграрный вопросъ.

5. Рабочій вопросъ.

Внесеніе всѣхъ этихъ жгучихъ политическихъ и соціальныхъ проблемъ, разрѣшаемыхъ радикально, часто демагогически, возбуждавшихъ партійную, классовую и корпоративную борьбу и вражду — въ поколебленную и безъ того армію, стоявшую лицомъ къ лицу съ сильнымъ и жестокимъ противникомъ, не могло пройти безъ потрясенія. Но и въ вопросахъ военной службы и быта на первомъ же съѣздѣ (Минскомъ), пользовавшемся исключительнымъ вниманіемъ военной и гражданской власти, прозвучали нотки, заставившія насъ сильно призадуматься : званіе «офицера» упразднить, единоличную дисциплинарную власть упразднить, предоставить комитетамъ право устраненія плохо аттестуемыхъ ими начальниковъ и т. д....

Съ первыхъ же дней своего существованія комитеты повели борьбу за расширеніе своихъ правъ въ широкомъ діапазонѣ отъ « права участія въ *управленіи* арміей » до формулы « вся власть совѣтамъ » (комитеты — какъ полномочные органы совѣта).

Впрочемъ, первое время отношеніе войсковыхъ комитетовъ къ Временному правительству было вполнѣ лояльнымъ и, чѣмъ ниже комитетъ, тѣмъ отношеніе лучше. Цѣлый рядъ постановленій о безпрекословномъ подчиненіи Временному правительству, рядъ привѣтствій, делегацій, высланныхъ войсками, которыхъ безпокоили слухи о двоевластіи и противодѣйствіи правительству со стороны Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — все это заполняетъ весенніе столбцы петроградскихъ газетъ. Позднѣе, вслѣдствіе агитаціонной работы пріобрѣтавшаго все большее значеніе Совѣта, это настроеніе переживало различные фазисы, получивъ наиболѣе яркую директиву въ приведенной мною ранѣе резолюціи Съѣзда делегатовъ Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ началѣ апрѣля : « Совѣщаніе призываетъ революціонную демократію Россіи, организуясь и сплачивая свои силы вокругъ совѣтовъ, быть готовой дать рѣ-

[1]) Опредѣленіе Керенскаго.

[2]) Кромѣ вопросовъ, подлежавшихъ дѣйствительно ихъ компетенціи.

шительный отпоръ всякой попыткѣ правительства уйти изъ подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ ».

Если высшіе комитеты увлекались болѣе политической дѣятельностью и углубленіемъ въ арміи « революціонныхъ началъ », то нисшіе постепенно начали овладѣвать вопросами службы, быта и жизни войсковыхъ частей, устраняя, ослабляя и дискредитируя власть командного состава. Понемногу установилось фактическое право смѣщенія и выбора начальниковъ, ибо положеніе начальника, которому « выразили недовѣріе », становилось нетерпимымъ. Такимъ путемъ, напримѣръ, на Западномъ фронтѣ, войсками котораго я командовалъ, къ іюлю мѣсяцу ушло до 60 старшихъ начальниковъ, отъ командира корпуса до полкового командира включительно.

Но наиболѣе страшнымъ явилось стремленіе комитетовъ, по своей инициативѣ и подъ давленіемъ войскъ, вторгаться и въ чисто боевыя тактическія распоряженія начальниковъ, затрудняя до нельзя или ставя иногда въ положительную невозможность веденіе операцій.

Связанный, спутанный, обезличенный, лишенный власти, и поэтому безотвѣтственный начальникъ, не могъ уже вести съ увѣренностью войска на поле побѣды и смерти...

Но такъ какъ власти не стало, начальникамъ поневолѣ приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ комитетамъ, которые дѣйствительно иногда вліяли умиротворяюще на разбушевавшихся солдатъ, вели борьбу съ дезертирствомъ, улаживали обостренныя отношенія между офицерами и солдатами, призывали къ исполненію приказовъ и вообще поддерживали, внѣшнія по крайней мѣрѣ, подпорки зданія, начинавшаго давать сильныя трещины.

Эта положительная сторона дѣятельности нѣкоторыхъ комитетовъ до сихъ поръ еще вводитъ въ заблужденіе ихъ апологетовъ, въ томъ числѣ Керенскаго. Я не могу спорить съ людьми, думающими, что можно возвести зданіе — одинъ день ставя срубъ, а на другой — растаскивая бревна.

Какъ на положительную сторону дѣятельности комитетовъ, указываютъ и на личное участіе ихъ членовъ въ наступленіи, ознаменованное гибелью нѣкоторыхъ изъ нихъ... Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые члены комитетовъ исполнили честно свой долгъ, но въ результатѣ и на Юго-западномъ фронтѣ, гдѣ комитеты пользовались исключительнымъ вниманіемъ главнаго командованія (Брусиловъ, Гуторъ) и у меня, на Западномъ фронтѣ — всѣ они сознались въ полномъ своемъ безсиліи не только двинуть войска впередъ, но и « остановить ихъ безумное, паническое бѣгство ». Это обстоятельство станетъ еще болѣе понятнымъ, когда мы увидимъ ниже, *кто* входилъ въ составъ комитетовъ.

Такъ шла видимая и невидимая работа войсковыхъ организацій, чередуясь между патріотическими призывами и интернаціоналистическими лозунгами, между помощью командирамъ и ихъ низверженіемъ, между выраженіемъ довѣрія или недовѣрія Временному правительству и ультимативнымъ требованіемъ новыхъ сапогъ и суточныхъ денегъ членамъ комитета... Бытописатель русской арміи, изучивъ нѣкогда это явленіе, придетъ въ изумленіе отъ того непониманія законовъ существованія вооруженной силы, которое обнаружено много разъ комитетской дѣятельностью и литературой.

Особенно демагогически настроены были тыловые и флотскіе комитеты. Балтійскій флотъ пребывалъ все время въ состояніи, близкомъ къ анархіи, Черноморскій былъ значительно лучше и держался прочно до іюня. Трудно даже учесть огромный вредъ, принесенный разбросанными по всей странѣ тыловыми комитетами и совѣтами, среди которыхъ надменность соперничала съ поразительнымъ невѣжествомъ. Я ограничусь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ, характеризующихъ эту дѣятельность въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Областной комитетъ арміи, флота и рабочихъ Финляндіи въ серединѣ мая выпустилъ декларацію, въ которой, не удовлетворяясь данной Финляндіи Временнымъ правительствомъ автономіей, заявляетъ о необходимости предоставленія ей полной свободы и о томъ, что « со своей стороны будетъ поддерживать всѣми доступными мѣрами всѣ шаги революціонныхъ организацій, направленные къ скорѣйшему достиженію и разрѣшенію этого вопроса ».

Центральный комитетъ Балтійскаго флота, совмѣстно съ вышеназваннымъ комитетомъ въ тревожные дни выступленія большевиковъ въ Петроградѣ (начало іюля) объявилъ : « вся власть Всероссійскому совѣту р. и с. депутатовъ. Сплотимся вокругъ революціонной борьбы нашей трудовой демократіи за власть » и не выпустилъ въ Петроградъ кораблей, вызванныхъ Временнымъ правительствомъ для подавленія мятежа.

Комитетъ Минскаго военнаго округа незадолго до наступленія уволилъ на полевыя работы всѣхъ солдатъ запасныхъ батальоновъ въ свои губерніи. Я велѣлъ предать суду составъ комитета, но врядъ ли это распоряженіе имѣло какія-либо послѣдствія, такъ какъ военное министерство, не взирая на мои предложенія, не установило законной отвѣтственности членовъ комитета — коллегіальнаго учрежденія, выносящаго свои рѣшенія по большинству голосовъ, иногда тайнымъ голосованіемъ.

Наконецъ, приведу одинъ курьезный бытовой эпизодъ: комитетъ одного изъ конскихъ депо на моемъ фронтѣ постановилъ поить лошадей только одинъ разъ въ сутки, благодаря чему большая часть лошадей пала.

Было бы несправедливостью отрицать существованіе и поло-

жительныхъ примѣровъ въ дѣятельности и постановленіяхъ «тыловыхъ организацій», но эти примѣры тонутъ безслѣдно и безрезультатно въ общей анархической волнѣ, поднятой и ихъ руками.

Несомнѣнно наиболѣе важнымъ вопросомъ съ военной точки зрѣнія являлось отношеніе комитетовъ къ войнѣ и въ частности, къ готовившемуся наступленію. Въ главѣ XI-ой я очертилъ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя рѣзко проявились какъ въ сознаніи членовъ Совѣта и Съѣздовъ, такъ и въ тѣхъ двойственныхъ, неискреннихъ директивахъ, которыя были даны ими армейскимъ организаціямъ и сводились къ пріятію войны, наступленія, но *безъ побѣды*.

Это положеніе и было въ общемъ усвоено и проводимо въ жизнь высшими комитетами, за исключеніемъ, впрочемъ, комитета Западнаго фронта, который въ іюнѣ вынесъ резолюцію большевистскаго характера, сводившуюся къ слѣдующему: война порождена захватной политикой правительства; поэтому единственнымъ средствомъ прекращенія войны является борьба объединившейся демократіи всѣхъ странъ противъ своихъ правительствъ; окончаніе же войны путемъ рѣшительной побѣды однихъ державъ надъ другими послужитъ лишь къ укрѣпленію военщины во вредъ демократіи.

Пока на фронтѣ было затишье, войска сравнительно спокойно относились ко всѣмъ этимъ словопреніямъ и резолюціямъ высшихъ организацій. Но когда настало время готовиться къ переходу въ наступленіе, во многихъ людяхъ заговорили шкурныя побужденія, и готовыя формулы пораженческихъ идей пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Наряду съ комитетами, продолжавшими выносить патріотическія резолюціи, нѣкоторыя войсковыя организаціи, отражая мнѣніе частей, или проводя свое собственное, рѣзко пошли противъ идеи наступленія. Цѣлые полки, дивизіи, даже корпуса на активныхъ фронтахъ, и особенно на Сѣверномъ и Западномъ, отказывались отъ производства подготовительныхъ работъ, отъ выдвиженія въ первую линію. Наканунѣ наступленія приходилось назначать крупныя военныя экспедиціи для вооруженнаго усмиренія частей, предательски забывшихъ свой долгъ.

Я хочу дать совершенно объективную картину дѣятельности одной изъ крупныхъ организацій — «Армейскаго комитета XI арміи», основываясь исключительно на данныхъ, извлеченныхъ изъ комитетскаго отчета. Прослѣдить день за днемъ (21-30 мая) работу комитета весьма интересно по двумъ причинамъ: во первыхъ, въ составъ его входили столь прославленные впослѣдствіи большевики Крыленко и Дзевалтовскій, во вторыхъ

работа эта предшествовала наступленію XI арміи, имѣвшей важную активную задачу въ іюньской операціи.

Предсѣдатель комитета — сначала прапорщикъ Крыленко с.-д. большевикъ — потомъ солдатъ Пипикъ с.-д. меньшевикъ-интернаціоналистъ.

Комитетъ дѣлится на фракціи : большевиковъ, соц.-рев., меньшевиковъ-оборонцевъ, меньшевиковъ интернаціоналистовъ и безпартійныхъ; резолюціи выносятся по фракціямъ, причемъ четыре послѣднихъ образуютъ обычно блокъ. Такой порядокъ вызываетъ протестъ одного изъ членовъ : « если армейскій комитетъ долженъ представлять голосъ арміи, выражать ея желанія, то къ чему партійныя раздѣленія ».

Докладчиками по военно - политическимъ вопросамъ являются обыкновенно : прапорщикъ Крыленко — большевикъ.

Поручикъ Дзевалтовскій — большевикъ.

Поручикъ Холодный — меньшевикъ.

Солдатъ Пипикъ — меньшевикъ-интернаціоналистъ.

Прапорщикъ Носарь — соц.-рев.

Вольноопред. Гандлеръ — соц.-рев.

Вольноопред. Шадханъ — внѣпар.

Шт. ротм. Протопоповъ — внѣпар.

23 мая постановлено послать 8 представителей на Всерос. съѣздъ совѣтовъ р. и с. депут., созываемый въ Петроградѣ на 1-ое іюня, причемъ для выбора принято пропорціональное представительство обѣихъ точекъ зрѣнія (блокъ и большевики) и выбраннымъ делегатамъ будетъ поручено совершить массовый объѣздъ частей для опредѣленія взглядовъ войскъ.

24 мая комитетъ принимаетъ резолюцію, которая выражаетъ одобреніе вступленію соціалистовъ въ правительство « на платформѣ активной политики, направленной къ скорѣйшему заключенію всеобщаго мира на демократическихъ началахъ », и обѣщаетъ всемѣрную поддержку Врем. правительству. Резолюція большевиковъ, призывающая къ борьбѣ съ правительствомъ, отвергнута. За первую подано 90 голосовъ, за вторую 32.

26 мая, на основаніяхъ, принятыхъ 23-го, происходятъ выборы восьми делегатовъ на съѣздъ, причемъ за списокъ блока подано 85 голосовъ, за списокъ большевиковъ 42 и воздержалось 10. Поэтому командируется 5 лицъ изъ состава блока и 3 большевика. Одинъ изъ членовъ протестуетъ, указывая на неправильность такого представительства арміи : « *я не повѣрю, что у насъ 3/8 арміи — большевики* ». Получивъ « мандатъ », прап. Крыленко немедленно слагаетъ съ себя званіе предсѣдателя и ѣдетъ въ войска, широко распространяя отъ имени армейскаго комитета свое большевистское воззваніе « Зачѣмъ я поѣду въ Петроградъ ». (Затѣмъ ѣдетъ туда фактически, при-

нимаетъ дѣятельное участіе въ іюльскомъ кровавомъ мятежѣ и подвергается аресту военными властями; но правительство Керенскаго освобождаетъ его « за недостаткомъ уликъ »).

Въ тотъ же день комитетъ выноситъ резолюцію о войнѣ и мирѣ, близкую къ іюньской резолюціи Всероссійскаго съѣзда, призывая армію « къ усиленію боевой мощи, такъ какъ только войска, готовыя въ каждый данный моментъ исполнить приказъ о переходѣ въ наступленіе, являются подлинной военной силой, могущей защитить русскую свободу ». За такое условное наступленіе высказалось 85 голосовъ, противъ наступленія 31 и воздержавшихся 10. Любопытна психологія воздержавшихся комитетскихъ офицеровъ (полков. Дукшинскій и кап. Базаревичъ) : «въ виду серьезности вопроса, сопряженнаго съ рѣшеніемъ участи жизни многихъ тысячъ людей, мы, какъ представители тылового учрежденія, нравственно не считаемъ себя вправѣ голосовать »...

27 мая предоставлено право участія въ комитетѣ представителямъ самочинныхъ польской и мусульманской военныхъ организацій арміи. Разработаны весьма крутыя мѣры для борьбы съ дезертирствомъ.

На тревожный вопросъ прибывшаго на засѣданіе вр. командовавшаго арміей « есть ли у васъ самихъ единеніе », тов. предс. отвѣчаетъ : « у насъ имѣется свое меньшинство, которое по заявленію его представителя отказывается отъ всякихъ анархическихъ дѣйствій, и, пока оно въ меньшинствѣ, будетъ подчиняться большинству, оставляя за собой *право свободной критики* ».

28 мая докладъ хозяйственной комиссіи, характеръ дѣятельности которой былъ контролирующій и организаціонно-освѣдомительный. Указывалось на большую работу, произведенную на мѣстахъ 40 делегатами. Характерно сожалѣніе докладчика, что « отношеніе къ хозяйственнымъ вопросамъ арміи крайне не серьезное; вопросы эти отодвигаются на задній планъ на всѣхъ собраніяхъ »...

Прочтенъ докладъ конфликтно-юридической комиссіи : за мѣсяцъ комиссія разрѣшила 43 конфликта, возникшихъ въ арміи, причемъ « почти всѣ постановленія комиссіи утверждались командармомъ (генералъ Гуторъ) безъ измѣненія ».

Докладъ о дѣятельности культурно-просвѣтительной комиссіи признаетъ, что сдѣлано пока немного; мало средствъ; члены агитаціонной секціи всѣ заняты на конфликтахъ; « есть лекторы кадеты, но отъ нихъ отказались ».

29 мая комитетъ постановляетъ устроить митингъ протеста противъ смертнаго приговора, вынесеннаго за политическое убійство австрійскимъ судомъ Фридриху Адлеру.

30 мая комитетъ разъѣзжается. 85 человѣкъ соціалистическаго блока, 42 большевика и 10 « воздержавшихся »... отъ

Комитетъ привѣтствуетъ ген. Брусилова.

Стр. 26.

На съѣздѣ главнокомандующихъ.

Деникинъ. Даниловъ. Ханжинъ. Духонинъ. Драгомировъ. Егорьевъ.
Гурко. Алексѣевъ. Щербачевъ.
Брусиловъ

Стр. 47.

исполненія своего долга ѣдутъ въ армію, чтобы поднять духъ русскихъ войскъ передъ наступленіемъ и подвинуть ихъ на смертный бой за Родину. Бѣдная армія и бѣдная Родина!

XI-ая армія, какъ увидимъ впослѣдствіи, въ началѣ іюля подала примѣръ паническаго бѣгства и всѣхъ послѣдующихъ явленій, которыя генералъ Корниловъ называлъ « безуміемъ, безчестіемъ и предательствомъ ».

***

Я уже говорилъ въ главѣ XVIII-ой объ отношеніяхъ многихъ старшихъ начальниковъ-оппортунистовъ къ комитетамъ. Синтезъ этихъ отношеній наиболѣе рельефно выраженъ въ обращеніи временно командовавшаго арміей, генерала Федотова къ армейскому комитету :

« Наша армія получила въ натсоящее время небывалое еще нигдѣ устройство... Въ ней огромную роль играютъ выборныя организаціи. Мы — *прежніе вожди* ея теперь можемъ дать арміи только наши военныя знанія : стратегіи и тактики. Организовать же армію, создавать ея внутреннюю силу призваны вы — комитеты. Роль комитетовъ, роль ваша въ дѣлѣ созиданія новой, сильной арміи велика. Исторія въ будущемъ отмѣтитъ это! »...

Главнокомандующій Кавказскимъ фронтомъ еще до узаконенія военныхъ организацій отдалъ распоряженіе, чтобы постановленія самозваннаго тифлисскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ печатались въ приказахъ арміи, а распоряженія, касающіяся устройства и быта арміи, проходили бы черезъ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ.

Неудивительно, что подобное отношеніе извѣстной части команднаго состава давало почву, оправданіе и обоснованіе все болѣе растущимъ комитетскимъ вожделѣніямъ.

Въ книгѣ Керенскаго я нашелъ поразившее меня мнѣніе о комитетахъ, приписываемое генералу Корнилову (въ докладной запискѣ, якобы поданной имъ Временному правительству) :

« Должно казаться страннымъ и удивительнымъ, насколько эти молодыя выборныя учрежденія мало уклонились отъ правильнаго пути и насколько часто они оказывались на высотѣ положенія, кровью запечатлѣвая свою доблестную воинскую дѣятельность... Комитеты обезпечиваютъ своимъ существованіемъ, символизирующимъ въ глазахъ массы бытіе революціи, спокойное отношеніе къ тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя необходимы для спасенія арміи и страны на фронтѣ и въ тылу ».

Быть можетъ приведенное мнѣніе изложено въ докладной запискѣ, составленной военнымъ министерствомъ, мотивировкой которой Корниловъ вовсе не интересовался, соглашаясь лишь съ нѣкоторыми ея выводами и намѣченными мѣропрія-

тіями? Генералъ Корниловъ — солдатъ до мозга костей — относился съ глубочайшимъ осужденіемъ къ разрушавшимъ армію комитетамъ — я утверждаю это категорически, хорошо зная и Корнилова и его взгляды. Наконецъ, Савинковъ, бывшій управляющій военнымъ министерствомъ удостовѣряетъ : «Полагая, что и комиссары и комитеты въ будущемъ должны быть упразднены, я, боясь осложненій, не считалъ однако возможнымъ упразднить ихъ немедленно. Генералъ же Корниловъ повидимому былъ склоненъ къ безотлагательному упраздненію комитетовъ и къ сокращенію правъ комиссаровъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и высказался на совѣщаніи, созванномъ Филоненкой» (Совѣщаніе представителей комиссаровъ и комитетовъ 22 августа 1917 г.) [1]).

Керенскій, приводя изданный въ мартѣ 1918 года большевиками законъ о сохраненіи за комитетами только хозяйственныхъ функцій и лишеніи ихъ права вмѣшиваться въ оперативно-строевую часть, иронически добавляетъ : « такъ черезъ кошмарный опытъ крыленковскаго безумія жалкіе остатки арміи возвращаются къ контръ-революціонному строю корниловца Керенскаго!» [2]).

Сопоставленіе этихъ двухъ именъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. По существу же выводъ этотъ нѣсколько преждевременный : въ мартѣ — это были дѣйствительно « жалкіе остатки », изъѣденные керенщиной; но послѣ жестокихъ пораженій, понесенныхъ большевиками зимою 1918-1919 годовъ, они прозрѣли окончательно и упразднили вовсе комитеты. Большевистскій офиціозъ « Извѣстія » жестоко критиковалъ и издѣвался надъ этимъ институтомъ.

Я лично и на Западномъ, и на Юго-западномъ фронтахъ поставилъ вопросъ прямо : отказался отъ всякаго взаимодѣйствія съ комитетами и пресѣкалъ, когда было возможно, тѣ проявленія ихъ дѣятельности, которыя шли въ разрѣзъ съ интересами арміи.

Въ конечномъ итогѣ попраніе власти избавляло командный составъ и отъ отвѣтственности. Начальникъ безъ власти и безъ отвѣтственности не могъ вести войска къ побѣдѣ.

« Теоретически становилось все яснѣе — говоритъ одинъ изъ виднѣйшихъ комиссаровъ, бывшій членъ Исполнительнаго комитета рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Станкевичъ — что нужно или уничтожить армію, или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сдѣлать ни того, ни другого. Комитеты были яркимъ выраженіемъ неизлѣчимой соціологической болѣзни арміи, признакомъ ея вѣрнаго умиранія, ея парали-

---

[1]) Савинковъ. Къ дѣлу Корнилова.

[2]) Керенскій. Дѣло Корнилова.

чемъ. Но было ли задачей военнаго министерства ускорить смерть рѣшительной и безнадежной операціей? »..

Великая нѣкогда русская армія перваго періода революціи представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ :

Родины не стало. Вождя распяли. На его мѣсто передъ фронтомъ вышла коллегія изъ пяти оборонцевъ и трехъ большевиковъ и обратилась съ призывомъ къ арміи :

— Впередъ на бой за свободу и революцію, но... безъ окончательнаго разгрома противника! — говорили одни.

— Долой войну, вся власть пролетаріату! — кричали другіе.

Армія слушала, слушала, потопталась на мѣстѣ и... разошлась.

ГЛАВА XXI.

«Демократизація арміи»: комиссары.

Слѣдующая мѣра демократизаціи арміи — введеніе института комиссаровъ.

Заимствованная изъ исторіи французскихъ революціонныхъ войнъ, эта идея подымалась въ разное время, въ различныхъ кругахъ, имѣя своимъ главнымъ обоснованіемъ — *недовѣріе къ командному составу*.

Интересно, что даже такой прямолинейный поборникъ здравыхъ началъ существованія арміи, какимъ былъ генералъ Марковъ, еще въ началѣ апрѣля, видя и страдая отъ ничѣмъ не оправдываемаго недовѣрія, которое вдругъ проявила солдатская среда къ офицерству, послалъ въ министерство проэктъ введенія въ каждую армію комиссара — представителя военнаго министра, который могъ бы видѣть и свидѣтельствовать полную лояльность команднаго состава.

Предсѣдатель совѣта министровъ Львовъ прислалъ въ маѣ въ Ставку общія основанія вводимаго имъ института комиссаровъ [1]). На нихъ, по мысли правительства, возлагалось гражданское управленіе на театрѣ войны на основаніяхъ, изложенныхъ въ положеніи о полевомъ управленіи войскъ, а также вся область снабженія, питанія войскъ и санитарно-гигіенически-эвакуаціонная. Находясь въ прямомъ и исключительномъ подчиненіи органамъ Временнаго правительства, комиссары лишь *согласовали* свои дѣйствія съ соотвѣтствующими военными начальниками. Это предположеніе, окончательно вырывавшее изъ рукъ команднаго состава важнѣйшія военно-административныя функціи, встрѣтило рѣзкій протестъ со стороны Ставки и тотчасъ-же было оставлено правительствомъ.

Между тѣмъ, напоръ, и довольно сильный, шелъ съ другой стороны. Совѣщаніе делегатовъ фронта въ серединѣ апрѣля обратилось съ категорическимъ требованіемъ къ Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ о введеніи въ арміи комиссаровъ, мотивируя необходимость его тѣмъ, что нѣтъ долѣе возможности сохранить порядокъ и спокойствіе въ отношеніяхъ солдатъ къ отдѣльнымъ лицамъ команднаго состава и что, если

---

[1]) Проэктъ, повидимому, Вырубова.

до сихъ поръ удавалось избѣгнуть случаевъ самосуда и смѣщенія, то только потому, что армія ждала соотвѣтственныхъ мѣръ Совѣта и правительства и не хотѣла вносить безпорядокъ и осложнять ихъ работу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣщаніе предложило совершенно нелѣпый проэктъ одновременнаго существованія въ арміяхъ трехъ комиссаровъ отъ : 1) Временнаго правительства, 2) Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, 3) Армейскихъ комитетовъ. При этомъ совѣщаніе въ своихъ требованіяхъ заходило очень далеко, возлагая на комиссаріаты, какъ на контрольный органъ : разсмотрѣніе *всѣхъ* дѣлъ и вопросовъ, относящихся къ компетенціи командующихъ арміями и фронтами; скрѣпленіе своею подписью *всѣхъ* приказовъ ; производство разслѣдованія дѣятельности команднаго состава и право отвода его.

На этой почвѣ между Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и правительствомъ шли длительные переговоры, и въ концѣ апрѣля состоялось соглашеніе о назначеніи въ арміи комиссаровъ — по одному отъ Временнаго правительства и по одному отъ Совѣта. Позднѣе, однако, это рѣшеніе было измѣнено, вѣроятно въ виду появленія у власти *коалиціоннаго* министерства (5 мая), и комиссаръ арміи назначался одинъ, по соглашенію правительства и Совѣта, являясь представителемъ обѣихъ инстанцій и передъ обѣими отвѣтственнымъ.

Въ концѣ іюня Временное правительство учредило должность комиссаровъ фронтовъ, опредѣливъ ихъ функціи слѣдующимъ образомъ : руководствуясь указаніями военнаго министерства, направлять къ единообразному разрѣшенію всѣ политическіе вопросы, возникающіе въ предѣлахъ армій фронта, содѣйствуя согласованной работѣ армейскихъ комиссаровъ.

Позднѣе, въ концѣ іюля организація завершилась учрежденіемъ должности верховнаго комиссара при Ставкѣ, а все дѣлопроизводство сосредоточено въ политическомъ отдѣлѣ при военномъ министрѣ.

Никакихъ законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мѣрѣ, не знали ихъ вовсе — это одно ужъ давало большую пищу для всѣхъ послѣдующихъ недоразумѣній и столкновеній. Генералъ Монкевицъ [1]), на основаніи инструкціи Керенскаго, которую я не помню, въ такихъ общихъ выраженіяхъ опредѣляетъ роль комиссаровъ : служить посредниками между высшимъ командованіемъ и войсками, сглаживать тренія ихъ раздѣляющія, руководить политической жизнью арміи, заботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія солдатъ, равно какъ о развитіи ихъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія.

Негласною обязанностью комиссаровъ явилось наблюде-

---

1) La dècomposition de l'armée russe

ніе за командными составомъ и штабами въ смыслѣ ихъ политической благонадежности. Въ этомъ отношеніи демократическій режимъ, пожалуй, превзошелъ самодержавный — я убѣдился въ этомъ и на Западномъ и на Юго-западномъ фронтахъ, читая телеграфную переписку комиссаріатовъ съ Петроградомъ, которую, да простятъ мнѣ господа комиссары, штабъ давалъ мнѣ въ расшифрованномъ видѣ тотчасъ-же послѣ ея отправленія. Но если эта послѣдняя роль комиссаровъ требовала только извѣстнаго навыка къ политическому сыску, то гласныя ихъ обязанности были далеко сложнѣе : онѣ требовали государственнаго взгляда, точнаго знанія цѣли, которая должна быть достигнута, знанія психологіи не только солдатской и офицерской среды, но и старшаго командного состава, знанія основныхъ началъ существованія, службы и быта арміи, большого такта и, наконецъ, личныхъ интеллектуальныхъ качествъ : мужества, твердой воли и энергіи.

Только эти данныя могли хоть до нѣкоторой степени ослабить тяжкія послѣдствія мѣропріятія, вырывавшаго изъ рукъ военнаго начальника (или вѣрнѣе санкціонировавшаго свершившійся фактъ) возможность вліянія на войска, которое одно только могло укрѣпить вѣру и надежду въ побѣду.

Къ сожалѣнію такихъ элементовъ въ средѣ, близкой къ правительству и Совѣту и пользовавшейся ихъ довѣріемъ, не было. Составъ комиссаровъ, извѣстныхъ мнѣ, опредѣляется такимъ образомъ : офицеры военнаго времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльно-поселенцы, эмигранты—потерявшіе связь съ русской жизнью, члены боевыхъ организацій и т. д. Ясно, что достаточнаго знанія среды у этихъ лицъ быть не могло.

Что касается политическихъ взглядовъ указанныхъ лицъ, то всѣ они принадлежали къ соціалистическимъ партіямъ, отъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ до группы « Единства », ходили въ партійныхъ шорахъ и зачастую не проводили общей политической линіи правительства, считая себя связанными совѣтской и партійной дисциплиной. Сообразно съ партійными политическими ученіями у самихъ комиссаровъ не было даже однообразнаго отношенія къ войнѣ. Одинъ изъ наиболѣе честно, по своему конечно, относившійся къ исполненію своихъ обязанностей, комиссаръ Станкевичъ, отправляясь къ наступающей дивизіи, мучится сомнѣніями : « ...Они (солдаты) вѣрятъ, что мы не хотимъ ихъ обмануть, и поэтому насильно отбрасываютъ отъ себя сомнѣнія и идутъ умирать и убивать. Но мы то, въ правѣ ли мы не только убѣждать, но и брать на себя рѣшеніе за другихъ!.. » Даже въ вопросѣ о большевизмѣ — не всѣ комиссары, какъ удостовѣряетъ Савинковъ [1]), стояли на одина-

---

[1]) Послѣдовательно занималъ должности комиссара 7 арміи, Юго-западнаго фронта, управляющаго военнымъ министерствомъ.

ковой точкѣ зрѣнія, не всѣ считали желательной и возможной рѣшительную борьбу съ большевиками. Савинковъ составлялъ вообще исключеніе. Не будучи военнымъ по профессіи, но закаленный въ борьбѣ и скитаніяхъ, въ постоянной опасности, съ руками, обагренными кровью политическихъ убійствъ — этотъ человѣкъ зналъ законы борьбы и, сбросивъ съ себя иго партіи, болѣе твердо, чѣмъ другіе, велъ борьбу съ дезорганизаціей арміи ; но при этомъ вносилъ слишкомъ много личнаго элемента въ свое отношеніе къ событіямъ.

Что касается личныхъ качествъ комиссаровъ, то за исключеніемъ нѣсколькихъ, типа близкаго къ Савинкову, никто изъ нихъ не выдѣлялся ни силою, ни особенной энергіей. Люди слова, но не дѣла. Быть можетъ недостаточная подготовка комиссаровъ не имѣла бы такихъ отрицательныхъ послѣдствій, если бы не одно обстоятельство : не зная точно круга своихъ обязанностей, они постепенно начинали вторгаться рѣшительно во всѣ области жизни и службы войскъ, отчасти по своей иниціативѣ, отчасти побуждаемые къ этому солдатской средой и войсковыми комитетами, а иногда даже боявшимися отвѣтственности начальниками. Вопросы назначеній, смѣщеній, даже вопросы оперативные составляли предметъ вниманія комиссаровъ, не только съ точки зрѣнія « скрытой контръ-революціонности », но и цѣлесообразности принимаемыхъ мѣръ. И путаница понятій была настолько велика, что командный составъ послабѣе духомъ иногда совершенно терялся. Я помню такой фактъ. Во время іюльскаго отступленія Юго-западнаго фронта одинъ изъ корпусныхъ командировъ необдуманно разрушилъ хорошо оборудованную военную дорогу, поставивъ въ крайне затруднительное положеніе армію. Отчисленный отъ должности командующимъ арміей, онъ впослѣдствіи пришелъ ко мнѣ съ самымъ искреннимъ недоумѣніемъ — за что его отрѣшили, когда онъ дѣйствовалъ... по указанію комиссара.

Отражая взгляды Совѣта р. и с. д., поддерживая въ трогательной неприкосновенности новопріобрѣтенныя права солдата, комиссаріатъ не оказался на высотѣ и въ своей основной задачѣ — въ руководствѣ политической жизнью арміи : зачастую самая разрушительная проповѣдь допускалась безвозбранно; солдатскіе митинги и комитеты могли выносить какія угодно противо-государственныя и противо-правительственныя рѣшенія, и только когда насыщенная атмосфера выливалась въ вооруженный бунтъ, это обстоятельство вызывало вмѣшательство комиссаровъ. Такая политика сбивала съ толку и войска, и комитеты, и начальниковъ.

При всемъ этомъ, заранѣе составленный предвзятый взглядъ на командный составъ, какъ на « контръ-революціонеровъ », разница въ убѣжденіяхъ по обще политическимъ вопросамъ и зачастую недостатокъ такта со стороны комиссаровъ — оттал-

кивали ихъ отъ команднаго состава. Нужно было особенно счастливое сочетаніе двухъ столь несходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ элементовъ, чтобы совмѣстная работа ихъ была не только возможна, но и плодотворна; въ очень рѣдкихъ случаяхъ это имѣло мѣсто.

Цѣли своей институтъ не достигъ. Въ солдатской средѣ, какъ органъ принужденія, иногда усмиренія, комиссары ужъ тѣмъ самымъ не могли найти популярности, а отсутствіе прямой, разящей власти не могло создать имъ авторитета силы — наиболѣе чтимаго даже совершенно утратившими дисциплину частями. Это подтвердилось впослѣдствіи, послѣ захвата власти большевиками, когда комиссары вынуждены были одними изъ первыхъ съ большой поспѣшностью и тайно покинуть свои посты.

« Крамолы » они не исбыли : начальники, за рѣдкими исключеніями, отстояли свое право высшихъ назначеній въ случаяхъ комиссарскаго неодобренія. Революціонная власть не довела своего мѣропріятія до логическаго конца, какъ это сдѣлали потомъ большевики, вручивъ комиссарамъ право распоряженія жизнью и смертью опекаемыхъ ими военныхъ начальниковъ. Впрочемъ, и тамъ этотъ опытъ приходитъ къ концу : постепенно отбрасывая всѣ « завоеванія революціи » въ области демократизаціи арміи, какъ то выборное начало, митинги, комитеты, упраздненіе единоличной дисциплинарной власти, совѣтская власть посягнула и на институтъ войсковыхъ комиссаровъ : по докладу Троцкаго еще на 7-мъ съѣздѣ совѣтовъ принципіально принятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи этого института ; мѣру эту предполагалось провести постепенно, причемъ комиссаровъ должны были замѣнить *помощники* командировъ по политической части.

И такъ, въ русской арміи, вмѣсто одной, появились три разнородныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга власти : командиръ, комитетъ и комиссаръ. Три власти призрачныя... А надъ ними тяготѣла, на нихъ духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью — власть толпы.

. . . .

Разсматривая вопросъ о новыхъ органахъ — комиссарахъ и комитетахъ и ихъ роли въ судьбахъ русской арміи, я стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнія сохраненія нашей вооруженной силы, какъ важнаго фактора въ грядущихъ судьбахъ націи. Но было бы неправильно ограничиться такой постановкой вопроса внѣ зависимости его отъ общихъ законовъ, управлявшихъ жизнью народа и ходомъ революціи. Скажу больше : всѣ эти *исходящія* явленія носятъ *печать логической послѣдовательности и неизбѣжности въ силу той роли, которую пожелала играть революціонная демократія.* Въ этомъ былъ весь трагизмъ положенія.

Въ распоряженіи соціалистической демократіи совершенно не было подготовленныхъ элементовъ для техническихъ аппаратовъ управленія арміей. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было ни рѣшимости, ни возможности подавить сопротивляемость буржуазной демократіи и командваго состава, заставивъ ихъ работать во славу соціализма, какъ это сдѣлали впослѣдствіи большевики, методами кроваваго, безпощаднаго истребленія заставившіе служить коммунизму остатки русской интеллигенціи и офицерства.

Ставъ фактически у власти, и поставивъ извѣстныя цѣли и задачи, революціонная (соціалистическая) демократія знала хорошо, что тѣ элементы управленія и командованія, которые должны проводить ихъ въ жизнь, совершенно не раздѣляютъ ея взглядовъ. Отсюда — неизбѣжное недовѣріе и желаніе ослабить вліяніе и значеніе этихъ элементовъ. Но какими методами?.. Въ силу потери идеи государственности и любви къ Родинѣ, центральный революціонный органъ въ борьбѣ съ политическими противниками проводилъ методы разрушенія, не заботясь о томъ, что они одновременно были направлены къ разрушенію страны и арміи.

Наконецъ, еще одно важное обстоятельство : революція, потрясшая всѣ государственныя основы и взаимоотношенія классовъ, случилась тогда, когда весь цвѣтъ націи, до 10 милліоновъ, былъ подъ ружьемъ. Предстояли выборы въ Учредительное Собраніе... При такихъ условіяхъ предотвратить вторженіе политики въ армію было абсолютно немыслимо, какъ немыслимо остановить теченіе рѣки. Но ввести ее въ надлежащее русло быть можетъ было возможно. На этой почвѣ также столкнулись обѣ стороны съ ихъ различными методами (государственно-охранительнымъ и демагогическимъ), въ стремленіи овладѣть настроеніемъ такого рѣшающаго фактора, какимъ для революціи являлась армія.

Вотъ тѣ предпосылки, которыя предопредѣляютъ и даютъ логическое обоснованіе всему послѣдующему ходу демократизаціи арміи. Правившій, сначала изъ за куртины, потомъ явно, классъ соціалистической демократіи, для укрѣпленія своего положенія и въ угоду инстинктамъ толпы, разрушилъ военную власть и содѣйствовалъ созданію коллегіальныхъ военныхъ организацій, хотя и не вполнѣ отвѣчавшихъ направленію Совѣта, но менѣе опасныхъ и болѣе поддающихся его вліянію, чѣмъ командный составъ. Явно сознаваемая необходимость какой либо военной власти, недовѣріе къ командному составу съ одной стороны, и желаніе создать буферъ между двумя искусственно разъединенными элементами арміи съ другой, — привели къ учрежденію института комиссаровъ, находившихся въ двойной зависимости отъ Совѣта и правительства. Оба института, не удовлетворивъ ни солдатъ, ни офицеровъ,

пали вмѣстѣ съ Временнымъ правительствомъ, возродившись вновь въ нѣсколько измѣненной формѣ въ красной арміи и вновь отметенные жизнью.

Ибо «какъ человѣкъ не можетъ выбрать себѣ возраста, такъ и народы не могутъ выбирать свои учрежденія. Они подчиняются тѣмъ, къ которымъ ихъ обязываетъ ихъ прошлое, ихъ вѣрованія, экономическіе законы, среда, въ которой они живутъ. Что народъ въ данную минуту можетъ разрушить путемъ насильственной революціи учрежденія, переставшія ему нравиться, — это не разъ наблюдалось въ исторіи. Но чего исторія никогда еще не показывала, это чтобы новыя учрежденія, искусственно навязанныя силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время — все прошлое вновь входитъ въ силу, такъ какъ мы всецѣло созданы этимъ прошлымъ, и оно является нашимъ верховнымъ властителемъ» [1]).

Возродится очевидно и русская, національная армія не только на демократическихъ, но и на историческихъ началахъ.

---

[1]) Густавъ Ле-Бонъ. Психологія соціализма.

ГЛАВА XXII.

«Демократизація арміи»: исторія «деклараціи правъ солдата».

Печальной памяти законъ, вышедшій изъ поливановской комиссіи и извѣстный подъ именемъ «деклараціи правъ солдата», утвержденъ Керенскимъ 9 мая.

ПРИКАЗЪ ПО АРМІИ И ФЛОТУ.

Приказываю ввести въ жизнь арміи и флота слѣдующія, согласованныя съ п. 2 деклараціи Временнаго правительства отъ 7 марта с. г. положенія объ основныхъ правахъ военнослужащихъ:

1) *Всѣ военнослужащіе пользуются всѣми правами гражданъ.* Но при этомъ каждый военнослужащій обязанъ строго согласовать свое поведеніе съ требованіями военной службы и воинской дисциплины.

2) *Каждый военнослужащій имѣетъ право быть членомъ любой политической національной, религіозной, экономической или профессіональной организаціи, общества или союза.*

3) *Каждый военнослужащій во внѣслужебное время имѣетъ право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно, свои политическіе, религіозные, соціальные и прочіе взгляды.*

4) Всѣ военнослужащіе пользуются свободой совѣсти, а потому никто не можетъ быть преслѣдуемъ за исповѣдуемое имъ вѣрованіе и принуждаемъ къ присутствію при богослуженіяхъ и совершеніи религіозныхъ обрядовъ какого-либо вѣроисповѣданія. Участіе въ общей молитвѣ не обязательно.

5) Всѣ военнослужащіе въ отношеніи своей переписки подчиняются правиламъ, общимъ для всѣхъ гражданъ.

6) *Всѣ безъ исключенія печатныя изданія (періодическія или неперіодическія) должны безпрепятственно передаваться адресатамъ.*

7) Всѣмъ военнослужащимъ предоставляется право ношенія гражданскаго платья внѣ службы; но военная форма остается обязательною во всякое время для всѣхъ военнослужащихъ, находящихся въ дѣйствующей арміи и въ военныхъ округахъ расположенныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Право разрѣшать ношеніе гражданскаго платья военнослужащимъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, предоставляется главнокомандующимъ арміями фронтовъ или командующимъ флотами. Смѣшанная форма ни въ какомъ случаѣ не допускается.

8) Взаимоотношенія военнослужащихъ должны основываться при строгомъ соблюденіи воинской дисциплины, на чувствѣ достоинства гражданъ свободной Россіи и на взаимномъ довѣріи, уваженіи и вѣжливости.

9) Особыя выраженія, употребляющіяся какъ обязательныя для отвѣтовъ одиночныхъ людей и командъ внѣ строя и въ строю какъ, напримѣръ, « такъ точно », « никакъ нѣтъ », « не могу знать », « рады стараться », « здравія желаемъ », « покорно благодарю » и т. п. замѣняются общеупотребительными : « да », « нѣтъ », « не знаю », « постараемся », « здравствуйте » и т. п.

10) Назначеніе солдатъ въ деньщики отмѣняется.

Какъ исключеніе, въ дѣйствующей арміи и флотѣ, въ крѣпостныхъ раіонахъ, въ лагеряхъ, на корабляхъ и на маневрахъ, а также на окраинахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣтъ возможности нанять прислугу (въ послѣднемъ случаѣ невозможность этого опредѣляется полковымъ комитетомъ) офицерамъ, военнымъ врачамъ, военнымъ чиновникамъ и духовенству *разрѣшается имѣть вѣстового для личныхъ услугъ, назначаемаго по обоюдному соглашенію вѣстового и лица, къ которому онъ назначается, съ платой также по соглашенію*, но не болѣе одного вѣстового на каждаго изъ упомянутыхъ чиновъ.

Вѣстовые для ухода за собственными офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются какъ въ дѣйствующей арміи, такъ и во внутреннихъ округахъ и назначаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вѣстовые для личныхъ услугъ.

11) Вѣстовые для личныхъ услугъ не освобождаются отъ боевой службы.

12) *Обязательное отданіе чести, какъ отдѣльными лицами, такъ и командами отмѣняется.*

Для всѣхъ военнослужащихъ взамѣнъ обязательнаго отданія воинской чести, устанавливается взаимное добровольное привѣтствіе.

Примѣчаніе : 1. Отданіе воинскихъ почестей командами и частями при церемоніяхъ, похоронахъ и т. п. случаяхъ сохраняется; 2. Команда « смирно » остается во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ строевыми уставами.

13) Въ военныхъ округахъ, не находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, всѣ военнослужащіе въ свободное отъ занятій службы и нарядовъ время имѣютъ право отлучаться изъ казармы и съ кораблей въ гавани, но лишь освѣдомивъ объ этомъ соот-

вѣтствующее начальство и получивъ надлежащее удостовѣреніе личности.

Въ каждой части должна оставаться рота, или вахта (или соотвѣтствующая ей часть) и кромѣ того, въ каждой ротѣ, сотнѣ, батареѣ и т. д. должна оставаться еще и ея дежурная часть.

Съ кораблей, находящихся на рейдахъ, увольняется такая часть команды, какая не лишаетъ корабля возможности, въ случаяхъ крайней необходимости, немедленно сняться съ якоря и выйти въ морѣ.

14) *Никто изъ военнослужащихъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію или взысканію безъ суда. Но въ боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право, подъ своей личной отвѣтственностью принимать всѣ мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, противъ неисполняющихъ его приказанія подчиненныхъ. Эти мѣры не почитаются дисциплинарными взысканіями.*

15) Всѣ наказанія, оскорбительныя для чести и достоинства военнослужащаго, а также мучительныя и явно вредныя для здоровья не допускаются [1]).

Примѣчаніе: изъ наказаній, упомянутыхъ въ уставѣ дисциплинарномъ, постановка подъ ружье отмѣняется.

16) Примѣненіе наказаній, не упомянутыхъ въ уставѣ дисциплинарномъ, является преступнымъ дѣяніемъ и виновные въ немъ должны предаваться суду [1]). Точно также долженъ быть преданъ суду всякій начальникъ, ударившій подчиненнаго въ строю или внѣ строя.

17) Никто изъ военнослужащихъ не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, не исключая и отбывающихъ наказанія въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ.

18) Право назначенія на должности и, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, временнаго отстраненія начальниковъ всѣхъ степеней отъ должностей принадлежитъ исключительно начальникамъ. Точно также они одни имѣютъ право отдавать распоряженія, касающіяся боевой дѣятельности и боевой подготовки части, ея обученія, спеціальныхъ ея работъ, инспекторской и хозяйственной частей. *Право же внутренняго самоуправленія, наложенія наказанія и контроля въ точно опредѣленныхъ случаяхъ* (приказы по воен. вѣдомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) *принадлежитъ выборнымъ войсковымъ организаціямъ.*

Объявляя настоящее общее положеніе, предписываю принять его (какъ и правила, установленныя приказомъ по военному вѣдомству с. г. № 114) въ основаніи при пересмотрѣ уставовъ и законоположеній, опредѣляющихъ внутренній бытъ и служебную дѣятельность военнослужащихъ, а равно дисциплинарную и уголовную ихъ отвѣтственность.

Военный и морской министръ А. Керенскій.

---

[1]) Законъ и раньше предусматривалъ и каралъ эти правонарушенія.

Эта « декларація правъ », давшая *законное признаніе* тѣмъ больнымъ явленіемъ, которыя распространились въ арміи — гдѣ частично, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ, путемъ бунта и насилія или, какъ принято было выражаться, « въ порядкѣ революціонномъ », — окончательно подорвала всѣ устои старой арміи. Она внесла безудержное политиканство и элементы соціальной борьбы въ неуравновѣшанную и *вооруженную* массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповѣдь — устную и печатную — антигосударственныхъ, антиморальныхъ и антиобщественныхъ ученій, даже такихъ, которыя по существу отрицали и власть и само бытіе арміи. Наконецъ, она отняла у начальниковъ дисциплинарную власть, передавъ ее выборнымъ коллегіальнымъ организаціямъ и лишній разъ, въ торжественной формѣ бросивъ упрекъ командному составу, унизила и оскорбила его.

« Пусть самые свободные армія и флотъ въ мірѣ — сказано было въ послѣсловіи Керенскаго — докажутъ, что въ свободѣ сила, а не слабость, пусть выкуютъ новую желѣзную дисциплину долга, поднимутъ боевую мощь страны ».

И « великая молчальница », какъ образно и вѣрно характеризуютъ французы существо арміи, заговорила, зашумѣла еще громче, подкрѣпляя свои требованія угрозами, оружіемъ и пролитіемъ крови тѣхъ, кто имѣлъ мужество противостоять ея безумію.

« Декларація » — творчество коллективное, зародившееся въ нѣдрахъ Совѣта, но въ которомъ повиненъ и офицерскій элементъ — преимущественно тотъ, что въ содружествѣ и въ угодничествѣ передъ революціонной демократіей искалъ выхода своему « непротивленію » или честолюбивымъ помысламъ. Первый разъ декларація почти въ той-же редакціи, которая приведена въ приказѣ, была оглашена еще 13 марта на совѣщаніи офицеровъ и солдатъ петроградскаго гарнизона, подъ предсѣдательствомъ подполковника генеральнаго штаба Гущина. Въ силу угодничества или забитости петроградскаго офицерства, ошеломленнаго событіями и еще не разобравшагося въ нихъ, чтеніе деклараціи не вызвало ни страстныхъ рѣчей, ни сколько нибудь сильнаго протеста. Были внесены лишь нѣкоторыя поправки и принята « при общемъ энтузіазмѣ » резолюція объ « установленномъ прочномъ братскомъ единеніи между офицерами и солдатами »...

Проэктъ деклараціи поступилъ въ поливановскую комиссію, которая разрабатывала его совмѣстно съ военной секціей Исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, причемъ офицер-

скій составъ комиссіи проявилъ преступный оппортунизмъ, который не разъ приводилъ въ удивленіе случайныхъ участниковъ засѣданій.

Въ концѣ апрѣля проэктъ въ окончательной редакціи былъ присланъ Гучковымъ на заключеніе въ Ставку. Мы дали горячую отповѣдь, въ которой излили всѣ свои душевныя муки — и Верховный главнокомандующій и я — всю свою скорбь за безпросвѣтное будущее арміи. «Декларація — послѣдній гвоздь, вбиваемый въ гробъ, уготованный для русской арміи» — таковъ былъ окончательный нашъ выводъ. Гучковъ 1 мая сложилъ съ себя званіе военнаго министра, «не желая раздѣлять отвѣтственности за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины», въ частности не желая подписывать декларацію.

***

Ставка разослала проэктъ деклараціи главнокомандующимъ фронтами для ознакомленія, послѣ чего генералъ Алексѣевъ вызвалъ ихъ въ Могилевъ, чтобы совмѣстно обсудить создавшееся роковое положеніе.

Историческое засѣданіе это состоялось 2 мая [1]). Безысходной грустью и жутью повѣяло отъ всѣхъ спокойныхъ по формѣ и волнующихъ по содержанію рѣчей, рисующихъ крушеніе русской арміи. Генералъ Брусиловъ тихимъ голосомъ, въ которомъ звучала искренняя, непритворная боль, закончилъ свою рѣчь словами: — «Но все это можно перенести, есть еще надежда спасти армію и даже двинуть ее въ наступленіе, если только не будетъ издана декларація... Но если ее объявятъ — нѣтъ спасенія. И я не считаю тогда возможнымъ оставаться ни одного дня на своемъ посту»...

Послѣдняя фраза, помню, вызвала горячій протестъ генерала Щербачева, который доказывалъ, что уходить съ поста нельзя; что, какъ бы ни было тяжело и даже безысходно положеніе, вожди не могутъ бросить армію...

Кто-то подалъ мысль — всѣмъ главнокомандующимъ ѣхать немедленно въ Петроградъ и обратиться къ правительству съ твердымъ предостерегающимъ словомъ и съ рѣшительными требованіями. Такая демонстрація должна была по мысли предлагавшаго произвести большое впечатлѣніе и, можетъ быть, остановить разрушающее теченіе военнаго законодательства. Ему возражали: пріемъ опасный, это наша послѣдняя ставка, и неудача выступленія можетъ дискредитировать окончательно

---

[1]) Присутствовали: Верховный главнокомандующій генералъ Алексѣевъ, генералы: Брусиловъ, Щербачевъ, Гурко, Драгомировъ, я, Юзефовичъ и нѣсколько чиновъ Ставки.

военное командованіе... Но предложеніе было все таки принято, и 4 мая состоялось въ Петроградѣ соединенное засѣданіе всѣхъ главнокомандующихъ [1]), Временного правительства и Исполнительнаго комитета с. р. и с. д.

У меня сохранился отчетъ объ этомъ засѣданіи, который я привожу ниже въ подробныхъ извлеченіяхъ, ввиду большого его интереса : въ немъ нарисована картина состоянія арміи въ томъ видѣ, какъ она представлялась всѣмъ вождямъ ея, непосредственно во время хода событій внѣ, слѣдовательно, вліянія мѣняющаго перспективу времени; въ немъ же вырисовываются нѣкоторыя характерныя черты лицъ, стоявшихъ у власти.

Рѣчи главнокомандующихъ — почти тѣ же по содержанію, что и въ Ставкѣ, только гораздо менѣе выпуклы и менѣе откровенны. А генералъ Брусиловъ значительно смягчилъ свои обвиненія, потерялъ пафосъ, « привѣтствовалъ отъ всего сердца коалиціонное правительство » и не повторилъ уже своей угрозы выйти въ отставку.

ОТЧЕТЪ.

Генералъ Алексѣевъ. Я считаю необходимымъ говорить совершенно откровенно. Насъ всѣхъ объединяетъ благо нашей свободной родины. Пути у насъ могутъ быть различны, но цѣль одна — закончить войну такъ, чтобы Россія вышла изъ нея, хотя бы и уставшею и потерпѣвшею, но отнюдь не искалѣченной.

Только побѣда можетъ дать намъ желанный конецъ. Тогда только возможна созидательная работа. Но побѣду надо добыть; это же возможно только въ томъ случаѣ, если выполняются приказанія начальства. Если начальству не подчиняются, если его приказанія не выполняются, то это не армія, а толпа.

Сидѣть въ окопахъ — не значитъ идти къ концу войны. Противникъ снимаетъ съ нашего фронта и спѣшно отправляетъ на англо-французскій — дивизію за дивизіей, а мы продолжаемъ сидѣть. Между тѣмъ, обстановка наиболѣе благопріятна для нашей побѣды. Но для этого надо наступать.

Вѣра въ насъ нашихъ союзниковъ падаетъ. Съ этимъ приходится считаться въ области дипломатической, а мнѣ особенно въ области военной.

Казалось, что революція дастъ намъ подъемъ духа, порывъ и слѣдовательно побѣду. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ мы пока ошиблись. Не только нѣтъ подъема и порыва, но выплыли самыя низменныя побужденія — любовь къ своей жизни и ея сохраненію. Объ интересахъ родины и ея будущемъ забывается. Причина этого явленія та, что теоретическія соображенія были брошены въ массу, истолковавшую ихъ неправильно. Лозунгъ —

[1]) Кромѣ Кавказскаго фронта.

Генералъ Корниловъ въ окопахъ.

Стр. 76.

« безъ аннексій и контрибуцій » приводитъ толпу къ выводу — « для чего жертвовать теперь своею жизнью ».

Вы спросите, — гдѣ же власть, гдѣ убѣжденія, гдѣ, можетъ быть, даже физическое принужденіе? Я долженъ сказать что реформы, которыя армія еще не успѣла переварить, расшатали ее, ея порядокъ и дисциплину. Дисциплина же составляетъ основу существованія арміи. Если мы будемъ идти по этому пути дальше, то наступитъ полный развалъ. Этому способствуетъ и недостатокъ снабженія. Надо учесть еще и происшедшій въ арміи расколъ. Офицерство угнетено, а, между тѣмъ, именно офицеры ведутъ массу въ бой. Надо подумать еще и о концѣ войны. Все захочетъ хлынуть домой. Вы уже знаете, какой безпорядокъ произвела недавно на желѣзныхъ дорогахъ масса отпускныхъ и дезертировъ. А, вѣдь, тогда захотятъ одновременно двинуться въ тылъ нѣсколько милліоновъ человѣкъ. Это можетъ внести такой развалъ въ жизнь страны и желѣзныхъ дорогъ, который трудно учесть даже приблизительно. Имѣйте еще въ виду, что возможенъ при демобилизаціи и захватъ оружія.

Главнокомандующіе приведутъ вамъ рядъ фактовъ, характеризующихъ положеніе армій. Затѣмъ я дамъ заключеніе и выскажу наши пожеланія и требованія, выполненіе которыхъ является необходимымъ.

Генералъ Брусиловъ. Прежде всего я долженъ нарисовать вамъ, что представляетъ собою офицерскій и солдатскій составъ армій въ данное время. Кавалерія, артиллерія и инженерныя войска сохранили до 50% кадровыхъ. Но совершенно иное въ пѣхотѣ, которая составляетъ главную массу армій. Большія потери — убитыми, ранеными и плѣнными, значительное число дезертировъ — все это привело къ тому, что попадаются полки, гдѣ составъ обернулся 9-10 разъ, причемъ въ ротахъ уцѣлѣло только отъ 3 до 10 кадровыхъ солдатъ. Что касается прибывающихъ пополненій, то обучены они плохо, дисциплина у нихъ еще хуже. Изъ кадровыхъ офицеровъ въ полкахъ уцѣлѣло по 2-4, да и то зачастую раненыхъ. Остальные офицеры — молодежь, произведенная послѣ краткого обученія и не пользующаяся авторитетомъ, въ виду неопытности.

И вотъ на эту среду выпала задача переустроиться на новый ладъ. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворотъ, необходимость котораго чувствовалась, который даже запоздалъ, упалъ все-таки на неподготовленную почву. Мало развитой солдатъ понялъ это, какъ освобожденіе « отъ офицерскаго гнета ». Офицеру же нанесли обиду — его лишили правъ воздѣйствія на подчиненныхъ. Начались недоразумѣнія. Были, конечно, виноватые изъ старыхъ начальниковъ, но всѣ старались идти навстрѣчу перевороту. Если и были шероховатости, то объясня-

ется это вліяніями со стороны. Приказъ Совѣта № 1 смутилъ армію. Приказъ № 2 отмѣнилъ этотъ приказъ для фронта. Но у солдатъ явилась мысль, что начальство что-то скрываетъ — одни хотятъ дать права, другіе отнимаютъ.

Офицеры встрѣтили переворотъ радостно. Если бы мы не шли навстрѣчу перевороту такъ охотно, то можетъ быть онъ не прошелъ бы такъ гладко. А между тѣмъ, оказалось, что свобода дана только солдатамъ, а офицерамъ осталось довольствоваться только ролью какихъ то паріевъ свободы.

Свобода на несознательную массу подѣйствовала одуряюще. Всѣ знаютъ, что даны большія права, но не знаютъ какія, не интересуются и обязанностями. Офицерскій составъ оказался въ трудномъ положеніи. 15-20% быстро приспособились къ новымъ порядкамъ по убѣжденію; вѣра въ нихъ солдатъ была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеровъ начала заигрывать съ солдатами, послаблять и возбуждать противъ своихъ товарищей. Большинство же, около 75% не умѣло приспособиться сразу, обидѣлось, спряталось въ свою скорлупу и не знаетъ, что дѣлать. Мы принимаемъ мѣры освободить ихъ изъ этой скорлупы и слить съ солдатами, такъ какъ офицеры нужны намъ для продолженія войны, а другихъ офицеровъ у насъ сейчасъ нѣтъ. Многіе изъ офицеровъ не подготовлены политически, многіе не умѣютъ говорить — все это мѣшаетъ взаимному пониманію. Необходимо разъяснить и внушить массѣ, что свобода дана всѣмъ. Я знаю солдата 45 лѣтъ, люблю его и постараюсь слить съ офицерами, но Временное правительство, Государственная Дума и особенно Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ также должны приложить всѣ силы, чтобы помочь этому слiянію, которое нельзя отсрочивать во имя любви къ родинѣ.

Это необходимо еще и потому, что заявленіе « безъ аннексій и контрибуцій » необразованная масса поняла своеобразно.

Одинъ изъ полковъ заявилъ, что онъ не только отказывается наступать, но желаетъ уйти съ фронта и разойтись по домамъ. Комитеты пошли противъ этого теченія, но имъ заявили, что ихъ смѣстятъ. Я долго убѣждалъ полкъ и когда спросилъ согласны ли со мною, то у меня попросили разрѣшенія дать письменный отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ передо мною появился плакатъ — « миръ во что бы то ни стало, долой войну »

При дальнѣйшей бесѣдѣ однимъ изъ солдатъ было заявлено « сказано безъ аннексій, зачѣмъ же намъ эта гора ». Я отвѣтилъ « мнѣ эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающаго ее противника ».

Въ результатѣ мнѣ дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это такъ : « непріятель у насъ хорошъ и сообщилъ намъ, что не будетъ наступать, если не будемъ на-

ступать мы. Намъ важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей : зачѣмъ же калѣчиться? ».

Но этотъ случай единичный. Чаще войска, особенно находящіяся въ резервѣ, отзывчиво относятся ко взглядамъ о необходимости продолжать войну.

Воззванія противника, написанныя хорошимъ русскимъ языкомъ, братанье съ противникомъ и распространяемая въ большомъ количествѣ экземпляровъ газета « Правда » приводятъ къ тому, что несмотря на то, что офицерскій составъ желаетъ драться, вліянія онъ не имѣетъ. Наступленіе является поэтому дѣломъ чрезвычайно труднымъ.

Необходима дисциплина; нежелательна старая, но нужно подтвердить авторитетъ офицеровъ правительству и Совѣту. Если этого не будетъ, то исчезнетъ, что есть.

Наступленіе или оборона? Успѣхъ возможенъ только при наступленіи. При пассивной оборонѣ всегда прорвутъ фронтъ. Если войска дисциплинированы, то прорывъ можно еще ликвидировать. Но не надо забывать, что теперь дисциплинированныхъ войскъ нѣтъ, они не обучены, офицеры не имѣютъ власти. Успѣхъ противника при такихъ условіяхъ легко можетъ повести къ катастрофѣ. Поэтому необходимо внушить массѣ взглядъ, что надо не обороняться, а наступать.

Одинъ изъ выдающихся корпусовъ занималъ пассивный участокъ. Когда его хотѣли смѣнить, съ цѣлью поставить на активный участокъ, то корпусъ отказался уйти, желая остаться на прежнемъ участкѣ и одновременно разослалъ телеграммы « всѣмъ ».

Армія должна знать, что неисполненія приказаній никто не одобряетъ, и тогда дисциплина, въ размѣрахъ необходимыхъ намъ для войны, возстановится. Я дѣлаю все. Но взываю къ Совѣту помочь мнѣ выполнить долгъ, такъ какъ мои усилія недостаточны.

Кромѣ того, наступленію мѣшаетъ неподготовленность тыла : запасовъ продовольствія нѣтъ — мы живемъ изо дня въ день; конскій составъ въ ужасающемъ видѣ — есть даже падежъ отъ безкормицы; не хватаетъ обозовъ; отпущены рабочія руки, благодаря этому дороги въ отчаянномъ состояніи; нехватаетъ людей, такъ какъ противникъ увеличиваетъ срокъ службы, мы же его уменьшаемъ.

И такъ, намъ недостаетъ многого. Но все таки численное превосходство на нашей сторонѣ. Если противникъ справится съ французами и англичанами, то затѣмъ бросится на насъ и тогда намъ будетъ нехорошо.

Намъ нужно сильное правительство, на которое мы могли бы опираться и мы привѣтствуемъ отъ всего сердца коалиціонное правительство. Власть только тогда крѣпка, когда опирается на армію, олицетворяющую вооруженную силу народа.

Генералъ Драгомировъ. Я дополню картину, нарисованную генераломъ Брусиловымъ, оцѣнкой положенія на Риго-Двинскомъ фронтѣ, прикрывающемъ Петроградъ. Распоряженія къ намъ приходили всегда позже, опережаемыя живой почтой. Въ арміяхъ создалось впечатлѣніе, что начальство скрываетъ получаемые приказы, и создался расколъ между офицерами и солдатами. Послѣ большихъ усилій удалось привести армію въ болѣе или менѣе нормальное состояніе. Подъ словомъ « нормальное состояніе » я понимаю лишь прекращеніе эксцессовъ.

Господствующее настроеніе въ арміи — жажда мира. Популярность въ арміи легко можетъ завоевать всякій, кто будетъ проповѣдывать миръ безъ аннексій и предоставленіе самоопредѣленія народностямъ. Своеобразно понявъ лозунгъ « безъ аннексій », не будучи въ состояніи уразумѣть положеніе различныхъ народовъ, темная масса все чаще и чаще задаетъ вопросъ : « почему къ нашему заявленію не присоединяется демократія нашихъ союзниковъ? » Стремленіе къ миру является настолько сильнымъ, что приходящія пополненія отказываются брать вооруженіе — « зачѣмъ намъ, мы воевать не собираемся ». Работы прекратились. Необходимо принимать даже мѣры, чтобы не разбирали обшивку въ окопахъ и чинили дороги.

Въ одномъ изъ отличныхъ полковъ на принятомъ участкѣ оказалось красное знамя съ надписью « миръ во что бы то ни стало ». Офицеръ, разорвавшій это знамя, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Цѣлую ночь группы солдатъ пятигорцевъ разыскивали по Двинску этого офицера, укрытаго штабомъ.

Ужасное слово « приверженцы стараго режима » выбросило изъ арміи лучшихъ офицеровъ. Мы всѣ желали переворота, а между тѣмъ, много офицеровъ хорошихъ, составлявшихъ гордость арміи, ушли въ резервъ только потому, что старались удержать войска отъ развала или же не умѣли приспособиться.

Но еще болѣе опасны медленныя, тягучія настроенія. Страшно развился эгоизмъ. Каждая часть думаетъ только о себѣ. Ежедневно приходитъ масса депутацій — о смѣнѣ, о снабженіи и т. п. Всѣхъ приходится убѣждать и это чрезвычайно затрудняетъ работу команднаго состава. То, что раньше выполнялось безпрекословно, теперь вызываетъ цѣлый торгъ. Приказаніе о переводѣ батареи на другой участокъ сейчасъ же вызываетъ волненіе — « Вы ослабляете насъ, значитъ измѣнники ». Когда оказалось необходимымъ вывести въ резервъ на случай дессанта противника, въ виду слабости Балтійскаго флота, одинъ корпусъ, то сдѣлать это было нельзя, всѣ заявляли — « мы и безъ того растянуты, а если еще растянемся, то не удержимъ противника ». А между тѣмъ раньше перегруппировки удавались намъ совершенно легко. Въ сентябрѣ 1915 года съ Западнаго фронта было выведено 11 корпусовъ и это спасло насъ отъ разгрома, который могъ бы рѣшить участь всей войны. Теперь

это невозможно. Каждая часть реагируетъ на малѣйшее измѣненіе.

Трудно заставить сдѣлать что либо во имя интересовъ Родины. Отъ смѣны частей, находящихся на фронтѣ, отказываются подъ самыми разнообразными предлогами : плохая погода; не всѣ вымылись въ банѣ. Былъ даже случай, что одна часть отказалась идти на фронтъ подъ тѣмъ предлогомъ, что два года тому назадъ уже стояла на позиціи подъ Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетовъ заинтересованныхъ частей.

Наряду съ этимъ сильно развилось исканіе мѣста полегче. Когда распространился слухъ о формированіи арміи въ Финляндіи, то были устранены солдатами командиры нѣсколькихъ полковъ, отказавшіеся будто бы идти въ Финляндію и пожелавшіе, ради личныхъ выгодъ, занять позицію.

При извѣстіи о томъ, что въ одной изъ казачьихъ областей было наводненіе, причемъ сильно пострадали нѣсколько станицъ, цѣлый полкъ казаковъ потребовалъ отправленія на родину. Послѣ переговоровъ удалось прійти къ соглашенію — отправить по два человѣка на взводъ.

Гордость принадлежности къ великому народу потеряна, особенно въ населеніи Поволжскихъ губерній. « Намъ не надо нѣмецкой земли, а до насъ нѣмецъ не дойдетъ; не дойдетъ и японецъ ».

Съ отдѣльными лицами можно говорить и удается добиваться желательныхъ результатовъ. Но съ общимъ настроеніемъ удается справляться лишь съ большимъ трудомъ.

Недостойно ведетъ себя лишь очень незначительная часть офицеровъ, стараясь захватить толпу и играть на ея низменныхъ чувствахъ. Въ одномъ изъ полковъ былъ вынесенъ приговоръ суда общества офицеровъ объ удаленіи изъ полка одного изъ офицеровъ. Офицеръ этотъ, собравъ группу солдатъ, апелировалъ къ нимъ, призывая заступиться за него, изгоняемаго изъ полка за то будто бы, что онъ защищалъ солдатскіе интересы. Съ большимъ трудомъ удалось успокоить собравшуюся толпу солдатъ, но офицера пришлось оставить въ полку.

Выборное право нигдѣ не было проведено полностью, но явочнымъ порядкомъ мѣстами вытѣсняли неугодныхъ, обвинивъ ихъ въ приверженности къ старому режиму, а мѣстами оставили начальниковъ, признанныхъ безусловно непригодными и подлежащими увольненію. Не было никакой возможности заставить отказаться отъ просьбъ объ оставленіи такихъ непригодныхъ лицъ.

Что касается эксцессовъ, то были отдѣльные попытки стрѣльбы по своимъ офицерамъ.

Это факты тяжелые. Но нужно помнить, что вотъ уже два мѣсяца арміи наносятся тяжелые удары и вмѣсто пользы арміи,

переворотъ принесъ колоссальный вредъ. Если такъ будетъ продолжаться дальше, то это — начало конца, армія прекратитъ существованіе, такъ какъ нельзя будетъ думать не только о наступленіи, но даже и объ оборонѣ.

Чувство самосохраненія развивается до потери самаго элементарнаго стыда, принимаетъ паническій характеръ.

Изъ 14 дивизій, описанныя явленія наблюдались въ шести.

Нѣмцы учли и отлично использовали появившееся у насъ стремленіе къ миру. Въ періодъ развала и разрухи началось братаніе, поддерживавшее это мирное направленіе, а затѣмъ уже, съ чисто провокаціонными цѣлями, германцы стали присылать парламентеровъ.

Но есть явленія и отрадныя и если мы получимъ поддержку, то разовьемъ ихъ. Хорошо настроены отдѣльныя національности — латыши, поляки, украинцы.

Самое главное — вернуть командному составу авторитетъ. Во всѣхъ послѣднихъ актахъ проглядываетъ забота только о солдатѣ.

Мой отецъ еще въ 60 годахъ прошлаго столѣтія началъ борьбу за раскрѣпощеніе солдата и введеніе разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану генеральнаго штаба, Александръ II сказалъ: «я требую отъ тебя дисциплины, а не либеральныхъ мыслей». Не мнѣ — его сыну — стоять за сохраненіе стараго порядка, но я не могу сочувствовать развалу арміи. Все, что теперь дѣлается, губитъ армію. Единственное упоминаніе объ офицерахъ — благодарность Гучкова — явилась какъ бы насмѣшкой надъ офицерами, попавшими въ резервъ.

Такъ больше продолжаться не можетъ. Намъ нужна власть. Мы воевали за Родину. Вы вырвали у насъ почву изъ подъ ногъ, потрудитесь ее теперь возстановить. Разъ на насъ возложены громадныя обязательства, то нужно дать власть, чтобы мы могли вести къ побѣдѣ милліоны порученныхъ намъ солдатъ.

Генералъ Щербачевъ. Насъ привело сюда сознаніе важности момента и лежащей на насъ громадной отвѣтственности. Намъ необходимо воскресить былую славу русской арміи и мы глубоко убѣждены, что уѣдемъ отсюда съ твердой увѣренностью, что наши доводы приняты во вниманіе.

Недавно назначенный, я успѣлъ объѣхать всѣ подчиненныя мнѣ русскія арміи, и впечатлѣніе, которое составилось у меня о нравственномъ состояніи войскъ и ихъ боеспособности, совпадаетъ съ тѣми, которыя только что были вамъ подробно изложены.

Главнѣйшая причина этого явленія — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что онъ не образованъ. Это всецѣло грѣхъ стараго правительства, смотрѣвшаго на

вопросы просвѣщенія глазами министерства внутреннихъ дѣлъ. Но съ фактами малаго пониманія массой серьезности нашего положенія, съ фактами неправильнаго истолкованія даже вѣрныхъ идей необходимо считаться.

Я не буду приводить Вамъ много примѣровъ, я укажу только на одну изъ лучшихъ дивизій русской арміи, заслужившую въ прежнихъ войскахъ названіе « желѣзной » и блестяще поддержавшую свою былую славу въ эту войну. Поставленная на активный участокъ, дивизія эта отказалась начать подготовительныя для наступленія инженерныя работы, мотивируя нежеланіемъ наступать.

Подобный же случай произошелъ на дняхъ въ сосѣдней съ этой дивизіей, тоже очень хорошей стрѣлковой дивизіи. Начатыя въ этой дивизіи подготовительныя работы были прекращены послѣ того, какъ выборными комитетами, осмотрѣвшими этотъ участокъ, было вынесено постановленіе, — прекратить ихъ, такъ какъ они являются подготовкой для наступленія.

Если мы не хотимъ развала Россіи, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной Россіи доблестно дрались; свергнувъ же правительство, стремившееся къ позорному миру, граждане свободной Россіи не желаютъ драться и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно! Но это такъ.

Причина — исчезла дисциплина; нѣтъ довѣрія къ начальникамъ; Родина — для многихъ пустой звукъ.

Эти условія тяжелы вообще, но особенно тяжелы они на румынскомъ фронтѣ, гдѣ приходится считаться не только съ болѣе тяжелыми, чѣмъ на другихъ фронтахъ, военными условіями, но и съ очень запутанной политической обстановкой.

Горный, непривычный для равниннаго жителя театръ войны угнетающе давитъ на психику войскъ; часто слышатся голоса « уберите насъ изъ этихъ проклятыхъ горъ ». Продовольственныя затрудненія, создавшіяся благодаря тому, что приходится базироваться на одну желѣзнодорожную линію, усиливаютъ это недовольство. То, что мы ведемъ борьбу на территоріи Румыніи, истолковывается, какъ борьба « за Румынію », что также не встрѣчаетъ сочувствія. Не всегда доброжелательное отношеніе мѣстныхъ жителей истолковывается, какъ нежеланіе помочь тѣмъ, кто сражается за нихъ же. Возникаютъ тренія, иногда разростающіяся вслѣдствіе того, что часть румынъ считаетъ насъ виновниками тѣхъ пораженій, которыя они понесли и изъ-за которыхъ они лишились большей части своей территоріи и достоянія.

Румынское правительство и представители союзниковъ знаютъ и учитываютъ происходящее у насъ въ арміи броженіе и отношеніе къ намъ союзниковъ мѣняется. Я лично замѣчаю,

что между нами и союзниками пробѣжала кошка: нѣтъ прежняго уваженія къ намъ, нѣтъ вѣры въ мощь русской арміи.

Я высоко держу власть, но, если развалъ арміи продолжится, то мы не только потеряемъ союзниковъ, но и сдѣлаемъ изъ нихъ враговъ. А это грозитъ намъ тѣмъ, что миръ будетъ заключенъ на нашъ счетъ.

Въ 1914 году мы прошли всю Галицію. Въ 1915 году при отступленіи мы забрали на Юго-западномъ фронтѣ 100.000 плѣнныхъ,—сами судите, что это было за отступленіе и каковъ былъ духъ войскъ. Лѣтомъ 1916 года мы спасли отъ разгрома Италію. Неужели же теперь мы измѣнимъ общему дѣлу союзниковъ и принятымъ на себя обязательствамъ?

Развалъ въ арміи на лицо, но онъ поправимъ. И если бы намъ это удалось, то черезъ 1½ мѣсяца наши доблестные офицеры и солдаты снова пойдутъ впередъ. Исторія будетъ поражена, съ какими ничтожными средствами мы добились блестящихъ результатовъ въ 1916 году. Если вы хотите поднять русскую армію и превратить ее въ мощный организмъ, который продиктуетъ условія мира, то вы должны намъ помочь. Дѣло поправимо, но лишь въ томъ случаѣ, если начальники получатъ одобреніе и довѣріе. Мы надѣемся, что вся верховная власть въ арміи будетъ передана Верховному главнокомандующему, который одинъ можетъ распоряжаться войсками. Мы исполнимъ волю Временного правительства, но дайте намъ могучую поддержку.

Генералъ Гурко. Съ чувствомъ грусти пришли мы сюда. Вы видите, что авторитетъ военныхъ начальниковъ глубоко подорванъ. Я думалъ, что волна революціи уже достигла верха и дальше пойдетъ улучшеніе, но — я ошибся.

Если вы хотите продолжать войну до желательнаго намъ конца, то необходимо вернуть арміи власть.

А между тѣмъ, мы получили проектъ деклараціи. Гучковъ не нашелъ возможнымъ подписать ее и ушелъ. Я долженъ сказать, что, если штатскій человѣкъ ушелъ, отказавшись ее подписать, то для насъ, начальниковъ, она непріемлема. Она создастъ полное разрушеніе всего уцѣлѣвшаго.

А, вѣдь, она должна дойти до самой маленькой ячейки — до роты.

Коснусь вопроса объ отданіи чести. Можете назвать его привѣтствіемъ, но оно должно быть обязательнымъ. Въ самомъ элементарномъ обществѣ установлено взаимное привѣтствіе и считается оскорбленіемъ, если одинъ изъ знакомыхъ умышленно не привѣтствуетъ другого. Войдите въ шкуру тѣхъ, кто на этой почвѣ столкнется въ бою. Какія отношенія признаются деклараціей нормальными, если узаконить это неуваженіе къ начальнику.

Домъ не строятъ изъ однихъ кирпичей. Если вы введете декларацію, то армія разсыпется въ песокъ.

Надо торопиться. Время не терпитъ. Необходимо создать нормальныя условія для совмѣстной работы тѣхъ, кто вмѣстѣ отдаетъ Родинѣ свою жизнь и свое здоровье. Если вы не сдѣлаете этого теперь, то скоро уже ничего не будетъ.

Я разскажу Вамъ одинъ эпизодъ изъ періода, когда я временно исполнялъ должность начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго.

13 февраля с. г. я долго убѣждалъ бывшаго царя дать отвѣтственное министерство. Какъ послѣдній козырь я выставилъ наше международное положеніе, отношеніе къ намъ союзниковъ, указалъ на возможныя послѣдствія, но тогда моя карта была бита.

Наше международное положеніе я хочу охарактеризовать теперь.

Прямыхъ указаній, какъ реагируютъ наши союзники на нашъ отказъ отъ продолженія борьбы нѣтъ. Мы не можемъ потребовать, чтобы они высказали свои сокровенныя мысли, но, подобно тому, какъ на войнѣ намъ часто приходится рѣшать вопросъ « за противника », такъ и здѣсь попытаемся разобраться рѣшая « за союзниковъ ».

Начать было легко, но волна революціи захлестнула насъ. Я надѣюсь, что благодаря здравому смыслу мы переживемъ все. Если же этого не будетъ, если союзники убѣдятся въ нашемъ безсиліи, то при принципахъ реальной политики, у нихъ будетъ единственный выходъ — заключить сепаратный миръ. И при этомъ они даже не нарушатъ обязательствъ, такъ какъ, вѣдь, мы обязались драться совмѣстно, а теперь стоимъ. Если же одинъ дерется, а другой, какъ какой-то китайскій драконъ, сидящій въ окопахъ, ожидаетъ результата драки, то согласитесь, что у того, кто дерется, можетъ возникнуть мысль о сепаратномъ мирѣ. И этотъ миръ будетъ заключенъ, конечно, на нашъ счетъ. Отъ нашихъ союзниковъ австро-германцы ничего получить не могутъ — финансы разстроены, а естественныхъ богатствъ нѣтъ; наши финансы тоже разстроены, но у насъ есть огромныя нетронутыя естественныя богатства. Но къ такому рѣшенію союзники придутъ, конечно, въ крайности, такъ какъ это будетъ не миръ, а длительное перемиріе. Отъѣвшись на нашъ счетъ, воспитанные на идеалахъ 19 вѣка, германцы вновь обрушатся на насъ и нашихъ бывшихъ союзниковъ.

Вы, можетъ быть, возразите — если это возможно, то отчего бы не заключить намъ сепаратный миръ раньше. Тутъ я прежде всего затрону нравственную сторону. Вѣдь обязалась Россія, а не ея бывшій самодержецъ. Мнѣ былъ извѣстенъ, когда вы этого еще не знали, фактъ двоедушія Романова, заключившаго вскорѣ послѣ 1904-1905 года союзъ съ Вильгельмомъ, когда

еще дѣйствовалъ франко-русскій союзъ. Свободный русскій народъ, самъ отвѣтственный за свои поступки, не можетъ отступиться отъ своихъ обязательствъ. Но если даже откинуть моральную сторону, то остается сторона физическая. Если только мы начнемъ переговоры, то въ тайнѣ это остаться не можетъ. Черезъ 2-3 дня объ этомъ узнаютъ наши союзники. Они тогда также вступятъ въ переговоры и начнется аукціонъ — кто больше дастъ. Союзники, конечно, богаче насъ, но борьба тамъ еще не кончена, а кромѣ того за нашъ счетъ наши противники могутъ получить значительно больше.

Съ точки зрѣнія именно международнаго положенія намъ надо доказать, что мы еще можемъ воевать. Я не буду продолжать революціонированія арміи, такъ какъ, если это продолжится, то мы можемъ оказаться не въ состояніи не только наступать, но даже и обороняться. Оборона еще гораздо труднѣе. Въ 1915 году мы отступали — начальники приказывали и ихъ слушали; вы могли требовать съ насъ, такъ какъ мы воспитали армію. Теперь положеніе иное — вы создали нѣчто совершенно новое и отняли у насъ власть; накладывать теперь отвѣтственность на насъ нельзя — она ляжетъ всецѣло на ваши головы.

Вы говорите — « революція продолжается ». Послушайте насъ — мы больше знакомы съ психологіей войскъ, мы пережили съ ними и славныя и печальныя страницы. Пріостановите революцію и дайте намъ, военнымъ, выполнить до конца свой долгъ и довести Россію до состоянія, когда вы можете продолжать свою работу. Иначе мы вернемъ вамъ не Россію, а поле, гдѣ сѣять и собирать будетъ нашъ врагъ, и васъ проклянетъ та же демократія. Такъ какъ именно она пострадаетъ, если побѣдятъ германцы; именно она останется безъ куска хлѣба. Вѣдь крестьяне всегда просуществуютъ своей землей.

Про прежнее правительство говорили, что оно « играетъ въ руку Вильгельма ». Неужели то-же можно сказать про васъ? Что же это за счастье Вильгельму! Играютъ ему въ руку и монархи, и демократія.

Армія наканунѣ разложенія. Отечество въ опасности и близко къ гибели. Вы должны помочь. Разрушать легче, и если вы умѣли разрушить, то умѣйте и возстановить.

Генералъ Алексѣевъ. Главное сказано, и это правда. Армія на краю гибели. Еще шагъ — и она будетъ ввергнута въ бездну, увлечетъ за собою Россію и ея свободы, и возврата не будетъ. Виновны — всѣ. Вина лежитъ на всемъ, что творилось въ этомъ направленіи за послѣдніе 2½ мѣсяца. Мы сдѣлали все возможное, отдаемъ и теперь всѣ силы, чтобы оздоровить армію. Мы вѣримъ А. Ф. Керенскому, что онъ вложитъ всѣ силы ума, вліянія и характера, чтобы помочь намъ. Но этого недостаточно. Должны помочь и тѣ, кто разлагалъ. Тотъ, кто издавалъ при-

казъ № 1, долженъ издать рядъ приказовъ и разъясненій.

Армія — организмъ хрупкій; вчера она работала; завтра она можетъ обратиться противъ Россіи. Въ этихъ стѣнахъ можно говорить о чемъ угодно, но нужна сильная твердая власть; безъ нея невозможно существовать. До арміи долженъ доходить только приказъ министра [1]) и главнокомандующаго, и мѣшать этимъ лицамъ никто не долженъ.

Мы всѣ отдаемъ себя Родинѣ. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмѣшивайтесь. Если хотите, то назначьте такихъ, которые будутъ дѣлать передъ вами реверансы.

Скажите здоровое слово, что безъ дисциплины армія не можетъ существовать. Духъ критики заливаетъ армію и долженъ прекратиться, иначе онъ погубитъ ее.

Если будетъ издана декларація, то, какъ говорилъ генералъ Гурко, всѣ оставшіеся маленькіе устои, надежды рухнутъ. Погодите, время будетъ. То, что уже дано, не переварено за эти 2½ мѣсяца. У насъ есть уставы, гдѣ указаны и права и обязанности; всѣ же появляющіяся теперь распоряженія говорятъ только о правахъ.

Выбейте идею, что миръ придетъ самъ по себѣ. Кто говоритъ — не надо войны, тотъ измѣнникъ; кто говоритъ — не надо наступленія, тотъ трусъ.

У васъ есть люди убѣжденные; пусть пріѣдутъ къ намъ и не метеоромъ промелькнутъ, а поживутъ и устранятъ сложившіеся предразсудки. У васъ есть печать — пусть подниметъ она любовь къ Родинѣ и потребуетъ исполненія каждымъ его обязанностей.

Матеріальные недостатки мы переживемъ; духовные же требуютъ немедленнаго леченія. Если въ теченіе ближайшаго мѣсяца мы не оздоровѣемъ, то вспомните, что говорилъ генералъ Гурко о нашемъ международномъ положеніи. Работать мы будемъ; помогите же намъ и вы.

Кн. Львовъ. Мы выслушали слово главнокомандующихъ, понимаемъ все сказанное и исполнимъ свой долгъ, во имя родины, до конца.

Церетелли. Тутъ нѣтъ никого, кто способствоалъ бы разложенію арміи, кто игралъ бы въ руку Вильгельма.

Я слышалъ упрекъ, что Совѣтъ способствовалъ разложенію арміи. Между тѣмъ, всѣ признаютъ, что если у кого въ настоящее время и есть авторитетъ, то только у Совѣта. Что было бы, если бы его не было? Къ счастію демократія помогла дѣлу, и у насъ есть вѣра въ спасеніе.

---

[1]) Ген. Алексѣевъ мирился даже съ установленіемъ офиціально власти военнаго министра надъ арміей въ военное время.

Какъ идти вамъ? У васъ могутъ быть два пути : одинъ — отвергнуть политику Совѣта, но тогда у васъ не будетъ никакого источника власти, чтобы собрать армію и направить ее для спасенія Родины; другой путь — это путь вѣрный, испытанный нами, путь единенія съ народными желаніями и чаяніями.

Если командный составъ не объяснилъ ясно, что вся сила арміи, поставленной для защиты страны, въ наступленіи, то нѣтъ такой магической палочки, которая могла бы это сдѣлать.

Говорятъ, что лозунгъ «безъ аннексій и контрибуцій» внесъ разложеніе въ армію, въ массы. Возможно, что онъ былъ понятъ неправильно, но надо было разъяснить, что это — конечная цѣль; отказаться же отъ этого лозунга нельзя. Мы сами сознаемъ, что Родина въ опасности, но защита ея — дѣло всего русскаго народа.

Власть должна быть единой и пользоваться довѣріемъ, но путь для этого — разрывъ со старой политикой. Единеніе можетъ быть основано только на довѣріи, котораго ничѣмъ нельзя купить.

Идеалы Совѣта не есть идеалы отдѣльныхъ кучекъ; это идеалы всей страны; отказаться отъ нихъ, значитъ отказаться отъ всей страны.

Вамъ, можетъ быть, былъ бы понятенъ приказъ № 1, если бы вы знали обстановку, въ которой онъ былъ изданъ. Передъ нами была неорганизованная толпа и ее надо было организовать.

Масса солдатъ хочетъ продолжать войну. Тѣ, кто не хотятъ этого, неправы, и я не хочу думать, чтобы не хотѣли они изъ-за трусости. Это результатъ недовѣрія. Дисциплина должна быть. Но если солдатъ пойметъ, что вы не боретесь противъ демократіи, то онъ повѣритъ вамъ. Этимъ путемъ можно спасти армію. Этимъ путемъ Совѣтъ укрѣпилъ свой авторитетъ.

Есть только одинъ путь спасенія — путь довѣрія и демократизаціи страны и арміи. Совѣтъ заслужилъ довѣріе этимъ путемъ и имѣетъ теперь возможность проводить свои взгляды, и пока это такъ, еще не все потеряно. Укрѣпляйте же довѣріе къ совѣту!

Генералъ Алексѣевъ. Не думайте, что 5 человѣкъ, которые говорили здѣсь, не присоединились къ революціи. Мы искренно присоединились и зовемъ васъ къ совмѣстной работѣ. Я сказалъ — посылайте къ намъ лучшихъ людей, пусть они работаютъ вмѣстѣ съ нами. Мои слова звучали горечью, но не упрекомъ. Не упрекъ, а призывъ я посылаю вамъ.

Скобелевъ. Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать упреки. Что происходитъ въ арміи, мы знаемъ. То положеніе, которое вы описали, дѣйствительно внушаетъ тревогу. Достигнуть при всемъ этомъ конечныхъ цѣлей, выйти съ честью изъ

создавшагося положенія, будетъ зависѣть отъ величія духа русскаго народа.

Я считаю необходимымъ разъяснить ту обстановку, при которой былъ изданъ приказъ № 1. Въ войскахъ, которыя свергли старый режимъ, командный составъ не присоединился къ возставшимъ и, чтобы лишить его значенія, мы были вынуждены издать приказъ № 1. У насъ была скрытая тревога, какъ отнесется къ революціи фронтъ. Отдаваемыя распоряженія внушали опасенія. Сегодня мы убѣдились, что основанія для этого были. Необходимо сказать правду: мѣропріятія командного состава привели къ тому, что за 2½ мѣсяца армія не уразумѣла происшедшаго переворота.

Мы понимаемъ, что вамъ не легко. Но когда намъ говорятъ — прекратите революцію, то мы должны отвѣтить, что революція не можетъ начинаться и прекращаться по приказу. Революція можетъ войти въ свое нормальное русло, когда мозговой процессъ революціи, какъ вѣрно здѣсь было опредѣлено, охватитъ всю Россію, когда ее уразумѣютъ 70% неграмотныхъ.

Мы отнюдь не домогаемся выборнаго командного состава.

Мы согласны съ вами, что у насъ есть власть, что мы сумѣли ее заполучить. Но когда вы поймете задачи революціи и дадите уразумѣть народу объявленные лозунги, то получите ее и вы.

Народъ долженъ знать, для чего онъ воюетъ. Вы ведете армію, чтобы разгромить врага, и вы должны разъяснить, что стратегическое наступленіе необходимо для осуществленія заявленныхъ принциповъ.

Мы возлагаемъ надежды на новаго военнаго министра и надѣемся, что министръ-революціонеръ продолжитъ нашу работу и ускоритъ мозговой процессъ революціи въ тѣхъ головахъ, въ которыхъ онъ протекаетъ слишкомъ медленно.

Военный министръ Керенскій. Я долженъ сказать присутствующимъ, какъ министръ и какъ членъ правительства, что мы стремимся спасти страну и возстановить активность и боеспособность русской арміи. *Отвѣтственность мы беремъ на себя, но получаемъ и право вести армію и указывать ей путь дальнѣйшаго развитія.*

Тутъ никто никого не упрекалъ. Каждый говорилъ, что онъ перечувствовалъ. Каждый искалъ причину происходящихъ явленій. Но наши цѣли и стремленія — однѣ и тѣ же. Временное правительство признаетъ огромную роль и организаціонную работу Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, иначе я не былъ бы военнымъ министромъ. Никто не можетъ бросить упрекъ этому Совѣту. Но никто не можетъ упрекать и командный составъ, такъ какъ офицерскій составъ вынесъ тяжесть революціи на своихъ плечахъ такъ-же, какъ и весь русскій народъ.

Всѣ поняли моментъ. Теперь, когда мои товарищи входятъ въ правительство, легче выполнить то, къ чему мы совмѣстно идемъ. Теперь одно дѣло — спасти нашу свободу.

Прошу ѣхать на ваши посты и помнить, что за вами и за арміей — вся Россія.

Наша задача — освободить страну до конца. Но этотъ конецъ самъ не придетъ, если мы не покажемъ всему міру, что мы сильны своей силой и духомъ.

Генералъ Гурко. Мы съ вами (возраженіе Скобелеву и Церетелли) разсуждаемъ въ разныхъ плоскостяхъ. Главное, основное условіе существованія арміи — дисциплина. Мѣрило стойкости части, это тотъ процентъ потерь, который она можетъ понести, не теряя боеспособности. Я 8 мѣсяцевъ пробылъ въ южно-африканскихъ республикахъ и видѣлъ тамъ части двухъ родовъ : 1) небольшія, дисциплинированныя и 2) добровольческія, недисциплинированныя. И вотъ, въ то время, какъ первыя при потеряхъ даже до 50% продолжали вести бой и не теряли боеспособности, вторыя, несмотря на то, что составлены были изъ добровольцевъ, отдававшихъ себѣ отчетъ, за что они сражаются, уже послѣ 10% потерь оставляли ряды и бросали поле битвы; и не было силы, которая могла бы заставить ихъ драться. Вотъ разница между войсками дисциплинированными и недисциплинированными.

Мы просимъ дать дисциплину. Мы все дѣлаемъ и убѣждаемъ. Но необходимъ и вашъ авторитетный голосъ.

Надо помнить, что если противникъ перейдетъ въ наступленіе, то мы разсыпемся, какъ карточный домъ

Если вы не откажетесь отъ революціонированія арміи, то возьмите сами власть въ свои руки.

Князь Львовъ. Цѣли у насъ однѣ и тѣ-же и каждый выполнитъ свой долгъ до конца. Позвольте поблагодарить васъ, что вы пріѣхали и подѣлились съ нами.

***

Засѣданіе окончилось. Главнокомандующіе разъѣхались по фронтамъ, унося съ собою ясное сознаніе въ томъ, что послѣдняя ставка проиграна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ того же дня началась травля совѣтскими ораторами и печатью генераловъ Алексѣева, Гурко и Драгомирова, предрѣшившая оставленіе ими арміи.

9 мая, какъ я уже говорилъ, Керенскій, отдавъ предварительно приказъ о недопущеніи ухода со своихъ постовъ старшихъ начальниковъ « изъ желанія уклониться отъ отвѣтственности », утвердилъ « декларацію ».

Какое же впечатлѣніе произвело опубликованіе этого рокового акта?

Керенскій *впослѣдствіи* оправдывался тѣмъ, что законъ былъ составленъ до принятія имъ поста военнаго министра и одобренъ какъ Исполнительнымъ комитетомъ, такъ и « военными авторитетами », и онъ не имѣлъ никакого основанія не утверждать его; словомъ, былъ вынужденъ сдѣлать это. Но я помню не одну изъ рѣчей Керенскаго, когда онъ, считая свой путь наиболѣе вѣрнымъ, *гордился* своею смѣлостью, выразившейся въ изданіи закона, « который не осмѣлился подписать Гучковъ », — закона, противъ котораго протестовалъ весь командный составъ.

Исполнительный комитетъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 13 мая отозвался на декларацію восторженнымъ воззваніемъ, въ которомъ убогая мысль остановилась исключительно на вопросѣ — объ отданіи чести : « ... два мѣсяца мы ждали этого дня... Теперь солдатъ сталъ гражданиномъ по закону... Отнынѣ солдатъ-гражданинъ освободился отъ рабскаго отданія чести, и какъ равный, свободный, будетъ привѣтствовать того, кого желаетъ... Дисциплина въ революціонной арміи будетъ существовать народнымъ энтузіазмомъ..., а не обязательнымъ отданіемъ чести »...

Люди съ такимъ кругозоромъ взялись перестраивать армію!

Впрочемъ, большинство революціонной демократіи совѣтовъ не удовлетворилось деклараціей. Ее называли « новымъ закрѣпощеніемъ солдата ». Началась устная и печатная борьба за дальнѣйшее расширеніе солдатскихъ правъ. Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ призналъ, что приказъ, давъ прочную основу для демократизаціи арміи, не подтвердилъ, однако, еще многихъ существенныхъ правъ солдата-гражданина. Докладчики оборонческаго блока требовали отвода и аттестаціи командного состава войсковыми комитетами, свободы слова и въ служебное время, а главное отмѣны § 14-го деклараціи, предоставляющаго начальнику примѣнять въ боевой обстановкѣ оружіе противъ подчиненныхъ, неисполняющихъ приказаніе... Объ отрицательномъ отношеніи къ закону лѣваго, пораженческаго сектора совѣта и съѣзда не приходится ужъ и говорить.

Либеральная печать, не вникнувъ въ значеніе закона, отнеслась къ нему совершенно несерьезно. А кадетскій офиціозъ [1]) отозвался даже статьей, въ которой выражалось живѣйшее удовлетвореніе тѣмъ, что декларація « даетъ каждому солдату возможность участвовать въ политической жизни страны, раскрѣпощаетъ его окончательно отъ оковъ стараго режима, выводитъ изъ затхлой атмосферы прежней казармы на свѣжій воздухъ свободы... » Что « арміи всѣхъ странъ міра

[1]) « Рѣчь », 11 мая.

стоятъ вдали отъ политической жизни, тогда какъ русская армія становится первой арміей, живущей всей полнотой политическихъ правъ!..» Даже «Новое Время» писало въ передовой статьѣ: «Знаменательный день! Сегодня великая армія могучей Россіи стала дѣйствительно арміей революціи!... Отношенія воиновъ всѣхъ степеней отнынѣ слагаются на общей основѣ — *сознаніи долга*, равно обязательномъ для каждаго гражданина. И революціонная армія обновленной Россіи пойдетъ на великое испытаніе кровью — съ вѣрой въ побѣду и миръ».

Какъ трудно было бороться за сохраненіе арміи командному составу, встрѣчавшему даже въ кругахъ, которые считались оплотомъ попираемой русской государтсвенности, такое грубое непониманіе основныхъ началъ существованія арміи!...

Начальники еще ниже опустили головы.

А армія... съ удвоенной быстротой покатилась въ пропасть.

ГЛАВА XXIII.

Печать и пропаганда извнѣ.

На ряду съ аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, въ послѣдней мiровой войнѣ появилось новое могучее средство борьбы — *пропаганда*. Собственно говоря, оно не совсѣмъ новое, ибо еще въ 1826 г. въ засѣданiи англійской палаты депутатовъ министръ Каннингъ говорилъ : « если намъ придется участвовать когда-либо въ войнѣ, мы соберемъ подъ наши знамена всѣхъ мятежныхъ, всѣхъ основательно или безъ причины недовольныхъ въ каждой странѣ, которая пойдетъ противъ насъ ». Но теперь это средство достигло необычайнаго развитія, напряженія и организованности, поражая наиболѣе болѣзненныя и воспріимчивыя мѣста народной психики. Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англіи, Франціи и Америки, въ особенности Англіи, вели страшную борьбу словомъ, печатью, фильмами и... валютой, распространяя эту борьбу на территоріи вражескія, союзническія и нейтральныя, внося ее въ области военную, политическую, моральную и экономическую. Тѣмъ болѣе, что Германія въ особенности давала достаточно поводовъ для того, чтобы пропаганда обладала обильнымъ и неопровержимо уличительнымъ матеріаломъ. Трудно перечислить, даже въ общихъ чертахъ, тотъ огромный арсеналъ идей, которыя шагъ за шагомъ, капля по каплѣ, углубляли соціальную рознь, подрывали государственную власть, подтачивали духовныя силы враговъ и вѣру ихъ въ побѣду, разъединяли ихъ союзъ, возбуждали противъ нихъ нейтральныя державы, наконецъ, подымали падающее настроеніе своихъ собственныхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, придавать исключительное значеніе этому моральному воздѣйствію извнѣ, какъ это дѣлаютъ теперь вожди нѣмецкаго народа въ оправданіе свое, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ : Германія потерпѣла пораженіе политическое, экономическое, военное и моральное. Только взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ предрѣшило фатальный для нея исходъ борьбы, обратившейся подъ конецъ въ длительную агонію. Можно было лишь удивляться жизнеспособности нѣмецкаго народа, который, въ силу интеллектуальной мощи и устойчивости политическаго мышленія,

продержался такъ долго, пока, наконецъ, въ ноябрѣ 1918 г., « двойной смертельный ударъ какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу » не сразилъ его. При этомъ исторія несомнѣнно отмѣтитъ большую аналогію въ той роли, которую сыграли « революціонныя демократіи » Россіи и Германіи въ судьбахъ этихъ народовъ. Вождь нѣмецкихъ независимыхъ соціалъ-демократовъ послѣ разгрома познакомилъ страну съ той большой и систематической работой, которую они вели съ начала 1918 г. для разрушенія нѣмецкой арміи и флота во славу соціальной революціи. Въ этой работѣ поражаетъ сходство пріемовъ и методовъ съ тѣми, которые практиковались въ Россіи.

Не будучи въ силахъ бороться противъ пропаганды англійской и французской, нѣмцы съ большимъ, однако, успѣхомъ примѣняли это средство въ отношеніи своего восточнаго противника, тѣмъ болѣе, что « Россія творила свое несчастье сама, — говорилъ Людендорфъ — и работа, которую мы вели тамъ, не была слишкомъ труднымъ дѣломъ ».

Результаты взаимодѣйствія искусной нѣмецкой руки и теченій, возникавшихъ не столько изъ факта революціи, сколько изъ самобытной природы русскаго бунта, превзошли самыя смѣлыя ожиданія нѣмцевъ.

Работа велась въ трехъ направленіяхъ — въ политическомъ, военномъ и соціальномъ. Въ первомъ необходимо отмѣтить совершенно ясно и опредѣленно поставленную и послѣдовательно проводимую нѣмецкимъ правительствомъ *идею расчлененія Россіи*. Осуществленіе ея вылилось въ провозглашеніе 5 ноября 1916 г. польскаго королевства [1]), *съ территоріей, которая должна была распространяться въ восточномъ направленіи « какъ можно далѣе »*; въ созданіи « независимыхъ », но находящихся въ уніи съ Германіей — Курляндіи и Литвы; въ раздѣлѣ Бѣлорусскихъ губерній между Литвой и Польшей и, наконецъ, въ длительной и весьма настойчивой подготовкѣ отпаденія Малороссіи, осуществленнаго позднѣе, въ 1918 г. Поскольку первые факты имѣли лишь принципіальное значеніе, касаясь земель фактически оккупированныхъ нѣмцами и предопредѣляя характеръ будущихъ « анексій », постольку позиція, занятая центральными державами въ отношеніи Малороссіи, оказывала непосредственное вліяніе на устойчивость важнѣйшаго нашего Юго-западнаго фронта, вызывая политическія осложненія въ краѣ и сепаратныя стремленія въ арміи. Къ этому вопросу я вернусь впослѣдствіи.

Въ составъ нѣмецкой главной квартиры входило прекрасно организованное « бюро прессы », которое, помимо воздѣйствія и направленія отечественной печати, руководило и пропаган-

---

[1]) Возстановленіе Польши въ *этнографическихъ* границахъ предусматривалось и Россіей.

дой, проникавшей преимущественно въ Россію и Францію. Милюковъ приводитъ циркуляръ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ всѣмъ представителямъ его въ нейтральныхъ странахъ : «Доводится до вашего свѣдѣнія, что на территоріи страны, въ которой вы акредитованы, основаны спеціальныя конторы для организаціи пропаганды въ государствахъ, воюющихъ съ германской коалиціей. Пропаганда коснется возбужденія соціальнаго движенія и связанныхъ съ послѣднимъ забастовокъ, революціонныхъ вспышекъ, сепаратизма составныхъ частей государства и гражданской войны, а также агитаціи въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой бойни. Предлагаемъ вамъ оказывать всемѣрное покровительство и содѣйствіе руководителямъ означенныхъ пропагандистскихъ конторъ ».

Любопытно, что лѣтомъ 1917 г. англійская печать ополчилась на посла Бьюкенена и свое министерство пропаганды за полную инертность ихъ въ дѣлѣ воздѣйствія на русскую демократію и въ отношеніи борьбы противъ нѣмецкой пропаганды въ Россіи. Одна изъ газетъ указывала, что англійское бюро русской пропаганды возглавляется романистомъ и начинающими писателями, которые « о Россіи имѣютъ такое-же понятіе, какъ о китайскихъ метафизикахъ ».

У насъ, ни въ правительственномъ аппаратѣ, ни въ Ставкѣ не было совершенно органа, хоть до нѣкоторой степени напоминающаго могучія западно-европейскія учрежденія пропаганды. Одно изъ отдѣленій генералъ-квартирмейстерской части вѣдало техническими вопросами сношенія съ печатью и не имѣло ни значенія, ни вліянія, ни какихъ-либо активныхъ задачъ. Русская армія — плохо-ли, хорошо-ли — воевала первобытными способами, не прибѣгая никогда къ такъ широко практиковавшемуся на Западѣ « отравленію души » противника. И платила за это лишними потоками крови. Но, если относительно моральной стороны разрушительной пропаганды существуетъ два мнѣнія, то нельзя не отмѣтить нашей полной инертности и бездѣятельности въ другой, совершенно чистой области. Мы не дѣлали рѣшительно ничего, чтобы познакомить зарубежное общественное мнѣніе съ той исключительной по значенію ролью, которую играла Россія и русская армія въ міровой войнѣ; съ тѣми огромными потерями и жертвами, которыя приносилъ русскій народъ, съ тѣми постоянными, и, быть можетъ, непонятными холодному разсудку нашихъ западныхъ друзей и враговъ величественными актами самопожертвованія, которое проявляла русская армія каждый разъ, когда фронтъ союзниковъ былъ на волоскѣ отъ пораженія... Такое непониманіе роли Россіи я встрѣчалъ почти повсюду въ широкихъ общественныхъ кругахъ даже долгое время спустя послѣ заключенія мира, скитаясь по Европѣ. Карикатурнымъ, но весьма характернымъ

показателемъ его служитъ мелкій эпизодъ: на знамени — хоругви, поднесенной маршалу Фошу «отъ американскихъ друзей», изображены флаги всѣхъ государствъ, мелкихъ земель и колоній, такъ или иначе входившихъ въ орбиту Антанты въ великую войну; флагъ Россіи поставленъ на ... 46-ое мѣсто, послѣ Гаити, Урагвая и непосредственно за Санъ-Марино...

Невѣжество или пошлость?

Мы не сдѣлали ничего, чтобы заложить прочный нравственный фундаментъ національнаго единства за время окупаціи Галиціи, не привлекли къ себѣ общественнаго мнѣнія занятой русскими войсками Румыніи, не предприняли ничего, чтобы удержать отъ предательства славянскихъ интересовъ болгарскій народъ, наконецъ, не использовали вовсе пребываніе на русской территоріи огромной массы плѣнныхъ для того, хотя бы, чтобы дать имъ правильное представленіе о Россіи.

Императорская Ставка, наглухо замкнувшаяся въ сферѣ чисто военныхъ вопросовъ веденія кампаніи, не дѣлала никакихъ попытокъ, чтобы пріобрѣсть вліяніе на общій ходъ политическихъ событій, что совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ *служебнаго* существованія народной арміи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставка рѣшительно уклонилась отъ воздѣйствія на общественное настроеніе страны, чтобы привлечь этотъ могущественный факторъ къ моральному содѣйствію въ борьбѣ. Не было никакой связи съ большою печатью, которая представлена была въ Ставкѣ лицами, не имѣвшими ни вліянія, ни значенія.

Когда грянула революція и политическій вихрь захватилъ и закружилъ армію, Ставка не могла долѣе оставаться инертной. Надо было откликнуться. Тѣмъ болѣе, что въ Россіи вдругъ не оказалось вовсе источника моральной силы, охраняющаго армію: правительство, въ особенности военное министерство, шло неудержимо по пути оппортунизма; Совѣтъ и соціалистическая печать разрушали армію; буржуазная печать то взывала къ консуламъ «чтобы имперія не потерпѣла ущерба», то наивно радовалась «демократизаціи и раскрѣпощенію»... Даже въ компетентныхъ, казалось бы, кругахъ петроградской высшей военной бюрократіи шелъ полный разбродъ мысли, ставившій въ недоумѣніе и растерянность общественное мнѣніе страны.

Оказалось, однако, что въ Ставкѣ для борьбы нѣтъ ни аппарата, ни людей, ни техники, ни знанія и опыта. А главное, что Ставка оказалась какъ-то оттертой, отброшенной въ сторону бѣшенно мчавшейся колесницей жизни. Голосъ ея ослабѣлъ и затихъ.

2-му генералъ-квартирмейстеру, генералу Маркову, предстояла большая работа — создать аппаратъ, установить связь съ крупной прессой, дать «рупоръ» Ставкѣ и поднять влачившую жалкое существованіе армейскую печать, на которую уже посягали войсковыя организаціи. Марковъ горячо взялся за

это дѣло, но, въ теченіе менѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ должности, ничего серьезнаго сдѣлать не успѣлъ. Всякое начинаніе Ставки въ этомъ направленіи подвергалось со стороны революціонной демократіи злостному обвиненію въ контръ-революціонности. А либерально-буржуазная Москва, къ которой онъ обратился за содѣйствіемъ въ смыслѣ интеллектуальной и технической помощи дѣлу, отвѣтила широковѣщательными обѣщаніями и абсолютно ничего не сдѣлала.

Такимъ образомъ, у Ставки не было никакихъ средствъ не только для веденія активной борьбы противъ разложенія арміи, но и для противодѣйствія нѣмецкой пропагандѣ, все болѣе и болѣе разроставшейся.

***

Людендорфъ откровенно, съ доходящимъ до высокаго цинизма національнымъ эгоизмомъ говоритъ: « Я не сомнѣвался, что разгромъ русской арміи и русскаго народа представляетъ большую опасность для Германіи и Австро-Венгріи... Наше правительство, *пославъ Ленина въ Россію*, взяло на себя огромную отвѣтственность! Это путешествіе оправдывалось съ военной точки зрѣнія: *нужно было, чтобы Россія пала*. Но наше правительство должно было принять мѣры, чтобы этого не случилось съ Германіей »... [1])

Безконечныя страданія русскаго народа, уже « вышедшаго изъ строя », даже теперь не вызывали ни слова сожалѣнія и раскаянія у духовныхъ его растлителей...

Съ началомъ кампаніи нѣмцы измѣнили направленіе своей работы въ отношеніи Россіи: не нарушая связей съ извѣстными реакціонными кругами двора, правительства и Думы, используя всѣ средства воздѣйствія на эти круги и всѣ ихъ побужденія — корысть, честолюбіе, нѣмецкій атавизмъ, иногда своеобразно понимаемый патріотизмъ — нѣмцы вступили одновременно въ тѣсное содружество съ русскими революціонерами въ странѣ и въ особенности заграницей, среди многочисленной эмигрантской колоніи. На службу нѣмецкому правительству прямо или косвенно привлечены были всѣ: крупные агенты шпіонажа и вербовки, въ родѣ Парвуса (Гельфанда); провокаторы, причастные къ русской охранкѣ, въ родѣ Блюма; агенты пропагандисты — Ульяновъ (Ленинъ), Бронштейнъ (Троцкій), Апфельбаумъ (Зиновьевъ), Луначарскій, Озолинъ, Кацъ (Камковъ), и много другихъ. А за ними шла цѣлая плеяда недалекихъ или неразборчивыхъ людей, выброшенныхъ за рубежъ, фанатически ненавидѣвшихъ отринувшій ихъ режимъ — до забвенія Родины, или сводящихъ съ нимъ счеты, служа подчасъ

---

[1]) Mes souvenirs de guerre.

слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмецкаго генеральнаго штаба. Изъ какихъ побужденій, за какую плату, въ какой степени, это уже детали : важно, что они продавали Россію, служа тѣмъ именно цѣлямъ, которыя ставилъ имъ нашъ врагъ. Всѣ они тѣсно переплетались между собою и съ агентами нѣмецкаго шпіонажа, составляя неразрывный комплотъ.

Началось съ широкой революціонной и сепаратистской пропаганды (украинской) въ лагеряхъ военно-плѣнныхъ. По свидѣтельству Либкнехта « германское правительство не только способствовало этой пропагандѣ, но и само вело таковую». Этимъ цѣлямъ служилъ « Комитетъ революціонной пропаганды », основанный въ 1915 году въ Гаагѣ, « Союзъ освобожденія Украйны » — въ Австріи, « Копенгагенскій институтъ » (организація Парвуса) и цѣлый рядъ газетъ революціоннаго и пораженческаго направленія, частью издаваемыхъ всецѣло на средства нѣмецкаго штаба, частью субсидируемыхъ : « Соціалъ-демократъ » (Женева — газета Ленина), « Наше Слово » (Парижъ — газета Троцкаго), « На чужбинѣ » (Женева — съ участіемъ Чернова, Каца и др.), « Русскій вѣстникъ », « Родная рѣчь », « Недѣля » и т. д. Такого же рода дѣятельностью — распространеніемъ одновременно пораженческой и революціонной литературы, наряду съ чисто благотворительнымъ дѣломъ, занимался « Комитетъ интеллектуальной помощи русскимъ военно-плѣннымъ въ Германіи и Австріи » (Женева), находившійся въ связи съ официіальной Москвою и получавшій оттуда субсидіи...

Чтобы опредѣлить характеръ этихъ изданій, достаточно привести двѣ три фразы, выражающія взгляды ихъ вдохновителей. Ленинъ въ « Соціалъ-демократѣ » писалъ : « наименьшимъ зломъ будетъ пораженіе царской монархіи — наиболѣе варварскаго и реакціоннаго изъ всѣхъ правительствъ »... Черновъ, будущій министръ земледѣлія въ « Мысли » объявилъ, « что у него есть одно отечество — интернаціоналъ »...

Наряду съ печатнымъ словомъ, нѣмцы приглашали сподвижниковъ Ленина и Чернова, особенно изъ редакціоннаго комитета « На чужбинѣ », читать сообщенія въ лагеряхъ, а нѣмецкій шпіонъ, консулъ фонъ-Пельхе занимался широкой вербовкой агитаторовъ для пропаганды въ рядахъ арміи — среди русскихъ эмигрантовъ призывного возраста и лѣваго направленія.

Но все это была лишь подготовка. Русская революція открыла необъятныя перспективы для нѣмецкой пропаганды. На ряду съ чистыми людьми, гонимыми нѣкогда и боровшимися за народное благо, въ Россію хлынула и вся та революціонная плѣсень, которая впитала въ себя элементы « охранки », интернаціональнаго шпіонажа и бунта.

Петроградская власть больше всего боялась обвиненія въ

недостаточной демократичности. Министръ Милюковъ неоднократно заявлялъ, что « правительство признаетъ безусловно возможнымъ возвращенiе въ Россiю всѣхъ эмигрантовъ, безъ различiя ихъ взглядовъ на войну и независимо отъ нахожденiя ихъ въ международныхъ контрольныхъ спискахъ » [1]. Министръ велъ споръ съ англичанами, требуя пропуска задержанныхъ ими большевиковъ Бронштейна (Троцкаго), Зурабова и др.

Но съ Ленинымъ и его единомышленниками дѣло было сложнѣе. Ихъ, не взирая на требованiе русскаго правительства, союзники несомнѣнно не пропустили-бы. Поэтому, по признанiю Людендорфа, нѣмецкое правительство командировало Ленина и его спутниковъ (въ первой партiи 17 человѣкъ) въ Россiю, предоставивъ имъ свободный проѣздъ через Германiю. Предпрiятiе это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотомъ и валютой черезъ Стокгольмскiй (Ганецкiй-Фюрстенбергъ), и Копенгагенскiй (Парвусъ) центры и черезъ русскiй Сибирскiй банкъ. Тѣмъ золотомъ, которое, по выраженiю Ленина, « не пахнетъ »...

Въ октябрѣ 1917 года Бурцевъ напечаталъ списокъ 159 лицъ, провезенныхъ черезъ Германiю въ Россiю распоряженiемъ нѣмецкаго генеральнаго штаба. Почти всѣ они, по словамъ Бурцева, революцiонеры, въ теченiи войны ведшiе пораженческую кампанiю изъ Швейцарiи, а теперь « вольные или невольные агенты Вильгельма ». Многiе изъ нихъ заняли немедленно выдающееся положенiе въ социалъ-демократической партiи, въ Совѣтѣ, Комитетѣ [2] и большевистской прессѣ. Имена Ленина, Цедербаума (Мартова), Луначарскаго, Натансона, Рязанова, Апфельбаума (Зиновьева), и др. стали скоро наиболѣе роковыми въ русской исторiи.

Нѣмецкая газета « Die Woche » ко дню прибытiя Ленина въ Петроградъ посвятила этому событiю статью, въ которой онъ былъ названъ « истиннымъ другомъ русскаго народа и честнымъ противникомъ». А кадетскiй оффицiозъ «Рѣчь», который велъ потомъ неизмѣнно смѣлую борьбу съ ленинцами, почтилъ прiѣздъ его словами : « такой обще-признанный глава социалистической партiи долженъ быть теперь на аренѣ борьбы, и его прибытiе въ Россiю, какого бы мнѣнiя не держаться о его взглядахъ, можно привѣтствовать ».

Ленинъ прiѣхалъ 3 апрѣля въ Петроградъ, встрѣченный весьма торжественно, и черезъ нѣсколько дней объявилъ свои тезисы, часть которыхъ составляла основныя темы германской пропаганды :

---

[1]) Въ такiе списки вносились лица, заподозрѣнныя въ сношенiяхъ съ враждебными правительствами.

[2]) Членами Комитета были, напримѣръ, Зурабовъ и Перзичъ, служившiй у Парвуса.

— Долой войну, и вся власть совѣтамъ!

Первоначальныя выступленія Ленина казались такими нелѣпыми и такими явно анархическими, что вызвали протестъ не только во всей либеральной, но и въ большей части соціалистической печати.

Но, мало по малу, лѣвый секторъ революціонной демократіи, усиленный нѣмецкими агентами, присоединился явно и открыто къ проповѣди своего главы, не находя рѣшительнаго отпора ни въ двоедушномъ Совѣтѣ, ни въ слабомъ правительствѣ. Широкая волна нѣмецкой и бунтарской пропаганды охватывала все болѣе и болѣе Совѣтъ, Комитетъ, революціонную печать и невѣжественную массу, находя отраженіе — подневольное или сознательное даже среди лицъ, стоявшихъ у кормила власти...

Съ первыхъ же дней организація Ленина, какъ сказано было впослѣдствіи, въ іюлѣ, въ сообщеніи прокурора петроградской судебной палаты, «въ цѣляхъ способствованія находящимся въ войнѣ съ Россіей государствамъ во враждебныхъ противъ нея дѣйствіяхъ, вошла съ агентами названныхъ государствъ въ соглашеніе содѣйствовать дезорганизаціи русской арміи и тыла, для чего, на полученныя отъ этихъ государствъ денежныя средства, организовала пропаганду среди населенія и войскъ... а также въ тѣхъ же цѣляхъ, въ періодъ времени 3-5 іюля организовала въ Петроградѣ вооруженное возстаніе противъ существующей въ государствѣ верховной власти».

Ставка давно и тщетно возвышала свой предостерегающій голосъ. Генералъ Алексѣевъ и лично, и письменно требовалъ отъ правительства принятія мѣръ противъ большевиковъ и шпіоновъ. Нѣсколько разъ я обращался въ военное министерство, пославъ, между прочимъ, уличающій въ шпіонствѣ матеріалъ въ отношеніи Раковскаго и документы, свидѣтельствовавшіе объ измѣнѣ Ленина, Скоропись-Іолтуховскаго и другихъ. Роль «Союза освобожденія Украйны» (въ составъ котораго въ числѣ другихъ входили Меленевскій и В. Дорошенко) [1]), какъ организаціи центральныхъ державъ для пропаганды, шпіонажа и вербовки въ «сѣчевыя украинскія части», не подлежала никакому сомнѣнію. Въ одномъ изъ моихъ писемъ (16 мая), на основаніи допроса русскаго плѣннаго офицера Ермоленко, принявшаго на себя роль нѣмецкаго агента, съ цѣлью обнаруженія организаціи, между прочимъ, раскрывалась такая картина: «Ермоленко былъ переброшенъ къ намъ въ тылъ на фронтъ

---

[1]) Любопытно, что Бронштейнъ (Троцкій) — лицо достаточно компетентное въ дѣлѣ тайныхъ сношеній со штабами нашихъ противниковъ въ «Извѣстіяхъ» 8 іюля 1917 г. писалъ: «мною были разоблачены въ газетѣ «Наше Слово» и пригвождены къ позорному столбу Скоропись-Іолтуховскій, Потокъ и Меленевскій, какъ агенты австрійскаго генеральнаго штаба».

6-ой арміи для агитаціи въ пользу скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ Германіей. Порученіе это Ермоленко принялъ по настоянію товарищей. Офицеры германскаго генеральнаго штаба Шидицкій и Любаръ ему сообщили, что такого же рода агитацію ведутъ въ Россіи агенты германскаго генеральнаго штаба — предсѣдатель секціи « Союза освобожденія Украйны » А. Скоропись-Іолтуховскій и Ленинъ. Ленину поручено всѣми силами стремиться къ подорванію довѣрія русскаго народа къ Временному правительству. Деньги на операцію получаются черезъ нѣкоего Свендсона, служащаго въ Стокгольмѣ при германскомъ посольствѣ»... Такіе пріемы практиковались и до революціи. Наше командованіе обратило вниманіе на слишкомъ частое появленіе « бѣжавшихъ изъ плѣна ». Многіе изъ нихъ, предавшись врагамъ, проходили опредѣленный курсъ развѣдывательной службы и, получивъ солидное вознагражденіе и « явки », пропускались къ намъ черезъ линію окоповъ. Не имѣя никакой возможности опредѣлить, гдѣ доблесть и гдѣ измѣна, мы почти всегда отправляли всѣхъ бѣжавшихъ изъ плѣна съ европейскихъ фронтовъ на Кавказскій.

Всѣ представленія верховнаго командованія, рисующія невыносимое положеніе арміи передъ лицомъ такого грандіознаго предательства, не только оставались безрезультатными, но не вызвали ни разу отвѣта. Тогда я предложилъ генералу Маркову пригласить въ Ставку В. Бурцева и предоставить ему секретный матеріалъ по нѣмецкой пропагандѣ для использованія. А тѣмъ временемъ революціонная демократія чествуетъ въ Одессѣ Раковскаго. Керенскій ведетъ свободные диспуты въ Совѣтѣ съ Ленинымъ на тему, нужно или не нужно разрушать страну и армію, исходя изъ взгляда, что онъ — « военный министръ революціи » и что « свобода мнѣній для него священна, откуда бы она не исходила »... Церетелли горячо заступается за Ленина : « съ Ленинымъ, съ его агитаціей я не согласенъ. Но то, что говоритъ депутатъ Шульгинъ, есть клевета на Ленина. *Никогда Ленинъ не призывалъ къ выступленіямъ, нарушающимъ ходъ революціи. Ленинъ ведетъ идейную пропаганду* » [1]).

Эта пресловутая свобода мнѣній до крайности упрощала нѣмецкую пропаганду, вызвавъ такое небывалое явленіе, какъ открытая проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ въ столичныхъ собраніяхъ и въ Кронштадтѣ сепаратнаго мира и недовѣрія къ правительству агентомъ Германіи, предсѣдателемъ циммервальдовской и кинтальской конференціи, Робертомъ Гриммомъ!.. Какую моральную прострацію и потерю всякаго національнаго достоинства, сознанія и патріотизма представляетъ картина, какъ Церетелли и Скобелевъ « ручаются » за агента провока-

---

[1]) Сборникъ рѣчей. Рѣчь, произнесенная 27 апрѣля на засѣданіи членовъ Государственной Думы.

тора, Керенскій «добивается» передъ правительствомъ права въѣзда Гримма въ Россію, Терещенко разрѣшаетъ, а русскіе люди слушаютъ рѣчи Гримма... безъ возмущенія, безъ негодованія.

Во время іюльскаго возстанія большевиковъ чины министерства юстиціи, возмущенные попустительствомъ руководящей части правительства, съ вѣдома министра Переверзева, рѣшили предать гласности мое письмо военному министру и другіе документы, обличавшіе Ленина въ предательствѣ Родины. Документы, въ видѣ заявленія, подписаннаго двумя соціалистами — Алексинскимъ и Панкратовымъ, даны были въ печать. Это обстоятельство, преждевременно обнаруженное, вызвало страстный протестъ Чхеидзе, Церетелли и страшный гнѣвъ министровъ Некрасова и Терещенко. Правительство воспретило помѣщеніе въ печати свѣдѣній, порочащихъ доброе имя товарища Ленина и прибѣгло къ репрессіямъ... противъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Заявленіе, однако, на страницахъ печати появилось. Въ свою очередь Исполнительный комитетъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ проявилъ трогательную заботливость не только о неприкосновенности большевистскихъ лидеровъ, но даже объ ихъ чести, спеціальнымъ воззваніемъ 5 іюля «предлагая воздержаться отъ распространенія позорящихъ обвиненій» противъ Ленина и «другихъ политическихъ дѣятелей» впредь до разслѣдованія дѣла особой комиссіей. Это вниманіе получило откровенное объясненіе въ резолюціи центральныхъ исполнительныхъ комитетовъ (8 іюля), которая, осуждая попытку анархо-большевистскихъ элементовъ свергнуть правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ выражала опасеніе, что «*неизбѣжныя* мѣры, къ которымъ должны были прибѣгнуть правительство и военныя власти... создаютъ почву для демагогической агитаціи контръ-революціонеровъ, выступающихъ пока подъ флагомъ установленія революціоннаго порядка, но могущихъ проложить дорогу къ военной диктатурѣ».

Какъ бы то ни было, обнаруженное прямое преступное участіе главарей большевизма въ бунтѣ и измѣнѣ заставило правительство приступить къ репрессіямъ. Ленинъ и Апфельбаумъ (Зиновьевъ) бѣжали въ Финляндію, Бронштейнъ (Троцкій), Козловскій, Раскольниковъ, Ремневъ и многіе другіе были арестованы. Нѣсколько анархо-большевистскихъ газетъ закрыто.

Впрочемъ, эти репрессіи не имѣли серьезнаго характера. Многіе завѣдомые руководители выступленій не привлекались вовсе къ отвѣтственности, и ихъ работа разрушенія продолжалась съ послѣдовательностью и энергіей. Министръ юстиціи Переверзевъ, осмѣлившійся начать борьбу съ большевизмомъ, по несогласію съ другими членами правительства и подъ давленіемъ Совѣта, принужденъ былъ выйти въ отставку. Его преем-

нини Зарудный и Малянтовичъ приступили къ выпуску изъ тюремъ арестованныхъ большевиковъ, а послѣднiй и къ ликвидацiи всего ихъ дѣла. Малянтовичъ на совѣщанiи высшихъ чиновъ министерства и прокуратуры высказалъ даже такой преступный взглядъ, что въ дѣянiяхъ большевиковъ не усматривается « злого умысла » и что во время японской войны « многiе передовые люди откровенно радовались успѣху Японiи и, однако, никто ихъ не думалъ привлечь къ отвѣтственности !.. » [1])

Попустительство, проявленное въ отношенiи большевиковъ — самая темная страница въ исторiи дѣятельности Временнаго правительства. Ни связь большевиковъ съ враждебными державами, ни открытая беззастѣнчивая, разлагающая проповѣдь, ни явная подготовка возстанiя и участiе въ немъ, ничто не могло превозмочь суевѣрнаго страха правительства передъ обвиненiемъ его въ реакцiонности, ничто не могло вывести правительство изъ рабскаго подчиненiя Совѣту, покровительствовавшему большевикамъ.

Внося войну внутрь нашей страны, нѣмцы также настойчиво и методично проводили другой лозунгъ — миръ на фронтѣ. Братанiе случалось и раньше, до революцiи и имѣло даже традицiонный характеръ въ дни святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно безпросвѣтно-нуднымъ стоянiемъ въ окопахъ, любопытствомъ, просто чувствомъ человѣчности даже въ отношенiи къ врагу — чувствомъ, проявлявшимся со стороны русскаго солдата не разъ и на поляхъ Бородино, и на бастiонахъ Севастополя, и въ Балканскихъ горахъ. Братанiе случалось рѣдко, преслѣдовалось начальствомъ и не носило опасной тенденцiи. Теперь же нѣмецкiй генеральный штабъ поставилъ это дѣло широко, организованно и по всему фронту, съ участiемъ высшихъ штабовъ и командного состава, съ подробно разработанной инструкцiей, въ которой предусматривались : развѣдка нашихъ силъ и позицiй; демонстрированiе внушительнаго оборудованiя и силы своихъ позицiй; убѣжденiе въ безцѣльности войны; натравливанiе русскихъ солдатъ противъ правительства и командного состава, въ интересахъ котораго, якобы, исключительно продолжается эта « кровавая бойня ». Груды пораженческой литературы, заготовленной въ Германiи, передавались въ наши окопы. А въ то-же время по фронту совершенно свободно разъѣзжали партизаны изъ Совѣта и Комитета съ аналогичной проповѣдью, съ организацiей « показного братанья » и съ цѣлымъ ворохомъ « Правдъ », « Окопныхъ правдъ », « Соцiалъ-демократовъ » и прочихъ творенiй отечественнаго со-

[1]) « Утро Россiи », 14 октября 1917 года.

ціалистическаго разума и совѣсти, — органовъ, оставлявшихъ далеко позади, по силѣ и аргументаціи, іезуитскую элоквенцію ихъ нѣмецкихъ собратовъ. А въ то-же время общее собраніе наивныхъ « делегатовъ фронта » въ Петроградѣ выносило постановленіе допустить братаніе съ цѣлью... революціонной пропаганды въ непріятельскихъ арміяхъ!..

Правда, и правительство, и военный министръ, и резолюціи *большинства* Совѣта и Комитета осуждали братаніе. Но успѣха ихъ воззванія не имѣли. Фронтъ представлялъ зрѣлище небывалое. Загипнотизированный нѣмецко-большевистской рѣчью, онъ забылъ все : и честь, и долгъ, и Родину, и горы труповъ своихъ братьевъ, погибшихъ безцѣльно и безполезно. Безпощадная рука вытравляла въ душѣ русскихъ солдатъ всѣ моральныя побужденія, замѣняя единственнымъ, доминирующимъ надъ всѣмъ, животнымъ чувствомъ — желаніемъ сохранить свою жизнь.

Нельзя читать безъ глубокаго волненія о переживаніяхъ Корнилова, столкнувшагося впервые послѣ революціи, въ началѣ мая, въ качествѣ командующаго 8 арміей, съ этимъ фатальнымъ явленіемъ фронтовой жизни. Они записаны капитаномъ (тогда) генеральнаго штаба Нѣжинцевымъ, впослѣдствіи доблестнымъ командиромъ Корниловскаго полка, въ 1918 году павшимъ въ бою съ большевиками, при штурмѣ Екатеринодара.

« Когда мы втянулись въ огневую зону позиціи — писалъ Нѣжинцевъ — генералъ (Корниловъ) былъ очень мраченъ. Слова « позоръ, измѣна » оцѣнили гробовое молчаніе позиціи. Затѣмъ онъ замѣтилъ :

— Вы чувствуете весь ужасъ и кошмаръ этой тишины? Вы понимаете, что за нами слѣдятъ глаза артиллерійскихъ наблюдателей противника и насъ не обстрѣливаютъ. Да, надъ нами, какъ надъ безсильными, издѣвается противникъ... Неужели русскій солдатъ способенъ извѣстить противника о моемъ пріѣздѣ на позицію...

« Я молчалъ, но святыя слезы на глазахъ героя глубоко тронули меня. И въ эту минуту... я мысленно поклялся генералу, что умру за него, умру за нашу общую Родину. Генералъ Корниловъ какъ бы почувствовалъ это. И, рѣзко повернувшись ко мнѣ, пожалъ мою руку и отвернулся, какъ будто устыдившись своей минутной слабости ».

« Знакомство новаго командующаго съ его пѣхотой началось съ того, что построенныя части резерва устроили митингъ и на всѣ доводы о необходимости наступленія, указывали на ненужность продолженія « буржуазной » войны, ведомой « милитарщиками »... Когда генералъ Корниловъ, послѣ двухчасовой безплодной бесѣды, измученный нравственно и физически, отправился въ окопы, здѣсь ему представилась картина, какую врядъ ли могъ предвидѣть любой воинъ эпохи ».

« Мы вошли въ систему укрѣпленій, гдѣ линіи окоповъ обѣихъ сторонъ раздѣлялись, или, вѣрнѣе сказать, были связаны проволочными загражденіями... Появленіе генерала Корнилова было привѣтствуемо... группой германскихъ офицеровъ, нагло разсматривавшихъ командующаго русской арміей; за ними стояло нѣсколько прусскихъ солдатъ... Генералъ взялъ у меня бинокль и, выйдя на брустверъ, началъ разсматривать раіонъ будущихъ боевыхъ столкновеній. На чье-то замѣчаніе, какъ бы пруссаки не застрѣлили русскаго командующаго, послѣдній отвѣтилъ :

— Я былъ бы безконечно счастливъ — быть можетъ хоть это отрѣзвило бы нашихъ затуманенныхъ солдатъ и прервало постыдное братаніе.

На участкѣ сосѣдняго полка « командующій арміей былъ встрѣченъ... бравурнымъ маршемъ германскаго егерскаго полка, къ оркестру котораго потянулись наши « братальщики » — солдаты. Генералъ со словами — « это измѣна! » — повернулся къ стоящему рядомъ съ нимъ офицеру, приказавъ передать братальщикамъ обѣихъ сторонъ, что если немедленно не прекратится позорнѣйшее явленіе, онъ откроетъ огонь изъ орудій. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли къ своей линіи окоповъ, повидимому устыдившись мерзкаго зрѣлища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на « притѣсненія контръ-революціонными начальниками ихъ свободы ».

Я не питаю чувства мести вообще. Но все же крайне сожалѣю, что генералъ Людендорфъ оставилъ нѣмецкую армію раньше времени, до ея развала и не испыталъ непосредственно въ ея рядахъ тѣхъ невыразимо тяжелыхъ нравственныхъ мученій, которыя перенесли мы — русскіе военоначальники.

Кромѣ братанія, непріятельское главное командованіе практиковало въ широкихъ размѣрахъ съ провокаціонной цѣлью посылку непосредственно къ войскамъ, или вѣрнѣе къ солдатамъ, парламентеровъ. Такъ, въ концѣ апрѣля на Двинскомъ фронтѣ появился парламентеръ — нѣмецкій офицеръ, который не былъ принятъ. Однако, онъ успѣлъ бросить въ солдатскую толпу фразу : « я пришелъ къ вамъ съ мирными предложеніями и имѣлъ полномочія даже къ Временному правительству, но ваши начальники не желаютъ мира ». Эта фраза быстро распространилась, вызвала волненія въ солдатской средѣ и даже угрозу оставить фронтъ. Поэтому, когда черезъ нѣсколько дней на томъ же участкѣ вновь появились парламентеры (командующій бригадой, два офицера и горнистъ), то ихъ препроводили въ штабъ 5 арміи. Конечно, оказалось, что никакихъ полномочій они не имѣли, и не могли указать даже сколько-нибудь опредѣленно цѣли своего прибытія, такъ какъ « единственною цѣлью появлявшихся на фронтѣ лже-парламенте-

ровъ — какъ говорилось въ приказѣ Верховнаго главнокомандующаго — было развѣдать наше расположеніе и настроенія, и лживымъ показомъ своего миролюбія склонять наши войска къ бездѣйствію, спасительному для нѣмцевъ и гибельному для Россіи и ея свободы »... Подобныя выступленія имѣли мѣсто и на фронтахъ 8, 9 и другихъ армій.

Характерно, что въ этой провокаціи счелъ возможнымъ принять личное участіе главнокомандующій восточнымъ германскимъ фронтомъ, принцъ Леопольдъ Баварскій, который въ двухъ радіограммахъ, носящихъ выдержанный характеръ обычныхъ прокламацій и предназначенныхъ для солдатъ и Совѣта, сообщалъ, что главное командованіе идетъ навстрѣчу « неоднократно высказаннымъ желаніямъ русскихъ солдатскихъ депутатовъ окончить кровопролитіе »; что « военныя дѣйствія между нами (центральныя державы) и Россіей могутъ быть окончены *безъ отпаденія Россіи отъ своихъ союзниковъ»* что « если Россія желаетъ знать частности нашихъ условій, пусть откажется отъ требованія публиковать объ нихъ »... И заканчивалъ угрозой : « желаетъ ли новое русское правительство, подстрекаемое своими союзниками, убѣдиться въ томъ, стоятъ ли еще на нашемъ восточномъ фронтѣ дивизіоны тяжелыхъ орудій? »

Ранѣе, когда вожди дѣлали низость во спасеніе арміи и Родины, то по крайней мѣрѣ стыдились ея и молчали. Нынѣ военныя традиціи претерпѣли коренное измѣненіе.

Къ чести Совѣта нужно сказать, что онъ надлежаще отнесся къ этому провокаціонному призыву, отвѣтивъ : « главнокомандующій нѣмецкими войсками на восточномъ фронтѣ предлагаетъ намъ « сепаратное перемиріе, тайну переговоровъ! ».. Но « Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи, а разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи — не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободной Россіи »...

ГЛАВА XXIV.

Печать и пропаганда извнутри.

Съ первыхъ же дней революціи естественно произошла рѣзкая перемѣна въ направленіи русской печати. Выразилась она съ одной стороны въ извѣстной дифференціаціи всѣхъ буржуазныхъ органовъ, принявшихъ направленіе либерально-охранительное, къ *тактикѣ* котораго примкнула и небольшая часть соціалистической печати типа плехановскаго « Единства »; съ другой стороны — нарожденіемъ огромнаго числа соціалистическихъ органовъ.

Правые органы претерпѣли значительную эволюцію, характернымъ показателемъ которой можетъ служить неожиданное заявленіе извѣстнаго сотрудника « Новаго Времени » Меньшикова : « мы должны быть благодарными судьбѣ, что тысячелѣтіе измѣнявшая народу монархія, наконецъ измѣнила себѣ и сама надъ собой поставила крестъ. Откапывать ее изъ подъ креста и заводить великій раздоръ о кандидатахъ на рухнувшій престолъ было бы по моему роковой ошибкой ». Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ правая печать частью закрылась, — не безъ давленія и насилія со стороны совѣтовъ — частью же усвоила мирно-либеральное направленіе. Только съ сентября 1917 года тонъ ея становится крайне приподнятымъ, въ связи съ окончательно выяснившимся безсиліемъ правительства, потерей надежды на легальный выходъ изъ создавшагося тупика и отголосками корниловскаго выступленія. Нападки на правительство крайнихъ органовъ превращаются въ сплошное поношеніе его.

Расходясь въ большей или меньшей степени въ пониманіи соціальныхъ задачъ, поставленныхъ къ разрѣшенію революціей, повинная, быть можетъ, вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, во многихъ ошибкахъ, русская либеральная печать проявила, однако, исключительное единодущіе въ важнѣйшихъ вопросахъ государственно-правового и національнаго характера : полная власть Временному правительству; демократическія реформы въ духѣ программы 2 марта [1]), война до побѣды въ согласіи

---

[1]) См. главу IV. Конечно 7 и 8 статьи вызывали къ себѣ въ обществѣ отрицательное отношеніе.

съ союзниками, Всероссійское учредительное собраніе, какъ источникъ верховной власти и конституціи страны. Либеральная печать еще въ одномъ отношеніи оставила о себѣ добрую память въ исторіи : въ дни высокаго народнаго подъема, какъ и въ дни сомнѣній, колебаній и всеобщей деморализаціи, знаменующихъ собою революціонный періодъ 1917 года, въ ней какъ равно и въ правой печати, не нашлось почвы для размѣщенія нѣмецкаго золота...

Широкое возникновеніе новой соціалистической прессы сопровождалось рядомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. У нея не было нормальнаго прошлаго, не хватало традиціи. Долгая жизнь подполья, усвоенный имъ исключительно разрушительный методъ дѣйствій, подозрительное и враждебное отношеніе ко всякой власти — наложили извѣстный отпечатокъ на все направленіе этой печати, оставляя слишкомъ мало мѣста и вниманія для творческой, созидательной работы. Полный разбродъ мысли, противорѣчія, колебанія, проявленныя какъ въ нѣдрахъ Совѣта, такъ и между партійными группировками и внутри партій, находили въ печати соотвѣтственное отраженіе, точно также, какъ и стихійный напоръ снизу безудержныхъ, узко-эгоистичныхъ, классовыхъ требованій; ибо невниманіе къ этимъ требованіямъ создавало угрозу, высказанную однажды « красой и гордостью революціи », кронштадтскими матросами министру Чернову : « если ничего не дадите вы, то намъ дастъ... Михаилъ Александровичъ! » Наконецъ, не осталось безъ вліянія появленіе въ печати множества такихъ лицъ, которые внесли въ нее атмосферу грязи и предательства. Газеты пестрятъ именами, которые вышли изъ уголовной хроники, охраннаго отдѣленія и международнаго шпіонажа. Всѣ эти господа Черномазовы (провокаторъ-охранникъ — руководитель до-революціонной « Правды », Бертхольды (тоже; редакторъ « Коммуниста »), Деконскіе, Малиновскіе, Мстиславскіе, соратники Ленина и Горькаго — Нахамкесъ, Стучка, Урицкій, Гиммеръ (Сухановъ) и многое множество другихъ лицъ, не менѣе извѣстныхъ, довели русскую печать до моральнаго паденія еще не бывалаго.

Разница была лишь въ размахѣ. Одни органы, близкіе къ совѣтскому официозу « Извѣстія рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ » *расшатывали*, въ то время какъ другіе, типа « Правды » (органъ соц.-демократ. большев.) — *разрушали* страну и армію.

Въ то время, когда « Извѣстія » призываютъ къ поддержкѣ Временного правительства, держа, однако, камень за пазухой, « Правда » заявляетъ, что «правительство контръ-революціонно, и потому съ нимъ не можетъ быть никакихъ сношеній. Задача революціонной демократіи — диктатура пролетаріата». А соціалъ-революціонный органъ Чернова « Дѣло народа » нахо-

Митингъ.

Стр. 86.

Смотръ въ старой арміи (× ген. Н. І. Ивановъ).

Стр. 90 (1)

дитъ нейтральную формулу : всемѣрная поддержка коалиціонному правительству, но « нѣтъ и не можетъ быть въ этомъ вопросѣ единодушія, скажемъ болѣе, и не должно быть — въ интересахъ двуединой обороны »...

Въ то время, какъ « Извѣстія » начали проповѣдывать наступленіе, только безъ окончательной побѣды, не оставляя, впрочемъ, намѣренія « черезъ головы правительства и господствующихъ классовъ установить условія, на которыхъ можетъ быть прекращена война », — « Правда » требуетъ повсемѣстнаго братанія; соціалъ-революціонная « Земля и Воля » то сокрушается, что Германія желаетъ попрежнему завоеваній, то требуетъ сепаратнаго мира. Черновская газета, въ мартѣ считавшая, что « если бы врагъ побѣдилъ, тогда конецъ русской свободы », въ маѣ — въ проповѣди наступленія видитъ « предѣлъ беззастѣнчивой игры на судьбѣ отечества, предѣлъ безотвѣтственности и демагогіи ». Газета Горькаго « Новая жизнь » устами Гиммера (Суханова) договаривается до такого цинизма : «Когда Керенскій призываетъ *очистить русскую землю отъ непріятельскихъ войскъ*, его призывы далеко выходятъ за предѣлы военной техники. Онъ призываетъ къ политическому акту, приэтомъ совершенно не предусмотрѣнному программой коаліціоннаго правительства. Ибо очищеніе предѣловъ страны *силою наступленія* означаетъ « полную побѣду »... Вообще « Новая жизнь » особенно горячо отстаивала нѣмецкіе интересы, повышая голосъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, со стороны союзниковъ или нашей, нѣмецкимъ интересамъ угрожала опасность.

А когда наступленіе разложившейся арміи окончилось неудачей — Тарнополемъ, Калушемъ, когда пала Рига, лѣвая пресса повела жестокую кампанію противъ Ставки и командного состава, и черновская газета, въ связи съ предполагавшимися преобразованіями въ арміи, истерически взывала : «Пусть пролетаріи знаютъ, что ихъ снова хотятъ отдать въ желѣзныя объятія нищеты, рабскаго труда и голода... Пусть солдаты знаютъ, что ихъ снова хотятъ закабалить въ « дисциплинѣ » господъ командировъ и заставить лить кровь безъ конца, лишь бы возстановилась вѣра союзниковъ въ « доблесть » Россіи »... Прямѣе всѣхъ, однако, поступила впослѣдствіи « Искра » — органъ меньшевиковъ интернаціоналистовъ (Мартовъ-Цедербаумъ), которая въ день занятія нѣмецкимъ дессантомъ острова Эзеля напечатала статью — « Привѣтъ германскому флоту! »

Даже по вопросу объ разгорающейся въ странѣ анархіи лѣвые газеты не отличались единомысліемъ и постоянствомъ. Наряду съ демагогическими призывами къ немедленному и насильственному разрѣшенію экономическаго, рабочаго, земельнаго вопросовъ, мы на страницахъ тѣхъ-же газетъ встрѣчаемъ нерѣдко призывы « не торопиться, ибо провинція от-

стаетъ »; рабочимъ умѣрить свои несдержанныя требованія и употребить всѣ усилія, чтобы не было основаній обвинять ихъ въ небрежномъ отношеніи къ фронту; крестьянамъ воздержаться отъ самовольныхъ захватовъ земли и т. д. Только « Правда » оставалась вѣрной себѣ, разъ навсегда опредѣливъ : « то, что намѣчается въ « самочинныхъ » захватахъ рабочихъ, крестьянъ и бѣднѣйшаго городского населенія, это не «анархія», а «дальнѣйшее развитіе революціи».

Вопросъ о русской печати въ годы революціи большой и важный, требующій спеціальнаго изученія. Здѣсь я хотѣлъ лишь приведеніемъ нѣсколькихъ характерныхъ цитатъ отмѣтить, какой сумбуръ долженъ былъ получиться въ умахъ полуобразованныхъ или темныхъ читателей соціалистической литературы, въ особенности въ арміи.

Россія пользовалась свободой печати — ничѣмъ не ограниченной. Собственно — печати соціалистической. Ибо правыя и либеральныя газеты попали подъ жестокій гнетъ петроградскаго и мѣстныхъ совѣтовъ, которые проявляли свою власть, закрывая газеты, не допуская выхода новыхъ и примѣняя при этомъ грубую вооруженную силу, захватъ типографій или терроризированіе типографскихъ рабочихъ. Одновременно крайняя лѣвая печать пользовалась неизмѣнной защитой совѣтовъ во имя « свободы слова », хотя офиціально подвергалась иногда критикѣ и осужденію. Такъ, въ воззваніи « къ солдатамъ » (послѣ событій 3-5 іюля) Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ осудилъ « необдуманныя статьи и воззванія» этой прессы : «Знайте, товарищи, что эти газеты, какъ бы онѣ ни назывались — « Правда »-ли, « Солдатская правда »-ли, идутъ въ разрѣзъ съ ясно выраженной волей рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, собравшихся на съѣздѣ »...

Военная цензура, въ сущности никогда не отмѣненная, просто игнорировалась. Только 14 іюля правительство сочло себя вынужденнымъ напомнить существованіе закона о военной тайнѣ, а передъ этимъ, 12 іюля, предоставило въ видѣ временной мѣры министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ право закрывать повременныя изданія, « призывающія къ неповиновенію распоряженіямъ военныхъ властей, къ неисполненію воинскаго долга и содержащія призывы къ насилію и къ гражданской войнѣ», съ одновременнымъ привлеченіемъ къ суду редакторовъ. Керенскій дѣйствительно закрылъ нѣсколько газетъ въ столицѣ и на фронтѣ. Законъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ лишь теоретическій характеръ. Ибо, въ силу сложившихся взаимоотношеній между правительствомъ и органами революціонной демократіи, судъ и военная власть были парализованы, отвѣтственность фактически отсутствовала, а крайніе органы, мѣняя названія (« Правда » — « Рабочій и солдатъ » — « Пролетарій » и т. д.) продолжали свое разрушительное дѣло.

5

Такъ или иначе, вся эта соціалистическая и въ частности, большевистская литература, на основаніи пункта 6-го декларацiи, хлынула безпрепятственно въ армію. Частью — стараніями всевозможныхъ партійныхъ « военныхъ бюро » и « секцій » Петрограда и Москвы, частью — при посредствѣ « культурно-просвѣтительныхъ комиссій » войсковыхъ комитетовъ. Средства были разнообразныя : одни исходили изъ темныхъ источниковъ, другія — взяты полу-принудительно изъ войсковыхъ экономическихъ суммъ, третьи — легально отпущены старшими военными начальниками, изъ числа оппортунистовъ. Такъ, одинъ изъ моихъ предшественниковъ по командованію Юго-западнымъ фронтомъ, генералъ Гуторъ открылъ фронтовому комитету на эту цѣль кредитъ въ 100.000 рублей, который я, по ознакомленіи съ характеромъ распространяемой комитетомъ литературы, немедленно-же закрылъ. Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Черемисовъ субсидировалъ изъ казенныхъ средствъ ярко-большевистскую газету « Нашъ Путь », объясняя такъ свой поступокъ: «Если она (газета) и дѣлаетъ ошибки, повторяя большевистскіе лозунги, то вѣдь мы знаемъ, что матросы — самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма въ послѣднихъ бояхъ (?). Мы видимъ, что и большевики умѣютъ драться. При этомъ — у насъ свобода печати » [1]... Впрочемъ, этотъ фактъ имѣлъ мѣсто уже въ началѣ октября, и « перелеты » — явленіе чрезвычайно характерное еще для Смутнаго времени 1913 г. — начинали уже сѣдлать коней и готовиться въ путь... къ новому режиму.

***

Въ арміи существовала и военная печать. Возникавшіе и раньше, до революціи органы фронтовыхъ и армейскихъ штабовъ имѣли характеръ чисто военныхъ бюллетеней. Со времени революціи газеты эти своими слабыми литературными силами начали добросовѣстно, честно, но не талантливо вести борьбу за сохраненіе арміи. Встрѣчая равнодушіе или озлобленіе со стороны солдатъ, уже отвернувшихся отъ офицерства, и особенно со стороны параллельно существовавшихъ комитетскихъ органовъ « революціонной » мысли, онѣ начали мало-по-малу хирѣть и замирать, пока, наконецъ, въ началѣ августа, приказомъ Керенскаго не были закрыты вовсе; исключительное право изданія армейской печати было передано фронтовымъ и армейскимъ комитетамъ. Такая же участь постигла и « Извѣстія дѣйствующей арміи » — органъ Ставки, затѣянный генераломъ

---

[1] Разговоръ Черемисова съ военнымъ корреспондентомъ Купчинскимъ (« Общее Дѣло » 1917 года)

Марковымъ и не поддержанный солидными силами столичной прессы.

Комитетская печать, широко распространяемая въ войскахъ на казенный счетъ, отражала тѣ же настроенія, о которыхъ я говорилъ ранѣе въ главѣ о комитетахъ, съ амплитудой колебанія отъ государственности до анархіи, отъ полной побѣды — до немедленнаго, явочнымъ порядкомъ, заключенія мира. Отражала — только въ худшей, болѣе убогой, въ смыслѣ литературнаго изложенія и содержанія, формѣ — тотъ разбродъ мысли и влеченія къ крайнимъ теоріямъ, которыя характеризуютъ столичную соціалистическую печать. Приэтомъ, въ зависимости отъ состава комитетовъ, отчасти отъ близости Петрограда, фронты нѣсколько отличались другъ отъ друга. Умѣреннѣе былъ Юго-западный, хуже Западный и сильно большевистскимъ — Сѣверный. Кромѣ мѣстныхъ произведеній, страницы комитетской печати были во многихъ случаяхъ широко открыты для постановленій и резолюцій не только крайнихъ политическихъ партій отечественныхъ, но даже и нѣмецкихъ.

Ко времени принятія мною должности главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ (іюнь), фронтовымъ комитетомъ издавалась газета « Фронтъ », въ количествѣ 20 тысячъ экземпляровъ. Чтобы дать представленіе о характерѣ того нездороваго воздѣйствія, которое оказывала газета на войска, приведу краткій перечень нѣкоторыхъ статей, извлеченный изъ 29 номеровъ, выпущенныхъ комитетомъ до оставленія мною фронта.

1) 14 статей, доказывающихъ, что продолженіе войны выгодно только для враговъ демократіи — « буржуевъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ ».

2) Призывы прекратить войну. Въ томъ числѣ резолюція фронтоваго комитета противъ наступленія (№ 15).

3) Развитіе идей интернаціонала, съ призывомъ къ немедленному заключенію мира и ко всемірному господству пролетаріата (№ 25, меморандумъ германскихъ « независимыхъ с. д. »).

4) Рядъ резолюцій комитета и статей, выражающихъ недовѣріе начальникамъ и штабамъ и требующихъ замѣны послѣднихъ комиссіями изъ состава комитетовъ (въ пяти номерахъ),

5) 5 статей и протоколовъ комитета, требующихъ для солдатскихъ организацій права отвода, назначеній начальниковъ и суда надъ ними.

6) Протестъ противъ признанія министромъ внутреннихъ дѣлъ незаконнымъ постановленія харьковскаго совѣта о захватѣ частныхъ земель (№ 24).

7) Резолюція одного изъ комитетовъ о « контръ-революціонности » командира корпуса, осудившаго въ приказѣ большевиковъ : въ ней говорилось, что расхожденіе идей большевизма со взглядами военнаго министра и большинства Совѣта

не можетъ служить основаніемъ для воспрещенія пропаганды и ареста агитаторовъ. Репрессивныя мѣры противъ большевиковъ являются грубымъ и противозаконнымъ нарушеніемъ правъ свободныхъ гражданъ и т. д. (№ 27).

Такой липкой паутиной идей и мыслей — глубоко противогосударственныхъ и антинаціональныхъ — опутывала комитетская печать темную солдатскую массу; въ такой удушливой атмосферѣ недовѣрія, непониманія, извращенія всѣхъ началъ военной традиціи и этики жило несчастное офицерство. Въ такой-же атмосферѣ приходилось жить, работать и готовить большое наступленіе главнокомандующему... Я сообщилъ Керенскому о дѣятельности комитета и о направленіи его печати, но безрезультатно. Тогда, на 29 номерѣ, нарушивъ приказъ Керенскаго, я приказалъ прекратить отпускъ денегъ на газету, которую, впрочемъ, послѣ моего ухода возобновилъ новый главнокомандующій, генералъ Балуевъ.

Балуевъ относился совершенно иначе, чѣмъ я къ войсковымъ организаціямъ, въ такой степени питая къ нимъ довѣріе, что сдѣлалъ однажды представленіе военному министру : « литература должна быть допущена въ войска только та, которую признаетъ возможнымъ допустить Совѣтъ р. и с. депутатовъ и комитеты фронтовъ и армій ». Такое разномысліе, вѣрнѣе, коренное различіе въ тактикѣ на верхахъ командованія, еще болѣе запутывало отношенія.

Было бы, однако, неправильно говорить о непосредственномъ вліяніи печати на солдатскую массу. Его не было, какъ не было вовсе и популярныхъ газетъ, доступныхъ ея пониманію. Печать оказывала вліяніе главнымъ образомъ на полуинтеллигентскую часть армейскаго состава. Эта среда оказалась ближе къ солдату, и къ ней перешла извѣстная доля того авторитета, которымъ пользовался раньше офицерскій корпусъ. Идеи, воспринятыя изъ газетъ и преломленныя сквозь призму пониманія этой среды, поступали уже въ упрощенномъ видѣ въ солдатскую массу, состоявшую, къ сожалѣнію, въ огромной части своей изъ людей невѣжественныхъ и безграмотныхъ. А въ массѣ всѣ эти понятія, обнаженныя отъ хитросплетенныхъ аргументацій, предпосылокъ, обоснованій, претворялись въ простые до удивленія, и логичные до ужаса выводы.

Въ нихъ преобладало прямолинейное отрицаніе :

— Долой!

Долой буржуазное правительство, долой контръ-революціонное начальство, долой « кровавую бойню », вообще все опостылѣвшее, надоѣвшее, мѣшающее такъ или иначе утробнымъ инстинктамъ и стѣсняющее «свободную волю» — все долой!

Такъ элементарно разрѣшала армія на безчисленныхъ

солдатскихъ митингахъ всѣ волнующіе человѣчество политическіе и соціальные вопросы.

. . . .

Занавѣсъ опущенъ. Версальскій миръ остановилъ на время вооруженную борьбу въ средней Европѣ. Для того, очевидно, чтобы, собравшись съ силами, народы взялись за оружіе вновь, съ цѣлью разорвать цѣпи, наложенныя на нихъ пораженіемъ.

Идея « мира всего міра », которую 20 вѣковъ проповѣдуютъ христіанскія церкви, похоронена надолго.

Какими дѣтски-наивными кажутся намъ теперь усилія гуманистовъ 19 вѣка, долгой, горячей проповѣдью добивавшихся смягченія ужасовъ войны и введенія ограничивающихъ нормъ международнаго права. Теперь, когда мы знаемъ, что можно не только нарушать нейтралитетъ мирной культурной страны, но и отдать ее на потокъ и разграбленіе ; когда мы умѣемъ подводными лодками топить мирные корабли съ женщинами и дѣтьми, стравлять людей удушливыми газами, бороздить тѣло ихъ осколками разрывныхъ пуль; когда цѣлую страну, націю, холодный политическій расчетъ котируетъ только какъ « барьеръ » противъ вторженія вооруженной силы и вредныхъ идей, и періодически то выручаетъ, то предаетъ...

Но ужаснѣйшее изъ всѣхъ орудій, когда-либо изобрѣтенныхъ человѣческимъ умомъ, постыднѣйшее изъ всѣхъ средствъ, допускавшихся въ послѣдюю міровую войну — это

Отравленіе души народа.

Германія отдаетъ пріоритетъ въ этомъ изобрѣтеніи Англіи. Предоставимъ имъ разрѣшить этотъ споръ полюбовно. Но я вижу родную страну — раздавленной, умирающей среди темной ночи ужаса и безумія. И я знаю ея палачей.

Передъ человѣчествомъ во всей своей грозной силѣ, во всей безстыдной наготѣ встали два положенія :

Все дозволено для пользы отечества!

Все дозволено для торжества партіи, класса!

Даже моральная и физическая гибель страны противника, даже предательство своей Родины и производство надъ живымъ тѣломъ ея *соціальныхъ опытовъ*, неудача которыхъ грозитъ параличемъ и смертью.

Германія и Ленинъ безъ колебанія разрѣшили эти вопросы положительно. Міръ ихъ осудилъ. Но полно, такъ ли единодушны и искренни въ своемъ осужденіи всѣ тѣ, кто объ этомъ говоритъ? Не слишкомъ ли глубокій слѣдъ оставили эти идеи въ сознаніи, быть можетъ, не столько народныхъ массъ, сколько ихъ вождей? По крайней мѣрѣ, къ такому выводу приводитъ меня вся современная бездушная міровая политика правительствъ, въ особенности въ отношеніи Россіи, вся современная безпросвѣтно-эгоистическая тактика классовыхъ организацій.

Это страшно.

Я вѣрю, что каждый народъ имѣетъ право съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое бытіе; знаю, что долго еще война будетъ обычнымъ средствомъ разрѣшенія спорныхъ международныхъ вопросовъ; что пріемы борьбы будутъ и честные, и, къ сожалѣнію, безчестные. Но существуетъ извѣстная грань, за которою и низость перестаетъ быть просто низостью, а переходитъ въ безуміе. До такой грани мы уже дошли. И если религія, наука, литература, философы, гуманисты, учители человѣчества не подымутъ широкаго идейнаго движенія противъ привитой намъ готтентотской морали, то міръ увидитъ закатъ своей культуры.

ГЛАВА XXV.

Состояніе арміи ко времени іюльскаго наступленія.

Очертивъ цѣлый рядъ внѣшнихъ факторовъ, оказывавшихъ вліяніе на жизнь, взаимоотношенія и боевую службу нѣкогда славной русской арміи, перейду къ скорбнымъ страницамъ ея паденія.

Я родился въ семьѣ армейскаго офицера, прослужилъ до европейской войны 22 года въ строю скромныхъ армейскихъ частей и малыхъ войсковыхъ штабовъ, въ томъ числѣ 2 года русско-японской войны; жилъ одной жизнью, одними радостями и печалями съ офицеромъ и солдатомъ, посвятивъ родному мнѣ быту ихъ много страницъ въ военной печати; почти непрерывно съ 1914 по 1920 годъ стоялъ во главѣ войскъ и водилъ ихъ въ бой на поляхъ Бѣлоруссіи, Волыни, Галиціи, въ горахъ Венгріи, въ Румыніи, потомъ... потомъ въ жестокой междуусобной войнѣ, бороздившей кровавымъ плугомъ родную землю.

Я имѣю болѣе основаній и права говорить объ арміи и отъ арміи, чѣмъ всѣ тѣ чуждые ей люди изъ соціалистическаго лагеря, которые въ высокомѣрномъ самомнѣніи, едва коснувшись арміи, ломали устои ея существованія, судили вождей и воиновъ, опредѣляли діагнозъ ея тяжелой болѣзни, которые и теперь еще, послѣ тяжелыхъ опытовъ и испытаній, не оставляютъ надежду на превращеніе этого могущественнаго и страшнаго орудія государственнаго самосохраненія — въ средство для разрѣшенія партійныхъ и соціальныхъ вождѣленій. Для меня армія — не только историческое, соціальное, бытовое явленіе, но почти вся моя жизнь, — гдѣ много воспоминаній, дорогихъ и незабываемыхъ; гдѣ все связано и переплетено въ одинъ общій клубокъ быстро протекшихъ тяжелыхъ и радостныхъ дней; гдѣ сотни дорогихъ могилъ, похороненныя мечты и... неугасшая вѣра.

Къ арміи нужно подходить осторожно, не забывая, что не только историческіе устои, но даже кажущіяся, быть можетъ, странными и смѣшными мелочи ея быта, имѣютъ смыслъ и значеніе.

Когда началась революція, старый ветеранъ, любимецъ офицеровъ и солдатъ, генералъ Павелъ Ивановичъ Мищенко, не будучи въ состояніи примириться съ новымъ режимомъ, ушелъ

на покой. Жилъ въ Темирханшурѣ, не выходилъ изъ-за ограды своего сада и носилъ всегда генеральскую форму и георгіевскіе кресты, даже въ дни большевистской власти. Какъ то разъ пришли къ нему большевики съ обыскомъ и, между прочимъ, пожелали снять съ него погоны и кресты. Старый генералъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и... застрѣлился.

Пусть, кто можетъ, посмѣется надъ « отжившими предразсудками ». Мы же почтимъ его свѣтлую память.

И такъ, грянула революція.

Не было никакого сомнѣнія, что подобный катаклизмъ въ жизни народа не пройдетъ даромъ. Революція *должна была* сильно встряхнуть армію, ослабивъ и нарушивъ всѣ ея историческія скрѣпы. Такой результатъ являлся закономѣрнымъ, естественнымъ и непредотвратимымъ, независимо отъ того состоянія, въ которомъ находилась тогда армія, независимо отъ взаимоотношеній команднаго и служебнаго началъ. Мы можемъ говорить лишь объ обстоятельствахъ, сдерживавшихъ или толкавшихъ армію къ распаду.

Явилась власть.

Источникомъ ея могли быть три элемента : верховное командованіе (военная диктатура), буржуазная Государственная Дума (Временное правительство) и революціонная демократія (Совѣтъ). Властью признано Временное правительство. Но два другихъ элемента отнеслись къ нему различно : Совѣтъ фактически отнялъ власть у правительства, тогда какъ верховное командованіе подчинилось ему безотговорочно и, слѣдовательно, вынуждено было исполнять его предначертанія.

Власть могла поступить двояко : бороться съ отрицательными явленіями, начавшимися въ арміи, мѣрами суровыми и безпощадными или потворствовать имъ. Въ силу давленія Совѣта, отчасти-же по недостатку твердости и пониманія законовъ существованія вооруженной силы, власть пошла по второму пути.

Этимъ обстоятельствомъ была предрѣшена конечная судьба арміи. Всѣ остальные факты, событія, явленія, воздѣйствія — могли только повліять на продолжительность процесса разложенія и глубину его.

Праздничные дни трогательнаго, радостнаго единенія между офицерствомъ и солдатами быстро отлетѣли, замѣнившись тяжелыми, нудными буднями. Но вѣдь они были, эти радостные дни и, слѣдовательно, не существовало вовсе непроходимой пропасти между двумя берегами, межъ которыми неумолимая логика жизни давно уже перебрасывала мостъ. Сразу отпали какъ-то сами собой всѣ наносные, устарѣлые пріемы, вносившіе элементъ раздраженія въ солдатскую среду; офицерство какъ то подтянулось, сдѣлалось серьезнѣе и трудолюбивѣе.

Но вотъ хлынули потокомъ газеты, воззванія, резолюціи,

приказы какого-то невѣдомаго начальства, а вмѣстѣ съ ними цѣлый рядъ новыхъ идей, которыя солдатская масса не въ состояніи была переварить и усвоить. Пріѣхали новые люди, съ новыми рѣчами — такими соблазнительными и многообѣщающими, освобождающими солдата отъ повиновенія и дающими надежду на немедленное устраненіе смертельной опасности. Когда одинъ полковой командиръ наивно запросилъ, нельзя ли этихъ людей предать полевому суду и разстрѣлять, телеграмма, прошедшая всѣ инстанціи, вызвала отвѣтъ изъ Петрограда, что эти люди неприкосновенны и посланы Совѣтомъ въ войска именно за тѣмъ, чтобы разъяснить имъ истинный смыслъ происходящихъ событій...

Когда теперь руководители революціонной демократіи, еще не утратившіе чувства отвѣтственности за распятую Россію, говорятъ, что движеніе, обусловленное глубокимъ классовымъ расхожденіемъ офицерскаго и солдатскаго составовъ и « рабскимъ закрѣпощеніемъ » послѣдняго, имѣло стихійный характеръ, которому они не въ состояніи были противустоять, — это глубокая неправда. Всѣ основные лозунги, всѣ программы, тактика, инструкціи, руководства, положенные въ основу « демократизаціи » арміи, были разработаны военными секціями подпольныхъ соціалистическихъ партій задолго до войны, внѣ давленія « стихіи », исходя изъ яснаго и холоднаго расчета, какъ продуктъ « соціалистическаго разума и совѣсти ».

Правда, офицеры убѣждали не вѣрить « новымъ словамъ » и исполнять свой долгъ. Но, вѣдь, совѣты съ перваго же дня объявили офицеровъ врагами революціи, во многихъ городахъ ихъ подвергли уже жестокимъ истязаніямъ и смерти; при этомъ — безнаказанно... Очевидно, основаніе есть, когда даже изъ нѣдръ « буржуазной » Государственной Думы вышло такое странное и неожиданное « объявленіе » : « Сего 1 марта среди солдатъ Петроградскаго гарнизона распространился слухъ, будто бы офицеры въ полкахъ отбираютъ оружіе у солдатъ. Слухи эти были провѣрены въ двухъ полкахъ и оказались ложными. Какъ предсѣдатель военной комиссіи Временного Комитета Государственной Думы я заявляю, что *будутъ* приняты самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію подобныхъ дѣйствій со стороны офицеровъ вплоть до разстрѣла виновныхъ. Полковникъ Энгельгардтъ »...

Потомъ получены были приказъ № 1, декларація и пр., и пр.

Быть можетъ, однако, со всѣмъ этимъ словеснымъ моремъ лжи и лицемѣрія, которыя текли изъ Петрограда и изъ мѣстныхъ совѣтовъ, и находили откликъ среди своихъ мѣстныхъ демагоговъ, можно было бы еще бороться, если бы не одно явленіе, парализовавшее всѣ усилія команднаго состава : охватившее всецѣло солдатскую массу животное чувство самосохраненія.

Оно было всегда. Но таилось подъ спудомъ и сдерживалось примѣромъ исполненія долга, проблесками національнаго самосознанія, стыдомъ, страхомъ и принужденіемъ. Когда всѣ эти элементы отпали, когда для успокоенія засыпающей совѣсти явился цѣлый арсеналъ новыхъ понятій, оправдывающихъ шкурничество и дающихъ ему идейное обоснованіе, армія жить долѣе не могла. Это чувство опрокинуло всѣ усилія команднаго состава, всѣ нравственныя начала и весь военный строй.

И вотъ началось [1]).

***

... На широкомъ полѣ, насколько видно глазу, тянутся безконечныя линіи окоповъ, то подходящія другъ къ другу вплотную, переплетаясь своими проволочными загражденіями, то отходя далеко и исчезая за зеленымъ гребнемъ. Солнце поднялось уже давно, но въ полѣ мертвая тишина. Первыми встали нѣмцы. То тамъ, то тутъ изъ-за окоповъ выглядываютъ ихъ фигуры, кой-кто выходитъ на брустверъ развѣсить на солнцѣ свою отсырѣвшую за ночь одежду... Часовой въ нашемъ передовомъ окопѣ раскрылъ сонные глаза, лѣниво потянулся, безучастно поглядѣвъ на непріятельскіе окопы... Какой-то солдатъ, въ грязной рубахѣ, босой, въ накинутой на плечи шинели, ежась отъ утренняго холода, вышелъ изъ окопа и побрелъ въ сторону нѣмецкой позиціи, гдѣ между линіями, стоялъ « почтовый ящикъ »; въ немъ — свѣжій номеръ нѣмецкой газеты « Русскій Вѣстникъ » и предложеніе товарообмѣна.

Тишина. Ни одного артиллерійскаго выстрѣла. На прошлой недѣлѣ вышло постановленіе полкового комитета противъ стрѣльбы и даже противъ пристрѣлки артиллерійскихъ цѣлей; пусть исчисляютъ необходимыя данныя по картѣ. Артиллерійскій подполковникъ — членъ комитета, вполнѣ одобрилъ такое постановленіе... Когда вчера командиръ полевой батареи началъ пристрѣлку новаго непріятельскаго окопа, наша пѣхота обстрѣляла свой наблюдательный пунктъ ружейнымъ огнемъ; ранили телеграфиста. А ночью, на строящемся пунктѣ вновь прибывшей тяжелой батареи, пѣхотные солдаты развели костеръ... [2]).

9 часовъ утра. 1-ая рота начинаетъ понемногу вставать. Окопы загажены до невозможности; въ узкихъ ходахъ сообщенія и во второй линіи, болѣе густо населенной, стоитъ тяжелый, спертый воздухъ. Брустверъ осыпается. Никто не чинитъ — не

[1]) Я облекъ картину армейскаго быта въ форму разсказа. Но всякій малѣйшій эпизодъ, въ немъ приведенный, есть реальный фактъ, взятый изъ жизни.

[2]) Вообще спеціальные роды оружія, и въ особенности артиллерія, сохранили гораздо дальше пѣхоты человѣческій обликъ и извѣстную дисциплину.

хочется, да и мало людей въ ротѣ. Много дезертировъ; болѣе полусотни ушло легально : уволены старшіе сроки, разъѣхались отпускные съ самочиннаго разрѣшенія комитета; кто попалъ въ члены многочисленныхъ комитетовъ, или уѣхалъ въ делегаціи (недавно, напримѣръ, отъ дивизіи послана была большая делегація къ товарищу Керенскому провѣрить, дѣйствительно-ли онъ приказалъ наступать); наконецъ, угрозами и насиліемъ солдаты навели такой страхъ на полковыхъ врачей, что тѣ даютъ увольнительныя свидѣтельства даже « тяжело-здоровымъ »...

Въ окопахъ тянутся нудные, томительные часы. Скука, бездѣлье. Въ одномъ углу играютъ въ карты, въ другомъ — лѣниво, вяло разсказываетъ что-то вернувшійся изъ отпуска солдатъ; въ воздухѣ виситъ скверная брань. Кто-то читаетъ вслухъ « Русскій Вѣстникъ » :

« Англичане хотятъ, чтобы русскіе пролили послѣднюю каплю крови для вящей славы Англіи, которая ищетъ во всемъ барыша... Милые солдатики, вы должны знать, что Россія давно бы заключила миръ, если бы этому не помѣшала Англія... Мы должны отшатнуться отъ нея — этого требуетъ русскій народъ — такова его святая воля »...

Кто то густо выругался :

— Какъ же, помирятся,... и... м..., подохнешь тутъ, не видавши воли...

По окопамъ прошелъ поручикъ Альбовъ, командующій ротой. Онъ какъ-то неувѣренно, просительно обращался къ группамъ солдатъ :

— Товарищи, выходите скорѣй на работу. Въ три дня мы не вывели ни одного хода сообщеній въ передовую линію.

Игравшіе въ карты даже не повернулись; кто-то въ полголоса сказалъ « ладно ». Читавшій газету привсталъ и развязно доложилъ :

— Рота не хочетъ рыть, потому что это подготовка къ наступленію, а комитетъ постановилъ...

— Послушайте, вы ни черта не понимаете, да и почему вы говорите за всю роту? Если даже ограничиться одной обороной, то вѣдь въ случаѣ тревоги мы пропадемъ : вся рота по одному ходу не успѣетъ выйти въ первую линію.

Сказалъ и, махнувъ рукой, прошелъ дальше. Безнадежно. Каждый разъ, когда онъ пытается говорить съ ними подолгу и задушевно — они слушаютъ внимательно, любятъ съ нимъ бесѣдовать и, вообще, своя рота относится къ нему по своему хорошо. Но онъ чувствуетъ, что между нимъ и ими стала какая то глухая стѣна, о которую разбиваются всѣ его добрые порывы. Онъ потерялъ дорогу къ ихъ душѣ, запутавшись въ невылазныхъ дебряхъ темноты, грубости и той волны недовѣрія и подозрительности, которая влилась въ солдатскую среду. Не

тѣ слова, можетъ быть, не умѣетъ сказать? Какъ будто бы нѣтъ. Еще не задолго до войны, будучи студентомъ и увлекаясь народничествомъ, онъ бывалъ и въ деревнѣ, и на заводѣ и находилъ « настоящія » слова, всѣмъ доступныя и понятныя. А главное, какими словами заставишь людей идти на смерть, когда у нихъ всѣ чувства заслонило одно чувство — самосохраненія.

Мысли его прервало внезапное появленіе командира полка.

— Чортъ знаетъ, что такое! Дежурный не встрѣчаетъ. Люди не одѣты. Грязь, вонь. Зачѣмъ вы смотрите, поручикъ?

Сѣдой полковникъ суровымъ взглядомъ, невольно импонирующимъ, окинулъ солдатъ. Всѣ повскакали. Онъ поглядѣлъ въ бойницу и, отшатнувшись, нервно спросилъ :

— Это что такое?

На зеленомъ полѣ, между проволочными загражденіями шелъ настоящій базаръ. Группа нѣмецкихъ и нашихъ солдатъ обмѣнивали другъ у друга водку, табакъ, сало, хлѣбъ. Поодаль, на травѣ полулежалъ нѣмецкій офицеръ — красный, плотный, съ надменнымъ выраженіемъ лица и велъ бесѣду съ солдатомъ Соловейчикомъ. И странно : фамильярный и дерзкій Соловейчикъ стоялъ передъ лейтенатомъ прилично и почтительно.

Полковникъ оттолкнулъ наблюдателя и, взявъ у него ружье, просунулъ въ бойницу. Среди солдатъ послышался ропотъ. Стали просить не стрѣлять. Одинъ вполголоса, какъ бы про себя, промолвилъ :

— Это провокація...

Полковникъ, красный отъ бѣшенства, повернулся на секунду къ нему и крикнулъ :

— Молчать!

Всѣ притихли и прильнули къ бойницамъ. Раздался выстрѣлъ, и нѣмецкій офицеръ какъ то судорожно вытянулся и замеръ; изъ головы его потекла кровь. Торговавшіе солдаты разбѣжались.

Полковникъ бросилъ ружье, и, процѣдивъ сквозь зубы — « мерзавцы » — пошелъ дальше по окопамъ. « Перемиріе » было нарушено.

Поручикъ ушелъ къ себѣ въ землянку. Тоскливо и пусто на душѣ. Сознаніе своей ненужности и безполезности въ этой нелѣпой обстановкѣ, извращавшей весь смыслъ служенія Родинѣ, которое одно только оправдывало и всѣ тяжелыя невзгоды, и, можетъ быть, близкую смерть, давило его. Онъ бросился на постель; лежалъ часъ, два, стараясь не думать ни о чемъ, забыться...

А изъ-за земляной стѣны, гдѣ было убѣжище, ползъ чей-то заглушенный голосъ и словно обвалакивалъ мозгъ грязной мутью :

— Имъ хорошо, с. с-амъ — получаетъ какъ стеклышко сто сорокъ цѣлковенькихъ въ мѣсяцъ, а намъ — расщедрились

— семь съ полтиной отпустили. Погоди, будетъ еще наша воля...

Молчаніе.

— Слышно, землицу дѣлятъ у насъ въ Харьковской. Домой-бы...

Стукъ въ дверь. Пришелъ фельдфебель.

— Ваше благородіе (онъ всегда звалъ такъ своего ротнаго командира безъ свидѣтелей), рота сердится, грозятъ уйти съ позиціи, если сейчасъ не смѣнятъ. 2-ой батальонъ долженъ былъ смѣнить насъ въ 5 часовъ, а его и доселѣ нѣтъ. Нельзя ли спросить по телефону.

— Не уйдутъ, Иванъ Петровичъ... Хорошо, спрошу, да только теперь уже все равно поздно — послѣ утренняго происшествія нѣмцы смѣниться днемъ намъ не позволятъ.

— Позволятъ. Комитетчики уже знаютъ. Я такъ думаю, — онъ понизилъ голосъ, — Соловейчикъ успѣлъ сбѣгать объяснить. Слышно, что нѣмцы обѣщали помириться, только чтобы слѣдующій разъ, когда придетъ въ окопы командиръ, имъ дали знать — бросятъ бомбу. Вы бы доложили, а то неровенъ часъ...

— Хорошо.

Фельдфебель хотѣлъ уйти. Поручикъ остановилъ его.

— Плохо, Петровичъ, не вѣрятъ намъ...

— Да ужъ Богъ его знаетъ, кому они вѣрятъ; вотъ на прошлой недѣлѣ въ 6 ротѣ сами фельдфебеля выбрали, а теперь надъ нимъ же измываются, слова сказать не даютъ...

— Что-же будетъ дальше?

Фельдфебель покраснѣлъ и тихо отвѣтилъ:

— А будетъ то, что Соловейчики надъ нами царствовать будутъ, а мы у нихъ на положеніи, значитъ, скота безсловеснаго, — вотъ что будетъ, ваше благородіе!..

Пришла, наконецъ, смѣна. Зашелъ въ землянку командиръ 5 роты капитанъ Буравинъ. Альбовъ предложилъ ознакомить его съ участкомъ и объяснить расположеніе противника.

— Пожалуй, хоть это не имѣетъ значенія, ибо я по существу ротой не командую — нахожусь подъ бойкотомъ.

— Какъ?

— Такъ. Выбрали ротнымъ прапорщика, моего субалтерна, а меня смѣстили за приверженность къ старому режиму — два раза въ день, видите-ли, занятія назначалъ — вѣдь маршевыя роты приходятъ абсолютно не обученныя. Прапорщикъ первый и голосовалъ за мое удаленіе. « Довольно — говоритъ — нами помыкали. Теперь наша воля. Надо почистить всѣхъ, начиная съ головы. Съ полкомъ сумѣетъ справиться и молодой, лишь бы былъ истинный демократъ и стоялъ за солдатскую волю ». Я бы ушелъ, но командиръ полка категорически воспротивился и не велитъ сдавать роты. Вотъ теперь у насъ два командира, значитъ. Пять дней терплю это положеніе. Послушайте, Альбовъ, вы не торопитесь? Ну, прекрасно, поболтаемъ немного. Что то

тяжело на душѣ... Альбовъ, вамъ не приходила еще мысль о самоубійствѣ?

— Пока нѣтъ.

Буравинъ вскочилъ.

— Поймите, душу всю проплевали, надъ человѣческимъ достоинствомъ надругались — и такъ каждый день, каждый часъ, въ каждомъ словѣ, взглядѣ, жестѣ видишь какое-то сплошное надругательство. Что я имъ сдѣлалъ? Восемь лѣтъ служу, нѣтъ ни семьи, ни кола, ни двора. Все — въ полку, въ родномъ полку. Два раза искалѣчили, не долечился, прилетѣлъ въ полкъ — на тебѣ! И солдата любилъ — мнѣ стыдно самому говорить объ этомъ, но, вѣдь, они помнятъ, какъ я не разъ ползкомъ изъ подъ проволочныхъ загражденій раненыхъ вытаскивалъ... И вотъ теперь... Ну да, я чту полковое знамя и ненавижу ихъ красныя тряпки. Я пріемлю революцію. Но для меня Россія безконечно дороже революціи. Всѣ эти комитеты, митинги, всю ту наносную дрянь, которую развели въ арміи, я органически не могу воспринять и переварить. Но, вѣдь, я никому не мѣшаю, никому не говорю объ этомъ, никого не стараюсь разубѣдить. Лишь бы окончить честно войну, а потомъ хоть камни бить на дорогѣ, только не въ демократизованной такимъ манеромъ арміи. Вотъ мой прапорщикъ — онъ съ ними обо всемъ разсуждаетъ : націонализація, соціализація, рабочій контроль... А я не умѣю — некогда было этимъ заниматься, да, признаться, и не интересовался никогда. Помните, пріѣзжалъ командующій арміей и въ толпѣ солдатъ говоритъ : « какой тамъ « господинъ генералъ » — зовите меня просто товарищъ Егоръ »... А я этого не могу, да и все равно мнѣ не повѣрятъ. Вотъ и молчу. А они понимаютъ и мстятъ. И вѣдь, при всей своей сѣрости, какіе тонкіе психологи! Умѣютъ найти такое мѣсто, чтобы плевокъ былъ побольнѣе. Вотъ вчера, напримѣръ...

Онъ наклонился надъ ухомъ Альбова и шопотомъ продолжалъ :

— Возвращаюсь изъ собранія. У меня въ палаткѣ у изголовья карточка стоитъ — ну тамъ одно дорогое воспоминаніе. Такъ пририсовали похабщину!...

Буравинъ всталъ и вытеръ платкомъ лобъ.

— Ну, пойдемъ посмотрѣть позицію... Дастъ Богъ, недолго уже терпѣть. Никто изъ роты не хочетъ идти на развѣдку. Хожу самъ каждую ночь; иногда вольноопредѣляющій одинъ со мной, — охотничья жилка у него. Если что нибудь случится, пожалуйста, Альбовъ, присмотрите, чтобы пакетикъ одинъ — онъ у меня въ чемоданѣ — отправили по назначенію.

Рота, не дождавшись окончанія смѣны, ушла въ разбродъ. Альбовъ побрелъ вслѣдъ.

Ходъ сообщенія кончался въ широкой лощинѣ, гдѣ стоялъ полковой резервъ. Словно большой муравейникъ раскинулся

бивакъ полка рядомъ землянокъ, палатокъ, дымящихся походныхъ кухонь и коновязей. Когда-то ихъ тщательно маскировали искусственными посадками, которые теперь засохли, облетѣли и торчали безлистыми жердями. На полянѣ кой-гдѣ учились солдаты — вяло, лѣниво, какъ будто затѣмъ, чтобы создать какую-нибудь видимость занятій : всетаки совѣстно было абсолютно ничего не дѣлать. Офицеровъ мало : хорошимъ опостылѣла та пошлая комедія, въ которую превратилось теперь настоящее дѣло; у плохихъ есть нравственное оправданіе ихъ лѣни и бездѣлія. Вдали, по дорогѣ, въ направленіи къ полковому штабу шла не то толпа, не то колонна, надъ которой развѣвались красные флаги. Впереди огромный транспарантъ, на которомъ бѣлыми буквами красовалась видная издалека надпись :

« Долой войну !»

Это подходило пополненіе. Тотчасъ-же всѣ занимавшіеся на полянѣ солдаты, словно по сигналу, оставили ряды и побѣжали къ колоннѣ.

— Эй, земляки, какой губерніи?

Начался оживленный разговоръ на обычныя, животрепещущія, волнующія темы : какъ съ землицей, скоро-ли замиреніе. Интересовались, впрочемъ, и вопросомъ, нѣтъ ли ханжи, такъ какъ « своя, полковая » самогонка, выгоняемая въ довольно большомъ количествѣ « на заводѣ » 3-го батальона, была ужъ очень противна и вызывала болѣзненныя явленія.

Альбовъ направился въ собраніе. Офицеры собирались къ обѣду. Гдѣ былое оживленіе, задушевная бесѣда, здоровый смѣхъ и цѣлый потокъ воспоминаній изъ бурной, тяжкой, славной боевой жизни! Воспоминанія поблекли, мечты отлетѣли и суровая дѣйствительность придавила всѣхъ своей тяжестью.

Говорили вполголоса, иногда прерывая разговоръ или выражаясь иносказательно : собранская прислуга могла донести, да и между своими появились новые люди... Еще недавно полковой комитетъ, по докладу служителя разбиралъ дѣло кадроваго офицера, георгіевскаго кавалера, которому полкъ обязанъ однимъ изъ самыхъ славныхъ своихъ дѣлъ. Подполковникъ этотъ говорилъ что-то о «взбунтовавшихся рабахъ ». И хотя было доказано, что говорилъ онъ не свое, а цитировалъ лишь рѣчь товарища Керенскаго, комитетъ « выразилъ ему негодованіе »; пришлось уйти изъ полка.

И составъ офицерскій сильно перемѣнился. Кадровыхъ офицеровъ осталось 2-3 человѣка. Одни погибли, другіе — калѣки, третьи, получивъ « недовѣріе », скитаются по фронту, обиваютъ пороги штабовъ, поступаютъ въ ударные батальоны, въ тыловыя учрежденія, а иные, слабѣе духомъ, просто разъѣзжаются по домамъ. Не нужны стали арміи носители традиціи части, былой славы ея — этихъ старыхъ буржуазныхъ пред-

Смотръ революціонной арміи.
(× Керенскій).

Стр. 90 (2.)

Походное офицерское собраніе.

Стр. 97.

разсудковъ, сметенныхъ въ прахъ революціоннымъ творчествомъ.

Въ полку уже всѣ знаютъ объ утреннемъ событіи въ ротѣ Альбова. Распрашиваютъ подробности. Подполковникъ, сидѣвшій рядомъ, покачалъ головой.

— Молодчина нашъ старикъ. Вотъ и съ 5-й ротой тоже... Боюсь только, что плохо кончитъ. Вы слышали, что сдѣлали съ командиромъ Дубовскаго полка за то, что тотъ не утвердилъ выбраннаго ротнаго командира и посадилъ подъ арестъ трехъ агитаторовъ? *Распяли*. Да-съ, батенька! Прибили гвоздями къ дереву и начали поочередно колоть штыками, обрубать уши, носъ, пальцы...

Онъ схватился за голову.

— Боже мой, и откуда въ людяхъ столько звѣрства, столько низости этой берется...

На другомъ концѣ среди прапорщиковъ идетъ разговоръ на вѣчную больную тему — куда бы уйти...

— Ты записался въ революціонный баталіонъ?

— Нѣтъ, не стоитъ : оказывается формируется подъ верховнымъ наблюденіемъ исполкома, съ комитетами, выборами и « революціонной » дисциплиной. Не подходитъ.

— Говорятъ у Корнилова ударныя войска формируются и въ Минскѣ тоже. Хорошо-бы...

— А я подалъ рапортъ о переводѣ въ нашу стрѣлковую бригаду во Францію. Вотъ только съ языкомъ не знаю, какъ быть.

— Увы, батенька, опоздали—отозвался съ другого конца подполковникъ. Уже давно правительство послало туда « товарищей-эмигрантовъ » для просвѣщенія умовъ. И теперь бригады гдѣ-то на югѣ Франціи на положеніи не то военно-плѣнныхъ, не то дисциплинарныхъ батальоновъ.

Впрочемъ, эти разговоры въ сознаніи всѣхъ имѣли чисто платоническій характеръ, ввиду безнадежности и безвыходности положенія. Такъ, помечтать немного, какъ нѣкогда мечтали чеховскія « Три сестры » о Москвѣ. Помечтать о такомъ необычайномъ мѣстѣ, гдѣ не ежедневно топчутъ въ грязь человѣческое достоинство, гдѣ можно спокойно жить и честно умереть — безъ насилія и безъ надругательства надъ твоимъ подвигомъ. Такъ вѣдь немного...

— Митька, хлѣба! — прогудѣлъ могучій басъ прапорщика Яснаго.

Онъ большой оригиналъ этотъ Ясный. Высокій, плотный съ большой копной волосъ и мѣдно-красной бородой, онъ весь — олицетвореніе черноземной силы и мужества. Имѣетъ четыре георгіевскихъ креста и произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ за боевыя отличія. Онъ нисколько не подлаживается подъ новую среду, говоритъ « леворюція » и « метинкъ » и не можетъ при-

мириться съ новыми порядками. Несомнѣнная «демократичность» Яснаго, его прямота и искренность создали ему исключительную привиллегію въ полку: онъ, не пользуясь особымъ вліяніемъ, можетъ, однако, грубо, рѣзко, иногда съ ругательствомъ, осуждать и людей, и понятія, находящіяся подъ ревнивой охраной и поклоненіемъ полковой «революціонной демократіи». Сердятся, но терпятъ.

— Хлѣба, говорю, нѣтъ.

Офицеры, занятые своими мыслями и разговорами, не обратили даже вниманія, что супъ съѣденъ безъ хлѣба.

— Не будетъ сегодня хлѣба — отвѣтилъ служитель.

— Это еще что? Сбѣгай за хозяиномъ собранія — духомъ.

Пришелъ хозяинъ собранія и растерянно сталъ оправдываться: послалъ сегодня утромъ требованіе на 2 пуда; начальникъ хозяйственной части сдѣлалъ помѣтку «выдать», а писарь Федотовъ — членъ хозяйственной комиссіи комитета написалъ «не выдавать». Въ цейхгаузѣ и не отпустили.

Никто не сталъ возражать. До того мучительно стыдно было и за хозяина собранія, и за ту непроходимую пошлость, которая вдругъ ворвалась въ жизнь и залила ее всю какой-то сѣрою, грязною мутью. Только басъ Яснаго прогудѣлъ отчетливо подъ сводомъ барака:

— Экія свиньи!

Альбовъ только что собирался заснуть послѣ обѣда, какъ приподнялась пола палатки, и въ щель просунулась лысая голова начальника хозяйственной части — старенькаго, тихаго полковника, поступившаго вновь на службу изъ отставки.

— Можно?

— Виноватъ, господинъ полковникъ...

— Ничего, голубчикъ, не вставайте. Я къ вамъ на одну секунду. Сегодня, видите-ли, въ 6 часовъ состоится полковой митингъ. Назначенъ докладъ хозяйственной повѣрочной комиссіи и меня, повидимому, распинать будутъ. Я не умѣю говорить всякія тамъ рѣчи, а вы мастеръ. Въ случаѣ надобности заступитесь.

— Слушаю. Не собирался идти, но разъ надо, пойду.

— Ну вотъ, спасибо, голубчикъ.

.... Къ 6 часамъ площадка возлѣ штаба полка была сплошь усѣяна людьми. Собралось не менѣе двухъ тысячъ. Толпа двигалась, шумѣла, смѣялась — такая же русская толпа, какъ гдѣ нибудь на Ходынкѣ или на Марсовомъ полѣ въ дни гулянья. Революція не могла преобразить ее сразу ни умственно, ни духовно. Но, оглушивъ потокомъ новыхъ словъ, открывъ предъ ней неограниченныя возможности, вывела ее изъ состоянія равновѣсія, сдѣлала нервно-воспріимчивой и бурно-реагирующей на всѣ способы внѣшняго воздѣйствія. Бездна словъ — морально высокихъ и низменно-преступныхъ — проходила сквозь

ихъ самосознаніе, какъ черезъ сито, отсѣивая въ сторону всю идеологію новыхъ понятій и задерживая лишь тѣ крупицы, которыя имѣли реальное прикладное значеніе въ ихъ повседневной жизни, въ солдатскомъ, крестьянскомъ, рабочемъ обиходѣ. И при томъ непремѣнно — значеніе положительное, выгодное. Отсюда — полная безрезультатность потоковъ краснорѣчія, наводнившихъ армію съ легкой руки военнаго министра, нелѣпыя явленія горячаго сочувствія двумъ ораторамъ явно противоположнаго направленія и совершенно неожиданные — приводившіе въ недоумѣніе и ужасъ говорившаго — выводы, которые толпа извлекала изъ его словъ.

Какое же прикладное значеніе могли имѣть для толпы при этихъ условіяхъ такія идеи, какъ долгъ, честь, государственные интересы по одной терминологіи, — аннексіи, контрибуціи, самоопредѣленіе народовъ, сознательная дисциплина и прочія темныя понятія по другой?

Вышелъ весь полкъ — митингъ привлекалъ солдатъ, какъ привлекаетъ всякое зрѣлище. Прислалъ делегатовъ и 2-ой баталіонъ, стоявшій на позиціи — чуть не треть своего состава. Посреди площадки стоялъ помостъ для ораторовъ, украшенный красными флагами, полинявшими отъ времени и дождя — съ тѣхъ поръ, какъ помостъ былъ выстроенъ для смотра командующаго арміей. Теперь уже смотры дѣлаются не въ строю, а съ трибуны. Сегодня въ отлитографированной повѣсткѣ митинга поставлены были два вопроса : « 1) отчетъ хозяйственной комиссіи о неправильной постановкѣ офицерскаго довольствія, 2) докладъ спеціально выписаннаго изъ московскаго совдепа оратора-товарища Склянки о политическомъ моментѣ (образованіе коалиціоннаго министерства) ».

На прошлой недѣлѣ былъ бурный митингъ, едва не окончившійся большими безпорядками, по поводу заявленія одной изъ ротъ, что солдаты ѣдятъ ненавистную чечевицу и постныя щи потому, что вся крупа и масло поступаютъ въ офицерское собраніе. Это былъ явный вздоръ. Тѣмъ не менѣе, постановили тогда разслѣдовать дѣло комиссіей и доложить общему собранію полка. Докладывалъ членъ комитета, подполковникъ Петровъ, смѣщенный въ прошломъ году съ должности начальника хозяйственной части и теперь сводящій счеты. Мелко, придирчиво, съ какой-то пошлой ироніей перечислялъ онъ не относящіеся къ дѣлу небольшіе формальные недочеты полкового хозяйства — крупныхъ не было — и тянулъ безъ конца своимъ скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ. Притихшая было толпа опять загудѣла, переставъ слушать; съ разныхъ сторонъ послышались крики :

— Довольна-а-а!

— Буде!

Предсѣдатель комитета остановилъ чтеніе и предложилъ « желающимъ товарищамъ » высказаться. На трибуну взошелъ

солдатъ — рослый, толстый и громкимъ истерическимъ голосомъ началъ :

— Товарищи, вы слышали? Вотъ куда идетъ солдатское добро! Мы страдаемъ, мы обносились, овшивѣли, мы голодаемъ, а они послѣдній кусокъ изо рта у насъ тащутъ...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, въ толпѣ наростало нервное возбужденіе, перекатывался глухой ропотъ и вырывались отдѣльные возгласы одобренія.

— Когда-же все это кончится? Мы измызгались, устали до смерти...

Вдругъ изъ далекихъ рядовъ раздался раскатистый басъ прапорщика Яснаго, заглушившій и оратора, и толпу :

— Ка-кой-ты-ро-ты?

Произошло замѣшательство. Ораторъ замолкъ. По адресу Яснаго послышались негодующіе крики.

— Ро-ты-ка-кой, те-бя-спра-ши-ваю?

— Седьмой!

Изъ рядовъ раздались голоса :

— Нѣтъ у насъ такого въ седьмой ...

— Постой-ка, пріятель, — гудѣлъ Ясный — это не ты сегодня съ маршевой ротой пришелъ — еще плакатъ большой несъ? Когда же ты успѣлъ умаяться, болѣзный?..

Настроеніе толпы мгновенно измѣнилось. Начался свистъ, смѣхъ, крики, остроты, и неудачный ораторъ скрылся въ толпѣ. Кто-то крикнулъ :

— Резолюцію!

На подмостки взошелъ опять подполковникъ Петровъ и сталъ читать заготовленную резолюцію о переводѣ офицерскаго собранія на солдатскій паекъ. Но его уже никто больше не слушалъ. Два, три голоса крикнули — Правильно! Петровъ помялся, спряталъ въ карманъ бумажку и сошелъ съ подмостковъ. Пунктъ второй о смѣщеніи начальника хозяйственной части и о немедленномъ выборѣ новаго (предполагалось — автора доклада) такъ и остался непрочитаннымъ. Предсѣдатель комитета огласилъ :

— Слово принадлежитъ члену исполнительнаго комитета московскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, товарищу Склянкѣ.

Свои надоѣли, всегда одно и то же; пріѣздъ новаго лица, сопровожденный нѣкоторой рекламой комитета, возбудилъ общій интересъ. Толпа пододвинулась къ помосту и затихла. На трибуну не взошелъ, а быстро вбѣжалъ маленькій, черненькій человѣкъ, нервный и близорукій, ежесекундно поправлявшій сползавшія съ носа пенснэ. Онъ сталъ говорить быстро, съ большимъ подъемомъ и сильной жестикуляціей.

— « Товарищи солдаты! Вотъ уже прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ петроградскіе рабочіе и революціонные сол-

даты сбросили съ себя иго царя и всѣхъ его генераловъ. Буржуазія въ лицѣ Терещенко — извѣстнаго кіевскаго сахарозаводчика, фабриканта Коновалова, помѣщиковъ Гучковыхъ, Родзянко, Милюковыхъ и другихъ предателей народныхъ интересовъ, захвативъ власть, вздумала обмануть народныя массы.

Требованіе всего народа немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ, который намъ предлагаютъ наши нѣмецкіе братья рабочіе и солдаты — такіе же обездоленные какъ и мы — кончилось обманомъ — телеграммой Милюкова къ Англіи и Франціи, что-де молъ русскій народъ готовъ воевать до побѣднаго конца.

Обездоленный народъ понялъ, что власть попала въ еще худшія руки, т. е., къ заклятымъ врагамъ рабочаго и крестьянина. Поэтому народъ крикнулъ мощно : « Долой, руки прочь ! »

Содрогнулась проклятая буржуазія отъ мощнаго крика трудящихся и лицемѣрно приманила къ власти такъ называемую демократію — эсъ-эровъ и меньшевиковъ, которые всегда якшались съ буржуазіей для продажи интересовъ трудового народа... »

Очертивъ такимъ образомъ процессъ образованія коалиціоннаго министерства, товарищъ Склянка перешелъ болѣе подробно къ соблазнительнымъ перспективамъ деревенской и фабричной анархіи, гдѣ « народный гнѣвъ сметаетъ иго капитала » и гдѣ « буржуазное добро постепенно переходитъ въ руки настоящихъ хозяевъ — рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ ».

— «У солдатъ и рабочихъ есть еще враги — продолжалъ онъ. — Это друзья свергнутаго царскаго правительства, закоренѣлые поклонники разстрѣловъ, кнута и зуботычины. Злѣйшіе враги свободы, они сейчасъ нацѣпили красные бантики, зовутъ васъ « товарищами » и прикидываются вашими друзьями, но таятъ въ сердцѣ черные замыслы, готовясь вернуть господство Романовыхъ.

Солдаты, не вѣрьте волкамъ въ овечьей шкурѣ! Они зовутъ васъ на новую бойню. Ну что-же — идите, если хотите! Пусть вашими трупами устилаютъ дорогу къ возвращенію кроваваго царя! Пусть ваши сироты — вдовы и дѣти, брошенные всѣми, попадутъ снова въ кабалу къ голоду, нищетѣ и болѣзнямъ! »

Рѣчь имѣла большой и несомнѣнный успѣхъ. Накаливалась атмосфера, росло возбужденіе — то возбужденіе « расплавленной массы », при которомъ невозможно предвидѣть ни границъ, ни силы напряженія, ни путей, по которымъ хлынетъ потокъ. Толпа шумѣла и волновалась, сопровождая криками одобренія или бранью по адресу « враговъ народа » тѣ моменты рѣчи, которые особенно задѣвали ея инстинкты, ея обнаженный, жестокій эгоизмъ.

На помостѣ появился блѣдный, съ горящими глазами Альбовъ. Онъ о чемъ то возбужденно говорилъ съ предсѣдателемъ, который обратился потомъ къ толпѣ. Словъ предсѣдателя не слышно было среди шума; онъ долго махалъ руками и сорваннымъ флагомъ, пока, наконецъ, не стало нѣсколько тише.

— Товарищи, проситъ слова поручикъ Альбовъ!

Раздались крики, свистъ.

— Долой! Не надо!

Но Альбовъ стоялъ уже на трибунѣ, крѣпко стиснувъ руками перила, наклонившись внизъ, къ морю головъ. И говорилъ :

— Нѣтъ, я буду говорить, и вы не смѣете не слушать одного изъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ здѣсь при васъ безчестилъ и позорилъ этотъ господинъ. Кто онъ, откуда, кто платитъ за его полезныя нѣмцамъ рѣчи, никто изъ васъ не знаетъ. Онъ пришелъ, отуманилъ васъ и уйдетъ дальше сѣять зло и измѣну. И вы повѣрили ему. А мы, которые вмѣстѣ съ вами вотъ уже четвертый годъ тяжелой войны несемъ тяжелый крестъ — мы стали вашими врагами. Почему? Потому ли что мы *не посылали* васъ въ бой, *а вели за собою*, усѣявъ офицерскими тѣлами весь путь, пройденный полкомъ? Потому ли, что изъ старыхъ офицеровъ не осталось въ полку ни одного не искалѣченнаго?

Онъ говорилъ съ глубокой искренностью и болью. Были минуты, когда казалось, что слово его пробиваетъ черствую кору одеревянѣвшихъ сердецъ, что въ настроеніи опять произойдетъ переломъ...

— Онъ — вашъ « новый другъ » — зоветъ васъ къ бунту, къ насиліямъ, захватамъ. Вы понимаете, для кого это нужно, чтобы въ Россіи всталъ братъ на брата, чтобы въ погромахъ и пожарахъ испепелить послѣднее добро не только « капиталистовъ », но и рабочей и крестьянской бѣдноты? Нѣтъ, не насиліемъ, а закономъ и правомъ вы добьетесь и земли, и воли, и сноснаго существованія. Не здѣсь враги ваши, среди офицеровъ, а тамъ — за проволокой. И не дождемся мы ни свободы, ни мира отъ постыднаго, трусливаго стоянія на мѣстѣ, пока въ общемъ могучемъ порывѣ *наступленія*...

Слишкомъ ли живо еще осталось впечатлѣніе отъ рѣчи Склянки, обидѣлся ли полкъ за эпитетъ « трусливый » — самый отъявленный трусъ никогда не прощаетъ подобнаго напоминанія, — или же, наконецъ, виною было произнесенное сакраментальное слово « наступленіе », которое съ нѣкоторыхъ поръ стало нетерпимымъ въ арміи, но больше говорить Альбову не позволили.

Толпа ревѣла, изрыгая ругательства, напирала все сильнѣе и сильнѣе, подвигаясь къ помосту, сломала перила. Зловѣщій гулъ, искаженныя злобой лица и тянущіяся къ помосту

угрожающія руки. Положеніе становилось критическимъ. Прапорщикъ Ясный протиснулся къ Альбову, взялъ его подъ руку и насильно повелъ къ выходу. Туда же со всѣхъ сторонъ сбѣгались уже солдаты 1-ой роты, и при ихъ помощи, съ большимъ трудомъ Альбовъ вышелъ изъ толпы, осыпаемый отборной бранью. Кто-то крикнулъ вслѣдъ ему :

— Погоди с. с — мы съ тобой сосчитаемся!

Ночь. Бивакъ затихъ. Небо заволокло тучами. Тьма. Альбовъ, сидя на постели въ тѣсной палаткѣ, освѣщаемой огаркомъ, писалъ рапортъ командиру полка :

« Званіе офицера — безсильнаго, оплеваннаго, встрѣчающаго со стороны подчиненныхъ недовѣріе и неповиновеніе, дѣлаетъ безсмысленнымъ и безполезнымъ дальнѣйшее прохожденіе въ немъ службы. Прошу ходатайства о разжалованіи меня въ солдаты, дабы въ этой роли я могъ исполнить честно и до конца свой долгъ ».

Онъ легъ на постель. Сжалъ голову руками. Какая то жуткая и непонятная пустота охватила, словно чья то невидимая рука вынула изъ головы мысль, изъ сердца боль... Что это? Послышался какой то шумъ, повалилось древко палатки, потухла свѣча. На палатку навалилось много людей. Посыпались сильные, жестокіе удары по всему тѣлу. Острая невыносимая боль отозвалась въ головѣ, въ груди. Потомъ все лицо заволокло теплой, липкой пеленой, и скоро стало опять тихо, покойно, какъ будто все страшное, тяжелое оторвалось, осталось здѣсь на землѣ, а душа куда то летитъ и ей легко и радостно.

...Очнулся Альбовъ отъ чьего то холоднаго прикосновенія: рядовой его роты, пожилой уже человѣкъ Гулькинъ сидитъ въ ногахъ на кровати и мокрымъ полотенцемъ смываетъ у него съ лица кровь. Замѣтилъ, что Альбовъ очнулся.

— Ишь, какъ раздѣлали человѣка, сволочи. Это не иначе, какъ пятая рота — я одного примѣтилъ. Очень больно вамъ? Доктора, можетъ, позвать?

— Нѣтъ, голубчикъ, ничего. Спасибо!—Альбовъ пожалъ ему руку.

— Вотъ и съ ихнимъ командиромъ, капитаномъ Буравинымъ несчастье случилось. Ночью пронесли мимо насъ на носилкахъ, въ животъ раненъ; говорилъ санитаръ, что не выживетъ. Возвращался съ развѣдки и у самой нашей проволоки пуля угодила. Нѣмецкая ли, свои ли не признали, — кто его знаетъ.

Помолчалъ.

— Что съ народомъ сдѣлалось, прямо не понять. И все это напускное у насъ. Все это неправда, что противъ офицеровъ говорятъ — сами понимаемъ. Всякіе, конечно, и промежъ васъ бываютъ. Но мы то ихъ знаемъ хорошо. Развѣ мы сами не видимъ, что вы вотъ къ намъ всей душой. Или скажемъ, прапор-

щикъ Ясный. Развѣ такой можетъ продаться? А вотъ поди-жъ ты, попробуй сказать слово, заступиться — самому житья не будетъ. Озорство пошло большое. Только озорниковъ и слушаютъ... Я такъ думаю, что все это самое происходитъ потому, что люди Бога забыли. Нѣтъ на людей никакого страху...

Альбовъ отъ слабости закрылъ глаза. Гулькинъ торопливо поправилъ сползшее на полъ одѣяло, перекрестилъ его и потихоньку вышелъ изъ палатки.

Но сна не было. На душѣ неизбывная тоска и гнетущее чувство одиночества. Такъ захотѣлось, чтобы около было живое существо, чтобы можно было молча, безъ словъ только чувствовать его близость и не оставаться наединѣ со воими страшными мыслями. Пожалѣлъ, что не задержалъ Гулькина.

Тишина. Весь лагерь спитъ. Альбовъ сорвался съ постели, зажегъ снова свѣчу. Овладѣло тупое, безнадежное отчаяніе. Нѣтъ уже больше вѣры ни во что. Впереди безпросвѣтная тьма. Уйти изъ жизни? Нѣтъ, это была бы сдача... Нужно идти въ нее, стиснувъ зубы и скрѣпя сердце, пока какая-нибудь шальная пуля — своихъ или чужая — не прерветъ нить опостылѣвшихъ дней.

Занималась заря. Начинался новый день, новые армейскіе будни, до ужаса похожіе на прожитые.

. . . .

Потомъ?

Потомъ, «расплавленная стихія» вышла изъ береговъ окончательно. Офицеровъ убивали, жгли, топили, разрывали, медленно съ невыразимой жестокостью молотками пробивали имъ головы.

Потомъ — милліоны дезертировъ. Какъ лавина двигалась солдатская масса по желѣзнымъ, воднымъ, грунтовымъ путямъ, топча, ломая, разрушая послѣдніе нервы бѣдной бездорожной Руси.

Потомъ — Тарнополь, Калушъ, Казань... Какъ смерчь пронеслись грабежи, убійства, насилія, пожары по Галиціи, Волынской, Подольской и другимъ губерніямъ, оставляя за собой повсюду кровавый слѣдъ и вызывая у обезумѣвшихъ отъ горя, слабыхъ духомъ русскихъ людей чудовищную мысль :

— Господи, хоть бы нѣмцы поскорѣе пришли...

Это сдѣлалъ солдатъ.

Тотъ солдатъ, о которомъ большой русскій писатель, съ чуткой совѣстью и смѣлымъ сердцемъ говорилъ : [1])

« ... Ты сколькихъ убилъ въ эти дни солдатъ? Сколькихъ оставилъ сиротъ? Сколькихъ оставилъ матерей безутѣшныхъ?

---

[1]) Леонидъ Андреевъ. Статья « Къ тебѣ, солдатъ! ».

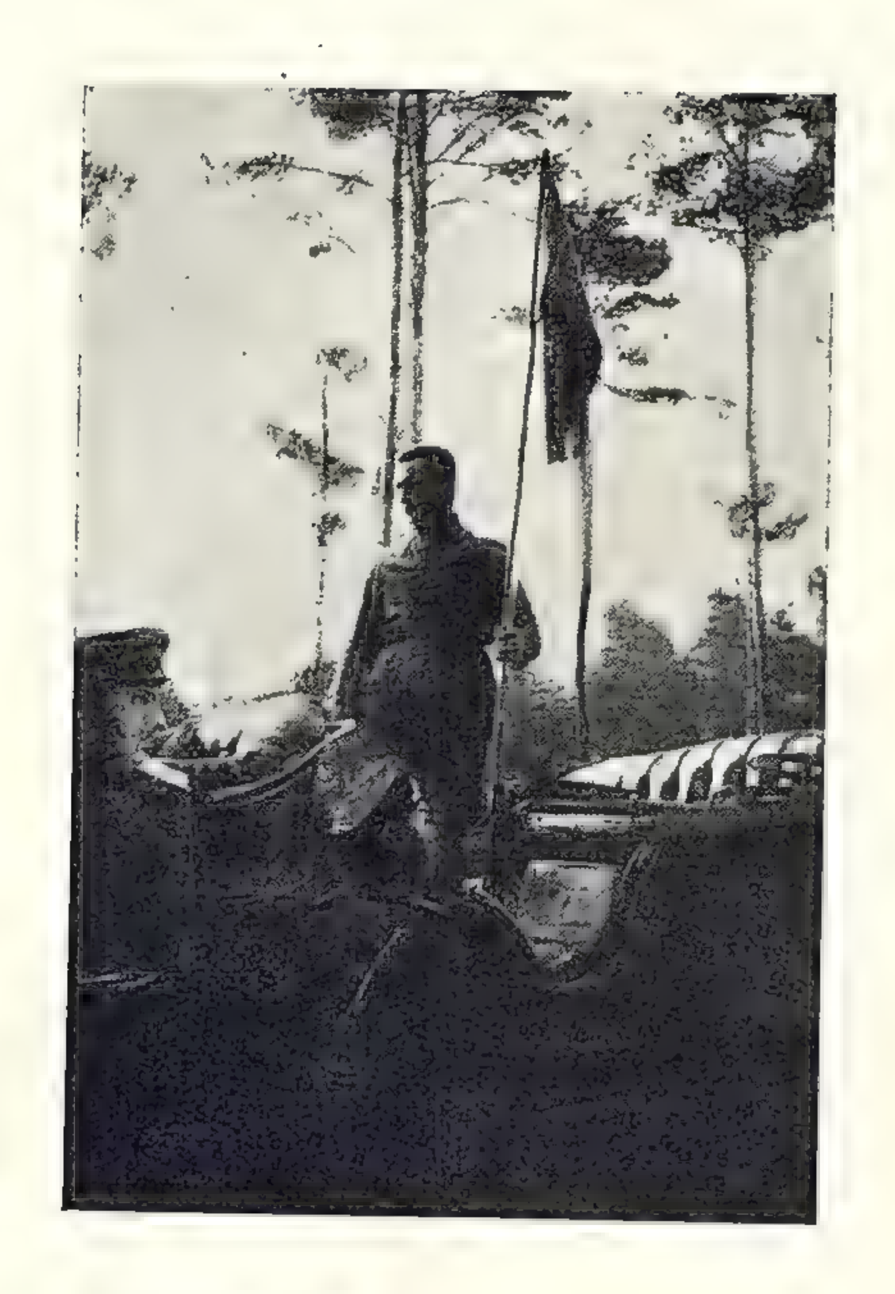
Полковой митингъ.

Стр. 99.

Керенскій на солдатскомъ митингѣ.

Стр. 144.

Керенскій на солдатскомъ митингѣ.

Стр. 145.

Встрѣча ген. Брусилова въ Ставкѣ.

Стр. 148.

И ты слышишь, что шепчутъ ихъ уста, съ которыхъ ты навѣки согналъ улыбку радости?

Убійца! Убійца!

Но что матери, что осиротѣвшія дѣти. Насталъ еще болѣе страшный мигъ, котораго не ожидалъ никто, — и ты предалъ Россію, ты всю Родину свою, тебя вскормившую, бросилъ подъ ноги врага!

Ты, солдатъ, котораго мы такъ любили и... все еще любимъ ».

ГЛАВА XXVI.

Офицерскія организаціи.

Въ первыхъ числахъ апрѣля среди офицеровъ Ставки возникла мысль объ организаціи « Союза офицеровъ арміи и флота ». Инициаторы союза [1]) исходили изъ того взгляда, что необходимо « едино мыслить, чтобы одинаково понимать происходящія событія, чтобы работать въ одномъ направленіи», ибо до настоящаго времени « голоса офицеровъ — всѣхъ офицеровъ, никто не слышалъ. Мы еще ничего не сказали по поводу переживаемыхъ великихъ событій. За насъ говоритъ всякій, кто хочетъ и что хочетъ. За насъ рѣшаетъ военные вопросы и даже вопросы нашего быта и внутренняго уклада всякій, кто желаетъ и какъ желаетъ ».

Принципіальныхъ возраженій было два : первое — нежеланіе вносить самимъ въ офицерскій корпусъ тѣ начала коллективнаго самоуправленія, которыя были привиты арміи извнѣ, въ видѣ совѣтовъ, комитетовъ и съѣздовъ, и внесли разложеніе. Второе — опасеніе, чтобы появленіе самостоятельной офицерской организаціи не углубило еще болѣе ту рознь, которая возникла между солдатами и офицерами. Исходя изъ этихъ взглядовъ, мы съ Верховнымъ главнокомандующимъ вначалѣ отнеслись совершенно отрицательно къ возникшему предположенію. Но жизнь вырвалась уже изъ обычныхъ рамокъ и смѣялась надъ нашими побужденіями. Появился проэктъ деклараціи, которая давала арміи полную свободу союзовъ, собраній, и потому представлялось уже несправедливымъ лишать офицеровъ права профессіональной организаціи, хотя бы какъ средства самосохраненія. Фактически офицерскія общества возникли во многихъ арміяхъ, а въ Кіевѣ, Москвѣ, Петроградѣ и другихъ городахъ — съ первыхъ дней революціи. Всѣ они шли вразбродъ, ощупью, а нѣкоторые союзы крупныхъ центровъ, подъ вліяніемъ разлагающей обстановки тыла, проявляли уже сильный уклонъ къ политикѣ совѣтовъ.

Тыловое офицерство зачастую жило совершенно иною духовною жизнью, чѣмъ фронтъ. Такъ, напримѣръ, московскій

---

[1]) Наибольшее участіе проявляли подполковники ген. штаба Лебедевъ (впослѣдствіи начальникъ штаба адмирала Колчака) и Пронинъ.

совѣтъ офицерскихъ депутатовъ въ началѣ апрѣля вынесъ резолюцію, чтобы « работа Временного правительства протекала... въ духѣ соціалистическихъ (?) и политическихъ требованій демократіи, представляемой Совѣтомъ р. и с. депутатовъ », и выражалъ пожеланіе, чтобы въ составѣ Временного правительства было болѣе представителей соціалистическихъ партій. Назрѣвала фальсификація офицерскаго голоса и въ болѣе крупномъ масштабѣ : петроградскій офицерскій совѣтъ [1]) созывалъ « Всероссійскій съѣздъ офицерскихъ депутатовъ, военныхъ врачей и чиновниковъ » въ Петроградъ, на 8 мая. Это обстоятельство являлось тѣмъ болѣе нежелательнымъ, что иниціаторъ съѣзда — исполнительный комитетъ, возглавляемый подполковникомъ ген. штаба Гущинымъ [2]), проявилъ уже въ полной мѣрѣ свое отрицательное направленіе : участіемъ въ составленіи деклараціи правъ солдата (соединенное засѣданіе 13 марта) [3]) дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ Поливановской комиссіи, лестью и угодничествомъ передъ Совѣтомъ р. и с. депутатовъ и неудержимымъ стремленіемъ къ сліянію съ нимъ. На сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе Совѣтъ, однако, призналъ такое сліяніе « по техническимъ условіямъ пока неосуществимымъ ».

Учтя всѣ эти обстоятельства, Верховный главнокомандующій одобрилъ созывъ офицерскаго съѣзда, съ тѣмъ, чтобы не было произведено никакого давленія ни его именемъ, ни именемъ начальника штаба. Эта корректность нѣсколько осложнила дѣло : часть штабовъ, не сочувствуя идеѣ, задержала распространеніе воззванія, а нѣкоторые старшіе начальники, какъ напримѣръ командующій войсками Омскаго округа, запретилъ вовсе командированіе офицеровъ. И на мѣстахъ вопросъ этотъ вызвалъ кое-гдѣ подозрительность солдатъ и нѣкоторыя осложненія, вслѣдствіе чего иниціаторы съѣзда предложили частямъ, совмѣстно съ офицерами, командировать и солдатъ для присутствія въ залѣ засѣданій...

Не взирая на всѣ препятствія, офицеровъ-представителей съѣхалось въ Могилевъ болѣе 300; изъ нихъ 76% отъ фронта, 17% отъ тыловыхъ строевыхъ частей и 7% отъ тыла. 7 мая съѣздъ открылся рѣчью Верховнаго главнокомандующаго. Въ этотъ день впервые, не въ секретныхъ засѣданіяхъ, не въ довѣрительномъ письмѣ, а открыто, на всю страну верховное командованіе сказало :

— Россія погибаетъ.

---

1) Болѣе точно : « Совѣтъ офицерскихъ депутатовъ города Петрограда, его окрестностей, Балтійскаго флота и отдѣльнаго корпуса пограничной стражи ».

2) Товарищи предсѣдателя : полковникъ А. Свѣчинъ и штабсъ-капитанъ Бржозекъ.

3) См. главу XXII.

Генералъ Алексѣевъ говорилъ :

« ... Въ воззваніяхъ, въ приказахъ, на столбцахъ повседневной печати мы часто встрѣчаемъ короткую фразу : « *отечество въ опасности* ».

Мы слишкомъ привыкли къ этой фразѣ. Мы какъ будто читаемъ старую лѣтопись о дняхъ давно минувшихъ и не вдумываемся въ грозный смыслъ этой короткой фразы. Но, господа, это, къ сожалѣнію, тяжелая правда. *Россія погибаетъ. Она стоитъ на краю пропасти. Еще нѣсколько толчковъ впередъ, и она всей тяжестью рухнетъ въ эту пропасть.* Врагъ занялъ восьмую часть ея территоріи. Его не подкупишь утопической фразой : « миръ безъ аннексій и контрибуцій ». Онъ откровенно говоритъ, что не оставитъ нашу землю. Онъ протягиваетъ свою жадную лапу, туда, гдѣ еще никогда не былъ непріятельскій солдатъ — на богатую Волынь, Подолію, Кіевскую землю, т.е., на весь правый берегъ нашего Днѣпра.

А мы то что? Развѣ допуститъ до этого русская армія?

Развѣ мы не вышвырнемъ этого дерзкаго врага изъ нашей страны, а потомъ уже предоставимъ дипломатіи заключать миръ съ аннексіей или безъ аннексіи?

Будемъ откровенны : упалъ воинскій духъ русской арміи; еще вчера грозная и могучая она стоитъ сейчасъ въ какомъ то роковомъ безсиліи передъ врагомъ. Прежняя традиціонная вѣрность Родинѣ смѣнилась стремленіемъ къ миру и покою. Вмѣсто дѣятельности, въ ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохраненія жизни.

Внутри — гдѣ та сильная власть, о которой горюетъ все государство? Гдѣ та мощная власть, которая заставила бы каждаго гражданина нести честно долгъ передъ Родиной.

Намъ говорятъ, что скоро будетъ; но пока ее нѣтъ.

Гдѣ любовь къ родинѣ, гдѣ патріотизмъ?

Написали на нашемъ знамени великое слово « братство », но не начертали его въ сердцахъ и умахъ. Классовая рознь бушуетъ среди насъ. Цѣлые классы, честно выполнявшіе свой долгъ передъ Родиной, взяты подъ подозрѣніе, и на этой почвѣ возникла глубокая пропасть между двумя частями русской арміи — офицерами и солдатами.

И вотъ, въ такія минуты собрался первый съѣздъ офицеровъ русской арміи. Думаю, что нельзя выбрать болѣе удобнаго и неотложнаго момента для того, чтобы единеніе водворилось въ нашей семьѣ; чтобы общая дружная семья образовалась изъ корпуса русскихъ офицеровъ, чтобы подумать, какъ вдохнуть порывъ въ наши сердца, *ибо безъ порыва — нѣтъ побѣды, безъ побѣды — нѣтъ спасенія, нѣтъ Россіи...*

Согрѣйте-же вашъ трудъ любовью къ Родинѣ и сердечнымъ расположеніемъ къ солдату; намѣтьте пути, какъ приподнять нравственный и умственный складъ солдатъ, для того, чтобы

они сдѣлались искренними и сердечными вашими товарищами. Устраните ту рознь, какая искуственно посѣяна въ нашей семьѣ.

Въ настоящее время — это общая болѣзнь — хотѣли бы всѣхъ гражданъ Россіи поставить на платформы и платформочки, чтобы инспекторскимъ окомъ посмотрѣть, сколько стоитъ на каждой изъ нихъ. Что за дѣло, что масса арміи искренно, честно и съ восторгомъ приняла новый порядокъ и новый строй.

Мы всѣ должны объединиться на одной великой платформѣ: Россія въ опасности. Намъ надо, какъ членамъ великой арміи, спасать ее. Пусть эта платформа объединитъ васъ и дастъ силы къ работѣ».

Эта рѣчь, въ которой вылилась «тревога сердца» вождя арміи, послужила прологомъ къ его уходу. Революціонная демократія уже на памятномъ засѣданіи съ главнокомандующими, 4 мая вынесла свой приговоръ генералу Алексѣеву; теперь-же, послѣ 7-го, въ лѣвой части печати началась жестокая кампанія противъ него, въ которой совѣтскій офиціозъ «Извѣстія» соперничалъ съ ленинскими газетами въ пошлости и неприличии выходокъ. Эта кампанія имѣла тѣмъ большее значеніе, что въ данномъ вопросѣ военный министръ Керенскій былъ явно на сторонѣ Совѣта.

Какъ бы въ дополненіе словъ Верховнаго главнокомандующаго, я въ своей рѣчи, касаясь внутренняго положенія страны, говорилъ:

«... Въ силу неизбѣжныхъ историческихъ законовъ пало самодержавіе, и страна наша перешла къ народовластію. Мы стоимъ на грани новой жизни, страстно и долго жданной, за которую несли головы на плаху, томились въ рудникахъ, чахли въ тундрахъ многія тысячи идеалистовъ.

Но глядимъ въ будущее съ тревогой и недоумѣніемъ.

Ибо нѣтъ свободы въ революціонномъ застѣнкѣ!

Нѣтъ правды въ поддѣлкѣ народнаго голоса!

Нѣтъ равенства въ травлѣ классовъ!

И нѣтъ силы въ той безумной вакханаліи, гдѣ кругомъ стремятся урвать все, что возможно, за счетъ истерзанной Родины, гдѣ тысячи жадныхъ рукъ тянутся къ власти, расшатывая ея устои...»

Начались засѣданія съѣзда. Кто присутствовалъ на нихъ, тотъ унесъ, вѣроятно, на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе отъ живой повѣсти офицерской скорби. Такъ не напишешь никогда, какъ говорили эти «капитаны Буравины», «поручики Альбовы», съ какимъ-то леденящимъ душу спокойствіемъ, касаясь самыхъ интимныхъ, самыхъ тяжкихъ своихъ переживаній. Уже все переболѣло: въ сердцѣ не было ни слезъ, ни жалобъ.

Я смотрѣлъ на ложи, гдѣ сидѣли «младшіе товарищи», присланные для наблюденія за «контръ-революціей». Мнѣ

хотѣлось прочесть на ихъ лицахъ то впечатлѣніе, какое они вынесли отъ всего слышаннаго. И мнѣ показалось, что я вижу краску стыда. Вѣроятно, только показалось, потому что скоро они выразили бурный протестъ, потребовали права голоса на съѣздѣ и... пяти рублей суточныхъ « по офицерскому положенію ».

На 13 общихъ засѣданіяхъ съѣздъ принялъ рядъ резолюцій. Я не буду останавливаться подробно на всѣхъ военно-общественныхъ и техническимъ вопросахъ, поставившихъ діагнозъ армейской болѣзни и указавшихъ способы ея излеченія. Отмѣчу лишь характерныя особенности этихъ резолюцій, въ сравненіи съ множествомъ армейскихъ, фронтовыхъ, областныхъ и профессіональныхъ съѣздовъ.

Союзъ, « исключая всякія политическія цѣли », ставилъ своей задачей « поднятіе боевой мощи арміи во имя спасенія Родины ».

Указывая на состояніе арміи, близкое къ развалу, съѣздъ оговаривалъ, что явленіе это « относится въ равной мѣрѣ какъ къ несознательнымъ группамъ солдатъ, такъ и къ несознательной и недобросовѣстной части офицерства ». Такую же объективность съѣздъ проявилъ въ опредѣленіи причинъ разъединенія между солдатами и офицерами, видя ихъ, между прочимъ: 1) въ низкомъ культурномъ и образовательномъ уровнѣ части офицеровъ и большинства солдатъ; 2) въ полной разобщенности тѣхъ и другихъ внѣ службы; 3) въ растерянности начальниковъ, не исключая и старшихъ, а также въ исканіи ими популярности въ солдатской массѣ; 4) въ недобросовѣстномъ отношеніи къ воинскимъ обязанностямъ и проявленіи злой воли отдѣльныхъ лицъ въ той и другой средѣ. Офицерство, гонимое и безправное, добросовѣстно разбиралось въ своихъ грѣхахъ и передъ лицомъ смертельной опасности, угрожавшей странѣ, забывъ и простивъ все, искало нравственнаго очищенія своей среды отъ « элементовъ вредныхъ и не понимающихъ положенія переживаемаго момента ».

Единственная корпорація среди всѣхъ классовъ, сословій, профессій, проявившихъ общее стихійное стремленіе рвать отъ государства, выпустившаго изъ рукъ возжи, все, что возможно, въ своихъ частныхъ интересахъ, — офицерство никогда ничего не просило *лично для себя*.

Что же могли предложить они для поднятія боеспособности арміи, кромѣ возстановленія тѣхъ началъ, на которыхъ зиждилось существованіе всѣхъ армій міра, а въ извѣстномъ отношеніи, и всѣхъ ранѣе подпольныхъ, нынѣ вышедшихъ на дневную поверхность революціонныхъ организацій? Возстановить дисциплину и авторитетъ начальника; пресѣчь безотвѣтственныя выступленія, « расширяющія искуственно созданную между двумя составными частями арміи пропасть »; объявить кромѣ

выпущенной декларацiи правъ солдата, еще и *декларацiю обязанностей солдата*, а также — правъ и обязанностей начальника; « замѣнить мѣры увѣщеванiя и нравственнаго воздѣйствiя противъ преступно нарушающихъ свой долгъ... самыми высшими уголовными наказанiями » и т. д.

Но самое главное — офицерство просило и требовало *власти* — надъ собой и надъ армiей. Твердой, единой, нацiональной — « приказывающей, а не взывающей ». Власти правительства, опирающагося на довѣрiе страны, а не безотвѣтственныхъ организацiй. Такой власти офицерство приносило тогда полное и неограниченное повиновенiе, *не считаясь совершенно съ расхожденiемъ въ области социальной*. Мало того, я утверждаю, что вся та внутренняя соцiальная, классовая борьба, которая разгоралась въ странѣ все болѣе и болѣе, проходила мимо фронтового офицерства, погруженнаго въ свою работу и въ свое горе, не задѣвая его глубоко, не привлекая къ непосредственному участiю; эта борьба вызывала вниманiе офицерства лишь тогда, когда результаты ея явно потрясали бытiе страны и въ частности армiи. Я говорю, конечно, о массѣ офицерства; отдѣльныя уклоненiя въ сторону реакцiи несомнѣнно были, но они вовсе не характерны для офицерскаго корпуса 1917 года.

Одинъ изъ лучшихъ представителей офицерской среды, человѣкъ вполнѣ интеллигентный, генералъ Марковъ, писалъ Керенскому, осуждая его систему обезличенiя начальниковъ : « солдатъ по натурѣ, рожденiю и образованiю, я могу судить и говорить лишь о своемъ военномъ дѣлѣ. Всѣ остальныя реформы и передѣлки нашего государственнаго строя меня интересуютъ лишь какъ обыкновеннаго гражданина. Но армiю я знаю, отдалъ ей свои лучшiе дни, кровью близкихъ мнѣ людей заплатилъ за ея успѣхи, самъ окровавленный уходилъ изъ боя »... Этого не поняла и не учла революцiонная демократiя.

Совершенно иначе протекалъ офицерскiй съѣздъ въ Петроградѣ, на который собралось около 700 делегатовъ (18-26 мая). Въ немъ ярко раскололись два лагеря : политиканствовавшихъ офицеровъ и чиновниковъ тыла и меньшей части — настоящаго армейскаго офицерства, попавшаго на съѣздъ по недоразумѣнiю. Исполнительный комитетъ составилъ программу, строго слѣдуя установившемуся обычаю совѣтскихъ съѣздовъ : 1) отношенiе къ Временному правительству и къ Совѣту, 2) о войнѣ, 3) объ Учредительномъ собранiи, 4) рабочiй вопросъ, 5) земельный вопросъ, 6) реорганизацiя армiи на демократическихъ началахъ. Съѣзду придали въ Петроградѣ преувеличенное значенiе, и открытiе его сопровождалось торжественными рѣчами многихъ членовъ правительства и иностранныхъ представителей; даже отъ имени Совѣта привѣтствовалъ собравшихся Нахамкесъ. Съ перваго же дня выяснилось непримиримое расхожденiе

двухъ группъ. Оно являлось неизбѣжнымъ хотя бы потому, что даже по такому кардинальному вопросу, какъ « приказъ № 1 », товарищъ предсѣдателя съѣзда, штабсъ-капитанъ Бржозекъ высказалъ взглядъ : « изданіе его диктовалось исторической необходимостью : солдатъ былъ подавленъ и настоятельно нужно было освободить его ». Это заявленіе встрѣчено было продолжительными апплодисментами части собранія!

Послѣ ряда бурныхъ засѣданій, большинствомъ 265 голосовъ противъ 246, была принята резолюція, въ которой говорилось, что « революціонная сила страны — въ рукахъ организованныхъ крестьянъ, рабочихъ и солдатъ, составляющихъ преобладающую массу населенія », а потому правительство должно быть отвѣтственно передъ Всероссійскимъ совѣтомъ!

Даже резолюція о необходимости наступленія прошла не многимъ болѣе двухъ третей голосовавшихъ.

Направленіе, взятое петроградскимъ съѣздомъ объясняется заявленіемъ (26 мая) той группы его, которая, отражая дѣйствительное мнѣніе фронта, стояла на точкѣ зрѣнія «всемѣрной поддержки Временному правительству»: « Исполнительный комитетъ петроградскаго совѣта офицерскихъ депутатовъ, созывая съѣздъ, не преслѣдовалъ разрѣшенія насущнѣйшей задачи момента — возрожденія арміи, такъ какъ вопросъ о боеспособности арміи и мѣрахъ къ ея поднятію даже не былъ поставленъ въ предложенной намъ программѣ, а внесенъ лишь по нашему настоянію. Если вѣрить весьма странному, чтобы не сказать болѣе, заявленію предсѣдателя, подполковника Гущина — цѣлью созыва съѣзда было желаніе исполнительнаго комитета пройти подъ нашимъ флагомъ въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ ». Заявленіе вызвало рядъ крупныхъ инцидентовъ, три четверти состава ушло, и съѣздъ распался.

Я коснулся вопроса о петроградскомъ офицерскомъ совѣтѣ и съѣздѣ для того лишь, чтобы охарактеризовать настроенія извѣстной части тылового офицерства, имѣвшаго частое общеніе съ офиціальными и не офиціальными правителями, и въ глазахъ послѣднихъ изображавшаго « голосъ арміи ».

Точно также совершенно ничтожна была роль и другихъ офицерскихъ и военно-общественныхъ организацій [1]); о существованіи многихъ изъ нихъ я узналъ только теперь, перебирая бумаги.

Могилевскій съѣздъ, вызывавшій неослабное вниманіе и большое расположеніе Верховнаго главнокомандующаго, закрылся 22 мая. Въ это время генералъ Алексѣевъ былъ уже уволенъ отъ командованія русской арміей и, глубоко переживая

---

[1]) « Союзъ воинскаго долга », « Союзъ чести Родины », « Союзъ спасенія Родины », « Союзъ добровольцевъ народной обороны » и много другихъ.

этотъ эпизодъ своей жизни, не могъ присутствовать на закрытіи. Я простился со съѣздомъ слѣдующимъ словомъ :

« Верховный главнокомандующій, покидающій свой постъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, господа, свой искренній привѣтъ и сказать, что его старое солдатское сердце бьется въ униссонъ съ вашими, что оно болѣетъ той же болью и живетъ той же надеждой на возрожденіе истерзанной, но великой русской арміи.

Позвольте и мнѣ отъ себя сказать нѣсколько словъ.

Съ далекихъ рубежей земли нашей, забрызганныхъ кровью, собрались вы сюда и принесли намъ свою скорбь безъисходную, свою душевную печаль.

Какъ живая развернулась передъ нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученнаго армейскаго моря.

Вы — безсчетное число разъ стоявшіе передъ лицомъ смерти! Вы — безтрепетно шедшіе впереди своихъ солдатъ на густые ряды непріятельской проволоки, подъ рѣдкій гулъ родной артиллеріи, измѣннически лишенной снарядовъ! Вы — скрѣпя сердце, но не падая духомъ, бросавшіе послѣднюю горсть земли въ могилу павшаго сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нѣтъ!

Слабые — поднимите головы. Сильные — передайте вашу рѣшимость, вашъ порывъ, ваше желаніе работать для счастья Родины, перелейте ихъ въ порѣдѣвшіе ряды нашихъ товарищей на фронтѣ. Вы не одни: съ вами все, что есть честнаго, мыслящаго, все, что остановилось на грани упраздняемаго нынѣ здраваго смысла.

Съ вами пойдетъ и солдатъ, понявъ ясно, что вы ведете его не назадъ — къ безправію и нищетѣ духовной, а впередъ — къ свободѣ и свѣту.

И тогда надъ врагомъ разразится такой громовой ударъ, который покончитъ и съ нимъ и съ войной.

Проживши съ вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, дѣливши съ вами и яркую радость побѣды и жгучую боль отступленія, я имѣю право бросить тѣмъ господамъ, которые плюнули намъ въ душу, которые съ первыхъ же дней революціи свершили свое Каиново дѣло надъ офицерскимъ корпусомъ... я имѣю право бросить имъ :

Вы лжете! Русскій офицеръ никогда не былъ ни наемникомъ, ни опричникомъ.

Забитый, загнанный, обездоленный не менѣе чѣмъ вы условіями стараго режима, влача полунищенское существованіе, нашъ армейскій офицеръ сквозь бѣдную трудовую жизнь свою донесъ, однако, до отечественной войны — какъ яркій свѣтильникъ — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стѣны услышатъ мой призывъ и строители новой государственной жизни :

Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности. Смѣнить его можетъ только смерть ».

Отпечатанный комитетомъ текстъ моей рѣчи распространился по фронту, и я былъ счастливъ узнать изъ многихъ полученныхъ мною тогда телеграммъ и писемъ, что слово, сказанное въ защиту офицера, дошло до его наболѣвшаго сердца.

Съѣздъ оставилъ при Ставкѣ постоянное учрежденіе — Главный комитетъ офицерскаго союза » [1]). За первые три мѣсяца своего существованія комитетъ не успѣлъ пустить глубокихъ корней въ арміи. Роль его ограничивалась организаціей отдѣленій союза въ арміяхъ и въ военныхъ кругахъ, разборомъ доходившихъ до него жалобъ, гласнымъ осужденіемъ въ исключительныхъ случаяхъ негодныхъ офицеровъ (« черная доска »), нѣкоторой весьма ограниченной помощью изгнаннымъ солдатами офицерамъ и декларативными заявленіями правительству и печати по поводу важнѣйшихъ событій государственной и военной жизни. Послѣ іюньскаго наступленія тонъ этихъ декларацій сталъ рѣзкимъ, осуждающимъ и вызывающимъ, что крайне обезпокоило министра-предсѣдателя, который упорно добивался перевода Главнаго комитета изъ Могилева въ Москву, придавая его настроенію самодовлѣющее значеніе, опасное для Ставки.

Комитетъ, довольно пассивный во время командованія генерала Брусилова, дѣйствительно принялъ впослѣдствіи участіе въ выступленіи генерала Корнилова. Но не это обстоятельство повліяло на перемѣну его направленія. *Комитетъ несомнѣнно отражалъ общее настроеніе, охватившее тогда командный составъ и русское офицерство, настроеніе, ставшее враждебнымъ Временному правительству.* При этомъ въ офицерской средѣ не отдавали себѣ яснаго отчета о политическихъ группировкахъ внутри самого правительства, о глухой борьбѣ между ними, о государственно-охранительной роли въ немъ многихъ представителей либеральной демократіи, и потому враждебное отношеніе создалось ко всему правительству въ цѣломъ.

Бывшіе доселѣ совершенно лояльными, а въ большинствѣ и глубоко доброжелательными, терпѣвшіе, скрѣпя сердце, всѣ эксперименты, которые Временное правительство вольно и невольно производило надъ страной и арміей, эти элементы жили одной надеждой на возможность возрожденія арміи, наступленія и побѣды. Когда же всѣ надежды рухнули, то, не связанное идейно съ составомъ 2-го коалиціоннаго правитель-

---

[1]) Предсѣдателемъ былъ полковникъ Новосильцевъ, членъ 4-й Государственной Думы, к.-д.

ства, наоборотъ, питая къ нему полное недовѣріе, офицерство отшатнулось отъ Временного правительства, которое, такимъ образомъ, потеряло послѣднюю вѣрную опору.

Этотъ моментъ имѣетъ большое историческое значеніе, дающее ключъ къ уразумѣнію многихъ послѣдующихъ явленій. Русское офицерство — въ массѣ своей глубоко демократичное по своему составу, міровоззрѣніямъ и условіямъ жизни, съ невѣроятной грубостью и цинизмомъ *оттолкнутое революціонной демократіей* и не нашедшее фактической опоры и поддержки въ либеральныхъ кругахъ, близкихъ къ правительству, очутилось въ трагическомъ одиночествѣ. Это одиночество и растерянность служили впослѣдствіи не разъ благодарной почвой для стороннихъ вліяній, чуждыхъ традиціямъ офицерскаго корпуса и его прежнему политическому облику, — вліяній, вызвавшихъ разслоеніе и, какъ финалъ — братоубійство. Ибо не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что вся сила, вся организація и красныхъ и бѣлыхъ армій покоилась *исключительно* на личности стараго русскаго офицера.

И если затѣмъ, въ теченіи трехлѣтней борьбы, мы были свидѣтелями разслоенія и отчужденія двухъ силъ русской общественности въ противо-большевистскомъ лагерѣ, то первопричину ихъ надо искать не только въ политическомъ расхожденіи, но и въ томъ каиновомъ дѣлѣ въ отношеніи офицерства, которое было совершено революціонной демократіей съ первыхъ же дней революціи.

ГЛАВА XXVII.

Революція и казачество.

Своеобразную роль въ исторіи смуты играетъ казачество.

Слагавшіяся исторически, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ взаимоотношенія казачества съ центральной обще-русской властью носили характеръ двойственный. Власть всемѣрно поощряла развитіе казачьей колонизаціи на безпокойныхъ рубежахъ русской земли, гдѣ шла непрерывная война, охотно мирясь съ особенностями ихъ военно-земледѣльческаго быта и допуская большую или меньшую независимость и самобытныя формы народоправства, съ представительными органами (кошъ, кругъ, рада...), выборной «войсковой старшиной» и атаманами. «Государство при слабости своей, говоритъ Соловьевъ, смотрѣло не такъ строго на дѣйствія казаковъ, если они обращались только противъ чужихъ странъ; при слабости государства считалось нужнымъ давать выходъ этимъ безпокойнымъ силамъ». Но « дѣйствія » казаковъ обращались не разъ и противъ Москвы, и это обстоятельство вызвало затяжную внутреннюю борьбу, которая длилась до конца 18 вѣка, когда послѣ жестокаго усмиренія Пугачевскаго бунта вольному юго-восточному казачеству былъ нанесенъ окончательный ударъ; оно мало-по-малу утрачиваетъ свой рѣзко оппозиціонный характеръ и пріобрѣтаетъ даже репутацію наиболѣе консервативнаго, государственнаго элемента, опоры престола и режима.

Съ тѣхъ поръ власть непрестанно демонстрировала свое расположеніе къ казачеству и подчеркиваніемъ дѣйствительно большихъ заслугъ его, и торжественными обѣщаніями сохраненія « казачьихъ вольностей » [1]), и почетными назначеніями по казачьимъ войскамъ лицъ императорской фамиліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, власть принимала всѣ мѣры, чтобы « вольности » эти

---

[1]) Послѣдняя грамота войску Донскому дана была 24 января 1906 г. императоромъ Николаемъ II и заключала въ себѣ слѣдующія слова: « ...Подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему (войску) утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ какъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску Донскому историческую славу, такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, пріобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ...»

не развивались чрезмѣрно въ ущербъ той безпощадной централизаціи, которая составляла историческую необходимость въ началѣ построенія русской государственности и огромную историческую ошибку въ ея позднѣйшемъ развитіи. Къ числу такихъ мѣръ надлежитъ отнести ограниченіе казачьяго самоуправленія и въ послѣднее время традиціонное назначеніе атаманами лицъ не казачьяго сословія, зачастую совершенно чуждыхъ казачьему быту. Старѣйшее и наибольшее численно Донское войско возглавлялось не разъ генералами нѣмецкаго происхожденія.

Казалось, царское правительство имѣло полное основаніе расчитывать на казачество : многократныя усмиренія вспыхивавшихъ въ Россіи мѣстныхъ политическихъ, рабочихъ и аграрныхъ безпорядковъ, подавленіе болѣе серьезнаго явленія — революціи 1905-1906 г. г., въ которомъ большое участіе приняли и казачьи войска, — все это какъ будто поддерживало установившееся мнѣніе о казакахъ. Съ другой стороны, эпизоды «усмиреній », съ неминуемымъ насиліемъ, иногда жестокостью, получали широкое распространеніе въ народѣ, преувеличивались и вызывали враждебное отношеніе къ казакамъ на фабрикѣ, въ деревнѣ, среди либеральной интеллигенціи, и, главнымъ образомъ, въ средѣ тѣхъ элементовъ, которые извѣстны подъ именемъ революціонной демократіи. Во всей подпольной литературѣ — въ воззваніяхъ, листовкахъ, картинахъ — понятіе « казакъ » стало синонимомъ « слуги » реакціи.

Это опредѣленіе грѣшило большимъ преувеличеніемъ. Баянъ Донского казачьяго войска, Митрофанъ Богаевскій такъ говоритъ о политической физіономіи казачества : « первымъ и основнымъ условіемъ, удержавшимъ казачество, по крайней мѣрѣ, въ первые дни, отъ развала, была идея государственности, правопорядка, глубоко сидящее сознаніе необходимости жизни въ рамкахъ закона. Это исканіе порядка законности красной нитью проходило и проходитъ черезъ всѣ круги всѣхъ казачьихъ войскъ ». Но такія альтруистическія побужденія — одни далеко не исчерпываютъ вопроса. Не взирая на огромную тяжесть поголовной военной службы, казачество, въ особенности южное, пользовалось извѣстнымъ благосостояніемъ, исключавшимъ тотъ важнѣйшій стимулъ, который подымалъ противъ власти и режима рабочій классъ и крестьянство центральной Россіи. Необыкновенно запутанный земельный вопросъ противопоставлялъ сословно-экономическіе интересы казачества — интересамъ « иногороднихъ » [1]) поселенцевъ. Такъ, напримѣръ, въ старѣйшемъ и крупнѣйшемъ войскѣ Донскомъ обезпеченность землей отдѣльнаго хозяйства выражалась въ

---

[1]) Такъ назывался пришлый, не казачій элементъ области.

среднемъ въ десятинахъ: казачьяго 19,3-30, коренныхъ крестьянъ 6,5, пришлыхъ крестьянъ 1,3. Наконецъ, въ силу историческихъ условій, узко-территоріальной системы комплектованія, казачьи части имѣли совершенно однородный составъ, обладали большой внутренней спайкой и твердой, хотя и нѣсколько своеобразной, въ смыслѣ взаимоотношеній офицера и казака, дисциплиной, и поэтому оказывали полное повиновеніе своему начальству и верховной власти.

Правительство, опираясь на всѣ эти побужденія, широко использовало казачьи войска для подавленія народныхъ волненій и тѣмъ навлекло на нихъ глухое озлобленіе среди бродящей, недовольной массы населенія.

За свои историческія «вольности» казачьи войска, какъ я уже сказалъ, несли почти поголовную службу. Тягость ея и степень относительнаго значенія этихъ войскъ въ составѣ вооруженныхъ силъ русской державы опредѣляются приводимой таблицей:

Составъ казачьихъ войскъ къ осени 1917 г.

Войскъ.	Конныхъ полковъ.	Сотенъ не въ составѣ полковъ.	Пѣшихъ баталіоновъ.
Донского	60	72	—
Кубанскаго	37	37	22
Оренбургскаго	18	40	—
Терскаго	12	3	2
Уральскаго	9	4	—
Сибирскаго	9	3	—
Забайкальскаго	9	—	—
Семирѣченскаго	3	7	—
Астраханскаго	3	—	—
Амурскаго	2	5	—
Всего[1])	162	171	24

Отчасти какъ армейская конница — въ составѣ дивизій и корпусовъ, отчасти же какъ корпусная и дивизіонная конница — въ составѣ полковъ, дивизіоновъ и отдѣльныхъ сотенъ, казачьи части были разбросаны по всѣмъ русскимъ фронтамъ отъ Балтійскаго моря до Персіи.

✓ *Казачество, въ противовѣсъ всѣмъ прочимъ составнымъ частямъ арміи, не знало дезертирства.*

Когда началась революція, всѣ политическія группировки обратили большое вниманіе на казачество — одни возлагая на

---

1) Съ соотвѣтственной артиллеріей.

него преувеличенныя надежды, другіе — относясь къ нему съ нескрываемой подозрительностью. Правые круги ожидали отъ казачества реставраціи; либеральная буржуазія — активной опоры правопорядка; лѣвые — опасались контръ-революціонности и повели поэтому бѣшенную агитацію въ казачьихъ частяхъ, стремясь къ ихъ разложенію. Этому отчасти содѣйствовало и то покаянное настроеніе, которое прозвучало на всѣхъ казачьихъ собраніяхъ, съѣздахъ, кругахъ, радахъ, гдѣ свергнутая власть обвинялась въ систематическомъ возстановленіи казаковъ противъ народа...

Что касается Временнаго правительства, то отношеніе его къ казакамъ было такъ-же двойственнымъ. Съ одной стороны, правительство оказывало казакамъ всѣ знаки внѣшняго вниманія и не противилось созданію на мѣстахъ захватнымъ порядкомъ широкаго самоуправленія и выборнаго атаманства, съ другой, — стремилось изъять изъ подчиненія выборнымъ атаманамъ казачьи гарнизоны областей и ограничить компетенцію казачьей власти, ставя повсюду для наблюденія за закономѣрностью ея дѣйствій правительственныхъ комиссаровъ.

Взаимоотношенія казачества съ мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ были необыкновенно сложны, въ особенности, въ казачьихъ областяхъ Европейской Россіи [1]. Среди казачьихъ надѣловъ были вкраплены земли крестьянъ — давнихъ переселенцевъ (коренныхъ), — земли находящіяся въ долгосрочной арендѣ, на которыхъ выросли большіе поселки; наконецъ, земли, жалованныя нѣкогда верховной властью различнымъ лицамъ и постепенно переходившія въ собственность иногороднихъ. На почвѣ этихъ взаимоотношеній теперь возникла распря, начавшая принимать характеръ насилій и захватовъ. Въ отношеніи Донского войска, дававшаго тонъ всѣмъ остальнымъ, Временное правительство сочло себя вынужденнымъ обнародовать 7 апрѣля воззваніе, въ которомъ подтверждая, что « права казаковъ на землю, какъ они сложились исторически, остаются неприкосновенными », вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщало и иногороднему населенію, « владѣніе котораго на землю также имѣетъ за собою историческое право », что оно будетъ удовлетворено въ возможной мѣрѣ Учредительнымъ собраніемъ. Этотъ земельный ребусъ, затуманившій самое больное мѣсто казачьихъ чаяній, былъ недвусмысленно разъясненъ въ половинѣ мая министромъ земледѣлія Черновымъ (на Всероссійскомъ крестьянскомъ съѣздѣ), который заявилъ, что казаки имѣютъ большіе земельные надѣлы и теперь имъ придется поступиться частью своихъ земель.

Въ казачьихъ областяхъ, между тѣмъ, шла кипучая работа въ сферѣ самоопредѣленія и самоуправленія; печать приносила

[1] Въ Донской области 48% крестьянъ и 46% казаковъ.

свѣдѣнія неясныя, сбивчивыя; никто еще не слышалъ голоса всего казачества. Понятно, поэтому, то всеобщее вниманіе, которое сосредоточено было на собравшемся, въ началѣ іюня въ Петроградѣ, Всероссійскомъ казачьемъ съѣздѣ.

Казаки, учтя всю сложность своего положенія, отдали дань и революціи, и государственности, и собственнымъ своимъ нуждамъ — вѣдь, вопросъ объ угодьяхъ самый жизненный — и сдѣлали пріятный жестъ по адресу Совѣта.

Съѣздъ единодушно сказалъ :

Россія должна быть недѣлимой демократической республикой, съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Всемѣрная поддержка Временному правительству, но обращается его вниманіе на необходимость борьбы противъ анархистовъ, большевиковъ и интернаціоналистовъ, и на принятіе рѣшительныхъ мѣръ противъ ихъ пропаганды.

Неприкосновенность казачьяго уклада. Но послѣ войны — несеніе службы на общихъ основаніяхъ.

Оставленіе въ неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждаго казачьяго войска его земель и угодій со всѣми нѣдрами.

Труднѣе было съ вопросомъ объ отношеніи къ Совѣту. Но и здѣсь съѣздъ нашелъ выходъ : послѣ обмѣна привѣтствіями и взаимнаго кооптированія делегацій, послѣ вскользь оброненной предсѣдателемъ фразы, что « казачество пойдетъ по одному пути съ Совѣтомъ », послѣ неотвѣтственной рѣчи на съѣздѣ совѣтовъ терскаго делегата, что казачество считаетъ Совѣтъ « истиннымъ хозяиномъ земли русской » — вопросъ объ отношеніи къ Совѣту, поставленный на повѣстку послѣдняго засѣданія, « за недостаткомъ времени » былъ снятъ. Казачій съѣздъ закрылся, оставивъ въ Петроградѣ « Совѣтъ союза казачьихъ войскъ ».

Впечатлѣніе у всѣхъ осталось неопредѣленное : и надежды однихъ, и опасенія другихъ не разсѣялись.

Тѣмъ временемъ, по инціативѣ революціонной демократіи, началась сильнѣйшая агитація, съ цѣлью проведенія идеи « расказачиванія ». Тамъ, гдѣ казаки были вкраплены въ меньшинствѣ среди иногородняго или туземнаго населенія, она имѣла вначалѣ нѣкоторый успѣхъ : такъ въ мартѣ кругъ Забайкальскаго войска, совмѣстно съ крестьянами и инородцами, постановилъ упразднить войско; въ Сибирскомъ войскѣ вызвалъ большія осложненія пріѣздъ 43 делегатовъ, командированныхъ съ фронта распропагандированнымъ комитетомъ Сибирской дивизіи для « расказачиванія » и для общей разверстки земли между казаками и крестьянами.Но въ общемъ идея самоупраздненія никакого успѣха не имѣла. Наоборотъ, среди казачества все болѣе усиливалось стремленіе ко внутренней обособленной организаціи и къ единенію всѣхъ казачьихъ войскъ. Повсюду

возникли казачьи правительства, выборные атаманы и представительные учрежденія (круги и рады), компетенція которыхъ расширялась въ зависимости отъ ослабленія авторитета и власти Временного правительства. Во главѣ казачества появились такіе крупные люди, какъ Калединъ (Донъ), Дутовъ (Оренбургъ), Карауловъ (Терекъ).

Въ областяхъ образовалось троевластіе. Атаманъ съ правительствомъ, комиссаръ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ [1]).

Роль комиссаровъ Временного правительства была довольно неопредѣленной, права и обязанности не ясны. Назначеніе, напримѣръ, комиссара въ Донскую область опредѣлено правительственнымъ актомъ въ такомъ видѣ : « для улаживанія всякихъ споровъ, для достиженія соглашеній и вообще для правильной постановки разныхъ мѣстныхъ вопросовъ »... Впрочемъ, комиссары послѣ кратковременной и неудачной борьбы вскорѣ стушевались и не проявляли никакой дѣятельности. Гораздо болѣе серьезною становилась борьба казачьей власти съ мѣстными совѣтами, комитетами, опиравшимися на буйную солдатскую чернь, наводнявшую области въ качествѣ армейскихъ запасныхъ баталіоновъ и тыловыхъ армейскихъ частей. Этотъ бичъ населенія положительно терроризовалъ страну, создавая анархію въ городахъ и станицахъ, производя разгромы, захватъ земель и предпріятій, попирая всякое право, всякую власть и создавая невыносимыя условія жизни. Бороться съ этимъ засиліемъ казакамъ было нечѣмъ — всѣ части находились на фронтѣ; только въ Донской области, случайно, къ осени 1917 года, не безъ сознательнаго попустительства Ставки, сосредоточилась одна дивизія, позднѣе три, при посредствѣ которыхъ генералъ Калединъ пытался водворить порядокъ. Но всѣ его мѣропріятія, какъ то занятіе вооруженной силой желѣзнодорожныхъ узловъ, важнѣйшихъ копей и крупныхъ пунктовъ, обезпечивавшее нормальную связь и питаніе центра и фронтовъ, встрѣчали не только сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны совѣтовъ и обвиненіе въ контръ-революціонности, но даже нѣкоторую подозрительность во Временномъ правительствѣ. Въ то-же время кубанцы и терцы просили Донъ прислать хоть нѣсколько сотенъ, такъ какъ « отъ *товарищей* дышать становится невозможно ».

Завязанныя въ первые дни революціи дружественныя отношенія между общерусской и казачьей революціонными демократіями вскорѣ порвались окончательно. « Казачій соціализмъ » оказался явленіемъ настолько самодовлѣющимъ, замкнутымъ въ своихъ сословно-корпоративныхъ рамкахъ, что не укладывался въ обще-принятой идеологіи ученія, хотя казачьи представители его носили тѣ-же установленныя названія—

---

[1]) Мѣстами « Областной совѣтъ иногороднихъ ».

соц.-револ. и соц.-демокр.; приэтомъ въ Донскомъ кругѣ, напримѣръ, при большинствѣ кадетъ, было солидное представительство социалъ-революціонеровъ [1]), а въ Кубанской радѣ — преобладаніе социалъ-революціонеровъ и социалъ-демократовъ. Главная масса выборнаго казачества — преимущественно степенные «старики» (молодежь — вся на фронтѣ) не отличалась особенно ни общимъ, ни политическимъ развитіемъ и не принадлежала, конечно, ни къ какимъ партіямъ, смотрѣла на вещи съ чисто прикладной казачьей точки зрѣнія и умѣряла до нѣкоторой степени политическія увлеченія своихъ верховъ.

Совѣты придали идеѣ «расказаченія» внѣшнія формы какъ-будто объективныя: они стремились къ объединенію всѣхъ русскихъ губерній въ административномъ устройствѣ (совѣтскомъ), казаки же къ обособленію и чисто казачьему самоуправленію; совѣты требовали проведенія обще-земскаго демократическаго положенія, казаки не желали поступаться своими учрежденіями; совѣты настаивали на уравненіи земельныхъ надѣловъ между казаками и крестьянами, казаки всѣми силами защищали свое право собственности и распоряженія казачьими землями, основывая его на историческихъ заслугахъ своихъ въ качествѣ завоевателей, охранителей и колонизаторовъ бывшихъ рубежей русской земли.

Организація общаго областного управленія не удалась. Началась внутренняя борьба.

На почвѣ этой возникли два явленія: первое — тяжелая атмосфера отчужденности и вражды между казачьимъ и иногороднимъ населеніемъ, принимавшая иногда, впослѣдствіи въ быстро мѣнявшихся этапахъ гражданской войны, чудовищныя формы взаимнаго истребленія, когда власть переходила изъ рукъ въ руки. При этомъ обыкновенно та или другая половина населенія крупнѣйшихъ казачьихъ областей устранялась вовсе отъ участія въ строительствѣ и хозяйствѣ края [2]). Второе — такъ называемый казачій сепаратизмъ или самостійность.

Казачество не имѣло никакого основанія ожидать отъ революціонной демократіи благопріятнаго разрѣшенія своей участи, и особенно, въ наиболѣе жизненномъ для него вопросѣ — земельномъ. Съ другой стороны Временное правительство также заняло двусмысленную позицію въ этомъ отношеніи, и притомъ правительственная власть явно клонилась къ упадку. Будущее рисовалось въ совершенно неопредѣленныхъ контурахъ. Отсюда, независимо отъ общаго здороваго теченія къ децентрали-

---

[1]) Кругъ вошелъ въ блокъ съ кадетской партіей (народной свободы) для выборовъ въ Учредительное Собраніе, вскорѣ, впрочемъ, расторгнутый.

[2]) Въ главнѣйшихъ областяхъ, на Дону и Кубани, казачье населеніе составляло около половины.

заціи, у казаковъ, вѣками искавшихъ «воли», явилось стремленіе самимъ обезпечить себѣ максимумъ независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собраніе передъ совершившимся фактомъ или, какъ говорили болѣе откровенные казачьи дѣятели, «чтобы было съ чего сбавлять». Отсюда — постепенная эволюція отъ областнаго самоуправленія къ автономіи, федераціи и конфедераціи. Отсюда, наконецъ, при вмѣшательствѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ самолюбій, честолюбій и интересовъ — перманентная борьба со всякимъ началомъ обще-государственнаго направленія, ослаблявшая обѣ стороны и затянувшая надолго гражданскую войну [1]). Эти же обстоятельства родили идею самостоятельной казачьей арміи, возникшей впервые среди кубанцевъ и не поддержанной тогда Калединымъ и болѣе государственными элементами Дона.

Все изложенное относится, главнымъ образомъ, къ тремъ казачьимъ войскамъ (Донъ, Кубань, Терекъ), составляющимъ болѣе 60% всего казачества. Но общія характерныя черты свойственны и другимъ войскамъ.

Въ стремленіи къ объединенію, казачество добивалось возстановленія упраздненной должности походнаго атамана при Ставкѣ, вѣдавшаго ранѣе въ административномъ отношеніи всѣми казачьими войсками на фронтѣ. Въ Ставку пріѣзжала делегація казачьяго союза просить о сохраненіи, до выясненія этого вопроса, атаманскаго штаба. Очевидно въ будущемъ предусматривалась возможность серьезнаго политическаго значенія этого института. Верховный главнокомандующій, исходя исключительно изъ цѣлесообразности и не желая запутывать еще болѣе въ корнѣ нарушенное единство командованія, отнесся отрицательно къ созданію новой должности. Интересно, что такого-же взгляда держался самъ признанный глава казачества, генералъ Калединъ, которому впослѣдствіи правительство, опасаясь возрастающаго вліянія его на Дону, предложило постъ походнаго атамана. «Должность эта, говорилъ Калединъ, — совершенно не нужна. Она и въ прежнее время существовала только для того, чтобы посадить кого-нибудь изъ великихъ князей. Чины штаба проводили время въ поѣздкахъ въ тылу и попойкахъ, держась въ почтительномъ отдаленіи отъ арміи, ея нуждъ и горестей». Калединъ рѣшительно отказался. Однако, въ лѣвыхъ кругахъ, чрезвычайно подозрительно относившихся и къ казачеству и къ Ставкѣ, проэктъ походнаго атаманства вызвалъ большое безпокойство. Отравленная болѣзненной подозрительностью, революціонная демократія искала проявленія контръ-революціи и тамъ, гдѣ руководствовались исключительно интересами государственными.

Сообразно съ видоизмѣненіемъ состава Временного прави-

---

[1]) Объ этихъ явленіяхъ я буду говорить подробнѣе впослѣдствіи.

тельства и паденіемъ его авторитета, мѣнялось отношеніе къ нему казачества, нашедшее выраженіе въ постановленіяхъ и обращеніяхъ совѣта союза казачьихъ войскъ, атамановъ, круговъ и правительствъ. Если до іюля казачество вотировало всемѣрную поддержку правительству и полное повиновеніе, то позже оно, *признавая до конца власть правительства*, вступаетъ, однако, въ рѣзкую оппозицію по вопросамъ объ устройствѣ казачьяго управленія и земства, противъ примѣненія казаковъ для усмиренія мятежныхъ войскъ и раіоновъ, и такъ далѣе. Въ сентябрѣ, послѣ корниловскаго выступленія, Донское войско, поддержанное другими, становится на защиту Донского атамана Каледина, объявленнаго мятежникомъ Временнымъ правительствомъ, проявившимъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайное легкомысліе и неосвѣдомленность. Лояльность Каледина въ отношеніи общерусской власти простиралась такъ далеко, что уже послѣ паденія Временного правительства онъ не рѣшался расходовать на нужды области денежные запасы областныхъ казначействъ и сдѣлалъ это только послѣ ассигнованія однимъ изъ прибывшихъ въ область членовъ бывшаго правительства 15 милліоновъ рублей... Атамана казаки не выдали, въ посылкѣ карательныхъ отрядовъ категорически отказали. А въ октябрѣ Кубанская рада облекаетъ себя учредительными правами и издаетъ конституцію « Кубанскаго края ». Съ правительствомъ говорятъ уже такимъ тономъ : « когда же Временное правительство отрезвится отъ этого угара (большевистское засиліе) и положитъ рѣшительными мѣрами конецъ всѣмъ безобразіямъ? »

Временное правительство, не имѣя уже ни авторитета, ни реальной силы, сдало всѣ свои позиціи и пошло на примиреніе съ казачьими правительствами.

Замѣчательно, что даже въ концѣ октября, когда, вслѣдствіе порыва связи, о событіяхъ въ Петроградѣ и Москвѣ и о судьбѣ Временного правительства на Дону не было еще точныхъ свѣдѣній, и предполагалось, что осколки его гдѣ-то еще функціонируютъ, казачья старшина въ лицѣ представителей собиравшагося Юго-восточнаго союза [1]) искала связи съ правительствомъ, предлагая помощь противъ большевиковъ, но... обусловливая ее цѣлымъ рядомъ экономическихъ требованій : безпроцентнымъ займомъ въ полъ милліарда рублей, отнесеніемъ на государственный счетъ всѣхъ расходовъ по содержанію внѣ территоріи союза казачьихъ частей, устройствомъ эмеритальной кассы для пострадавшихъ и оставленіемъ за казаками всей « *военной добычи* » (?), которая будетъ взята въ предстоящей междуусобной войнѣ...

Небезынтересно, что Пуришкевичъ долго носился съ идеей

---

[1]) Донъ, Кубань, Терекъ, Астрахать и горцы Сѣвернаго Кавказа. Объ этомъ позже.

переѣзда на Донъ Государственной Думы, для противовѣса Временному правительству и сохраненія источника власти на случай его крушенія. Калединъ отнесся къ этому предложенію отрицательно.

Характернымъ показателемъ отношенія, которое съумѣли сохранить къ себѣ казаки въ самыхъ разнородныхъ кругахъ, является та ѣяга на Донъ, которая впослѣдствіи, къ зимѣ 1917 года, привлекла туда Родзянко, Милюкова, генерала Алексѣева, Быховскихъ узниковъ, Савинкова и даже Керенскаго, который явился въ Новочеркасскъ къ генералу Каледину въ двадцатыхъ числахъ ноября 1917 г., но не былъ имъ принятъ. Не явился только Пуришкевичъ, да и то потому, что въ это время сидѣлъ въ тюрьмѣ у большевиковъ въ Петроградѣ.

И вдругъ оказалось, что все это чистая мистификація, что никакой силы у казачества въ то время уже не было!

Въ виду разгоравшихся на территоріи казачьихъ войскъ безпорядковъ, атаманы не разъ входили съ ходатайствомъ о возвращеніи съ фронта хотя бы части казачьихъ дивизій. Ихъ ждали съ огромнымъ нетерпѣніемъ и возлагали на нихъ самыя радужныя надежды. Въ октябрѣ эти надежды какъ будто начали сбываться : потянулись домой казачьи дивизіи. Преодолѣвая въ пути всевозможныя препятствія, задерживаемыя на каждомъ шагу Викжелемъ и мѣстными совѣтами, подвергаясь не разъ оскорбленію, разоруженію, употребляя гдѣ просьбу, гдѣ хитрость, а гдѣ и угрозу оружіемъ, казачьи части пробились въ свои области.

Какъ я уже говорилъ, противо-государственная пропаганда обрушилась съ большою силою на казаковъ. Тѣмъ не менѣе, казачьи части, воспринявъ и комитеты, и всѣ начала « революціонной дисциплины », долго сохраняли относительную боеспособность и повиновеніе. Еще въ іюлѣ у меня на Западномъ фронтѣ казачьи части выступали съ неохотой, но безотказно противъ неповиновавшихся пѣхотныхъ полковъ. Принимались мѣры, чтобы изъять казачьи войска изъ подъ вліянія армейскихъ комитетовъ. Такъ на Юго-западномъ фронтѣ образовалось казачье « правленіе », отозвавшее казаковъ изъ всѣхъ обще-армейскихъ комитетовъ и ставшее въ подвѣдомственное отношеніе къ «Совѣту союза казачьихъ войскъ». Въ полки одна за другой пріѣзжали отъ областей делегаціи « стариковъ », чтобы вразумить опьяненную общимъ угаромъ « свободъ » свою молодежь. Иногда это вразумленіе выражалось первобытнымъ и довольно варварскимъ способомъ физическаго воздѣйствія...

Но никакими мѣрами нельзя было оградить казачьи войска отъ той участи, которая постигла армію, ибо вся психологическая обстановка и всѣ внутренніе и внѣшніе факторы разложенія, быть можетъ, менѣе интенсивно, но въ общемъ одинаково

воспринимались и казачьей массой. Два неудачныхъ и непонятныхъ казакамъ похода на Петроградъ съ Крымовымъ [1]) и Красновымъ [2]) внесли еще большую путаницу въ ихъ смутное политическое міросозерцаніе.

Съ возвращеніемъ казачьихъ войскъ въ родные края наступило полное разочарованіе : они — по крайней мѣрѣ донцы, кубанцы и терцы [3]) — принесли съ собой съ фронта самый подлинный большевизмъ, чуждый, конечно, какой-либо идеологіи, но со всѣми знакомыми намъ явленіями полнаго разложенія. Это разложеніе назрѣвало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовавшись отрицаніемъ авторитета « стариковъ », отрицаніемъ всякой власти, бунтомъ, насиліями, преслѣдованіемъ и выдачей офицеровъ, а главное полнымъ отказомъ отъ всякой борьбы съ совѣтской властью, обманно обѣщавшей неприкосновенность казачьихъ правъ и уклада. Большевизмъ и казачій укладъ. Такія нелѣпыя противорѣчія выдвигала ежедневно русская дѣйствительность на почвѣ пьянаго угара, въ который выродилась желанная свобода.

Началась трагедія казачьей жизни и казачьей семьи, гдѣ выросла непреодолимая стѣна между « стариками » и «фронтовиками », разрушая жизнь и подымая дѣтей противъ своихъ отцовъ.

---

[1]) 3-ій конный корпусъ во время Корниловскаго выступленія противъ Керенскаго.

[2]) 3-ій конный корпусъ съ Керенскимъ противъ большевиковъ.

[3]) Уральское войско до своей трагической гибели въ концѣ 1919 года не знало большевизма.

ГЛАВА XXVIII.

Національныя части.

Національнаго вопроса въ старой русской арміи почти не существовало. Въ солдатской средѣ представители народностей, населявшихъ Россію, испытывали нѣсколько большую тягость службы, обусловленную незнаніемъ или плохимъ знаніемъ ими русскаго языка, на которомъ велось обученіе. Только на этой почвѣ—техническихъ затрудненій обученія—быть можетъ общей грубости и некультурности, но отнюдь не національной нетерпимости — возникали много разъ тренія, отяжелявшія положеніе инородныхъ элементовъ, тѣмъ болѣе, что въ силу системы смѣшаннаго комплектованія, они были обыкновенно оторваны отъ родныхъ краевъ : территоріальная система комплектованія арміи признавалась технически нераціональной и политически не безопасной. Въ частности, малорусскій вопросъ не существовалъ *вовсе*. Малорусская рѣчь внѣ офиціальнаго обученія, пѣсни, музыка пріобрѣли полное признаніе и ни въ комъ не вызывали впечатлѣнія обособленности, воспринимаясь какъ свое русское, родное. Въ арміи, кромѣ евреевъ, всѣ остальные элементы ассимилировались довольно быстро и прочно; армейская среда не являлась вовсе проводникомъ ни принудительной руссификаціи, ни національнаго шовинизма.

Еще менѣе національное разслоеніе замѣтно было въ офицерской средѣ. За корпоративными, военными, товарищескими или просто человѣческими качествами и достоинствами отходили на задній планъ или стирались вовсе національныя перегородки. Лично мнѣ въ теченіи 25 лѣтъ службы до революціи и въ голову не приходило вносить когда либо этотъ элементъ въ отношенія командныя, служебныя, товарищескія. Именно интуитивно, а не въ результатѣ извѣстныхъ взглядовъ и убѣжденій. Возбуждаемые *внѣ арміи*, въ политической жизни страны національные вопросы интересовали, волновали, разрѣшались въ ту или другую сторону, иногда рѣзко и непримиримо, не переходя, однако, за грань военной жизни.

Нѣсколько иное положеніе занимали евреи. Къ вопросу этому я вернусь впослѣдствіи. Въ отношеніи же старой арміи можно сказать, что онъ имѣлъ значеніе скорѣе бытовое, нежели политическое. Нельзя отрицать, что въ арміи извѣстная тенден-

ція къ угнетенію евреевъ была, но она отнюдь не входила въ систему, не инспирировалась свыше, а возникла въ низахъ и въ силу сложныхъ причинъ, далеко выходившихъ за рамки жизни, быта и взаимоотношеній военной среды.

Евреи не имѣли доступа въ офицерскую среду до третьяго колѣна. Законъ этотъ, однако, не соблюдался, и въ офицерскомъ корпусѣ состояли не только прапорщики запаса, но и генералы генеральнаго штаба, принявшіе до службы христіанство.

Правительственная политика — среди офицерскаго состава всѣхъ народностей русскаго государства выдѣляла однихъ только поляковъ. Это традиціонное недовѣріе имѣло формы несправедливыя и обидныя. Секретными циркулярами былъ установленъ цѣлый рядъ ограниченій въ отношеніи офицеровъ-поляковъ : опредѣленный процентъ ихъ въ составѣ войскъ западныхъ и юго-западныхъ округовъ, воспрещеніе назначеній на должности полкового штаба, лишеніе права поступленія въ академіи генеральнаго штаба и даже интендантскую, курсовыми офицерами въ военныя училища и т. д. Для лицъ, обладавшихъ влеченіемъ къ военной службѣ и желавшихъ расчистить себѣ широкій путь черезъ академію, былъ единственный выходъ — сдѣлка съ собственной совѣстью и перемѣна религіи. Черезъ это испытаніе должны были пройти, между прочимъ, покойный генералъ Пузыревскій, составившій себѣ въ военномъ мірѣ большое имя, и одинъ изъ генераловъ, занимающій нынѣ высокій постъ въ польской арміи. Имена другихъ поляковъ, сохранившихъ религію и дошедшихъ до высшихъ степеней военной іерархіи, исчисляются единицами. Среди командовавшихъ войсками, напримѣръ, я зналъ одного только поляка — генерала Гурчина, тогда какъ нѣмцы насчитывались десятками.

Нужно отдать справедливость офицерской средѣ — въ ней въ общемъ совершенно отсутствовали тѣ начала нетерпимости и предубѣжденія, которыя проводились правительствомъ. Въ военномъ быту тяготились этими стѣсненіями, осуждали ихъ и, когда было возможно, обходили законъ въ пользу поляковъ. Это обстоятельство должно сгладить горечь нѣкоторыхъ воспоминаній среди той большой части офицерства польской арміи, которое нашло себѣ нѣкогда пріемную семью въ русской офицерской средѣ, вмѣстѣ съ нею прошло крестный путь войны и смуты и раньше ея выбилось на дорогу къ возсозданію Родины.

Война, во всякомъ случаѣ, опрокинула всякія перегородки, а революція принесла и въ порядкѣ законодательномъ отмѣну всѣхъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

Еще до 1917 года были созданы національныя части по различнымъ соображеніямъ. Нѣсколько латышскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, пользовавшихся до революціи хорошей боевой репутаціей. Кавказская туземная дивизія, которою командовалъ великій князь Михаилъ Александровичъ. Она болѣе

извѣстна подъ названіемъ « Дикой » и состояла изъ добровольцевъ — сѣверо-кавказскихъ горцевъ. Едва ли не стремленіе къ изъятію съ территоріи Кавказа наиболѣе безпокойныхъ элементовъ было исключительной причиной этого формированія. Во всякомъ случаѣ, эпическія картинки боевой работы « Дикой » дивизіи блѣднѣютъ на общемъ фонѣ ея первобытныхъ нравовъ и батыевскихъ пріемовъ. Сербская дивизія (потомъ корпусъ), составленная изъ плѣнныхъ юго-славянъ, которая послѣ неудачъ и потерь, понесенныхъ въ Добруджѣ, въ задунайскомъ отрядѣ генерала Заіончковскаго [1]) въ 1916 году, не могла оправиться. На почвѣ общаго упадка дисциплины, отчасти-же въ виду возникшей политической распри между родственными, но не очень дружными славянскими племенами (« Великая Сербія » противополагалась « Юго-Славіи »), пришлось сербскій корпусъ, лѣтомъ 1917 года, расформировать. Наконецъ, чехо-словацкая бригада — изъ плѣнныхъ, къ осени 1917 года развернутая въ цѣлый корпусъ, сыгравшій впослѣдствіи такую исключительную и двойственную роль въ антибольшевистской борьбѣ Сибири.

Съ началомъ революціи и ослабленіемъ власти проявилось сильнѣйшее центробѣжное стремленіе окраинъ и, наряду съ нимъ, стремленіе къ національизаціи, то есть, расчлененію арміи. Несомнѣнно потребность такого расчлененія *тогда* не исходила изъ сознанія массы и не имѣла никакихъ реальныхъ обоснованій (Я не говорю о польскихъ формированіяхъ). Единственные мотивы національизаціи заключались тогда въ стремленіи политическихъ верховъ возникавшихъ новообразованій создать реальную опору для своихъ домогательствъ и чувство самосохраненія, побуждавшее военный элементъ искать въ новыхъ и длительныхъ формированіяхъ временнаго или постояннаго освобожденія отъ боевыхъ операцій. Начались безконечные національные военные съѣзды, вопреки разрѣшенію правительства и главнаго командованія. Заговорили вдругъ всѣ языки : литовцы, эстонцы, грузины, бѣлоруссы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашеннаго « самоопредѣленія » — отъ культурно-національной автономіи до полной независимости включительно, а главное — немедленнаго формированія отдѣльныхъ войскъ. Въ концѣ концовъ, болѣе серьезныхъ результатовъ, несомнѣнно отрицательныхъ въ смыслѣ цѣлости арміи, достигли формированія украинское и польское, отчасти закавказскія. Прочія попытки были пресѣчены. Лишь въ послѣдніе дни существованія русской арміи, въ октябрѣ 1917 года, генералъ Щербачевъ съ цѣлью удержанія Румынскаго фронта приступилъ къ широкому разслоенію войскъ по національнымъ признакамъ— попытка, окончившаяся полной неудачей. Долженъ добавить,

[1]) Командуетъ арміей у большевиковъ.

что только одна національность не требовала самоопредѣленія въ смыслѣ несенія военной службы — это еврейская. И каждый разъ, когда откуда-нибудь вносилось предложеніе — въ отвѣтъ на жалобы евреевъ — организовать особые еврейскіе полки, это предложеніе вызывало бурю негодованія въ средѣ евреевъ и въ лѣвыхъ кругахъ и именовалось злостной провокаціей.

Правительство отнеслось рѣзко отрицательно къ разслоенію арміи по признакамъ національности. Керенскій въ письмѣ на имя польскаго съѣзда (1 іюня 1917 года) высказалъ такой взглядъ : «Великій подвигъ освобожденія Россіи и Польши можетъ быть совершенъ лишь при условіи, что организмъ русской арміи не будетъ ослабленъ, что никакія организаціонныя измѣненія не нарушатъ ея единства... Выдѣленіе національныхъ войскъ... въ настоящій тяжелый моментъ растерзало бы ея тѣло, подорвало бы ея мощь и было бы гибелью какъ для революціи, такъ и для свободы Россіи, Польши и другихъ народностей, населяющихъ Россію».

Командный элементъ относился къ вопросу національзаціи двойственно. Большая часть — совершенно отрицательно, меньшая — съ нѣкоторой надеждой, что, порывая связь съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, создаваемыя заново національныя части могутъ избѣгнуть ошибокъ, увлеченій демократизаціи и стать здоровымъ ядромъ для укрѣпленія фронта и созданія арміи. Генералъ Алексѣевъ рѣшительно противился всѣмъ попыткамъ національзаціи, но поощрялъ польскія и чехо-словацкія формированія. Генералъ Брусиловъ самовольно разрѣшилъ первое украинское формированіе, прося затѣмъ Верховнаго главнокомандующаго « не отмѣнять, и не подрывать тѣмъ его авторитета » [1]). Полкъ оставили. Генералъ Рузскій также самовольно приступилъ къ эстонскимъ формированіямъ [2]) и т. д. Вѣроятно по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ нѣкоторые начальники допускали формированія, но въ обратномъ ихъ отраженіи, вся русская революціонная демократія въ лицѣ совѣтовъ и войсковыхъ комитетовъ возстала противъ національзаціи арміи. Цѣлый рядъ рѣзкихъ резолюцій и постановленій посыпался со всѣхъ концовъ. Между прочимъ, и кіевскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ серединѣ апрѣля въ рѣзкихъ и возмущенныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ явленіе украинизаціи, какъ простое дезертирство и шкурничество и большинствомъ 264 голосовъ противъ 4 потребовалъ отмѣны образованія украинскихъ полковъ. Интересно, что такимъ же противникомъ національзаціи явилась польская « лѣвица », отколовшаяся отъ военнаго съѣзда поляковъ въ

---

[1]) Генералъ Алексѣевъ приказалъ расформировать, Керенскій разрѣшилъ не расформировывать.

[2]) Были расформированы.

іюнѣ изъ-за постановленія о формированіи польскихъ войскъ.

Правительство не долго сохраняло свое первоначальное твердое рѣшеніе противъ національзаціи. Декларація 2 іюля, на ряду съ предоставленіемъ Украинѣ автономіи, разрѣшила и вопросъ національзаціи войскъ : « правительство считаетъ возможнымъ продолжать содѣйствовать болѣе тѣсному національному объединенію украинцевъ въ рядахъ самой арміи или комплектованію отдѣльныхъ частей исключительно украинцами, насколько такая мѣра не нарушитъ боеспособности арміи... и находитъ возможнымъ привлечь къ осуществленію этой задачи самихъ воиновъ-украинцевъ, командируемыхъ Центральной радой въ военное министерство, генеральный штабъ и Ставку ».

Началось великое « переселеніе народовъ ».

Еще ранѣе «предсѣдатель украинскаго войсковою генеральнаго комитета » Петлюра разослалъ своихъ агентовъ — къ сожалѣнію русскихъ офицеровъ — по всѣмъ фронтамъ въ качествѣ военныхъ представителей комитета. Помню такой полковникъ — не то Павленко, не то Василенко — былъ и въ Ставкѣ и неоднократно обращался ко мнѣ, скрывая свое офиціальное назначеніе, за разрѣшеніемъ украинскихъ формированій, вкрадчиво увѣряя, что онъ — только русскій офицеръ, глубоко преданъ идеѣ русской государственности и, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, стремится лишь ввести въ надлежащее русло « стихійное, народное стремленіе къ самоопредѣленію » и дать русской арміи здоровыя части. Другіе агенты разъѣзжали по фронту, организуя въ войскахъ украинскіе громады и комитеты, проводя постановленія, резолюціи о переводѣ въ украинскія части, о нежеланіи идти на фронтъ подъ предлогомъ « удушенія Украины » и т. д. Къ октябрю украинскій комитетъ Западнаго фронта призывалъ уже къ вооруженному воздѣйствію на правительство для немедленнаго заключенія мира...

Въ качествѣ главнокомандующаго Западнымъ и Юго-западнымъ фронтами (іюнь-сентябрь), я категорически воспретилъ начальствующимъ лицамъ входить въ какое-либо сношеніе съ « войсковымъ генеральнымъ комитетомъ » и его агентами. Но работа комитета продолжалась почти офиціально, помимо и параллельно командованію, внося неизмѣримыя затрудненія въ мобилизацію, комплектованіе, перевозку и перемѣщеніе войскъ.

Петлюра увѣрялъ, что въ его распоряженіи имѣется 50 тысячъ украинскихъ воиновъ. А командовавшій войсками Кіевскаго военнаго округа полковникъ Оберучевъ [1]) свидѣтель-

[1]) Соц.-рев. эмигрантъ и дѣятельный партійный работникъ. Назначенъ на должность Керенскимъ по желанію кіевскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ.

ствуетъ : « въ то время, когда дѣлались героическія усилія для того, чтобы сломить врага (іюньское наступленіе)... *я не могъ послать ни одного солдата на пополненіе дѣйствующей арміи...* Чуть только я посылалъ въ какой либо запасный полкъ приказъ о высылкѣ маршевыхъ ротъ на фронтъ, какъ въ жившемъ до того времени мирною жизнью и не думавшемъ объ украинизаціи полку созывался митингъ, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался кличъ :

— Пійдемъ підъ украиньскимъ прапоромъ!

И затѣмъ — ни съ мѣста. Проходятъ недѣли, мѣсяцъ, а роты не двигаются ни подъ краснымъ, ни подъ желто-голубымъ знаменемъ.

Возможно ли было бороться съ этимъ неприкрытымъ шкурничествомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ тотъ же Оберучевъ— отвѣтъ чрезвычайно характерный своимъ безжизненнымъ партійнымъ ригоризмомъ :

« Само собой разумѣется, что можно было силой заставить исполнять свои распоряженія. И сила такая въ рукахъ у меня была». Но « выступая силой противъ ослушниковъ, дѣйствующихъ подъ флагомъ украинскимъ, рискуешь заслужить упрекъ, что ведешь борьбу не съ анархическими выступленіями..., а борешься противъ національной свободы и самоопредѣленія народностей. А мнѣ, соціалисту-революціонеру — заслужить такой упрекъ, да еще на Украинѣ, съ которой я связанъ всей своей жизнью, было невозможно. И я рѣшилъ уйти » [1]).

И онъ ушелъ. Правда, только въ октябрѣ, незадолго до большевистскаго переворота, пробывъ въ должности командующаго войсками важнѣйшаго прифронтоваго округа почти пять мѣсяцевъ.

Въ развитіе распоряженій правительства, Ставка назначила на всѣхъ фронтахъ опредѣленныя дивизіи для украинизаціи, а на Юго-западномъ фронтѣ кромѣ того 34-й корпусъ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Скоропадскій. Въ эти части, стоявшія обыкновенно въ глубокомъ резервѣ, двинулись явочнымъ порядкомъ солдаты со всего фронта. Надежды оптимистовъ съ одной стороны, и страхи лѣвыхъ круговъ съ другой, что національзація создастъ « прочныя части » (по терминологіи слѣва — контръ-революціонныя) быстро разсѣялись. Новыя украинскія войска носили въ себѣ всѣ тѣ же элементы разложенія, что и кадровыя.

Между тѣмъ, среди офицерства и старослуживыхъ многихъ славныхъ полковъ, съ большимъ историческимъ прошлымъ, переформированныхъ въ украинскія части, эта мѣра вызвала острую боль и сознаніе, что теперь уже близокъ конецъ арміи [2]).

---

[1]) Оберучевъ. «Въ дни революціи ».

[2]) Среди другихъ, украинизаціи подверглась моя бывшая 4-я стрѣлковая дивизія.

Въ августѣ, когда я командовалъ Юго-западнымъ фронтомъ, изъ 34 корпуса ко мнѣ начали приходить дурныя вѣсти. Корпусъ какъ то сталъ выходить изъ прямого подчиненія, получая непосредственно отъ « генеральнаго секретаря Петлюры » и указанія и укомплектованія. Комиссаръ его находился при штабѣ корпуса, надъ помѣщеніемъ котораго развѣвался « жовтоблэкитный прапоръ ». Старые русскіе офицеры и унтеръ-офицеры, оставленные въ полкахъ за неимѣніемъ щиро-украинскаго командного состава, подвергались надругательствамъ со стороны поставленныхъ надъ ними зачастую невѣжественныхъ украинскихъ прапорщиковъ и солдатъ. Въ частяхъ создавалась крайне нездоровая атмосфера взаимной ненависти и отчужденія.

Я вызвалъ къ себѣ генерала Скоропадскаго и предложилъ ему умѣрить рѣзкій ходъ украинизаціи и, въ частности, возстановить права команднаго состава или отпустить его изъ корпуса. Будущій гетманъ заявилъ, что объ его дѣятельности составилось превратное мнѣніе, вѣроятно по историческому прошлому фамиліи Скоропадскихъ [1]; что онъ истинно-русскій человѣкъ, гвардейскій офицеръ и совершенно чуждъ самостійности; исполняетъ только возложенное на него начальствомъ порученіе, которому самъ не сочувствуетъ... Но вслѣдъ за симъ Скоропадскій поѣхалъ въ Ставку, откуда моему штабу указано было... содѣйствовать скорѣйшей украинизаціи 34-го корпуса.

Нѣсколько иначе обстоялъ вопросъ съ польскими формированіями. Временное правительство объявило независимость Польши, и поляки считали себя уже « иностранцами » : польскія формированія существовали фактически давно — на Юго-западномъ фронтѣ, правда разлагающіяся (кромѣ польскихъ улановъ); давъ разрѣшеніе украинцамъ, правительство не могло уже отказать полякамъ. Наконецъ, центральныя державы, создавая видимость польской независимости, также предусматривали образованіе польской арміи... окончившееся, впрочемъ, неудачно; формировала польскую армію и Америка на французской территоріи.

Въ іюлѣ 1917 г., формированіе польскаго корпуса было возложено Ставкой на Западный фронтъ, въ бытность мою тамъ главнокомандующимъ. Во главѣ корпуса я поставилъ ген. Довборъ-Мусницкаго [2], нынѣ командующаго польской арміей въ Познани. Сильный, энергичный, рѣшительный, безстрашно ведшій борьбу съ разложеніемъ русскихъ войскъ и съ большевизмомъ въ нихъ, онъ сумѣлъ создать въ короткое время части, если не вполнѣ твердыя, то, во всякомъ случаѣ, разительно

---

[1] Одинъ изъ предковъ — Скоропадскій, украинскій гетманъ.

[2] Командовалъ ранѣе 38 корпусомъ.

отличавшіяся отъ русскихъ войскъ дисциплиной и порядкомъ. Дисциплиной старой, отметенной революціей — безъ митинговъ, комиссаровъ и комитетовъ. Такія части вызывали и иное отношеніе къ себѣ въ арміи, не взирая на принципіальное отрицаніе національзаціи. Передача имущества расформированныхъ мятежныхъ дивизій и полная предупредительность начальника снабженій дали возможность корпусу вскорѣ поставить и свою хозяйственную часть. По приказу офицерскій составъ польскаго корпуса комплектовался путемъ перевода желающихъ, солдатскій — исключительно добровольцами или запасными баталіонами; фактически — началась ничѣмъ не устранимая тяга съ фронта по тѣмъ же побужденіямъ, которыми руководствовались русскіе бойцы, опустошая порѣдѣлые ряды арміи.

Въ результатѣ польскія формированія для насъ оказались совершенно безполезными. Еще на іюньскомъ войсковомъ съѣздѣ поляковъ довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали рѣчи, опредѣлявшія цѣли формированій. Ихъ синтезъ былъ выраженъ однимъ изъ участниковъ: « ни для кого не секретъ, что война уже кончается, и польская армія намъ нужна не для войны, не для борьбы — она намъ необходима, чтобы на будущей международной мирной конференціи съ нами считались, чтобы мы имѣли за собою силу ».

Дѣйствительно, корпусъ на фронтъ не выходилъ — правда формированіе не закончилось, во « внутреннія дѣла » русскія (октябрь и позже — борьба съ большевизмомъ) не пожелалъ вмѣшиваться, и вскорѣ перешелъ совершенно на положеніе « иностранной арміи », поступивъ въ вѣдѣніе и на содержаніе французскаго командованія.

Но и надежды польскихъ націоналистовъ также не сбылись: на фонѣ общей разрухи и паденія фронта корпусъ въ началѣ 1918 г., послѣ вторженія германцевъ внутрь Россіи, частью былъ захваченъ и обезоруженъ, частью разошелся, и остатки польскихъ войскъ нашли впослѣдствіи гостепріимный пріютъ въ Добровольческой арміи.

Лично я не могу не вспомнить добрымъ словомъ 1-й польскій корпусъ, частямъ котораго, расположеннымъ въ Быховѣ, мы во многомъ обязаны сохраненіемъ жизни генерала Корнилова и прочихъ быховскихъ узниковъ въ памятные сентябрьскіе-ноябрьскіе дни.

. . . .

Центробѣжныя силы разметали страну и армію. Къ нетерпимости классовой и партійной прибавилось обостреніе національной розни, отчасти имѣвшее основаніе въ исторически сложившихся взаимоотношеіяхъ между племенами, населяющими Россію, и императорскимъ правительствомъ, отчасти-же совершенно безпочвенное, нелѣпое, питавшееся причинами,

ничего общаго не имѣвшими со здоровымъ національнымъ чувствомъ. Скрытая или подавленная ранѣе, эта рознь рѣзко проявилась къ сожалѣнію въ тотъ именно моментъ, когда общерусская власть добровольно и добросовѣстно выходила на путь широкой децентрализаціи, признанія историческихъ правъ и культурно-національнаго самоопредѣленія составныхъ элементовъ русскаго государства.

ГЛАВА XXIX.

Суррогаты арміи: « революціонные », женскіе батальоны и т. д.

Мнѣ остается отмѣтить еще одно явленіе этого періода развала арміи — стремленіе къ введенію въ нее добровольческаго начала, къ замѣнѣ или моральному подкрѣпленію арміи такими суррогатами вооруженной силы, какъ всевозможныя « дружины смерти », « революціонные баталіоны », « ударныя части », « женскіе баталіоны » и т. д.

Идею эту приняли самые разнообразные и противоположные элементы власти, русской общественности и арміи : Временное правительство и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ одобрили формированіе « революціонныхъ баталіоновъ »; комитетъ Юго-западнаго фронта предлагалъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ черезъ полковые комитеты поступать въ составъ ударныхъ войскъ, «чтобы зажечь огонь любви къ Родинѣ и свободѣ, тлѣющій въ сердцѣ каждаго солдата и офицера, и повести ихъ въ рѣшительный бой... за миръ безъ аннексій и контрибуцій »... Объединенныя военно-общественныя организаціи [1]) создали Всероссійскій комитетъ и призывали для борьбы « за скорый миръ всего міра подъ красные знамена добровольческихъ баталіоновъ... рабочихъ, солдатъ, женщинъ, юнкеровъ, студентовъ, офицеровъ и чиновниковъ ». Верховный комиссаръ Временного правительства при Ставкѣ, В. Станкевичъ, убѣжденный соціалистъ, въ программу своей дѣятельности ставилъ созданіе новой стратегіи и новой арміи путемъ радикальнаго сокращенія ея « до 15-20 корпусовъ, избраннаго состава, наполовину состоящихъ изъ офицеровъ, прекрасно снабженныхъ и вооруженныхъ ». Для поддержанія безопасности и порядка въ странѣ онъ не боялся даже созданія « спеціальныхъ надежныхъ отрядовъ изъ соціально-высшихъ классовъ », проектируя въ первую очередь широкое развитіе военныхъ училищъ не только какъ питомниковъ офицерскаго состава, но и какъ вооруженной силы.

Всѣ эти начинанія не получили и не могли получить надлежащаго развитія по двумъ причинамъ : во первыхъ, тотъ бѣ-

---

[1]) « Союзъ личнаго примѣра », Георгіевскіе кавалеры, Черноморскіе делегаты и т. д.

шенный темпъ, которымъ шло углублеіне революціи, не давалъ времени для надлежащей организаціи; во вторыхъ, на призывъ могли вѣдь откликнуться только элементы умѣренности и порядка, т. е., враждебные углубленію соціальной революціи, а потому давно уже и всецѣло взятые революціонной демократіей подъ подозрѣніе въ реакціонности. Поэтому, на ряду съ теоретическимъ одобреніемъ, практическое проведеніе формированій въ жизнь встрѣчало рядъ совершенно непреодолимыхъ затрудненій.

Верховное командованіе также искало спасенія арміи въ добровольческихъ организаціяхъ. Генералъ Брусиловъ въ первый же день послѣ своего назначенія Верховнымъ главнокомандующимъ, еще не пріѣзжая въ Ставку, утвердилъ « Планъ формированія революціонныхъ баталіоновъ изъ волонтеровъ тыла », поручивъ выполненіе его по всей Россіи исполнительному комитету, подъ руководствомъ « товарища Манакина » [1]. Не разъ приходишь въ полное изумленіе отъ того духовнаго перерожденія, которое, подъ вліяніемъ безудержнаго оппортунизма, произошло съ генераломъ Брусиловымъ и другими лицами его типа. « Планъ » представляетъ смѣсь наивной регламентаціи, пафоса, и еще болѣе углубленной « демократизаціи » и демагогіи. Достаточно прочесть нѣсколько его положеній, чтобы составить себѣ понятіе о предполагавшемся характерѣ новой арміи :

« Въ революціонныхъ баталіонахъ не должно быть слова офицеръ и солдатъ, а есть начальникъ и волонтеръ, такъ какъ начальникомъ можетъ быть *избранъ* каждый волонтеръ ».

« Назначеніе командировъ отдѣленій, взводовъ, ротъ и баталіоновъ производится на седьмой день по сформированіи баталіоновъ общимъ и тайнымъ голосованіемъ всѣхъ волонтеровъ, послѣ чего они утверждаются исполнительнымъ комитетомъ и главнокомандующимъ и являются несмѣняемыми ».

« Если же замѣна окажется необходимой, то долженъ быть представленъ обвинительный актъ за подписью двухъ третей личнаго состава части, съ предъявленіемъ обвиненія только (?) въ трусости, растратѣ казенныхъ денегъ и измѣнѣ присягѣ ».

« Никакимъ наказаніямъ дисциплинарнымъ и служебнымъ начальники и волонтеры не подвергаются; но въ случаѣ неблаговидныхъ поступковъ... всѣ волонтеры наказываются по присужденіи товарищескаго суда остракизмомъ и объявляются врагами отечества »...

По всѣмъ крупнымъ центрамъ разосланы были вербовочные « комиссары », которымъ надлежало при посредствѣ мѣстныхъ совѣтовъ вести агитацію и сборъ волонтеровъ. Конечно, къ « товарищу Манакину » убѣжденные добровольцы въ сколько-

[1]) Подполковникъ генеральнаго штаба.

нибудь значительномъ числѣ не пошли, и все предпріятіе ни къ какимъ результатамъ не привело.

Возникъ цѣлый рядъ случайныхъ добровольческихъ формированій, въ томъ числѣ и « Корниловскій отрядъ » капитана Нѣжинцева, преобразованный потомъ въ « Корниловскій ударный полкъ ». Какъ трудно было въ то смутное время держать въ равновѣсіи разумъ и сердце даже лучшей части воинства, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что послѣ геройскаго прорыва непріятельскаго фронта 25 іюня во время наступленія 8 арміи, послѣ блестящихъ атакъ и богатыхъ трофеевъ, соединенные комитеты Корниловскаго отряда вынесли требованіе о выводѣ его изъ боевой линіи, и Нѣжинцевъ оцѣнивалъ состояніе отряда, какъ близкое къ полному развалу. Впрочемъ, позднѣе Корниловскій полкъ, благодаря доблести своего командира и офицерскаго состава, а можетъ быть въ силу создавшагося культа Корнилова — скоро оправился. Это тотъ самый полкъ, который позднѣе, въ началѣ сентября, среди кипящей ненависти ко всему, что касалось имени Корнилова, имѣлъ смѣлость проходить церемоніальнымъ маршемъ въ Могилевѣ мимо оконъ арестованнаго « за мятежъ » Верховнаго главнокомандующаго.

При многихъ полкахъ организовались свои ударные команды, роты, баталіоны. Туда уходили всѣ, въ комъ сохранилась еще совѣсть, или тѣ, кому просто опостылѣла безрадостная, опошленная до крайности, полная лѣни, сквернословія и озорства полковая жизнь. Я видѣлъ много разъ ударниковъ и всегда — сосредоточенными, угрюмыми. Въ полкахъ къ нимъ относились сдержанно или даже злобно. А когда пришло время наступленія, они пошли на колючую проволоку, подъ убійственный огонь, такіе же угрюмые, одинокіе, пошли подъ градомъ вражьихъ пуль и зачастую... злыхъ насмѣшекъ своихъ « товарищей », потерявшихъ и стыдъ, и совѣсть. Потомъ ихъ стали посылать безсмѣнно изо дня въ день и на развѣдку, и въ охраненіе, и на усмиренія — за весь полкъ, такъ какъ всѣ остальные вышли изъ повиновенія. Неудивительно, что вскорѣ и эти обреченные потеряли терпѣніе. Право, скорѣе съ грустью, чѣмъ съ осужденіемъ я перелистываю « протоколъ общаго собранія штурмовой роты »; въ полуграмотномъ по формѣ, но непосредственномъ по содержанію документѣ этомъ говорится:

« Въ выступленіи на позицію Путвильскаго полка категорически отказать », ибо солдаты штурмовой роты « выступили не съ той цѣлью, чтобы сидѣть на одномъ мѣстѣ, не двигаясь впередъ и быть сторожами своихъ окоповъ..., а идти впередъ, на что мы были уже готовы; то мы только и имѣемъ стремленіе работать тамъ, гдѣ есть дружная работа. Пусть намъ никто не ставитъ въ укоръ, что мы своей сотней человѣкъ не беремъ такого укрѣпленія, которое можно только штурмовать всѣмъ полкомъ, и то дружно... Просимъ отправить насъ туда, гдѣ

идетъ дружная защита нашей Родины... въ бояхъ подъ Станиславовымъ. А буде, что мы не получимъ удовлетворенія, то будемъ вынуждены отправиться туда добровольно, какъ насъ на то дѣло и призывали ».

Тоже — бунтъ. Но... кто можетъ, пусть осудитъ ихъ.

На защиту Родины поднялись и женщины.

« Ни одинъ народъ въ мірѣ — говорилось въ одномъ изъ воззваній московскаго женскаго союза — не доходилъ до такого позора, чтобы вмѣсто мужчинъ-дезертировъ шли на фронтъ слабыя женщины. Вѣдь это равносильно избіенію будущаго поколѣнія своего народа ». И далѣе : « женская рать будетъ тою живою водой, которая заставитъ очнуться русскаго стараго богатыря »...

Увы! Рука, сдѣлавшая этотъ красивый жестъ, безпомощно повисла въ воздухѣ.

Въ Петроградѣ и въ Москвѣ образовались « Всероссійскіе женскіе военные союзы. Приступлено было къ формированію нѣскольких баталіоновъ (4-6) въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ; при одномъ изъ училищъ (кажется, въ Москвѣ, при Александровскомъ) было устроено отдѣленіе, изъ котораго выпущено нѣсколько десятковъ женщинъ-прапорщиковъ. Одинъ баталіонъ Бочкаревой, сформированный раньше другихъ, принялъ участіе въ наступленіи въ іюлѣ, на Западномъ фронтѣ.

Что сказать про « женскую рать »?..

Я знаю судьбу баталіона Бочкаревой. Встрѣченъ онъ былъ разнузданной солдатской средой насмѣшливо, цинично. Въ Молодечно, гдѣ стоялъ первоначально баталіонъ, по ночамъ приходилось ему ставить сильный караулъ для охраны бараковъ... Потомъ началось наступленіе. Женскій баталіонъ, приданный одному изъ корпусовъ, доблестно пошелъ въ атаку, не поддержанный « русскими богатырями ». И когда разразился кромѣшный адъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, бѣдныя женщины, забывъ технику разсыпного строя, сжались въ кучку — безпомощныя, одинокія на своемъ участкѣ поля, взрыхленнаго нѣмецкими бомбами. Понесли потери. А « богатыри » частью вернулись обратно, частью совсѣмъ не выходили изъ окоповъ.

Потомъ одинъ изъ женскихъ баталіоновъ остался у Зимняго дворца защищать членовъ Временного правительства, всѣми покинутыхъ въ памятный день октябрьскаго переворота...

Видѣлъ я и послѣдніе остатки женскихъ частей, бѣжавшіе на Донъ, въ знаменитомъ корниловскомъ кубанскомъ походѣ. Служили, терпѣли, умирали. Были и совсѣмъ слабыя тѣломъ и духомъ, были и герои, кончавшія жизнь въ конныхъ атакахъ.

Воздадимъ должное памяти храбрыхъ. Но... не мѣсто женщинѣ на поляхъ смерти, гдѣ царитъ ужасъ, гдѣ кровь,

грязь и лишенія, гдѣ ожесточаются сердца и страшно грубѣютъ нравы. Есть много путей общественнаго и государственнаго служенія, гораздо болѣе соотвѣтствующихъ призванію женщины.

Выдвигая цѣлый рядъ суррогатовъ арміи, никто, однако, не имѣлъ смѣлости осуществить идею, совершенно логичную, вытекавшую изъ основной цѣли всѣхъ этихъ искуственно создаваемыхъ революціонныхъ, ударныхъ, женскихъ и прочихъ частей, носившуюся въ сознаніи очень многихъ и даже нашедшую частичное отраженіе въ мысляхъ Верховнаго комиссара Станкевича...

Я говорю объ офицерскихъ добровольческихъ отрядахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что своевременно созданная сильная офицерская организація имѣла много шансовъ на рѣшительный успѣхъ въ борьбѣ съ большевизмомъ въ первую стадію его властвованія. Къ сожалѣнію, ни Керенскій, ни тѣмъ болѣе революціонная демократія не допустили бы ни подъ какимъ видомъ подобнаго образованія. По личнымъ мотивамъ они были, конечно, правы; офицерскими войсками послѣ всѣхъ событій перваго періода революціи, послѣ установившихся — и не по офицерской винѣ — ярко враждебныхъ отношеній, и Керенскій и Совѣтъ были бы насильственно устранены. Эта « потеря » была бы не слишкомъ велика, если бы такою цѣною странѣ удалось, не погружаясь въ реакцію, претворить соціальную революцію 1917 года въ буржуазную и избѣгнуть ужасовъ большевизма, отодвинувшаго, быть можетъ, на столѣтіе нормальное развитіе всей русской жизни. Но если все это — только болѣе или менѣе спорныя предположенія, то, во всякомъ случаѣ, для меня является совершенно безспорнымъ одно положеніе : исходъ революціи во многомъ зависѣлъ отъ арміи. Пути революціи были бы другіе, если бы революціонная демократія словомъ, дѣломъ и помышленіемъ не противопоставляла офицерскій корпусъ народу, а привлекла бы его къ служенію народу. Ибо при всѣхъ своихъ великихъ и малыхъ недостаткахъ, офицерство превосходило всѣ другія русскія организаціи способностью и желаніемъ жертвеннаго подвига.

Казалось бы, что если не формированія, то, по крайней мѣрѣ, подготовка офицерской организаціи на случай паденія « существовавшаго строя » и фронта — а это предчувствовалось всѣми совершенно ясно — была необходимой. Но представители активнаго начала томились въ тюрьмѣ, Главный совѣтъ офицерскаго союза, которому наиболѣе соотвѣтствовала эта задача, былъ разгромленъ Керенскимъ въ концѣ августа, а въ сознаніе большинства отвѣтственныхъ руководителей арміи глубоко проникла страшная и не безосновательная тревога за судьбу русскаго офицерства. Въ этомъ отношеніи очень характерна переписка генераловъ Корнилова и Духонина. Послѣ

большевистскаго переворота, 1 ноября 1917 года, генералъ Корниловъ изъ Быховской тюрьмы писалъ Духонину : «Предвидя дальнѣйшій ходъ событій, я думаю, что Вамъ необходимо безотлагательно принять такія мѣры, которыя, прочно обезпечивая Ставку, дали бы благопріятную обстановку для органи заціи борьбы съ надвигающейся анархіей ». Въ числѣ ихъ генералъ Корниловъ указывалъ : « сосредоточеніе въ Могилевѣ или въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему пунктовъ, подъ надежной охраной, запаса винтовокъ, патроновъ, пулеметовъ, автоматическихъ ружей и ручныхъ гранатъ для раздачи офицерамъ-волонтерамъ, которые обязательно будутъ собираться въ означенномъ раіонѣ ».

Противъ этого пункта Духонинымъ сдѣлана помѣтка : « это можетъ вызвать эксцессы ».

Такимъ образомъ, постоянныя, болѣзненныя опасенія офицерской « контръ-революціи » оказались напрасными. Событія застали офицерство врасплохъ, неорганизованнымъ, растерявшимся, не принявшимъ никакихъ мѣръ даже для самосохраненія — и распылили окончательно его силы.

ГЛАВА XXX.

Конецъ мая и начало іюня въ области военнаго управленія. Уходъ Гучкова и ген. Алексѣева. Мой уходъ изъ Ставки. Управленіе Керенскаго и генерала Брусилова.

1 мая оставилъ свой постъ военный министръ Гучковъ. «Мы хотѣли — такъ объяснялъ онъ смыслъ проводимой имъ «демократизаціи» арміи — проснувшемуся духу самостоятельности, самодѣятельности и свободы, который охватилъ всѣхъ, дать организованныя формы и извѣстные каналы, по которымъ онъ долженъ идти. Но есть какая то линія, за которой начинается разрушеніе того живого, могучаго организма, какимъ является армія». Нѣтъ сомнѣнія, что эта линія была перейдена еще до 1 мая.

Я не собираюсь давать характеристику Гучкова, въ искреннемъ патріотизмѣ котораго я не сомнѣваюсь. Я говорю только о системѣ. Трудно рѣшить, чьи плечи могли нести тяжкое бремя управленія арміей въ первый періодъ революціи; но, во всякомъ случаѣ, министерство Гучкова не имѣло ни малѣйшаго основанія претендовать на роль фактическаго руководства жизнью арміи. Оно не вело арміи. Наоборотъ, подчиняясь «параллельной власти» и подталкиваемое снизу, министерство, нѣсколько упираясь, *шло за арміей*, пока не пододвинулось вплотную къ той грани, за которой начинается окончательное разрушеніе.

«Удержать армію отъ полнаго развала, подъ вліяніемъ того напора, который шелъ отъ соціалистовъ и въ частности, изъ ихъ цитадели — Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, — выиграть время, дать разсосаться болѣзненному процессу, помочь окрѣпнуть здоровымъ элементамъ, — такова была моя задача», — писалъ Гучковъ Корнилову въ іюнѣ 1917 года. И это несомнѣнная правда. Весь вопросъ въ томъ, достаточно ли рѣшительно было сопротивленіе разрушительнымъ силамъ. Армія этого не ощущала. Офицерство видѣло вокругъ военнаго министра — ранѣе твердаго и настойчиваго политическаго дѣятеля, послужившаго много возстановленію русской военной мощи послѣ манчжурскаго погрома — его помощниковъ Поливанова, Новицкаго, Филатьева и другихъ — до крайности оппортунистовъ или даже демагоговъ. Оно читало приказы,

подписанные Гучковымъ, и ломавшіе совершенно основы военной службы и быта. Что эти приказы явились результатомъ глубокой внутренней драмы, тяжелой борьбы и... пораженія, — офицерство не знало, и не интересовалось. Неосвѣдомленность его была такъ велика, что многіе даже теперь, спустя четыре года, приписываютъ Гучкову авторство знаменитаго « приказа № 1 »... Такъ или иначе, офицерство почувствовало себя обманутымъ и покинутымъ. Свое тяжкое положеніе оно приписывало, главнымъ образомъ, реформамъ военнаго министра, къ которому выросло враждебное чувство, подогрѣваемое еще болѣе будированіемъ сотенъ удаленныхъ имъ генераловъ и ультра-монархической частью офицерства, не могшей простить Гучкову предполагаемаго участія его въ подготовкѣ дворцоваго переворота и поѣздки въ Псковъ [1]).

Такимъ образомъ, уходъ министра, если и вызывался « тѣми условіями, въ которыя была поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности власть военнаго и морского министра въ отношеніи арміи и флота » [2]), то имѣлъ и другое оправданіе — отсутствіе опоры и въ солдатской, и въ офицерской средѣ.

Временное правительство особымъ актомъ осудило поступокъ Гучкова, « сложившаго съ себя отвѣтственность за судьбы Россіи », и назначило военнымъ и морскимъ министромъ Керенскаго. Я не знаю, какъ вначалѣ отнеслись въ арміи къ этому назначенію, но въ Ставкѣ — безъ предубѣжденія. Керенскій совершенно чуждъ военному дѣлу и военной жизни, но можетъ имѣть хорошее окруженіе; то, что сейчасъ творится въ арміи — просто безуміе, понять это не трудно и не военному человѣку; Гучковъ — представитель буржуазіи, правый, ему не вѣрили; быть можетъ теперь министру-соціалисту, баловню демократіи удастся разсѣять тотъ густой туманъ, которымъ заволокло сознаніе солдатъ... Тѣмъ не менѣе, нужна была огромная смѣлость или самоувѣренность поднять такую ношу, и Керенскій не разъ передъ армейской аудиторіей подчеркивалъ это обстоятельство : « въ то время, когда многіе военные люди, изучавшіе военное дѣло десятилѣтіями, отказывались взять постъ военнаго министра, я — невоенный человѣкъ взялъ его »... Никто, положимъ, не слышалъ никогда, чтобы въ маѣ предлагали портфель военнаго министра военному лицу... И притомъ оригинально это сопоставленіе знанія и опыта, какъ будто наличіе этихъ именно « предразсудковъ » искала революціонная демократія въ своихъ избранникахъ; какъ будто Керенскій понималъ хоть сколько нибудь военное дѣло.

Первые-же шаги новаго министра разсѣяли наши надежды:

---

[1]) Предложеніе отреченія императору Николаю II.

[2]) Офиціальное письмо Гучкова предсѣдателю правительства.

привлеченіе въ сотрудники еще большихъ оппортунистовъ, чѣмъ были раньше, но лишенныхъ военно-административнаго и боевого опыта [1]), окруженіе людьми изъ «подполья» — быть можетъ имѣвшими очень большія заслуги передъ революціей, но совершенно не понимавшими жизни арміи, все это вносило въ дѣйствія военнаго министерства новый, чуждый военному дѣлу элементъ партійности.

Керенскій черезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія издалъ декларацію правъ солдата, чѣмъ предопредѣлилъ все дальнѣйшее направленіе своей дѣятельности.

11-го мая министръ проѣзжалъ черезъ Могилевъ на фронтъ. Насъ удивило то обстоятельство, что проѣздъ назначенъ въ 5 часовъ утра и въ поѣздъ приглашенъ только начальникъ штаба. Военный министръ какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ Верховнымъ главнокомандующимъ. Разговоръ со мной былъ кратокъ и касался частныхъ вопросовъ — усмиренія какихъ то безпорядковъ, возникшихъ на одной изъ узловыхъ станцій и т. п. Капитальнѣйшіе вопросы бытія арміи и предстоящаго наступленія, необходимость единства взглядовъ между центральнымъ управленіемъ и командованіемъ, отсутствіе котораго сказывалось съ такой разительной ясностью, — все это, повидимому не привлекало никакого вниманія министра. Между прочимъ, вскользь Керенскій бросилъ нѣсколько фразъ о несоотвѣтствіи своему назначенію главнокомандующихъ фронтами, генераловъ Гурко и Драгомирова, что вызвало протестъ съ моей стороны. Все это было весьма симптоматично и создало въ Ставкѣ нервное, напряженное ожиданіе...

Керенскій ѣхалъ на Юго-западный фронтъ, открывая знаменитую словесную кампанію, которая должна была двинуть армію на подвигъ. *Слово* создавало гипнозъ и самогипнозъ. Брусиловъ доносилъ въ Ставку, что всюду въ арміи военный министръ былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ подъемомъ. Керенскій говорилъ, говорилъ съ необычайнымъ пафосомъ и экзальтаціей, возбуждающими «революціонными» образами, часто съ пѣной на губахъ, пожиная рукоплесканія и восторги толпы. Временами, впрочемъ, толпа поворачивала къ нему ликъ звѣря, отъ вида котораго слова останавливались въ горлѣ и сжималось сердце. Они звучали предостереженіемъ эти моменты, но новые восторги заглушали ихъ тревожный смыслъ. И Керенскій докладывалъ Временному правительству, что «волна энтузіазма въ арміи растетъ и ширится», что выясняется опредѣленный поворотъ въ пользу дисциплины и возрожденія арміи. Въ Одессѣ онъ поэтизировалъ еще болѣе неудержимо: «въ вашей встрѣчѣ я вижу тотъ великій энтузіазмъ,

---

[1]) Полковники Барановскій, Якубовичъ, кн. Тумановъ, позднѣе Верховскій.

который объялъ страну, и чувствую великій подъемъ, который міръ переживаетъ разъ въ столѣтія...»

Будемъ справедливы.

Керенскій призывалъ армію къ исполненію долга. Онъ говорилъ о долгѣ, чести, дисциплинѣ, повиновеніи, довѣріи къ начальникамъ; говорилъ о необходимости наступленія и побѣды. Говорилъ словами установившагося революціоннаго ритуала, которыя должны были найти доступъ въ сердца и умы «революціоннаго народа». Иногда даже, почувствовавъ свою власть надъ аудиторіей, бросалъ ей смѣлое, становившееся крылатымъ слово о «взбунтовавшихся рабахъ» и «революціонныхъ держимордахъ»...

Вотще!

Онъ на пожарѣ русской храмины взывалъ къ стихіи — «погасни!» — вмѣсто того, чтобы тушить огонь полными ведрами воды.

Слова не могли бороться съ фактами, героическія поэмы съ суровой прозой жизни. Подмѣна Родины — Свободой и Революціей — не уяснили цѣлей борьбы. Постоянное глумленіе надъ старой «дисциплиной», надъ «царскими генералами», напоминаніе о кнутѣ, палкѣ и «прежнемъ солдатскомъ безправіи», или о «напрасно пролитой» кѣмъ-то солдатской крови — все это не могло перекинуть мостъ черезъ пропасть между двумя составными частями арміи. Страстная проповѣдь «новой сознательной желѣзной революціонной дисциплины», т. е., дисциплины, основанной на «деклараціи правъ солдата»— дисциплины митинговъ, пропаганды, политической агитаціи, безвластія начальниковъ и т. д. — эта проповѣдь находилась въ непримиримомъ противорѣчіи съ призывомъ къ побѣдѣ. Воспринимавшій впечатлѣнія въ искусственно приподнятой театрально-митинговой атмосферѣ, окруженный непроницаемой стѣной партійныхъ соратниковъ — и въ министерствѣ, и въ объѣздахъ, въ лицѣ приближенныхъ и всевозможныхъ делегацій, депутацій совѣтовъ и комитетовъ, Керенскій сквозь призму ихъ міровоззрѣнія смотрѣлъ на армію, не желая или не умѣя окунуться въ подлинную жизнь арміи и въ ея мученіяхъ, страданіяхъ, исканіяхъ, преступленіяхъ, наконецъ, почерпнуть реальную почву, жизненныя темы и настоящія слова. Эти будничные вопросы армейскаго быта и строя — сухіе по формѣ и глубоко драматичные по содержанію — никогда не составляли темы его выступленій. Въ нихъ была только апологія революціи и осужденіе нѣкоторыхъ сдѣланныхъ ею-же извращеній въ идеѣ государственной обороны.

Солдатская масса, падкая до зрѣлищъ и чувствительныхъ сценъ, слушала призывы признаннаго вождя къ самопожертвованію, и онъ и она воспламенялись «священнымъ огнемъ» съ тѣмъ, чтобы на другое-же утро перейти къ очереднымъ за-

дачамъ дня : онъ — къ дальнѣйшей « демократизаціи арміи », она — къ « углубленію завоеваній революціи ». Такъ вѣроятно нынѣ, въ храмѣ пролетарскаго искусства, заплечные мастера палача Дзержинскаго смотрятъ съ умиленіемъ на « страданія молодого Вертера », передъ очередной ночью пытокъ и казней.

Во всякомъ случаѣ, шуму было много. Настолько, что фельдмаршалъ Гинденбургъ до сегодняшняго дня искренно вѣритъ, что Юго-западнымъ фронтомъ, въ іюнѣ 1917 года, командовалъ... Керенскій. Въ своей книгѣ « Aus meinem Leben » онъ повѣствуетъ о томъ, какъ Керенскій замѣнилъ Брусилова, « котораго смыли съ его поста потоки русской крови, пролитые имъ въ Галиціи и Македоніи (?) въ 1916 году» (фельдмаршалъ сильно ошибся въ отношеніи театровъ войны), какъ Керенскій наступалъ, какъ онъ сокрушалъ австрійцевъ подъ Станиславовымъ и т. д.

Въ новомъ учрежденіи — политическомъ отдѣлѣ военнаго министерства, со строго выраженной партійной соціалъ-революціонной окраской, началась работа по « созданію новой революціонной арміи », тогда какъ, по убѣжденію перваго главы отдѣла В. Станкевича [1]), « по существу, поскольку главной задачей ставилось продолженіе войны на фронтѣ, въ основу дѣятельности могъ быть положенъ лишь чрезвычайный консерватизмъ, цѣпкое упорное отстаиваніе всего стараго и, пожалуй, лишь выдвиженіе новыхъ лицъ ».

* * *

Между тѣмъ, въ Ставкѣ жизнь понемногу замирала. Административное колесо вертѣлось попрежнему; всѣ что-то дѣлали, распоряжались, приказывали. Но изъ всей этой работы ушла душа. Работа имѣла чисто формальный характеръ, ибо всѣ планы, предначертанія фатально разбивались непредвидѣннымъ и непредотвратимымъ для Ставки сцѣпленіемъ обстоятельствъ. Если раньше Петроградъ мало считался со Ставкой, то теперь сталъ къ ней въ положеніе слегка враждебное, и военное министерство начало вести какую-то большую реорганизаціонную работу, совершенно игнорируя Ставку. Генералъ Алексѣевъ чрезвычайно тяжело переносилъ это положеніе, тѣмъ болѣе, что приступы мучившей его болѣзни участились. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ относился онъ ко всѣмъ уколамъ личному самолюбію и попранію его правъ и власти, шедшими свыше; съ такимъ же терпѣніемъ, съ прямотой, искренностью говорилъ онъ со множествомъ представителей арміи и организацій, злоупотреблявшихъ его доступностью. И работалъ неустанно, съ цѣлью сохранить по крайней мѣрѣ тѣ обломки, на

---

[1]) « Воспоминанія 1914-1919 г. г. ».

которые разсыпалась армія. Желая показать примѣръ повиновенія, онъ протестовалъ, но подчинялся. По свойству своего характера онъ не могъ быть настолько твердъ и властенъ, чтобы заставить Временное правительство и гражданскихъ реформаторовъ арміи считаться съ требованіями верховнаго командованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не кривилъ душой въ угоду власти и черни.

20 мая, возвращаясь съ Юго-западнаго фронта, Керенскій остановился на нѣсколько часовъ въ Могилевѣ. Онъ былъ полонъ впечатлѣній, отзывался съ большой похвалой о Брусиловѣ и находилъ, что общее настроеніе и взаимоотношенія на фронтѣ не требуютъ желать лучшаго. Хотя въ долгой бесѣдѣ съ генераломъ Алексѣевымъ, Керенскій ни однимъ словомъ не обмолвился о предстоящихъ перемѣнахъ, но по нѣкоторой неловкости, которую проявлялъ его антуражъ, въ Ставкѣ поняли, что рѣшенія приняты. Я не рѣшился передать ходившіе слухи генералу Алексѣеву и только на всякій случай принялъ мѣры — подъ благовиднымъ предлогомъ задержать предположенную поѣздку на Западный фронтъ, чтобы не ставить Верховнаго главнокомандующаго въ ложное положеніе.

Дѣйствительно, въ ночь на 22 получена была телеграмма объ увольненіи генерала Алексѣева отъ должности, съ назначеніемъ въ распоряженіе Временного правительства и о замѣнѣ его генераломъ Брусиловымъ. Уснувшаго Верховнаго разбудилъ генералъ-квартирмейстеръ Юзефовичъ и вручилъ ему телеграмму. Старый вождь былъ потрясенъ до глубины души, и изъ глазъ его потекли слезы. Да простятъ мнѣ здравствующіе понынѣ бывшіе члены Временного правительства вульгарность языка, но генералъ Алексѣевъ потомъ въ разговорѣ со мной обронилъ такую фразу:

— Пошляки! Расчитали, какъ прислугу.

Со сцены временно сошелъ крупный государственный и военный дѣятель, въ числѣ добродѣтелей или недостатковъ котораго была *безупречная лояльность* въ отношеніи Временного правительства.

На другой день въ засѣданіи Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ г. Керенскій на вопросъ, какъ онъ реагировалъ на рѣчь Верховнаго главнокомандующаго офицерскому съѣзду [1]), отвѣтилъ, что генералъ Алексѣевъ уволенъ и что онъ, Керенскій, «придерживается системы одного стараго французскаго министра, что *дисциплину долга (?)* нужно вводить сверху». Послѣ этого большевикъ Розенфельдъ (Каменевъ) выразилъ полное удовлетвореніе соотвѣтствіемъ этого рѣшенія съ неоднократно предъявленными пожеланіями Совѣта. А въ тотъ-же день въ газетахъ появилось офиціальное сообщеніе правитель-

1) См. главу XXVI.

ства : «Несмотря на естественную усталость генерала Алексѣева и необходимость отдохнуть отъ напряженныхъ трудовъ, было признано все-же невозможнымъ лишиться цѣннаго сотрудника этого исключительно опытнаго и талантливаго вождя, почему ген. Алексѣевъ и назначенъ нынѣ въ распоряженіе Временнаго правительства».

Генералъ Алексѣевъ простился съ арміями слѣдующими словами приказа :

«Почти три года вмѣстѣ съ вами я шелъ по тернистому пути русской арміи.

Переживалъ свѣтлой радостью ваши славные подвиги. Болѣлъ душой въ тяжкіе дни нашихъ неудачъ. Но шелъ съ твердой вѣрой въ Промыселъ Божій, въ призваніе русскаго народа и въ доблесть русскаго воина.

И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту-же вѣру. Безъ нея не стоило бы жить.

Низкій поклонъ вамъ, мои боевые соратники. Всѣмъ, кто честно исполнилъ свой долгъ. Всѣмъ, въ комъ бьется сердце любовью къ Родинѣ. Всѣмъ, кто въ дни народной смуты сохранилъ рѣшимость не давать на растерзаніе родной земли.

Низкій поклонъ отъ стараго солдата и бывшаго вашего Главнокомандующаго.

Не поминайте лихомъ!

Генералъ Алексѣевъ».

Мои отношенія съ генераломъ Алексѣевымъ приняли къ концу нашей совмѣстной службы характеръ сердечной близости и передъ разставаніемъ онъ сказалъ мнѣ :

— Вся эта постройка несомнѣнно скоро рухнетъ; придется намъ снова взяться за работу. Вы согласны, Антонъ Ивановичъ, тогда опять работать вмѣстѣ?

Я, конечно, высказалъ полную свою готовность.

Назначеніе генерала Брусилова знаменовало собою окончательное обезличеніе Ставки и перемѣну ея направленія: безудержный и ничѣмъ не объяснимый оппортунизмъ Брусилова, его погоня за революціонной репутаціей лишали командный составъ арміи даже той, хотя бы только чисто моральной, опоры, которую онъ видѣлъ въ прежней Ставкѣ.

Могилевъ принялъ новаго Верховнаго главнокомандующаго необычайно сухо и холодно. Вмѣсто обычныхъ восторженныхъ овацій, такъ привычныхъ «революціонному генералу», котораго толпа носила по Каменецъ-Подольску въ красномъ креслѣ, — пустынный вокзалъ и строго уставная церемонія. Хмурыя лица, казенныя фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкіе, но характерные эпизоды еще болѣе омрачили наше настроеніе. Обходя почетный караулъ георгіевцевъ, онъ не поздоровался съ доблестнымъ израненнымъ командиромъ ихъ,

полковникомъ Тимановскимъ и офицерами и долго жалъ руки солдатъ — посыльнаго и ординарца, у которыхъ отъ неожиданности и неудобства такого привѣтствія въ строю — выпали изъ рукъ ружья, взятыя « на караулъ »... Передалъ мнѣ написанный имъ собственноручно привѣтственный приказъ арміямъ для посылки... на предварительное одобреніе Керенскому... Въ своей рѣчи къ чинамъ Ставки, собравшимся проститься съ генераломъ Алексѣевымъ, Брусиловъ оправдывался, да оправдывался — иначе трудно назвать сбивчивыя объясненія взятаго имъ на душу грѣха — углубленія вмѣстѣ съ Керенскимъ и комитетами « демократизаціи арміи ». И рѣзкимъ диссонансомъ прозвучали послѣ этого прощальныя слова адреса, обращенныя къ уходившему вождю :

« ... Ваше имя навсегда останется чистымъ и незапятнаннымъ, какъ неутомимаго труженника, отдавшаго всего себя дѣлу служенія родной арміи.

На темномъ фонѣ прошлаго и разрухи настоящаго Вы находили въ себѣ гражданское мужество прямо и честно идти противъ произвола, возставать противъ лжи, лести, угодничества, бороться съ анархіей въ странѣ и съ разваломъ въ рядахъ ея защитниковъ »...

Мой образъ дѣйствій, такъ-же какъ и генерала Алексѣева, не соотвѣтствовалъ видамъ Временного правительства, да и совмѣстная работа съ генераломъ Брусиловымъ, вслѣдствіе полнаго расхожденія во взглядахъ, была немыслима. Я предполагаю, что еще въ бытность на Юго-западномъ фронтѣ, Брусиловъ далъ согласіе Керенскому, предложившему на должность начальника штаба — генерала Лукомскаго. И поэтому меня удивилъ тотъ діалогъ, который произошелъ между мною и Брусиловымъ въ первый день его пріѣзда :

— Что-же это, Антонъ Ивановичъ! Я думалъ, что встрѣчу въ васъ своего боевого товарища, что будемъ вмѣстѣ работать и въ Ставкѣ, а вы смотрите на меня волкомъ...

— Это не совсѣмъ такъ : мое дальнѣйшее пребываніе во главѣ Ставки невозможно, да кромѣ того извѣстно, что на мою должность предназначенъ уже Лукомскій.

— Что? какъ же они смѣли назначать безъ моего вѣдома?..

Больше ни я, ни онъ къ этому вопросу не возвращались. Я въ ожиданіи замѣстителя продолжалъ работать съ Брусиловымъ дней десять. Признаюсь, мнѣ была тяжела въ нравственномъ отношеніи эта работа. Съ Брусиловымъ меня связывала боевая служба съ перваго же дня войны. Первый мѣсяцъ въ должности генералъ-квартирмейстера штаба его 8-ой арміи, потомъ два года въ качествѣ начальника 4-ой стрѣлковой дивизіи (вначалѣ бригады) въ той же славной арміи и командиромъ 8 корпуса на его фронтѣ. « Желѣзная дивизія » шла отъ одной побѣды къ другой и вызывала къ себѣ трогательное

отношеніе со стороны Брусилова и постоянное высокое признаніе ея заслугъ. Это отношеніе распространялось и на начальника дивизіи... Вмѣстѣ съ Брусиловымъ я пережилъ много тяжелыхъ, но еще болѣе радостныхъ дней боевого счастья,— никогда незабываемыхъ. И теперь мнѣ было тяжело говорить съ нимъ, съ другимъ Брусиловымъ, который такъ нерасчетливо не только для себя — это не важно — но и для арміи терялъ все обаяніе своего имени. Во время докладовъ каждый вопросъ, въ которомъ отстаиваніе здравыхъ началъ военнаго строя могло быть сочтено за недостатокъ «демократичности», получалъ завѣдомо отрицательное рѣшеніе. Было безполезно оспаривать и доказывать. Иногда Брусиловъ прерывалъ текущій докладъ и взволнованно говорилъ:

— Антонъ Ивановичъ! Вы думаете, мнѣ не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что-же дѣлать? Россія больна, армія больна. Ее надо лѣчить. А другого лекарства я не знаю.

Вопросъ о моемъ назначеніи его занималъ болѣе, чѣмъ меня. Я отказался высказать свои пожеланія, заявивъ, что пойду туда, куда назначатъ. Шли какіе-то переговоры съ Керенскимъ. Брусиловъ мнѣ разъ сказалъ:

— *Они* боятся, что, если васъ назначить на фронтъ, вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся.

— Нѣтъ, я не буду прибѣгать къ помощи комитетовъ, но и трогать ихъ не стану.

Я не придалъ никакого значенія этому полу-шутливому разговору, но въ тотъ-же день черезъ секретаря прошла телеграмма Керенскому приблизительно такого содержанія: «Переговорилъ съ Деникинымъ. Препятствія устранены. Прошу о назначеніи его главнокомандующимъ Западнаго фронта».

Въ началѣ августа я уѣхалъ въ Минскъ, взявъ съ собою, въ качествѣ начальника штаба фронта, генерала Маркова.

Покидалъ Ставку безъ всякаго сожалѣнія. Два мѣсяца каторжной работы раздвинули широко военный горизонтъ, но дали ли они какіе либо результаты въ области сохраненія арміи? Активныхъ — рѣшительно никакихъ. Пассивные — можетъ быть: нѣсколько умѣрили темпъ развала арміи. Только...

Сотрудникъ Керенскаго, впослѣдствіи верховный комиссаръ, В. Станкевичъ [1]), характеризуя мою дѣятельность, говоритъ: «Чуть ли не каждую недѣлю въ Петроградъ шли телеграммы (мои) съ провокаціонно-рѣзкими нападками на новые порядки въ арміи — именно нападки, а не совѣты... Развѣ можно совѣтовать отмѣнить революцію?..» Если бы это говорилъ только Станкевичъ и только про Деникина — это не имѣло бы интереса. Но такъ какъ подобный взглядъ раздѣляли широ-

---

[1]) «Воспоминанія 1914-1919 г. г.».

кіе круги революціонной демократіи и отнесенъ онъ къ личности собирательной, « олицетворяющей трагедію русской арміи », то заслуживаетъ отвѣта.

Да, революцію отмѣнить нельзя было. Я скажу болѣе : то многочисленное русское офицерство, съ которымъ я былъ единомышлененъ, и не *хотѣло отнюдь отмѣны революціи*. Оно желало, просило, требовало одного :

— Прекратите революціонизированіе арміи сверху!

Другого совѣта никто изъ насъ дать не могъ.

И если тотъ командный составъ, который стоялъ во главѣ арміи, казался « слишкомъ мало связаннымъ съ революціей », надо было безпощадно разогнать его, поставить другихъ людей — быть можетъ кустарей военнаго дѣла — но дать имъ во всякомъ случаѣ довѣріе и власть.

Отбросимъ личности. Алексѣевъ, Брусиловъ, Корниловъ — это періоды, системы. Алексѣевъ протестовалъ, Брусиловъ подчинялся, Корниловъ требовалъ. Развѣ была какая нибудь руководящая идея въ смѣнахъ этихъ лицъ, а не одно только судорожное метаніе правительственной власти, безпомощно погрязшей въ собственныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ? И не кажется ли вамъ, что перестановка звеньевъ въ этой цѣпи, быть можетъ, была бы спасительнымъ выходомъ изъ нашей обреченности...

ГЛАВА XXXI

Служба моя въ должности главнокомандующаго арміями Западнаго фронта.

Я смѣнилъ генерала Гурко. Уходъ его былъ предрѣшенъ еще 5 мая, и приказъ объ этомъ былъ уже заготовленъ въ министерствѣ. Но Гурко подалъ рапортъ, что при создавшихся въ арміи условіяхъ (послѣ объявленія декларации правъ солдата) онъ снимаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за веденіе армій... Это обстоятельство дало поводъ Керенскому опубликовать 26 мая приказъ, въ силу котораго Гурко « по несоотвѣтствіи » съ поста главнокомандующаго смѣщался на должность начальника дивизіи [1]. Мотивы : « отечество въ опасности и это обязываетъ каждаго военно-служащаго исполнить свой долгъ до конца, не подавая пагубнаго примѣра слабости другимъ ». И еще : « главнокомандующій облеченъ высокимъ довѣріемъ правительства (?) и, опираясь на него, долженъ всѣ свои усилія направлять къ достиженію возложенныхъ на него задачъ; сложеніе съ себя всякой нравственной отвѣтственности генераломъ Гурко является уклоненіемъ отъ обязанности вести порученное ему дѣло по крайнему своему разумѣнію и силѣ ». Лицемѣріе этихъ заявленій, не говоря уже о *предшествовавшемъ* имъ фактѣ признанія правительствомъ невозможности оставленія генерала Гурко въ командной должности, пріобрѣтаетъ еще болѣе ясный смыслъ при сопоставленіи этого эпизода съ аналогичными фактами : съ уходомъ министровъ Гучкова, Милюкова и другихъ, даже — иронія судьбы — самого Керенскаго, который во время одного изъ министерскихъ кризисовъ, вызванныхъ непримиримостью революціонной демократіи, сдѣлалъ жестъ — выхода изъ состава правительства, передавъ 21 іюля замѣстителю Некрасову такое письменное заявленіе : « Въ виду невозможности, не смотря на всѣ принятыя мною къ тому мѣры, пополнить составъ Временного правительства такъ, чтобы оно отвѣчало требованіямъ исключительнаго историческаго момента, переживаемаго страною, *я не могу больше нести отвѣтственности передъ государствомъ*

---

[1]) По ходатайству генерала Алексѣева замѣнено увольненіемъ въ резервъ.

по своей совѣсти и разумѣнію и потому прошу Временное правительство освободить меня отъ всѣхъ должностей, мною занимаемыхъ ». И « отбылъ изъ Петрограда », какъ гласила хроника. Наконецъ, 28 октября Керенскій, какъ извѣстно, тайно бѣжалъ, бросивъ постъ Верховнаго главнокомандующаго.

Старый командный составъ попалъ въ тяжелое положеніе. Я не говорю о лицахъ съ ярко выраженной политической физіономіей, а просто о честныхъ солдатахъ. Идти съ Керенскимъ (не личность, а система) и ломать собственными руками то зданіе, которое строили всю свою жизнь, они не могли. Уйти и, слѣдовательно, передъ лицомъ стоящаго на русской землѣ врага и передъ своею собственной совѣстью стать дезертирами — они также не могли. Создавался заколдованный кругъ, изъ котораго не видно было выхода.

Пріѣхавъ въ Минскъ, въ двухъ собраніяхъ многочисленныхъ чиновъ штаба и управленій фронта, потомъ передъ командующими арміями я изложилъ свой символъ вѣры. Кратко, рѣзко, не помню какими словами, но въ такомъ точномъ смыслѣ : революцію пріемлю всецѣло и безотговорочно. Но революціонизированіе арміи и внесеніе въ нее демагогіи считаю гибельнымъ для страны. И противъ этого буду бороться по мѣрѣ силъ и возможности, къ чему приглашаю и всѣхъ своихъ сотрудниковъ.

Пришло письмо отъ М. В. Алексѣева. Сердечно поздравляетъ съ назначеніемъ. Пишетъ : « Будите; спокойно и настойчиво требуйте и — вѣрится — оздоровленіе настанетъ безъ заигрываній, безъ красныхъ бантиковъ, безъ красивыхъ, но бездушныхъ фразъ... Долѣе такъ держать армію невозможно : Россія постепенно превращается въ станъ лодырей, которые движеніе своего пальца готовы оцѣнивать на вѣсъ золота... Мыслью моею и сердцемъ съ Вами, съ Вашими работами, желаніями. Помоги Богъ »...

« Военную общественность » представлялъ въ Минскѣ фронтовой комитетъ. Такъ какъ наканунѣ моего прибытія эта большевистствующая организація вынесла резолюцію противъ наступленія и за борьбу объединившейся демократіи противъ своихъ правительствъ, то взаимоотношенія наши опредѣлились ясно : я не вступалъ вовсе въ непосредственныя отношенія съ Комитетомъ. Комитетъ варился въ собственномъ соку, разрѣшая вопросъ главенства своихъ соціалъ-революціонной и соціалъ-демократической фракцій, выносилъ резолюціи, своимъ демагогическимъ содержаніемъ ставившія въ недоумѣніе даже армейскіе комитеты, распространялъ пораженческую литературу [1]), возбуждалъ солдатъ противъ начальниковъ. Комитетъ по закону не подлежалъ ни отвѣтственности, ни суду. Въ такомъ же духѣ шло воспитаніе комитетомъ большого числа собравшихся со

[1]) См. главу XXIV.

всѣхъ армій « слушателей курсовъ агитаторовъ » [1]), которые должны были потомъ разнести воспринятое ученіе по всему фронту... Мелочная подробность, вскрывающая подоплеку не одного изъ проявленій « гражданской скорби и гнѣва ». Представители курсовъ обращались часто къ начальнику штаба съ просьбами и « требованіями ». Когда разъ требованія лишней пары сапогъ приняли слишкомъ рѣзкій характеръ, Марковъ отказалъ. На другой же день въ № 25 газеты « Фронтъ » появилась « резолюція общаго собранія слушателей курсовъ агитаторовъ », что они лично убѣдились въ нежеланіи штабовъ считаться съ выборными организаціями. Курсисты заявили, что въ лицѣ ихъ самихъ и тѣхъ, кто ихъ послалъ, фронтовой комитетъ будетъ имѣть поддержку « противъ контръ-революціи » вплоть до вооруженнаго воздѣйствія...

Какая ужъ тутъ совмѣстная работа!

Я присутствовалъ въ засѣданіи фронтоваго комитета только одинъ разъ, сопровождая генерала Брусилова. Послѣ вступительной рѣчи, Верховный главнокомандующій предложилъ Комитету высказаться, если имѣются какіе либо пожеланія или вопросы. Предсѣдатель отвѣтилъ, что въ сущности никакихъ особенныхъ вопросовъ нѣтъ, развѣ вотъ относительно отпусковъ и суточныхъ денегъ... Всѣмъ стало нѣсколько неловко. Тогда попросилъ слова кто-то изъ членовъ комитета, извинился за мелочность предсѣдателя и началъ говорить на общую больную тему о демократизаціи арміи и взаимоотношеніяхъ Комитета и командованія. Я указалъ, что между нами не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ Комитетъ въ постановленіи своемъ отъ 8 іюня пошелъ противъ правительства и противъ наступленія. Тогда предсѣдатель предъявилъ новое постановленіе, составленное наканунѣ, которымъ Комитетъ допускалъ наступленіе. Казалось бы, вопросъ исчерпанъ. Но тутъ встаетъ какой то поручикъ и заявляетъ, что довѣрія къ главнокомандующему не можетъ быть. Поручикъ командированъ въ Минскъ изъ Тифлиса комитетомъ Кавказскаго фронта и « кооптированъ » минскимъ комитетомъ. Прибылъ для разслѣдованія моей « контръ-революціонности ». Прочелъ уличающій документъ — перехваченную майскую телеграмму мою — еще по должности начальника штаба Верховнаго — къ генералу Юденичу. Въ ней, между прочимъ, говорилось : « .... Верховный главнокомандующій обратился уже съ подробнымъ письмомъ къ военному министру съ просьбой устранить вредную работу комитетовъ, парализующихъ распоряженія военнаго начальства и оказанія содѣйствія въ борьбѣ съ теченіями безусловно вредными въ государственномъ отношеніи... » Я разъяснилъ, что вопросъ касался мѣстныхъ гарнизонныхъ комитетовъ рабочихъ

[1]) Право, предоставленное положеніемъ о комитетахъ.

и солдатскихъ депутатовъ Кавказа, которые не выпускали 104 тысячи пополненій на совершенно обезлюдѣвшій фронтъ. Брусиловъ вспылилъ и наговорилъ поручику и комитету рѣзкостей. Потомъ извинился, и въ конечномъ результатѣ допустилъ въ секретный архивъ Ставки комиссію Комитета, которая, вернувшись въ Минскъ, явилась ко мнѣ не то съ объясненіемъ, не то съ полуизвиненіемъ.

Скучно, неправда-ли? Но намъ не было скучно, а мучительно тяжело въ этой пошлой обстановкѣ, не дававшей ни душевнаго равновѣсія, ни возможности отдаться всецѣло назрѣвшей операціи.

Фронтовой комитетъ, принявъ, наконецъ, идею наступленія, потребовалъ образованія изъ состава своего и армейскихъ комитетовъ « боевыхъ контактныхъ комиссій », которыя должны были получить право участія въ разработкѣ операцій, контроля надъ начальниками и штабами частей, выполнявшихъ боевыя задачи и т. д. [1]). Я конечно отказалъ. Началась новая исторія, которая чрезвычайно обезпокоила военнаго министра, приславшаго экстренно въ Минскъ и полковника Барановскаго — начальника своего кабинета [2]), и комиссара Станкевича [3]). Друзья Барановскаго впослѣдствіи передавали, что вопросъ былъ поставленъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о возможности оставленія меня въ должности, ввиду « крупныхъ треній съ фронтовымъ комитетомъ ».

Станкевичъ умиротворилъ комитетъ, и боевыя контактныя комиссіи были допущены до участія въ наступленіи войскъ, но безъ права контроля и участія въ разработкѣ операціи.

Если мнѣ было не легко, то вся тяжесть сложныхъ взаимоотношеній съ « революціонной демократіей арміи » легла на голову моего начальника штаба и друга — генерала Маркова. Онъ положительно изнемогалъ отъ той безконечной сутолоки, которая наполняла его рабочій день. Демократизація разрушила всѣ служебныя перегородки и вызвала безпощадное отношеніе ко времени и труду старшихъ начальниковъ. Всякій, какъ бы ничтожно ни было его дѣло, не удовлетворялся посредствующими инстанціями и требовалъ непремѣнно доклада у главнокомандующаго или, по крайней мѣрѣ, у начальника штаба. И Марковъ — живой, нервный, впечатлительный, съ добрымъ сердцемъ — принималъ всѣхъ, со всѣми говорилъ, дѣлалъ все, что могъ; но иногда, доведенный до отчаянія людской пошлостью

---

[1]) Это было тѣмъ болѣе оригинально, что въ составъ Комитета Западнаго фронта входили и представители рабочихъ.

[2]) Молодой полковникъ генеральнаго штаба, который руководилъ Керенскимъ во всѣхъ военныхъ вопросахъ.

[3]) Пробылъ на Западномъ фронтѣ дня два и отозванъ на Сѣверный. Его смѣнилъ Калининъ.

и эгоизмомъ, не сдерживалъ своего языка, теряя терпѣніе и наживая враговъ.

Не менѣе хлопотъ доставляли ему и новыя революціонныя учрежденія. Въ письмѣ Маркова къ Керенскому [1]) мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: «Никакая армія, по своей сути, не можетъ управляться многоголовыми учрежденіями, именуемыми комитетами, комиссаріатами, съѣздами и т. д. Отвѣтственный передъ своей совѣстью и Вами, какъ военнымъ министромъ, начальникъ почти не можетъ честно выполнять свой долгъ, отписываясь, уговаривая, ублажая полуграмотныхъ въ военномъ дѣлѣ членовъ комитета, имѣя, какъ путы на ногахъ, быть можетъ и очень хорошихъ душой, но тоже несвѣдущихъ, фантазирующихъ и претендующихъ на особую роль комиссаровъ. Все это люди чуждые военному дѣлу, люди минуты, и, главное, не несущіе никакой отвѣтственности юридически. Имъ все подай, все разскажи, все доложи, сдѣлай такъ, какъ они хотятъ, а за результаты отвѣчай начальникъ. Больно за дѣло и оскорбительно для каждаго изъ насъ — имѣть около себя лицо, какъ бы слѣдящее за каждымъ твоимъ шагомъ... Проще, — насъ всѣхъ, кому до сихъ поръ не могутъ повѣрить, уволить, и на наше мѣсто посадить тѣхъ-же комиссаровъ, а тѣ-же комитеты — вмѣсто штабовъ и управленій»...

Въ Минскѣ передо мною прошла длинная вереница лицъ, признаться не оставившая въ памяти никакихъ слѣдовъ. Гражданское управленіе прифронтовой полосы вышло совсѣмъ изъ моего вѣдѣнія, захваченное мѣстными самоопредѣлившимися учрежденіями и напоминало о себѣ только просьбами вооруженной силы для подавленія вспыхивавшихъ въ раіонѣ фронта безпорядковъ. Политики — къ моему глубокому удовлетворенію — не было никакой. « Контръ-революція » явилась лишь однажды въ лицѣ В. М. Пуришкевича и его помощника, съ не русскими лицомъ и фамиліей. Пуришкевичъ убѣждалъ меня въ необходимости тайной организаціи, формально — на основаніяхъ устава утвержденнаго еще до революціи — « Общества русской государственной карты ». На первой же страницѣ устава красовалась разрѣшительная подпись кого-то изъ самыхъ одіозныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Общество ставило себѣ дѣйствительной цѣлью активную борьбу съ анархіей, сверженіе совѣтовъ и установленіе не то военной диктатуры, не то диктаторской власти Временного правительства. Пуришкевичъ просилъ содѣйствія для привлеченія въ составъ общества — офицеровъ. Я отвѣтилъ, что нисколько не сомнѣваюсь въ глубоко-патріотическихъ его побужденіяхъ, но что мнѣ съ нимъ не по пути. Онъ ушелъ безъ всякой обиды, пожелавъ мнѣ успѣха, и больше намъ не пришлось встрѣтиться никогда. Пу-

[1]) Отъ 15 іюля 1917 года.

ришкевичъ въ 1919 году пріѣхалъ на Югъ, держалъ въ началѣ « нейтралитетъ », но къ концу года повелъ сильную кампанію отчасти лично противъ меня, но болѣе противъ лѣвой половины « Особаго совѣщанія » [1]), прекратившуюся только съ его смертью, въ Новороссійскѣ, отъ сыпного тифа.

Впрочемъ, случился еще одинъ маленькій « политическій эпизодъ ». По поводу избранія Каледина Донскимъ атаманомъ, я послалъ ему поздравительную телеграмму, на которую получилъ отвѣтъ, шедшій подозрительно долго, въ такихъ выраженіяхъ : « Сердечно благодарю за память. Пошли Вамъ Богъ успѣха. Донъ всегда поддержитъ. Калединъ ». Эта телеграмма стала извѣстной, почему то весьма встревожила мѣстную революціонную демократію и заставила ее еще болѣе насторожиться.

***

Изъ трехъ генераловъ, командовавшихъ арміями, двое находились всецѣло въ рукахъ комитетовъ; но такъ какъ фронты ихъ были пассивными, то временно можно было потерпѣть ихъ присутствіе.

Наступленіе готовилось на фронтѣ 10-ой арміи генерала Киселевскаго въ раіонѣ Молодечно. Я поѣхалъ осмотрѣть войска и позиціи, познакомиться съ начальниками и съ частями. Во многихъ предшествовавшихъ главахъ приведенъ синтезъ всѣхъ пережитыхъ впечатлѣній, разбросаны факты и эпизоды изъ жизни Западнаго фронта. Чтобы не повторяться, я остановлюсь лишь на нѣсколькихъ деталяхъ. Смотрѣлъ войска — въ строю. Видѣлъ части, правда, какъ исключеніе, сохранившія почти нормальный, дореволюціонный видъ, какъ по внѣшнимъ формамъ, такъ и по внутреннему строю — въ корпусѣ суроваго и непреклонно отстаивавшаго старую дисциплину Довборъ-Мусницкаго; видѣлъ большинство частей — хотя и сохранившихъ подобіе строя и нѣкоторое послушаніе, но во внутренней жизни своей подобныхъ развороченному муравейнику : послѣ смотра, обходя ряды и бесѣдуя съ солдатами, я былъ буквально подавленъ новымъ для меня настроеніемъ, охватившимъ ихъ — безконечными жалобами, подозрительностью, недовѣріемъ, обидами на всѣхъ и на все : на отдѣленнаго начальника и корпуснаго командира, на чечевицу и на долгое стояніе на фронтѣ, на сосѣдній полкъ и на Временное правительство за его непримиримое отношеніе къ нѣмцамъ. Видѣлъ, наконецъ, и такія сцены, которыя не забуду до конца своихъ дней... Въ одномъ изъ корпусовъ приказалъ показать мнѣ худшую часть. Повезли въ 703 Сурамскій полкъ. Мы подъѣхали къ огромной толпѣ безоружныхъ людей, стоявшихъ,

[1]) Правительство Юга Россіи.

сидѣвшихъ, бродившихъ на полянѣ, за деревней. Одѣтые въ рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшіе, нечесанные, немытые, — они, казалось, дошли до послѣдней степени физическаго огрубѣнія. Встрѣтилъ меня начальникъ дивизіи съ трясущейся нижней губой и командиръ полка съ лицомъ приговореннаго къ смерти. Никто не скомандовалъ « смирно », никто изъ солдатъ не всталъ; ближайшіе ряды пододвинулись къ автомобилямъ. Первымъ движеніемъ моимъ было выругать полкъ и повернуть назадъ. Но это могли счесть за трусость. И я вошелъ въ толпу.

Пробылъ въ толпѣ около часу. Боже мой, что сдѣлалось съ людьми, съ разумной Божьей тварью, съ русскимъ пахаремъ.. Одержимые или бѣсноватцы, съ помутнѣвшимъ разумомъ, съ упрямой, лишенной всякой логики и здраваго смысла рѣчью, съ истерическими криками, изрыгающіе хулу и тяжелыя, гнусныя ругательства. Мы всѣ говорили, намъ отвѣчали — со злобой и тупымъ упорствомъ. Помню, что во мнѣ мало-по-малу возмущенное чувство стараго солдата уходило куда то на заднії планъ, и становилось только безконечно жаль этихъ грязныхъ, темныхъ русскихъ людей, которымъ слишкомъ мало было дано и мало поэтому съ нихъ взыщется. Хотѣлось, чтобы здѣсь, на этомъ полѣ, были, видѣли и слышали все происходящее верхи революціонной демократіи. Хотѣлось сказать имъ :

— Кто виноватъ, теперь не время разбирать. Мы, вы, буржуазія, самодержавіе — это все равно. Дайте народу грамоту и обликъ человѣческій, а потомъ соціализируйте, націонализируйте, коммунизируйте, если... если тогда народъ пойдетъ за вами.

Это былъ тотъ самый Сурамскій полкъ, который черезъ нѣсколько дней послѣ моего посѣщенія избилъ до полусмерти Соколова — редактора приказа № 1, творца новаго строя арміи, когда тотъ попробовалъ отъ имени Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призвать полкъ къ исполненію долга и къ участію въ наступленіи.

Изъ Сурамскаго полка я поѣхалъ, по настойчивому приглашенію особой делегаціи, на корпусный съѣздъ того-же 2-го Кавказскаго корпуса. Тамъ собрались выборные люди, и поэтому разговоры ихъ были разсудительнѣе, стремленія реальнѣе: въ разныхъ группахъ делегатовъ, среди которыхъ замѣшалась свита, шла бесѣда о томъ, что здѣсь вотъ главнокомандующій, командующій, корпусный, штабы и все начальство; хорошо бы прикончить ихъ тутъ-же всѣхъ разомъ, вотъ и конецъ наступленію...

Знакомство со старшими начальниками также не было утѣшительнымъ. Одинъ командиръ корпуса велъ твердо войска, но испытывалъ сильнѣйшій напоръ войсковыхъ организацій; другой боялся посѣщать свои части; третьяго я засталъ въ

полной прострации и въ слезахъ послѣ какой-то резолюціи недовѣрія:

— 40 лѣтъ службы. Любилъ солдата, меня любили, а теперь оплевали. Больше служить не могу.

Пришлось отпустить его. А тутъ-же за стѣной, молодой генералъ, начальникъ дивизіи, велъ уже конфиденціальные разговоры съ комитетчиками, тотчасъ-же обратившимися ко мнѣ съ просьбой, весьма императивной, о назначеніи молодого генерала командиромъ корпуса...

Объѣздъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Все понемногу разваливалось и разбивало надежды. Тѣмъ не менѣе, надо было работать. А работы всѣмъ было болѣе чѣмъ достаточно. Западный фронтъ жилъ теоріей и чужимъ опытомъ. Онъ не имѣлъ въ своемъ активѣ яркихъ побѣдъ, которыя однѣ только могутъ дать вѣру въ правильность метода, не имѣлъ большого серьезнаго опыта прорыва непріятельской оборонительной линіи. Много разъ приходилось обсуждать совмѣстно съ исполнителями общій планъ и планъ артиллерійской атаки и устанавливать отправныя данныя. Особенно трудно обстояло дѣло съ подготовкой самаго штурма. Вслѣдствіе внутренняго развала частей, всякое передвиженіе, смѣна, рытье плацдармовъ и подступовъ, перестановки батарей [1] — все это или совершенно не выполнялось или достигалось путемъ невѣроятныхъ усилій, уговоровъ, митинговъ. Всякій малѣйшій предлогъ былъ использованъ для отказа отъ подготовки къ наступленію. Начальникамъ въ силу техническаго необорудованія позицій приходилось совершать огромную и противоестественную работу: не направлять свои части по тактическимъ соображеніямъ, а эти послѣднія подгонять къ качеству начальниковъ, большему или меньшему развалу частей и случайному состоянію лучше или хуже оборудованныхъ участковъ позиціи.

Тѣмъ не менѣе, когда говорятъ о нашей технической отсталости вообще, какъ объ одномъ изъ факторовъ нашихъ военныхъ неуспѣховъ 1917 года, къ этому вопросу надо относиться весьма осторожно: несомнѣнно армія наша отстала; но въ 1917 году она была несравненно лучше снабжена матеріально, богаче артиллеріей и боевыми припасами, богаче, наконецъ, опытомъ своимъ и чужимъ, чѣмъ хотя бы въ 1916 году. Техническая отсталость наша — свойство относительное, постоянное, одинаково присущее всѣмъ періодамъ міровой войны до начала революціи, значительно ослабѣвшее къ 1917 году, и его отнюдь нельзя бросать на чашу вѣсовъ при оцѣнкѣ русской революціонной арміи и ея боевыхъ дѣйствій.

Итакъ, шла Сизифова работа. Командный офицерскій со-

---

[1]) Противодѣйствіе пѣхоты. Артиллерія сохранила почти полную боеспособность до послѣднихъ дней.

ставъ вложилъ въ нее всю душу, ибо въ успѣхѣ ея видѣлъ последній лучъ надежды на спасеніе арміи и страны. Всѣ техническія трудности были въ концѣ концовъ преодолимы. Только бы поднять духъ.

Пріѣхалъ Брусиловъ уговаривать полки. Въ результатѣ поѣздки — смѣна, противъ моего желанія, командующаго X арміей, за полторы недѣли до рѣшительнаго наступленія. Съ трудомъ отстоялъ своего кандидата, доблестнаго командира 8 корпуса, генерала Ломновскаго, который прибылъ въ Молодечно лишь за нѣсколько дней до операціи. Съ пріѣздомъ Брусилова вышло досадное недоразумѣніе : штабъ арміи ошибочно увѣдомилъ войска, что ѣдетъ Керенскій. Невольный подмѣнъ вызвалъ сильное неудовольствіе и броженіе въ войскахъ; многія части заявили, что ихъ обманываютъ, и, если самъ товарищъ Керенскій лично не велитъ имъ наступать, то они наступать не будутъ. 2-ая Кавказская дивизія послала даже делегацію въ Петроградъ за справкой. Съ трудомъ удалось успокоить ихъ обѣщаніемъ, что товарищъ Керенскій пріѣдетъ на дняхъ. Пришлось пригласить военнаго министра. Керенскій пріѣхалъ съ неохотой, уже разочарованный неудачнымъ опытомъ словесной кампаніи на Юго-западномъ фронтѣ. Нѣсколько дней объѣзжалъ онъ войска, говорилъ, пожиналъ восторги, иногда испытывалъ неожиданные реприманды; прервалъ объѣздъ, будучи приглашенъ въ Петроградъ 4 іюля, вернулся съ новымъ подъемомъ и новой темой дня, использовавъ въ полной мѣрѣ « ножъ, воткнутый въ спину революціи ». [1]) Но, окончивъ объѣздъ фронта и вернувшись въ Ставку, рѣшительно заявилъ Брусилову :

— Ни въ какой успѣхъ наступленія не вѣрю.

Впрочемъ, такой-же пессимизмъ Керенскій проявилъ тогда уже и въ другомъ вопросѣ — грядущихъ судебъ страны. Помню, какъ въ разговорѣ со мной и двумя, тремя изъ своихъ приближенныхъ [2]), онъ, разбирая этапы въ общемъ ходѣ русской революціи, совершенно убѣжденно говорилъ, что террора намъ все равно не избѣгнуть.

Дни шли за днями, а начало наступленія все откладывалось. Еще 18 іюня я отдалъ приказъ войскамъ фронта :

« Русскія арміи Юго-западнаго фронта нанесли сегодня пораженіе врагу, прорвавъ его линіи. Началась рѣшительная битва, отъ которой зависитъ участь русскаго народа и его свободы. Наши братья на Юго-западномъ фронтѣ побѣдоносно двигаются впередъ, не щадя своей жизни и ждутъ отъ насъ скорой помощи. Мы не будемъ предателями. Скоро услышитъ врагъ громъ нашихъ пушекъ. Призываю войска Западнаго

---

[1]) Петроградскій мятежъ 3-5 іюля.

[2]) Предсѣдатель комитета Печерскій, комиссаръ Калининъ.

фронта напречь всѣ силы и скорѣе подготовиться къ наступленію, иначе проклянетъ насъ народъ русскій, который ввѣрилъ намъ защиту своей свободы, чести и достоянія »...

Не знаю, поняли ли всю внутреннюю драму русской арміи тѣ, кто читалъ этотъ приказъ, опубликованный въ газетахъ въ полное нарушеніе элементарныхъ условій скрытности операціи. Вся стратегія перевернулась вверхъ дномъ. Русскій главнокомандующій, безсильный двинуть свои войска въ наступленіе и тѣмъ облегчить положеніе сосѣдняго фронта, хотѣлъ, хотя бы цѣною обнаруженія своихъ намѣреній, удержать противъ себя нѣмецкія дивизіи, снимаемыя съ его фронта и отправляемыя противъ Юго-западнаго и противъ союзниковъ.

Нѣмцы откликнулись тотчасъ-же, приславъ на фронтъ прокламацію, въ которой говорилось : « Русскіе солдаты! Вашъ главнокомандующій Западнымъ фронтомъ снова призываетъ васъ къ сраженіямъ. Мы знаемъ объ его приказѣ, знаемъ также о той лживой вѣсти, будто наши позиціи къ юго-востоку отъ Львова прорваны. Не вѣрьте этому. На самомъ дѣлѣ тысячи русскихъ труповъ лежатъ передъ нашими окопами... Наступленіе никогда не приблизитъ миръ... Если же вы все-таки послѣдуете зову вашихъ начальниковъ, подкупленныхъ Англіей, то тогда мы будемъ до тѣхъ поръ продолжать борьбу, пока вы не будете лежать въ землѣ »...

7 іюля, наконецъ, раздался громъ нашихъ пушекъ. 9 іюля начался штурмъ, а черезъ три дня я возвращался изъ 10-й арміи въ Минскъ съ отчаяніемъ въ душѣ и съ явнымъ сознаніемъ полнаго крушенія послѣдней тлѣвшей еще надежды на... чудо.

ГЛАВА XXXII.

Наступленіе русскихъ армій лѣтомъ 1917 г. Разгромъ.

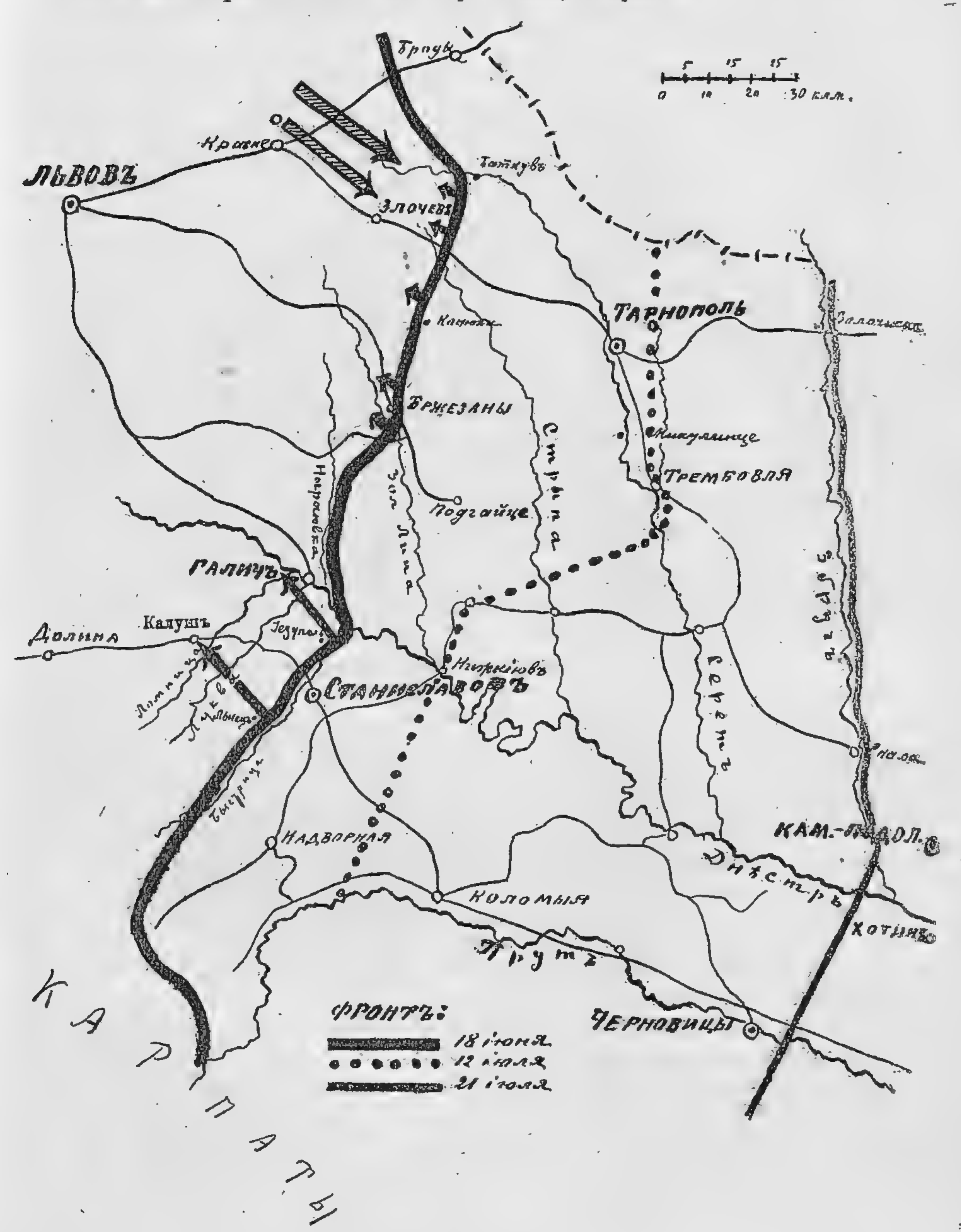
Наступленіе русскихъ армій, предположенное на май, все откладывалось. Первоначально имѣлась въ виду одновременность дѣйствій на всѣхъ фронтахъ; потомъ, считаясь съ психологической невозможностью сдвинуть арміи съ мѣста одновременно, перешли къ плану наступленія уступами во времени. Но фронты, имѣвшіе значеніе второстепенное (Западный) или демонстративное (Сѣверный) и которымъ надлежало начинать операцію раньше, для отвлеченія вниманія и силъ противника отъ главныхъ направленій (Юго-западный фронтъ), не были готовы психологически. Тогда верховное командованіе рѣшило отказаться отъ всякой стратегической планомѣрности и вынуждено было предоставить фронтамъ начинать операцію по мѣрѣ готовности, лишь бы не задерживать ее чрезмѣрно и тѣмъ не давать противнику возможности дальнихъ крупныхъ переброскъ.

Даже и такая, упрощенная революціей стратегія могла дать большіе результаты въ міровомъ масштабѣ войны, если даже не прямымъ разгромомъ восточнаго фронта, то, по крайней мѣрѣ, *возстановленіемъ его прежняго грознаго значенія*, потребовавъ отъ центральныхъ державъ притока туда большихъ силъ, средствъ, огромнаго количества боевыхъ припасовъ, создавая опять вѣчное безпокойство и совершенно сковывая оперативную свободу Гинденбурга.

Въ результатѣ начало операцій опредѣлилось слѣдующими датами: 16 іюня — на Юго-западномъ фронтѣ; 7 іюля — на Западномъ; 8 іюля на Сѣверномъ, и 9 іюля на Румынскомъ. Послѣднія три даты почти совпадаютъ съ началомъ крушенія (6-7 іюля) Юго-западнаго фронта.

Какъ я уже говорилъ, къ іюню 1917 г. большинство революціонной демократіи, хотя и съ весьма существенными оговорками, восприняло идею необходимости наступленія. Такимъ образомъ, въ активѣ своего моральнаго обоснованія эта идея имѣла Временное правительство, командный составъ, все офицерство, либеральную демократію, оборонческій блокъ совѣтовъ, комиссаровъ, почти всѣ высшіе войсковые комитеты и много низшихъ. Въ пассивѣ — меньшинство революціонной

демократіи въ лицѣ большевиковъ, лѣвыхъ соціалъ-революціонеровъ, группы Чернова, Цедербаума (Мартова) и еще одинъ маленькій привѣсокъ... *демократизацію арміи*.

У меня нѣтъ подъ рукой боевого расписанія русскихъ армій, но, во всякомъ случаѣ, во всѣхъ раіонахъ наступленія мы обладали превосходствомъ силъ и техническихъ средствъ надъ противникомъ, и въ частности небывалымъ доселѣ количествомъ тяжелой артиллеріи.

Юго-западному фронту предстояло первому испытать боевыя свойства революціонной арміи.

Между верхнимъ Серетомъ и Карпатами (Броды-Надворна), на позиціяхъ, достигнутыхъ нами послѣ побѣдоноснаго наступленія Брусилова, къ осени 1916 г., сѣвернѣе Днѣстра располагалась группа генерала Бемъ-Эрмоли, состоявшая изъ 4-ой австрійской арміи генерала Терстянскаго (на Бускомъ направленіи, внѣ главнаго удара), 2-ой австрійской арміи, непосредственно подчиненной Бемъ-Эрмоли — на Злочевскомъ направленіи и Южной германской арміи графа Ботмера — на Бржезанскомъ [1]). Южнѣе Днѣстра стояла 3-я австрійская армія генерала Кирхбаха, составлявшая лѣвое крыло Карпатскаго фронта эрцгерцога Іосифа. Три послѣднія арміи противостояли нашимъ ударнымъ корпусамъ. Эти австро-германскія войска испытали уже лѣтомъ и осенью 1916 г. удары русскихъ армій, нанесшихъ имъ рядъ тяжкихъ пораженій. Съ тѣхъ поръ потрепанныя дивизіи Ботмера частично замѣнены были менѣе уставшими частями съ сѣвера; австрійскія арміи, нѣсколько приведенныя въ порядокъ нѣмецкимъ командованіемъ и подкрѣпленныя влитыми въ нихъ германскими дивизіями, все-же не представляли изъ себя особенно серьезной силы и по оцѣнкѣ главной нѣмецкой квартиры обладали въ очень слабой степени активными свойствами.

Со времени занятія нѣмцами Червищенскаго плацдарма (на Стоходѣ), главной квартирой Гинденбурга всякія операціи были воспрещены, въ надеждѣ на естественное развитіе развала страны и русской арміи, которому должна была содѣйствовать нѣмецкая пропаганда. Удѣльный вѣсъ нашей арміи оцѣнивался нѣмцами чрезвычайно низко. Тѣмъ не менѣе, когда въ началѣ іюня обозначилась серьезная возможность нашего наступленія, Гинденбургъ счелъ необходимымъ снять съ Западнаго европейскаго фронта 6 германскихъ дивизій и направилъ ихъ на усиленіе группы Бемъ-Эрмоли : противнику хорошо извѣстны были наши операціонныя направленія...

Главное направленіе удара армій Юго-западнаго фронта, подъ начальствомъ генерала Гутора, намѣчено было — Каменецъ-Подольскъ — Львовъ. Арміи были двинуты обоими берегами Днѣстра : XI-я генерала Эрдели — на Злочовъ, 7-я генерала Селивачева — на Бржезаны и 8-я генерала Корнилова — на Галичъ. Успѣхъ наступленія приводилъ къ овладѣнію Льво-

---

[1]) Въ составъ ея входили и 2 турецкихъ дивизіи.

вымъ, къ разрыву связи между фронтами Бемъ-Эрмоли и эрцгерцога Іосифа и опрокидывалъ въ Карпаты, отрѣзая отъ естественныхъ путей сообщенія, лѣвое крыло послѣдняго. Прочія арміи Юго-западнаго фронта (1-я и Особая) стояли растянутыми на широкомъ фронтѣ отъ рѣки Припяти до Бродъ, имѣя задачей активную оборону и демонстрацію.

16-го іюня на фронтѣ ударныхъ корпусовъ 7-й и 11-й армій началась артиллерійская канонада еще не слыханнаго никогда напряженія. Послѣ двухдневной непрерывной артиллерійской подготовки, разрушившей сильныя укрѣпленія противника, русскіе полки двинулись въ атаку. Между Зборовымъ и Бржезанами и у послѣдняго пункта, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, фронтъ противника былъ прорванъ; мы овладѣли двумя-тремя укрѣпленными линіями. 19-го атаки повторились на 60-ти верстномъ фронтѣ, между верхней Стрыпой и Нараювкой. За два дня тяжелаго и славнаго боя русскія войска взяли въ плѣнъ 300 офицеровъ 18.000 солдатъ, 29 орудій и много другой военной добычи; овладѣли непріятельскими позиціями на многихъ участкахъ и проникли въ расположеніе противника на 2-5 верстъ, отбросивъ его, на Злочевскомъ направленіи, за Малую Стрыпу.

Разнесенное телеграфомъ по всей Россіи извѣстіе о нашей побѣдѣ вызвало всеобщее ликованіе и подняло надежды на возрожденіе былой мощи русской арміи. Керенскій доносилъ Временному правительству : «Сегодня великое торжество революціи. 18 іюня русская революціонная армія съ огромнымъ воодушевленіемъ перешла въ наступленіе и доказала Россіи и всему міру свою беззавѣтную преданность революціи и любовь къ свободѣ и родинѣ... Русскіе воины утверждаютъ новую, основанную на чувствѣ гражданскаго долга, дисциплину... *Сегодняшній день положилъ предѣлъ злостнымъ клеветническимъ нападкамъ на организацію русской арміи, построенную на демократическихъ началахъ* »... Человѣкъ, который сказалъ это, имѣлъ смѣлость впослѣдствіи оправдываться, что не онъ разрушалъ армію, а получилъ ея организацію какъ роковое наслѣдіе...

Послѣ трехъ дней затишья, на фронтѣ 11-ой арміи возобновился горячій бой по обѣ стороны ж. д. линіи на фронтѣ Баткувъ-Конюхи. Къ этому времени начался подходъ изъ резерва къ угрожаемымъ участкамъ германскихъ частей, и бой принялъ упорный, ожесточенный характеръ. 11-я армія овладѣла рядомъ укрѣпленныхъ линій, неся, однако, тяжелыя потери; мѣстами окопы, послѣ горячихъ схватокъ, переходили изъ рукъ въ руки; требовалось новое большое напряженіе, чтобы сломить упорство усилившагося и оправившагося противника...

Этимъ боемъ по существу закончилась наступательная операція 7-й и 11-й армій. Порывъ исчезъ, началось нудное стояніе на позиціи, оживлявшееся лишь мѣстными боями, контръ-

атаками австро-германцевъ и артиллерійскимъ огнемъ «перемѣннаго напряженія».

Между тѣмъ, 23 іюня началась подготовка наступленія и въ арміи Корнилова. 25 іюня его войска западнѣе Станиславова прорвали позиціи Кирхбаха и вышли на линію Іезуполь-Лысецъ; 26-го, послѣ упорнаго кровопролитнаго боя, войска Кирхбаха, разбитые на голову, повернули, увлекая въ своемъ стремительномъ бѣгствѣ и подоспѣвшую на помощь германскую дивизію. 27-го правая колонна генерала Черемисова овладѣла Галичемъ, перебросивъ часть силъ черезъ Днѣстръ, а 28-го лѣвая колонна, преодолѣвая упорное сопротивленіе австро-германцевъ, взяла съ боя Калушъ. Въ послѣдующіе два три дня 8-я армія устраивалась съ боями на рѣкѣ Ломницѣ и впереди ея.

Въ этой блестящей операціи армія Корнилова, прорвавъ фронтъ 3-й австрійской арміи на протяженіи 30 верстъ, захватила въ плѣнъ 150 офицеровъ, 10.000 солдатъ и около ста орудій. Выходъ на Ломницу открывалъ Корнилову пути на Долину-Стрый и на сообщенія арміи графа Ботмера. Нѣмецкая главная квартира считала положеніе главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ *критическимъ*.

Генералъ Бемъ-Эрмоли въ это время всѣ свои резервы стягивалъ на Злочевское направленіе. Туда-же двигались и перебрасываемыя съ Западнаго европейскаго фронта германскія дивизіи. Пришлось, однако, часть резервовъ перебросить за Днѣстръ, противъ 8-ой русской арміи. Они подоспѣли ко 2-му іюля, внесли нѣкоторую устойчивость въ разстроенные ряды 3-ей австрійской арміи, и съ этого дня на Ломницѣ начинаются позиціонные бои, достигающіе иногда большого напряженія, съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Сосредоточеніе германской ударной группы между верхнимъ Серетомъ и ж. д. линіей Тарнополь-Злочовъ закончилось 5 іюля.

6-го, послѣ сильной артиллерійской подготовки эта группа атаковала 11 армію, прорвала ея фронтъ и начала безостановочное движеніе на Каменецъ-Подольскъ, преслѣдуя корпуса 11 арміи, обратившіеся въ паническое бѣгство. Штабъ арміи, за нимъ Ставка и печать, презрѣвъ перспективу, обрушились на 607 Млыновскій полкъ, считая его виновникомъ катастрофы. Развращенный, скверный полкъ самовольно ушелъ съ позиціи, открывъ фронтъ. Явленіе весьма прискорбное, но слишкомъ элементарно было бы считать его даже *поводомъ*. Ибо уже 9-го комитеты и комиссары 11-ой арміи телеграфировали Временному правительству « всю правду о совершившихся событіяхъ »: «Начавшееся 6 іюля нѣмецкое наступленіе на фронтѣ 11-й арміи разрастается въ неизмѣримое бѣдствіе, угрожающее, быть можетъ, гибелью революціонной Россіи. Въ настроеніи частей,

двинутыхъ недавно впередъ героическими усиліями меньшинства, опредѣлился рѣзкій и гибельный переломъ. Наступательный порывъ быстро исчерпался. Большинство частей находится въ состояніи все возрастающаго разложенія. О власти и повиновеніи нѣтъ уже и рѣчи, уговоры и убѣжденія потеряли силу — на нихъ отвѣчаютъ угрозами, а иногда и разстрѣломъ. Были случаи, что отданное приказаніе спѣшно выступить на поддержку обсуждалось часами на митингахъ, почему поддержка опаздывала на сутки. Нѣкоторыя части самовольно уходятъ съ позицій, даже не дожидаясь подхода противника... На протяженіи сотни верстъ въ тылъ тянутся вереницы бѣглецовъ съ ружьями и безъ нихъ — здоровыхъ, бодрыхъ, чувствующихъ себя совершенно безнаказанными. Иногда такъ отходятъ цѣлыя части... Положеніе требуетъ самыхъ крайнихъ мѣръ... Сегодня главнокомандующимъ, съ согласія комиссаровъ и комитетовъ, отданъ приказъ о стрѣльбѣ по бѣгущимъ. Пусть вся страна узнаетъ правду... содрогнется и найдетъ въ себѣ рѣшимость безпощадно обрушиться на всѣхъ, кто малодушіемъ губитъ и продаетъ Россію и революцію ».

11-я армія « при огромномъ превосходствѣ силъ и техники уходила безостановочно » [1]. 8-го она была уже на Серетѣ, пройдя безъ задержки сильныя укрѣпленныя позиціи западнѣе этой рѣки, которыя служили исходнымъ положеніемъ для нашего славнаго наступленія 1916 г. Бемъ-Эрмоли, преслѣдуя насъ частью силъ на Тарнополь, главныя силы двинулъ въ южномъ направленіи, между Серетомъ и Стрыпой, угрожая отрѣзать пути сообщенія 7 арміи, сбросить ее въ Днѣстръ и, можетъ быть, затѣмъ перехватить пути отхода и 8-й арміи. 9 іюля австро-германцы достигли уже Микулинце, въ переходѣ къ югу отъ Тарнополя... Арміи генераловъ Селивачова и Черемисова [2]) попали въ очень тяжелое положеніе : расчитывать на маневренное противодѣйствіе противнику они не могли и поэтому оставалось форсированными маршами выйти изъ подъ его ударовъ. Въ особенности тяжко было 7-й арміи, отступавшей подъ двойнымъ напоромъ — съ фронта — корпусовъ гр. Ботмера, съ обнаженнаго праваго фланга (съ сѣвера) — войскъ ударной группы Бемъ-Эрмоли. 8-й арміи предстояло пройти подъ напоромъ противника болѣе 140 верстъ.

10 іюля австро-германцы продвинулись на линію Микулинце-Подгайце-Станиславовъ. 11-го германцы заняли Тарнополь, брошенный безъ боя 1-мъ гвардейскимъ корпусомъ, а на другой день прорвали наши позиціи на рѣкѣ Гнѣзно и на Серетѣ, южнѣе Трембовли, развивая свое наступленіе къ востоку

[1]) Сводка Ставки.

[2]) Замѣнилъ генерала Корнилова, назначеннаго 7 іюля главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ.

и юго-востоку. Въ тотъ же день, преслѣдуя 7-ю и 8-ю арміи, противникъ занялъ линію отъ Серета (между Трембовлей и Чертковымъ) на Монастержиско-Тлумачъ.

12-го іюля, въ виду полной безнадежности положенія, главнокомандующій отдалъ приказъ объ отступленіи отъ Серета, и къ 21-му арміи Юго-западнаго фронта, очистивъ всю Галицію и Буковину, отошли къ русской государственной границѣ.

Путь ихъ былъ обозначенъ пожарами, насиліями, убійствами и грабежами. Но среди нихъ были немногія части, доблестно дравшіяся съ врагомъ и своею грудью, своею жизнью прикрывавшія обезумѣвшія толпы бѣглецовъ. Среди нихъ было и русское офицерство, своими трупами по преимуществу устилавшее поля сраженій.

Арміи въ полномъ безпорядкѣ отступали. Тѣ самыя арміи, которыя годъ тому назадъ въ побѣдномъ шествіи своемъ взяли Луцкъ, Броды, Станиславовъ, Черновицы... Отступали передъ тѣми самыми австро-германскими арміями, которыя годъ тому назадъ были разбиты на голову и усѣяли бѣглецами поля Волыни, Галиціи, Буковины, оставляя въ нашихъ рукахъ сотни тысячъ плѣнныхъ. Мы не забудемъ никогда, что 7, 8, 9 и 11 арміи въ Брусиловскомъ наступленіи 1916 года взяли 420 тысячъ плѣнныхъ, 600 орудій, 2½ тысячи пулеметовъ и т. д.... Этого обстоятельства, вѣроятно, не забудутъ и наши союзники: они знаютъ хорошо, что Галиційская битва отозвалась громкимъ эхомъ на Соммѣ и Горицѣ...

Комиссары Савинковъ и Филоненко телеграфировали Временному правительству : «Выбора не дано : смертная казнь измѣнникамъ... смертная казнь тѣмъ, кто отказывается жертвовать жизнью за Родину »...

Въ началѣ іюля, когда обозначился неуспѣхъ русскаго наступленія, въ главной квартирѣ Гинденбурга рѣшено было предпринять новую большую операцію противъ Румынскаго фронта одновременнымъ наступленіемъ 3-й и 7-й австрійскихъ армій черезъ Буковину въ Молдавію и правой группы Макензена на нижнемъ Серетѣ. Цѣлью ставилось овладѣніе Молдавіей и Бессарабіей. Но еще 11-го іюля 4-ая русская армія генерала Рагозы и румынская — Авереско перешли въ наступленіе между рѣками Сушицей и Путной противъ 9-ой австрійской арміи. Атака ихъ увѣнчалась успѣхомъ; арміи овладѣли укрѣпленными позиціями противника, продвинулись на нѣсколько верстъ, взяли 2.000 плѣнныхъ и болѣе 60 орудій, но развитія операція эта не получила. По условіямъ театра и направленія, эти дѣйствія имѣли скорѣе характеръ демонстраціи для облегченія положенія Юго-западнаго фронта, и кромѣ того, войска 4-ой русской арміи вскорѣ утратили наступательный порывъ. Въ теченіи іюля и до 4 августа войска эрцгерцога Іосифа и

Макензена вели атаки въ направленіи Радауцкомъ, Кимполунгскомъ, Окненскомъ и сѣвернѣе Фокшанъ, имѣли мѣстные успѣхи, но никакихъ серьезныхъ результатовъ не достигли. Хотя русскія дивизіи неоднократно отказывали въ повиновеніи и иногда бросали позиціи во время боя, но все же нѣсколько лучшее общее состояніе Румынскаго фронта — периферіи по отношенію къ Петрограду, наличіе болѣе прочныхъ румынскихъ войскъ и естественныя условія театра позволили удержать фронтъ.

Это обстоятельство, въ связи съ выяснившейся неустойчивостью австрійскихъ армій, въ особенности 3 и 7 [1]) и полнымъ разстройствомъ сообщеній группы Бемъ-Эрмоли и лѣваго крыла эрцгерцога Іосифа, заставили главную квартиру Гинденбурга *отложить на неопредѣленное время операцію*, и на всемъ протяженіи Юго-западнаго фронта наступило затишье; на Румынскомъ-же до конца августа шли бои мѣстнаго значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началась переброска германскихъ дивизій отъ Збруча на сѣверъ, на Рижское направленіе. Гинденбургъ имѣлъ цѣлью, не напрягая чрезмѣрно силъ, и не расходуя большихъ резервовъ, столь нужныхъ на Западно-европейскомъ фронтѣ, наносить намъ частные удары и тѣмъ давать моральные толчки къ ускоренію естественнаго паденія русскаго фронта, на чемъ основывались всѣ оперативные расчеты и даже сама возможность продолженія центральными державами кампаніи въ 1918 году.

Попытки нашего наступленія на прочихъ фронтахъ окончились также полной неудачей.

7-го іюля началась операція у меня на Западномъ фронтѣ. Подробности изложены въ слѣдующей главѣ. По поводу этой операціи Людендорфъ говоритъ [2]) : «Изъ всѣхъ атакъ, направленныхъ противъ прежняго Восточнаго фронта (Эйхгорна), атаки 9 іюля, южнѣе Сморгони, у Крево были особенно жестоки... Положеніе въ теченіе нѣсколькихъ дней представлялось очень тяжелымъ, пока наши резервы и артиллерійскій огонь не возстановили фронта. Русскіе оставили наши траншеи. Это не были уже русскіе — прежнихъ дней».

На Сѣверномъ фронтѣ, въ 5-ой арміи все окончилось въ одинъ день : юго-западнѣе Двинска « наши части — говоритъ сводка — послѣ сильной артиллерійской подготовки овладѣли нѣмецкой позиціей по обѣ стороны желѣзной дороги Двинскъ-Вильно. Вслѣдъ за симъ цѣлыя дивизіи безъ напора со стороны противника самовольно отошли въ основные окопы ». Сводка отмѣчала геройское поведеніе нѣкоторыхъ частей, доблесть офицеровъ и ихъ огромную убыль. Это событіе, ничтожное въ

---

[1]) Въ Буковинѣ и сѣверныхъ Карпатахъ.

[2]) « Souvenirs de guerre ».

стратегическомъ отношенiи, представляетъ, однако, большой бытовой интересъ. Дѣло въ томъ, что 5-й армiей командовалъ генералъ Даниловъ [1]), пользовавшiйся исключительнымъ признанiемъ революцiонной демократiи. По словамъ комиссара Сѣвернаго фронта Станкевича, генералъ Даниловъ былъ « единственнымъ генераломъ, который, несмотря на революцiю, остался полнымъ хозяиномъ въ армiи, сумѣвъ наладить такъ отношенiя, что всѣ новыя учрежденiя — и комиссаръ, и комитеты — не ослабляли, а лишь усиливали его власть... И онъ умѣлъ пользоваться этими силами, съ полнымъ самообладанiемъ и увѣренностью устраняя всѣ препятствiя. Въ 5-й армiи все работало, училось, просвѣщалось... такъ какъ весь лучшiй и культурный элементъ армiи былъ двинутъ въ дѣло »...

Такимъ образомъ и полное воспрiятiе революцiонныхъ учрежденiй командующимъ не могло служить гарантiей боеспособности его войскъ.

***

Еще 11 iюля генералъ Корниловъ, послѣ назначенiя главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта, послалъ Временному правительству, съ копiей верховному командованiю, извѣстную свою телеграмму (« Армiя обезумѣвшихъ темныхъ людей бѣжитъ »...) [2]), требуя введенiя смертной казни; въ телеграммѣ онъ между прочимъ писалъ : « ...Я заявляю, что отечество гибнетъ, а потому, хотя и не спрошенный, *требую* немедленнаго прекращенiя наступленiя на всѣхъ фронтахъ для сохраненiя и спасенiя армiи и для ея реорганизацiи на началахъ строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногихъ героевъ, имѣющихъ право видѣть лучшiе дни ».

Не взирая на своеобразную форму этого обращенiя, идея прекращенiя наступленiя была немедленно принята верховнымъ командованiемъ, тѣмъ болѣе, что фактическая прiостановка всѣхъ операцiй явилась независимо отъ директивъ, какъ результатъ нежеланiя драться и утраченной способности русской армiи къ наступательнымъ дѣйствiямъ, такъ одновременно и вслѣдствiе плановъ германской главной квартиры.

Смертная казнь и военно-революцiонные суды были введены на фронтѣ. Корниловъ отдалъ приказъ разстрѣливать дезертировъ и грабителей, выставляя трупы разстрѣлянныхъ съ соотвѣтствующими надписями на дорогахъ и видныхъ мѣстахъ; сформировалъ особые ударные батальоны изъ юнкеровъ и добровольцевъ для борьбы съ дезертирствомъ, грабе-

---

[1]) Экспертъ большевистской делегацiи при заключенiи Брестъ-Литовскаго мира. Въ 1920 г. служилъ въ русской армiи въ Крыму.

[2]) См. главу XIX.

жами и насиліями; накопецъ, запретилъ въ раіонѣ фронта митинги, требуя разгона ихъ силою оружія.

Эти мѣропріятія, введенныя генераломъ Корниловымъ *самочинно*, его мужественное прямое слово, твердый языкъ, которымъ онъ, въ нарушеніе дисциплины, сталъ говорить съ правительствомъ, а больше всего рѣшительныя дѣйствія, — все это чрезвычайно подняло его авторитетъ въ глазахъ широкихъ круговъ либеральной демократіи и офицерства; даже революціонная демократія арміи, оглушенная и подавленная трагическимъ оборотомъ событій, въ первое время послѣ разгрома увидѣла въ Корниловѣ послѣднее средство, единственный выходъ изъ создавшагося отчаяннаго положенія.

Можно сказать, что день 8-го іюля [1]) предрѣшилъ судьбу Корнилова : въ глазахъ многихъ онъ сталъ народнымъ героемъ, на него возлагались большія надежды, отъ него стали ждать спасенія страны.

Находясь въ Минскѣ и имѣя очень плохое освѣдомленіе о неофиціальныхъ взаимоотношеніяхъ военнаго міра, я все-же ясно почувствовалъ, что центръ тяжести моральнаго вліянія переносится въ Бердичевъ [2]); Керенскій и Брусиловъ какъ-то сразу потускнѣли. Въ служебномъ обиходѣ появился новый, странный способъ руководительства : изъ Бердичева получалось въ копіи « требованіе » или увѣдомленіе о принятомъ сильномъ и яркомъ рѣшеніи, а черезъ нѣкоторое время оно повторялось Петроградомъ или Могилевымъ, облеченное въ форму закона или приказа...

На солдатъ іюльская трагедія произвела несомнѣнно нѣсколько отрезвляющее впечатлѣніе. Во первыхъ, появился стыдъ — слишкомъ гнусно и позорно было все случившееся, чтобы его могла оправдать даже заснувшая совѣсть и сильно притупленное нравственное чувство. Я помню, какъ впослѣдствіи, въ ноябрѣ мнѣ пришлось подъ чужимъ именемъ переодѣтымъ въ штатское платье, въ качествѣ бѣжавшаго изъ Быховскаго плѣна, нѣсколько дней провести въ солдатской толпѣ, затопившей всѣ желѣзныя дороги. Шли разговоры, воспоминанія. И я не слышалъ ни разу циничнаго откровеннаго признанія солдатами ихъ участія въ іюльскомъ предательствѣ; всѣ находили какія-либо оправданія событіямъ, главнымъ образомъ въ чьей-либо « измѣнѣ » — преимущественно... офицерской; о своей — никто не говорилъ. Во вторыхъ, — появился страхъ. Солдаты почувствовали какую-то власть, какой-то авторитетъ и поэтому нѣсколько присмирѣли, занявъ выжидательное положеніе. Наконецъ, прекращеніе серьезныхъ боевыхъ

---

[1]) Вступленіе въ должность главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ и посылка перваго « требованія » Временному правительству.

[2]) Штабъ Юго-западнаго фронта.

операцій и вѣчно нервнаго напряженія вызвало временно реакцію, проявившуюся въ нѣкоторой апатіи и непротивленіи.

Это былъ второй моментъ въ жизни арміи (первый — въ началѣ марта), который, будучи немедленно и надлежаще использованъ, могъ стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской революціи.

Создавшіяся благопріятныя условія для перелома въ настроеніи арміи многіе поверхностные наблюдатели армейской жизни сочли за совершившійся фактъ перелома. Такъ, напримѣръ, отнеслись къ августовскому періоду комиссары Сѣвернаго и Юго-западнаго фронтовъ. Уже 18-го іюля Гобечіо, комиссаръ послѣдняго фронта доносилъ, что « въ настроеніи войскъ наступаетъ рѣшительный переломъ, который даетъ основаніе надѣяться, что армія выполнитъ возложенный на нее революціей долгъ ». Для людей, потерявшихъ перспективу, слишкомъ ужъ разительна была разница между арміей — въ ея бѣшенномъ, паническомъ бѣгствѣ и арміей, нѣсколько отдышавшейся и устраивающейся на Збручѣ...

Но по мѣрѣ того, какъ замирали послѣдніе выстрѣлы на фронтѣ наступленія, люди, ошеломленные грозными событіями, начали мало по малу приходить въ себя.

Первымъ опомнился г. Керенскій. Не было уже того ужаса, бьющаго по нервамъ, заставлявшаго терять голову, подъ вліяніемъ котораго изданы были первые суровые приказы. Страхъ передъ Совѣтомъ, опасеніе потерять окончательно авторитетъ среди революціонной демократіи, обида за рѣзкій, оскорбительный тонъ Корниловскихъ обращеній и призракъ грядущаго диктатора — тяготѣли надъ волей Керенскаго. Военные законопроэкты, которые должны были вернуть власть вождямъ и силу арміи, безнадежно тонули въ канцелярской волокитѣ, въ пучинѣ личныхъ столкновеній, подозрѣній и антипатій.

Революціонная демократія стала вновь въ рѣзкую оппозицію къ новому курсу, видя въ немъ посягательство на свободы и угрозу своему бытію. Точно такое же положеніе заняли войсковые комитеты, ограниченіемъ дѣятельности которыхъ и должны были начаться преобразованія. Новый курсъ получилъ въ глазахъ этихъ круговъ значеніе прямой контръ-революціи.

А солдатская масса вскорѣ разобралась въ новомъ положеніи, увидѣла что « страшныя слова » — только слова, что смертная казнь — только пугало, ибо нѣтъ той дѣйствительной силы, которая могла бы сломить ихъ своеволіе.

И страхъ вновь былъ потерянъ.

Пронесшаяся гроза не разрядила душной напряженной атмосферы; нависали новыя тучи, вотъ-вотъ готовыя разразиться оглушительнымъ громомъ.

ГЛАВА XXXIII.

Совѣщаніе въ Ставкѣ 16 іюля министровъ и главнокомандующихъ.

Послѣ возвращенія моего съ фронта въ Минскъ, я получилъ приказаніе прибыть въ Ставку, въ Могилевъ, на совѣщаніе къ 16-му іюля. Керенскій предложилъ Брусилову пригласить по его усмотрѣнію авторитетныхъ военоначальниковъ для того, чтобы выяснить дѣйствительное состояніе фронта, послѣдствія іюльскаго разгрома и направленіе военной политики будущаго. Какъ оказалось, прибывшій по приглашенію Брусилова генералъ Гурко не былъ допущенъ на совѣщаніе Керенскимъ; Генералу Корнилову послана была Ставкой телеграмма, что въ виду тяжелаго положенія Юго-западнаго фронта пріѣздъ его не признается возможнымъ и что ему предлагается представить письменныя соображенія по возбуждаемымъ на совѣщаніи вопросамъ. Вспомнимъ, что въ эти дни, между 14 и 15-мъ іюля, шло полное отступленіе XI арміи отъ Серета къ Збручу, и всѣхъ волновалъ вопросъ, успѣетъ ли 7-я армія перейти нижній Серетъ, а 8- я — меридіанъ Залѣщиковъ, чтобы выйти изъ подъ удара рѣзавшихъ имъ пути германскихъ армій.

Положеніе страны и арміи было настолько катастрофическимъ, что я рѣшилъ, не считаясь ни съ какими условностями подчиненнаго положенія, развернуть на совѣщаніи истинную картину состоянія арміи во всей ея неприглядной наготѣ.

Явился Верховному главнокомандующему. Брусиловъ удивилъ меня :

— Антонъ Ивановичъ, я созналъ ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопросъ ребромъ. Всѣ эти комиссары, комитеты и демократизаціи губятъ армію и Россію. Я рѣшилъ категорически *потребовать отъ нихъ* прекращенія дезорганизаціи арміи. Надѣюсь, вы меня поддержите ?

Я отвѣтилъ, что это вполнѣ совпадаетъ съ моими намѣреніями и что я пріѣхалъ именно съ цѣлью поставить вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ арміи самымъ рѣшительнымъ образомъ. Долженъ сознаться, что этотъ шагъ Брусилова примирилъ меня съ нимъ и поэтому я исключилъ мысленно изъ своей будущей рѣчи все то горькое, что накопилось исподволь противъ верховнаго командованія.

Ждали мы сбора совѣщанія долго, часа полтора. Потомъ выяснилось, что произошелъ маленькій инцидентъ. Министра-предсѣдателя не встрѣтили на вокзалѣ ни генералъ Брусиловъ, ни его начальникъ штаба Лукомскій, задержанные срочными оперативными распоряженіями. Керенскій долго ждалъ и нервничалъ. Наконецъ, послалъ своего адъютанта къ генералу Брусилову съ рѣзкимъ приказаніемъ немедленно прибыть съ докладомъ. Инцидентъ прошелъ мало замѣченнымъ, но тѣ, кто былъ близокъ къ политической аренѣ, знаютъ, что на ней играютъ только люди — со всѣми ихъ слабостями, и что нерѣдко игра продолжается и за кулисами.

Въ совѣщаніи приняли участіе и присутствовали: министръ-предсѣдатель Керенскій, министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко, Верховный главнокомандующій — генералъ Брусиловъ и его начальникъ штаба генералъ Лукомскій, генералы Алексѣевъ и Рузскій, главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ генералъ Клембовскій, Западнымъ — я, съ начальникомъ штаба генераломъ Марковымъ, адмиралъ Максимовъ, генералы Величко, Романовскій, комиссаръ Юго-западнаго фронта Савинковъ и два-три молодыхъ человѣка изъ свиты г. Керенскаго.

Генералъ Брусиловъ обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, которая поразила меня своими слишкомъ общими и неопредѣленными формами. Въ сущности онъ не сказалъ ничего. Я расчитывалъ, что свое обѣщаніе Брусиловъ исполнитъ въ концѣ, сдѣлавъ сводку и заключеніе. Какъ оказалось впослѣдствіи, я ошибся — генералъ Брусиловъ болѣе не высказывался. Затѣмъ слово было предоставлено мнѣ. Я началъ свою рѣчь.

***

« Съ глубокимъ волненіемъ и въ сознаніи огромной нравственной отвѣтственности я приступаю къ своему докладу; и прошу меня извинить : я говорилъ прямо и открыто при самодержавіи царскомъ, такимъ же будетъ мое слово теперь — при самодержавіи революціонномъ.

Вступивъ въ командованіе фронтомъ, я засталъ войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельство казалось страннымъ тѣмъ болѣе, что ни въ донесеніяхъ, поступавшихъ въ Ставку, ни при пріемѣ мною должности, положеніе не рисовалось въ такомъ безотрадномъ видѣ. Дѣло объясняется просто : пока корпуса имѣли пассивныя задачи, они не проявляли особенно крупныхъ эксцессовъ. Но когда пришла пора исполнить свой долгъ, когда былъ данъ приказъ о занятіи исходнаго положенія для наступленія, тогда заговорилъ шкурный инстинктъ, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизій не становились въ исходное положеніе. Потребовалась огромная работа начальниковъ всѣхъ степеней,

просьбы, уговоры, убѣжденія... Для того, чтобы принять какія либо рѣшительныя мѣры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующихъ войскъ. Такъ прошелъ почти мѣсяцъ. Часть дивизій, правда, исполнила боевой приказъ. Особенно сильно разложился 2-й Кавказскій корпусъ и 169 пѣх. дивизія. Многія части потеряли не только нравственно, но и физически человѣческій обликъ. Я никогда не забуду часа, проведеннаго въ 703-мъ Сурамскомъ полку. Въ полкахъ по 8-10 самогонныхъ спиртныхъ заводовъ; пьянство, картежъ, буйство, грабежи, иногда убійства...

Я рѣшился на крайнюю мѣру: увести въ тылъ 2-й Кавказскій корпусъ (безъ 51-й пѣх. дивизіи) и его и 169-ю пѣх. дивизію расформировать, лишившись такимъ образомъ въ самомъ началѣ операціи безъ единаго выстрѣла около 30 тысячъ штыковъ...

На корпусный участокъ кавказцевъ были двинуты 28-я и 29 пѣх. дивизіи, считавшіяся лучшими на всемъ фронтѣ... И что-же : 29 дивизія, сдѣлавъ большой переходъ къ исходному пункту, на другой день почти вся (два съ половиной полка) ушла обратно; 28 дивизія развернула на позиціи одинъ полкъ, да и тотъ вынесъ безапелляціонное постановленіе — « не наступать ».

Все, что было возможно въ отношеніи нравственнаго воздѣйствія, было сдѣлано.

Пріѣзжалъ и Верховный главнокомандующій; и послѣ своихъ бесѣдъ съ комитетами и выборными 2-хъ корпусовъ вынесъ впечатлѣніе, что « солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись »... Это неправда. Начальники въ невѣроятно тяжелой обстановкѣ сдѣлали все, что могли. Но г. Верховный главнокомандующій не знаетъ, что митингъ 1-го Сибирскаго корпуса, гдѣ его рѣчь принималась наиболѣе восторженно, послѣ его отъѣзда продолжался... Выступали новые ораторы, призывавшіе не слушать « стараго буржуя » (я извиняюсь, но это правда... Реплика Брусилова — « Пожалуйста »...) и осыпавшіе его площадной бранью. Ихъ призывы также встрѣчались громомъ аплодисментовъ.

Военнаго министра, объѣзжавшаго части и вдохновеннымъ словомъ подымавшаго ихъ на подвигъ, восторженно привѣтствовали въ 28-ой дивизіи. А по возвращеніи въ поѣздъ, его встрѣтила депутація одного изъ полковъ, заявившая, что этотъ и другой полкъ черезъ полчаса послѣ отъѣзда министра вынесли постановленіе — « не наступать ».

Особенно трогательна была картина въ 29-ой дивизіи, вызвавшая энтузіазмъ, — врученіе колѣнопреклоненному командиру Потійскаго пѣх. полка краснаго знамени. Устами трехъ ораторовъ и страстными криками потійцы клялись « умереть за Родину »... Этотъ полкъ въ первый же день наступленія, не дойдя до нашихъ окоповъ, въ полномъ составѣ позорно повернулъ назадъ и ушелъ за 10 верстъ отъ поля боя...

Въ числѣ факторовъ, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили къ ихъ вящему разложенію, были комиссары и комитеты.

Быть можетъ среди комиссаровъ и есть черные лебеди, которые, не вмѣшиваясь не въ свое дѣло, приносятъ извѣстную пользу. Но самый институтъ, внося двоевластіе, тренія, непрошенное и преступное вмѣшательство, не можетъ не разлагать арміи.

Я вынужденъ дать характеристику комиссаровъ Западнаго фронта. Одинъ, быть можетъ, хорошій и честный человѣкъ—я этого не знаю,—но утопистъ, совершенно не знающій не только военной жизни, но и жизни вообще. О своей власти необычайно высокаго мнѣнія. Требуя отъ начальника штаба исполненія приказанія, заявляетъ, что онъ имѣетъ право смѣстить войскового начальника, до командующаго арміей включительно... Объясняя войскамъ существо своей власти, опредѣляетъ ее такъ : « какъ военному министру подчинены всѣ фронты, такъ я являюсь военнымъ министромъ для Западнаго фронта »...

Другой — съ такимъ же знаніемъ военной жизни — соціалъ-демократъ, стоящій на грани меньшевизма и большевизма. Это извѣстный докладчикъ военной секціи Всероссійскаго съѣзда совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который развалъ, внесенный въ армію декларацей, счелъ недостаточнымъ и требовалъ дальнѣйшей « демократизаціи » : отвода и атгестаціи начальниковъ, отмѣны второй половины § 14-го, предоставлявшей право примѣнять оружіе противъ трусовъ и негодяевъ, требовалъ свободы слова не только « во внѣслужебное время », но и на службѣ.

Третій — не русскій, повидимому, съ презрѣніемъ относящійся къ русскому солдату, подходилъ къ полку обыкновенно съ такимъ градомъ отборныхъ ругательствъ, къ какимъ никогда не прибѣгали начальники при царскомъ режимѣ. И странно : сознательные и свободные революціонные воины принимаютъ это обращеніе, какъ должное; слушаютъ и исполняютъ. Комиссаръ этотъ, по заявленію начальниковъ, приноситъ несомнѣнную пользу.

Другое разрушающее начало — комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многихъ комитетовъ, всѣми силами исполняющихъ свой долгъ. Въ особенности отдѣльныхъ членовъ ихъ, которые принесли несомнѣнную пользу, даже геройской смертью своей запечатлѣли свое служеніе Родинѣ. Но я утверждаю, что принесенная ими польза ни въ малѣйшей степени не окупитъ того огромнаго вреда, который внесло въ управленіе арміей многовластіе, многоголовіе, столкновенія, вмѣшательства и дискредитированіе власти. Я могъ бы привести сотни постановленій, вносящихъ дезорганизацію, дискредитирующихъ

власть. Ограничусь лишь болѣе выпуклыми и характерными.

Совершенно опредѣленно и открыто идетъ захватъ власти.

Органъ фронтового комитета въ статьѣ предсѣдателя требуетъ предоставленія комитетамъ *правительственной власти.*

Армейскій комитетъ 3-ей арміи въ постановленіи, поддержанномъ къ моему удивленію командующимъ арміей, проситъ « снабдить армейскіе комитеты полномочіями военнаго министра и Центральнаго комитета солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, дающими право дѣйствовать отъ имени Комитета »...

При обсужденіи знаменитой « деклараціи », по поводу § 14 мнѣнія во фронтовомъ комитетѣ раздѣлились. Часть отвергла вторую половину его вовсе, другая требовала добавленія: « членамъ фронтового комитета предоставляется при тѣхъ же обстоятельствахъ право примѣнять всѣ мѣры до примѣненія вооруженной силы включительно противъ тѣхъ же лицъ и даже самихъ начальниковъ ». Вотъ куда идетъ дѣло!...

Въ докладѣ секціи Всероссійскаго съѣзда читаемъ требованія, чтобы органамъ солдатскихъ самоуправленій предоставлено было право отвода, аттестаціи начальниковъ, *право участія въ управленіи арміей.*

И не думайте, что это только теорія. Нѣтъ. Комитеты захватываютъ въ свои руки всѣ вопросы — боевые, бытовые, административные. И это наряду съ полной анархіей во внутренней жизни и службѣ частей, вызванной сплошнымъ неповиновеніемъ.

Нравственная подготовка наступленія шла своимъ чередомъ.

Фронтовой комитетъ 8 іюня вынесъ постановленіе — « не наступать »; 18 іюня перекрасился и высказался за наступленіе. Комитетъ 2-ой арміи 1-го іюня рѣшилъ не наступать, 20-го іюня отмѣнилъ свое рѣшеніе. Минскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 123 голосами противъ 79-ти не разрѣшалъ наступать. Всѣ комитеты 169-й пѣхотной дивизіи постановили выразить недовѣріе Временному правительству и считать наступленіе « измѣной революціи » и т. д.

Походъ противъ власти выразился цѣлымъ рядомъ смѣщеній старшихъ начальниковъ, въ чемъ въ большинствѣ случаевъ приняли участіе комитеты. Передъ самымъ началомъ операціи должны были уйти командиръ корпуса, начальникъ штаба и начальникъ дивизіи важнѣйшаго ударнаго участка. Подобной участи подверглись въ общемъ 60 начальниковъ, отъ командира корпуса до командира полка...

Учесть все то зло, которое внесено было комитетами, трудно. Въ нихъ нѣтъ своей твердой дисциплины. Вынесенное отрадное постановленіе большинствомъ голосовъ — этого мало. Проводятъ его въ жизнь отдѣльные члены комитета. И боль-

шевики, прикрываясь положеніемъ члена комитета не разъ безвозбранно сѣяли смуту и бунтъ.

Въ результатѣ — многоголовіе и многовластіе; вмѣсто укрѣпленія власти — подрывъ ея. И боевой начальникъ, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый и дискредитируемый со всѣхъ сторонъ — долженъ былъ властно и мужественно вести въ бой войска...

Такая нравственная подготовка предшествовала операціи. Развертываніе не закончено. Но обстановка на Юго-западномъ фронтѣ требовала немедленной помощи. Съ моего фронта врагъ увелъ туда уже 3-4 дивизіи. Я рѣшилъ атаковать съ тѣми войсками, которыя остались, по виду хотя-бы, вѣрными долгу...

Въ теченіе трехъ дней наша артиллерія разгромила вражескіе окопы, произвела въ нихъ невѣроятныя разрушенія, нанесла нѣмцамъ тяжелыя потери и расчистила путь своей пѣхотѣ. Почти вся первая полоса была прорвана, наши цѣпи побывали на вражескихъ батареяхъ. Прорывъ обѣщалъ разрастись въ большую, такъ долго жданную побѣду...

Но... обращаюсь къ выдержкамъ изъ описанія боя:

« Части 28-й пѣх. дивизіи подошли для занятія исходнаго положенія лишь за 4 часа до атаки, причемъ изъ 109-го полка дошло лишь двѣ съ половиной роты съ 4-мя пулеметами и 30 офицерами; 110-й полкъ дошелъ въ половинномъ составѣ; два батальона 111-го полка, занявшихъ щели, отказались отъ наступленія; въ 112-мъ полку солдаты цѣлыми десятками уходили въ тылъ. Части 28 дивизіи были встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ и залегли у своей проволоки; будучи не въ силахъ продвинуться впередъ; только нѣкоторымъ частямъ штурмовиковъ и охотниковъ Волжскаго полка со взводомъ офицеровъ удалось захватить первую линію, но вслѣдствіе сильнаго огня имъ удержаться не удалось, и къ серединѣ дня части 28-й дивизіи вернулись въ исходное положеніе, понеся значительныя потери; особенно въ офицерскомъ составѣ. На участкѣ 51-ой дивизіи атака началась въ 7 часовъ 5 минутъ. 202-ой Горійскій и 204-й Ардагано-Михайловскій полки, а также двѣ роты Сухумцевъ, штурмовая рота Сухумцевъ и штурмовая рота Потійскаго полка быстрымъ натискомъ прорвались черезъ двѣ линіи окоповъ, перекололи штыками ихъ защитниковъ и въ 7 часовъ 30 мин. стали штурмовать 3-ю линію. Прорывъ былъ настолько стремителенъ и неожиданъ, что противникъ не успѣлъ открыть своевременно заградительнаго огня. Слѣдовавшій за передовыми полками 201-ый Потійскій полкъ, подойдя къ первой линіи нашихъ окоповъ, отказался идти далѣе и, такимъ образомъ, прорвавшіяся части не могли быть своевременно поддержаны. Двигавшіяся вслѣдъ за Потійцами части 134-й дивизіи, вслѣдствіе скопленія въ око-

пахъ Потійцевъ, а также вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня противника, задачи своей не выполнили и частью разсыпались, частью залегли въ нашихъ щеляхъ. Не видя поддержки сзади и съ фланговъ, Горійцы и Ардаганцы пришли въ смущеніе, и нѣкоторыя роты, потерявшія убитыми офицеровъ, начали медленно отходить, а за ними всѣ остальные, однако, безъ особаго давленія со стороны нѣмцевъ, которые только при отходѣ нашихъ частей открыли по нимъ сильный артиллерійскій и пулеметный огонь... Части 29-й дивизіи не успѣли своевременно занять исходное положеніе, такъ какъ солдаты, вслѣдствіе измѣнившагося настроенія, шли неохотно впередъ. За четверть часа до назначеннаго начала атаки правофланговый 114-й полкъ отказался наступать; пришлось двинуть на его мѣсто Эриванскій полкъ изъ корпуснаго резерва. По невыясненнымъ еще причинамъ 116-й и 113-й полки также своевременно не двинулись...

« Послѣ неудачи утечка солдатъ стала все возрастать и къ наступленію темноты достигла огромныхъ размѣровъ. Солдаты, усталые, изнервничавшіеся, не привыкшіе къ боямъ и грохоту орудій послѣ стольких мѣсяцевъ затишья, бездѣятельности, братанія и митинговъ, толпами покидали окопы, бросая пулеметы, оружіе и уходили въ тылъ...

« *Трусость и недисциплинированность нѣкоторыхъ частей дошла до того, что начальствующія лица вынуждены были просить нашу артиллерію не стрѣлять, такъ какъ стрѣльба своихъ орудій вызывала панику среди солдатъ* [1])...

Вотъ другое описаніе командира корпуса, принявшаго его наканунѣ операціи и поэтому совершенно объективнаго въ оцѣнкѣ подготовки ея.

...« Все для успѣшнаго выполненія наступленія было на лицо : обстоятельно разработанный планъ; могущественная, хорошо работавшая артиллерія; благопріятная погода, не позволявшая нѣмцамъ использовать свое превосходство въ авіаціонныхъ средствахъ; перевѣсъ нашъ въ силахъ, своевременно поданные резервы, обиліе огнестрѣльныхъ припасовъ, скажу еще — удачно выбранный участокъ для наступленія, позволявшій укрыто и близко отъ окоповъ расположить большое количество артиллеріи, имѣвшій, благодаря сильно волнистому его характеру, много скрытыхъ подступовъ къ фронту, незначительное разстояніе между нашей линіей и линіей противника и, наконецъ, отсутствіе естественныхъ препятсвій между линіями, которыя требовали бы ихъ форсированія подъ огнемъ противника. Кромѣ того, обработка солдатъ комитетами, начальствомъ и военнымъ министромъ Керенскимъ, которая въ

[1]) Выдержки изъ описанія боя Штабомъ 20 корпуса.

конечномъ итогѣ сдвинула на самый трудный первый шагъ.

«Успѣхъ, крупный успѣхъ, былъ достигнутъ, да еще со сравнительно незначительными потерями съ нашей стороны. Прорваны и заняты три линіи укрѣпленій; впереди оставались лишь отдѣльные оборонительные узлы, и бой могъ скоро принять полевой характеръ; подавлена непріятельская артиллерія, взято въ плѣнъ свыше 1.400 германцевъ и захвачено много пулеметовъ и всякой добычи. Кромѣ того, врагу нанесены крупныя потери убитыми и раненными отъ артиллерійскаго огня, и можно съ увѣренностью сказать, что стоявшія противъ корпуса части временно выведены были изъ строя»...

«Всего на фронтѣ корпуса рѣдкимъ огнемъ стрѣляло 3-4 непріятельскія батареи и изрѣдка 3-4 пулемета. Ружейные выстрѣлы были одиночные»...

Но пришла ночь...

«Тотчасъ стали поступать ко мнѣ тревожныя заявленія начальниковъ боевыхъ участковъ о массовомъ, толпами и цѣлыми ротами, самовольномъ уходѣ солдатъ съ неатакованной первой линіи. Нѣкоторые изъ нихъ доносили, что въ полкахъ боевая линія занята лишь командиромъ полка со своимъ штабомъ и нѣсколькими солдатами»...

Операція была окончательно и безнадежно сорвана.

«...Переживъ такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день и радость побѣды, достигнутой при условіяхъ неблагопріятнаго боевого настроенія солдатъ, и весь ужасъ добровольнаго лишенія себя солдатской массой плодовъ этой побѣды, нужной Родинѣ, какъ вода и воздухъ, я понялъ, что мы начальники безсильны измѣнить стихійную психологію солдатской массы и горько, и долго рыдалъ»... [1])

Эта безславная операція, тѣмъ не менѣе, повлекла серьезныя потери, которыя теперь, когда каждый день возвращаются толпы бѣглецовъ, установить трудно. Черезъ головные эвакуаціонные пункты прошло до 20 тысячъ раненыхъ. Я пока воздержусь отъ заключенія по этому поводу, но процентное отношеніе рода раненія показательно: 10% тяжело раненныхъ, 30% въ пальцы и кисть руки, 40% прочихъ легко раненныхъ, съ которыхъ повязокъ на пунктахъ не снимали (вѣроятно много симулянтовъ) и 20% контуженныхъ и больныхъ.

Такъ кончилась операція.

Никогда еще мнѣ не приходилось драться при такомъ перевѣсѣ въ числѣ штыковъ и матеріальныхъ средствъ. Никогда еще обстановка не сулила такихъ блестящихъ перспективъ. На 19-ти верстномъ фронтѣ у меня было *184 батальона противъ 29 вражескихъ*; 900 орудій противъ 300 нѣмецкихъ; 138 моихъ

---

[1]) Выдержки изъ описанія боя 1-го Сибирскаго корпуса.

батальоновъ введены были въ бой противъ перволинейныхъ 17 нѣмецкихъ.

И все пошло прахомъ.

Изъ ряда донесеній начальниковъ можно заключить, что настроеніе войскъ, непосредственно послѣ операціи, такое же неопредѣленное, какъ было.

Третьяго дня я собралъ командующихъ арміями и задалъ имъ вопросъ :

— Могутъ ли ихъ арміи противостоять серьезному (съ подвозомъ резервовъ) наступленію нѣмцевъ?

Получилъ отвѣтъ : « нѣтъ ».

— Могутъ ли арміи выдержать организованное наступленіе нѣмцевъ тѣми силами, которыя передъ нами въ данное время?

Два командующихъ арміями отвѣтили неопредѣленно, условно. Командующій 10-ой арміей — положительно.

Общій голосъ : « У насъ нѣтъ пѣхоты »...

Я скажу болѣе :

У насъ нѣтъ арміи. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее.

Новые законы правительства, выводящіе армію на надлежащій путь, еще не проникли въ толщу ея и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатлѣніе. Ясно, однако, что однѣ репрессіи не въ силахъ вывести армію изъ того тупика, въ который она попала.

Когда повторяютъ на каждомъ шагу, что причиной развала арміи послужили большевики, я протестую. Это не вѣрно. Армію развалили другіе, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись въ гнойникахъ армейскаго организма.

Развалило армію военное законодательство послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ. Развалили лица, по обидной ироніи судьбы, быть можетъ честные, и идейные, но совершенно не понимающіе жизни, быта арміи, не знающіе историческихъ законовъ ея существованія.

Вначалѣ это дѣлалось подъ гнетомъ Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ — учрежденія въ первой стадіи своего существованія явно анархическаго. Потомъ обратилось въ роковую ошибочную систему.

Вскорѣ послѣ своего новаго назначенія, военный министръ сказалъ мнѣ :

— Революціонизированіе страны и арміи окончено. Теперь должна идти лишь созидательная работа...

Я позволилъ себѣ доложить :

— Окончено, но нѣсколько поздно»...

Генералъ Брусиловъ прервалъ меня :

— Будьте добры, Антонъ Ивановичъ, сократить вашъ докладъ, иначе слишкомъ затянется совѣщаніе.

Я понялъ, что дѣло не въ пространности доклада, а въ его рискованной сущности, и отвѣтилъ :

— Я считаю, что поднятый вопросъ — колоссальной важности. Поэтому прошу дать мнѣ возможность высказаться полностью, иначе я буду вынужденъ прекратить вовсе докладъ.

Наступившее молчаніе я счелъ за разрѣшеніе и продолжалъ :

« Объявлена декларація правъ военнослужащихъ.

Всѣ до одного военные начальники заявили, что въ ней — гибель арміи. Бывшій Верховный главнокомандующій, генералъ Алексѣевъ телеграфировалъ, что декларація — « послѣдній гвоздь, вбиваемый въ гробъ, уготованный для русской арміи »... Бывшій главнокомандующій Юго-западнымъ фронтомъ, генералъ Брусиловъ здѣсь, въ Могилевѣ, въ совѣтѣ главнокомандующихъ заявилъ, что еще можно спасти армію и даже двинуть ее въ наступленіе, но лишь при условіи — не издавать деклараціи.

Но насъ никто не слушалъ.

Параграфомъ 3-мъ разрѣшено свободно и открыто высказывать политическіе, религіозные, соціальные и прочіе взгляды. Хлынула въ армію политика.

Солдаты расформировываемой 2-ой Кавказской грен. дивизіи искренно недоумѣвали : « За что? Разрѣшили говорить гдѣ хочешь и что хочешь, а теперь разгоняютъ »... Не думайте, что такое распространительное толкованіе « свободъ » присуще лишь темной массѣ. Когда 169-я пѣх. дивизія нравственно развалилась, а всѣ комитеты ея въ крайне рѣзкой формѣ выразили недовѣріе Временному правительству и категорическій отказъ наступать, я приказалъ расформировать ее. Но встрѣтилъ неожиданное осложненіе : комиссары нашли что юридически здѣсь нѣтъ состава преступленія, что на словахъ и на бумагѣ — все можно. Нужно, чтобы было на лицо фактическое неисполненіе боевого приказа...

Параграфомъ 6-мъ установлено, чтобы всѣ безъ исключенія печатныя произведенія доходили до адресата... Хлынула въ армію волна разбойничей (большевистской) и пораженческой литературы. Чѣмъ стала питаться наша армія, и, повидимому, за счетъ казенной субсидіи и народныхъ денегъ, это видно изъ отчета «Московскаго военнаго бюро », которое одно снабдило фронтъ литературой въ такихъ размѣрахъ :

Съ 24 марта по 1 мая выброшено 7.972 экз. « Правды », 2.000 экз. « Солдатской Правды », 30.375 экз. « Соціалъ-демократа » и т. д.

Съ перваго мая по 11 іюня : 61.525 экз. « Солдатской Правды », 32.711 экз. « Соціалъ-демократа », 6.999 экз. « Правды » и т. д.

Того же направленія литература была выброшена въ деревню « черезъ солдатъ » [1]).

Параграфомъ 14-мъ установлено, что никого изъ военнослужащихъ нельзя наказывать безъ суда. Конечно, эта « свобода » коснулась лишь солдатъ, такъ какъ офицеровъ продолжали жестоко карать высшей мѣрой — *изгнаніемъ*.

Что-же вышло?

Главное военно-судное управленіе, не увѣдомивъ даже Ставку, ввиду предстоящей демократизаціи судовъ, предложило имъ пріостановить свою дѣятельность, за исключеніемъ дѣлъ исключительной важности, какъ, напримѣръ, измѣна. Начальниковъ лишили дисциплинарной власти. Дисциплинарные суды частью бездѣйствовали, частью бойкотировались (не выбирались).

Правосудіе въ конецъ было изъято изъ арміи.

Этотъ бойкотъ дисциплинарныхъ судовъ и поступившее донесеніе о нежеланіи одной части выбирать присяжныхъ весьма показательны. Законодатель можетъ столкнуться съ такимъ же явленіемъ и въ отношеніи новыхъ военно-революціонныхъ судовъ. И въ этихъ частяхъ присяжныхъ необходимо будетъ замѣнить назначенными членами.

Въ результатѣ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ упразднена власть и дисциплина, оплеванъ офицерскій составъ, которому ясно выражено недовѣріе и неуваженіе.

Высшіе военоначальники, не исключая главнокомандующихъ, выгоняются, какъ домашняя прислуга.

Въ одной изъ своихъ рѣчей на Сѣверномъ фронтѣ военный министръ, подчеркивая свою власть, обмолвился знаменательной фразой :

— Я могу въ 24 часа разогнать весь высшій командный составъ, и армія мнѣ ничего не скажетъ.

Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ войскамъ Западнаго фронта, говорилось : — Въ царской арміи васъ гнали въ бой кнутами и пулеметами... Царскіе начальники водили васъ на убой, но теперь драгоцѣнна каждая капля вашей крови...

Я, главнокомандующій, стоялъ у пьедестала, воздвигнутаго для военнаго министра, и сердце мое больно сжималось. А совѣсть моя говорила : — Это неправда! Мои желѣзные стрѣлки, будучи въ составѣ всего лишь восьми баталіоновъ, потомъ двѣнадцати взяли болѣе 60 тысячъ плѣнныхъ, 43 орудія... и я никогда не гналъ ихъ въ бой пулеметами. Я не водилъ на убой войска подъ Мезоляборчемъ, Лутовиско, Луцкомъ, Чарторійскомъ. Эти имена хорошо извѣстны бывшему главнокомандующему Юго-западнымъ фронтомъ...

Но все можно простить, все можно перенести, если бы это

---

[1]) Отчетъ въ газетѣ « Фронтъ » № 25.

нужно было для побѣды, если бы это могло воодушевить войска и поднять ихъ къ наступленію...

Я позволю себѣ одну параллель.

Къ намъ на фронтъ, въ 703-й Сурамскій полкъ пріѣхалъ Соколовъ съ другими петроградскими делегатами. Пріѣхалъ съ благородной цѣлью бороться съ тьмой невѣжества и моральнымъ разложеніемъ, особенно проявившимся въ этомъ полку. Его нещадно избили. Мы всѣ отнеслись съ негодованіемъ къ дикой толпѣ негодяевъ. Все всполошилось. Всякаго ранга комитеты вынесли рядъ осуждающихъ постановленій. Военный министръ въ грозныхъ рѣчахъ, въ приказахъ осудилъ позорное поведеніе сурамцевъ, послалъ сочувственную телеграмму Соколову.

Другая картина...

Я помню хорошо январь 1915 года, подъ Лутовиско. Въ жестокій морозъ, по поясъ въ снѣгу, однорукій безстрашный герой, полковникъ Носковъ, рядомъ съ моими стрѣлками, подъ жестокимъ огнемъ велъ свой полкъ въ атаку на отвѣсные неприступные скаты высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вотъ теперь пришли двѣ роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли.

Я спрашиваю господина военнаго министра: обрушился ли онъ всей силой своего пламеннаго краснорѣчія, обрушился ли онъ всей силой гнѣва и тяжестью власти на негодныхъ убійцъ, послалъ ли онъ сочувственную телеграмму несчастной семьѣ павшаго героя.

И когда у насъ отняли всякую власть, всякій авторитетъ, когда обездушили, обезкровили понятіе «начальникъ», вновь хлестнули насъ больно телеграммой изъ Ставки: «начальниковъ, которые будутъ проявлять слабость передъ примѣненіемъ оружія, смѣщать и предавать суду»...

Нѣтъ, господа! Тѣхъ, которые въ безкорыстномъ служеніи Родинѣ полагаютъ за нее жизнь, вы этимъ не испугаете!

Въ конечномъ результатѣ старшіе начальники раздѣлились на три категоріи: одни, не взирая на тяжкія условія жизни и службы, скрѣпя сердце, до конца дней своихъ исполняютъ честно свой долгъ; другіе опустили руки и поплыли по теченію; а третьи неистово машутъ краснымъ флагомъ и по привычкѣ, унаслѣдованной со временъ татарскаго ига, ползаютъ на брюхѣ передъ новыми богами революціи такъ же, какъ ползали передъ царями.

Офицерскій составъ... мнѣ страшно тяжело говорить объ этомъ кошмарномъ вопросѣ. Я буду кратокъ.

Соколовъ, окунувшійся въ войсковую жизнь, сказалъ:

— Я не могъ и представить себѣ, какіе мученики ваши офицеры .. Я преклоняюсь передъ ними.

Да! Въ самыя мрачныя времена царскаго самодержавія

опричники и жандармы не подвергали такимъ нравственнымъ пыткамъ, такому издѣвательству тѣхъ, кто считался преступниками, какъ теперь офицеры, гибнущіе за Родину, подвергаются со стороны темной массы, руководимой отбросами революціи.

Ихъ оскорбляютъ на каждомъ шагу. Ихъ бьютъ. Да, да бьютъ. Но они не придутъ къ вамъ съ жалобой. Имъ стыдно, смертельно стыдно. И одиноко, въ углу землянки не одинъ изъ нихъ въ слезахъ переживаетъ свое горе...

Не удивительно, что многіе офицеры единственнымъ выходомъ изъ своего положенія считаютъ смерть въ бою. Какимъ эпическимъ спокойствіемъ и скрытымъ трагизмомъ звучатъ слова боевой реляціи:

«Тщетно офицеры, слѣдовавшіе впереди, пытались поднять людей. Въ это время на редутѣ № 3 появился бѣлый флагъ. Тогда 15 офицеровъ съ небольшой кучкой солдатъ двинулись одни впередъ. Судьба ихъ неизвѣстна — они не вернулись» [1])...

Миръ праху храбрыхъ! И да падетъ кровь ихъ на головы вольныхъ и невольныхъ палачей.

Армія развалилась. Необходимы героическія мѣры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознаніе своей ошибки и вины Временнымъ правительствомъ, не понявшимъ и не оцѣнившимъ благороднаго и искренняго порыва офицерства, радостно принявшаго вѣсть о переворотѣ и отдающаго несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому арміи, не знающему ея быта, жизни и историческихъ основъ ея существованія, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, отвѣтственному лишь передъ Временнымъ правительствомъ.

3) Изъять политику изъ арміи.

4) Отмѣнить «декларацію» въ основной ея части. Упразднить комиссаровъ и комитеты, постепенно измѣняя функціи послѣднихъ [2]).

5) Вернуть власть начальникамъ. Возстановить дисциплину и внѣшнія формы порядка и приличія.

6) Дѣлать назначенія на высшія должности не только по признакамъ молодости и рѣшимости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по боевому и служебному опыту.

7) Создать въ резервѣ начальниковъ отборныя, законопослушныя части трехъ родовъ оружія, какъ опору противъ военнаго бунта и ужасовъ предстоящей демобилизаціи.

8) Ввести военно-революціонные суды и смертную казнь

---

[1]) Описаніе 38-го корпуса.

[2]) Разъясненіе, данное во время рѣчи военнаго министра.

для тыла — войскъ и гражданскихъ лицъ, совершающихъ тождественныя преступленія

Если вы спросите меня, дадутъ ли всѣ эти мѣры благотворные результаты, я отвѣчу откровенно : да, но далеко не скоро. Разрушить армію легко, для возрожденія нужно время. Но, по крайней мѣрѣ, они дадутъ основаніе, опору для созданія сильной и могучей арміи.

Не взирая на развалъ арміи, необходима дальнѣйшая борьба, какъ бы тяжела она не была. Хотя бы даже съ отступленіемъ къ далекимъ рубежамъ. Пусть союзники не расчитываютъ на скорую помощь нашу наступленіемъ. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаемъ на себя огромныя вражескія силы, которыя, будучи свободны и повернуты на Западъ, раздавили бы сначала союзниковъ, потомъ добили бы насъ.

На этомъ новомъ крестномъ пути русскій народъ и русскую армію ожидаетъ, быть можетъ, много крови, лишеній и бѣдствій. Но въ концѣ его — свѣтлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Онъ далъ бы временное облегченіе истерзанной странѣ нашей... Но проклятіе предательства не дастъ счастья. Въ концѣ этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависитъ отъ ея арміи.

И я, въ лицѣ присутствующихъ здѣсь министровъ, обращаюсь къ Временному правительству :

Ведите русскую жизнь къ правдѣ и свѣту, — подъ знаменемъ свободы ! Но дайте и намъ реальную возможность за эту свободу вести въ бой войска подъ старыми нашими боевыми знаменами, съ которыхъ — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и въ сердцахъ нашихъ. Его нѣтъ больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былыхъ побѣдъ.

Но вы — вы втоптали наши знамена въ грязь.

Теперь пришло время : поднимите ихъ и преклонитесь передъ ними.

... Если въ васъ есть совѣсть! »

* * *

Я кончилъ. Керенскій всталъ, пожалъ мою руку и сказалъ :

— Благодарю васъ, генералъ, за ваше смѣлое, искреннее слово .

Впослѣдствіи, въ своихъ показаніяхъ верховной слѣдственной комиссіи [1]) Керенскій объяснялъ это свое движеніе тѣмъ, что одобреніе относилось не къ содержанію рѣчи, а къ проявленной мной рѣшимости, и что онъ хотѣлъ лишь подчеркнуть свое

[1]) По дѣлу Корнилова.

уваженіе ко всякому независимому взгляду, хотя бы и совершенно не совпадающему съ правительственнымъ. По существу же — по словамъ Керенскаго — « генералъ Деникинъ впервые начерталъ программу реванша — эту музыку будущаго военной реакціи ». Въ этихъ словахъ глубокое заблужденіе. Мы вовсе не забыли галицiйскаго отступленія 1915 г. и причинъ его вызвавшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не могли простить Калуша и Тарнополя 1917 г. И нашъ долгъ, право и нравственная обязанность были не желать ни того, ни другого.

Послѣ меня говорилъ генералъ Клембовскій. Я выходилъ и слышалъ только конецъ его рѣчи. Онъ очень сдержанно, но приблизительно въ такомъ же видѣ какъ и я очертилъ положеніе своего фронта и пришелъ къ выводу, который могъ быть продиктованъ только развѣ полной безнадежностью: упразднить единоначаліе и поставить во главѣ фронта своеобразный тріумвиратъ изъ главнокомандующаго, комиссара и выборнаго солдата...

Генералъ Алексѣевъ былъ нездоровъ, говорилъ кратко, охарактеризовавъ положеніе тыла и состояніе запасныхъ войскъ и гарнизоновъ, и подтвердилъ рядъ высказанныхъ мною положеній.

Генералъ Рузскій, давно уже лечившійся на Кавказѣ, и поэтому отставшій отъ жизни арміи, анализировалъ положеніе на основаніи прослушанныхъ рѣчей и привелъ рядъ историческихъ и бытовыхъ сопоставленій старой арміи съ новой революціонной настолько горячо и рѣзко, что далъ поводъ Керенскому въ его отвѣтной рѣчи обвинить Рузскаго въ призывѣ къ возстановленію... царскаго самодержавія. Не могли понять новые люди глубокой боли за армію стараго солдата. Керенскій вѣроятно не зналъ, что Рузскаго не признавали и, въ свою очередь страстно обвиняли, правые круги какъ разъ въ обратномъ направленіи — за ту роль, которую онъ сыгралъ въ отреченіи императора...

Была прочтена корниловская телеграмма, въ которой указывалось на необходимость : введенія смертной казни въ тылу, главнымъ образомъ, для обузданія распущенныхъ бандъ запасныхъ; возстановленія дисциплинарной власти начальниковъ; ограниченія круга дѣятельности войсковыхъ комитетовъ и установленія ихъ отвѣтственности; воспрещенія митинговъ, противогосударственной пропаганды и въѣзда на театръ войны всякихъ делегацій и агитаторовъ. Все это было, въ той или другой формѣ, и у меня и получило общее наименованіе « военной реакціи ». Но у Корнилова появились предложенія и другого рода : усиленіе комиссаріата, путемъ введенія института комиссаровъ въ корпуса и предоставленія имъ права конфирмаціи приговоровъ военно-революціонныхъ судовъ, а, главное, генеральная чистка командного состава. Эти послѣднія предло-

женія произвели на Керенскаго впечатлѣніе, « большей широты и глубины вззлядовъ », чѣмъ тѣ, которыя исходили изъ « старыхъ, мудрыхъ головъ », опьяненныхъ по его мнѣнію « виномъ ненависти »[1]... Произошло очевидное недоразумѣніе: корниловская « чистка » должна была коснуться вовсе не людей крѣпкихъ военныхъ традицій (качество это ошибочно отождествлялось съ монархической реакціей), а наемниковъ революціи — людей безъ убѣжденій, безъ воли и безъ способности брать на себя отвѣтственность.

Говорилъ и отъ своего имени комиссаръ Юго-западнаго фронта Савинковъ. Соглашаясь съ нарисованной нами общей картиной состоянія фронта, онъ указывалъ, что не вина революціонной демократіи, если послѣ стараго режима осталась солдатская масса, которая не вѣритъ своему командному составу, что среди послѣдняго не все обстоитъ благополучно и въ военномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, и что главная цѣль новыхъ революціонныхъ учрежденій (комиссары, кромѣ того — « глаза и уши Временного правительства ») возстановить нормальныя отношенія между двумя составными элементами арміи.

Закончилось засѣданіе рѣчью Керенскаго. Онъ оправдывался, указывалъ на неизбѣжность и стихійность « демократизаціи » арміи, обвинялъ насъ, видѣвшихъ, по его словамъ, источникъ іюльскаго пораженія исключительно въ революціи и ея вліяніи на русскаго солдата, жестоко обвинялъ старый режимъ и, въ концѣ концовъ, не далъ намъ никакихъ отправныхъ точекъ для дальнѣйшей совмѣстной работы.

Всѣ участники совѣщанія разошлись съ тяжелымъ чувствомъ взаимнаго непониманія. И я — съ не меньшимъ. Но въ душѣ осталось, — увы, оказавшееся ошибочнымъ — сознаніе, что голосъ нашъ всетаки услышанъ.

Мои надежды подкрѣпило письмо Корнилова, полученное вскорѣ послѣ его назначенія Верховнымъ главнокомандующимъ.

« Съ искреннимъ и глубокимъ удовольствіемъ я прочелъ вашъ докладъ, сдѣланный на совѣщаніи въ Ставкѣ, 16 іюля. Подъ такимъ докладомъ я подписываюсь обѣими руками, низко вамъ за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужествомъ. Твердо вѣрю, что съ Божьей помощью намъ удастся довести (до конца) дѣло возсозданія родной арміи и возстановить ея боеспособность ».

Судьба жестоко посмѣялась надъ нашей вѣрой...

---

[1]) «Прелюдія большевизма».

ГЛАВА XXXIV.

Генералъ Корниловъ.

Черезъ два дня послѣ могилевскаго совѣщанія генералъ Брусиловъ былъ уволенъ отъ должности Верховнаго главнокомандующаго. Опытъ возглавленія русскихъ армій лицомъ, проявлявшимъ не только полную лояльность къ Временному правительству, но и видимое сочувствіе его мѣропріятіямъ, не удался. Отставленъ военачальникъ, который нѣкогда, при вступленіи на постъ Верховнаго, свое провиденціальное появленіе формулировалъ такъ : [1]) « Я вождь революціонной арміи, назначенный на мой отвѣтственный постъ революціоннымъ народомъ и Временнымъ правительствомъ, по соглашенію съ петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Я первымъ перешелъ на сторону народа, служу ему, буду служить и не отдѣлюсь отъ него никогда ».

Керенскій въ показаніяхъ, данныхъ слѣдственной комиссіи, объяснилъ увольненіе Брусилова катастрофичностью положенія фронта, возможностью развитія германскаго наступленія, отсутствіемъ на фронтѣ твердой руки и опредѣленнаго плана, неспособностью Брусилова разбираться въ сложныхъ военныхъ событіяхъ и предупреждать ихъ, наконецъ, — отсутствіемъ его вліянія какъ на солдатъ, такъ и на офицеровъ.

Какъ бы то ни было, уходъ генерала Брусилова съ военно-исторической сцены отнюдь нельзя разсматривать, какъ простой эпизодъ административнаго порядка : *онъ знаменуетъ собой явное признаніе правительствомъ крушенія всей его военной политики.*

19 іюля постановленіемъ Временного правительства на постъ Верховнаго главнокомандующаго былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Лавръ Георгіевичъ Корниловъ.

Я говорилъ въ VII главѣ о своей встрѣчѣ съ Корниловымъ, — тогда главнокомандующимъ войсками Петроградскаго военнаго округа. Весь смыслъ пребыванія его въ этой должности заключался въ возможности приведенія къ сознанію долга и въ подчиненіе петроградскаго гарнизона. Этого Корнилову сдѣлать не удалось. Боевой генералъ, увлекавшій своимъ муже-

[1]) 9 іюня — отвѣтъ на привѣтствіе Могилевскаго совѣта.

ствомъ, хладнокровіемъ и презрѣніемъ къ смерти—*воиновъ*, былъ чуждъ той толпѣ бездѣльниковъ и торгашей, въ которую обратился петроградскій гарнизонъ. Его хмурая фигура, сухая, изрѣдка лишь согрѣтая искреннимъ чувствомъ рѣчь, а главное— ея содержаніе — такое далекое отъ головокружительныхъ лозунговъ, выброшенныхъ революціей, такое простое въ исповѣдываніи солдатскаго катехизиса — не могли ни зажечь, ни воодушевить петроградскихъ солдатъ. Неискушенный въ политиканствѣ, чуждый по профессіи тѣмъ средствамъ борьбы, которыя выработали совмѣстными силами бюрократическій механизмъ, партійное сектанство и подполье, онъ, въ качествѣ главнокомандующаго петроградскимъ округомъ, не могъ ни повліять на правительство, ни импонировать Совѣту, который безъ всякихъ данныхъ отнесся къ нему съ мѣста съ недовѣріемъ.

Корниловъ съумѣлъ бы подавить петроградское преторіанство, если бы въ этомъ случаѣ и самъ не погибъ, но не могъ привлечь его къ себѣ.

Онъ чувствовалъ непригодность для него петроградской атмосферы. И когда 21-го апрѣля исполнительный комитетъ Совѣта, послѣ перваго большевистскаго выступленія, постановилъ, что ни одна воинская часть не можетъ выходить изъ казармъ съ оружіемъ безъ разрѣшенія комитета — это поставило Корнилова въ полную невозможность оставаться въ должности, не дающей никакихъ правъ и возлагающей большую отвѣтственность. Была и другая причина : главнокомандующій петроградскаго округа подчинялся не Ставкѣ, а военному министру. 30 апрѣля ушелъ Гучковъ, и Корниловъ не пожелалъ оставаться въ подчиненіи у Керенскаго — товарища предсѣдателя петроградскаго совѣта.

Положеніе петроградскаго гарнизона и военнаго командованія въ столицѣ было настолько нелѣпымъ, что приходилось искусственными мѣрами разрѣшать этотъ больной вопросъ. Ставкой, совмѣстно со штабомъ петроградскаго округа, по иниціативѣ Корнилова и съ полнаго одобренія генерала Алексѣева, былъ разработанъ проектъ организаціи петроградскаго фронта, прикрывающаго доступы къ столицѣ черезъ Финляндію и Финскій заливъ. Въ составъ этого фронта должны были войти войска Финляндіи, Кронштадта, побережья, Ревельскаго укрѣпленнаго раіона и Петроградскаго гарнизона, въ которомъ запасные баталіоны предположено было развернуть въ полевые полки и свести въ бригады; вѣроятно было и включеніе Балтійскаго флота. Такая организація, логичная въ стратегическомъ отношеніи, въ особенности въ связи съ поступавшими свѣдѣніями объ усиленіи германскаго фронта на путяхъ къ Петрограду, давала главнокомандующему законное право видоизмѣнять дислокацію, производить смѣну фронтовыхъ и тыловыхъ частей и т. д. Не знаю, возможно ли было такимъ путемъ дѣйстви-

тельно освободить столицу отъ гарнизона, который становился настоящимъ бичемъ ея, Временнаго правительства и даже, въ сентябрьскіе дни, не-большевистской части Совѣта... Правительство до нельзя опрометчиво связало себя обѣщаніемъ, даннымъ въ первой его декларацiи, « не разоруженія и невывода изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи ». Но планъ рухнулъ самъ собой съ уходомъ Корнилова : его замѣстители, послѣдовательно назначаемые Керенскимъ, были настолько неопредѣленной политической физіономіи и настолько недостаточнаго военнаго опыта, что ставить ихъ во главѣ такого крупнаго войскового соединенія не представлялось возможнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, передъ своимъ уходомъ Гучковъ пожелалъ провести Корнилова на должность главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ, освободившуюся послѣ увольненія генерала Рузскаго. Генералъ Алексѣевъ и я были на совѣщаніи съ Тома и французскими военными представителями, когда меня пригласили къ аппарату Юза для бесѣды съ военнымъ министромъ. Такъ какъ генералъ Алексѣевъ оставался въ засѣданіи, а больной Гучковъ лежалъ въ постели, то переговоры, въ которыхъ я являлся посредникомъ, были чрезвычайно трудны, и технически и по необходимости, въ виду не прямой передачи, облекать ихъ въ нѣсколько условную форму. Гучковъ настаивалъ, Алексѣевъ отказывалъ. Не менѣе шести разъ я передавалъ ихъ реплики сначала сдержанныя, потомъ повышенныя.

Гучковъ говорилъ о трудности управленія наиболѣе распущеннымъ Сѣвернымъ фронтомъ, о необходимости тамъ твердой руки. Говорилъ, что желательно оставить Корнилова въ непосредственной близости къ Петрограду, ввиду всякихъ политическихъ возможностей въ будущемъ... Алексѣевъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. « Политическія возможности » обошелъ молчаніемъ, а сослался на недостаточный командный стажъ Корнилова и неудобство обходить старшихъ начальниковъ — болѣе опытныхъ и знакомыхъ съ фронтомъ, какъ, напримѣръ, генерала Драгомирова (Абрама). Когда на другой день, тѣмъ не менѣе, изъ министерства пришла оффиціальная уже телеграмма по поводу назначенія Корнилова, Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ категорически не согласенъ; а если назначеніе все-же послѣдуетъ помимо его желанія, то онъ немедленно подастъ въ отставку.

Ни разу еще Верховный главнокомандующій не былъ такъ непреклоненъ въ сношеніяхъ съ Петроградомъ. У нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ у самого Корнилова, какъ онъ мнѣ впослѣдствіи признался, невольно создалось впечатлѣніе, что вопросъ былъ поставленъ нѣсколько шире, чѣмъ о назначеніи главнокомандующаго... что здѣсь играло роль опасеніе «будущаго дикта-

тора». Однако, сопоставленіе этого эпизода съ фактомъ учрежденія для Корнилова Петроградскаго фронта — обстоятельство не менѣе значительное и также чреватое всякими возможностями — находится въ полномъ противорѣчіи съ подобнымъ предположеніемъ.

Корниловъ въ началѣ мая принялъ 8-ю армію на Юго-западномъ фронтѣ. Генералъ Драгомировъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта.

Это — второй эпизодъ, дающій ключъ къ разгадкѣ установившихся впослѣдствіи отношеній между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ.

8-ю армію Корниловъ, по его словамъ, принялъ въ состояніи полнаго разложенія. « Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ — говоритъ онъ — мнѣ почти ежедневно пришлось бывать въ войсковыхъ частяхъ, лично разъяснять солдатамъ необходимость дисциплины, ободрять офицеровъ и внушать войскамъ необходимость наступленія... Тутъ же я убѣдился, что твердое слово начальника и опредѣленныя дѣйствія необходимы, чтобы остановить развалъ нашей арміи. Я понялъ, что этого твердаго слова ожидаютъ и офицеры и солдаты, сознательная часть которыхъ уже утомилась отъ полной анархіи »...

При какихъ условіяхъ проходили объѣзды Корнилова, мы уже видѣли въ главѣ XXIII. Удалось ли ему за это время пробудить сознаніе въ солдатской массѣ — не думаю: въ 8-й арміи Калушъ 28 іюня и Калушъ 8 іюля являютъ одинаково ликъ героя и ликъ звѣря. Но среди офицерства и небольшой части настоящихъ солдатъ его обаяніе выросло весьма значительно. Выросло оно также во мнѣніи не-соціалистической части русскаго общества. И когда послѣ разгрома 6 іюля, назначенный на крайне отвѣтственный постъ главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ только въ порядкѣ непротивленія демократизаціи арміи, генералъ Гуторъ впалъ въ отчаяніе и прострацію, то его замѣнить было некѣмъ, кромѣ Корнилова (въ ночь на 8 іюля).

... Хотя призракъ « генерала на бѣломъ конѣ » виталъ уже въ воздухѣ и смущалъ душевный покой многихъ.

Брусиловъ сильно противился этому назначенію. Керенскій минуту колебался. Но положеніе было катастрофическимъ. А Корниловъ смѣлъ, мужествененъ, суровъ, рѣшителенъ, независимъ и не остановится ни передъ какими самостоятельными дѣйствіями, требуемыми обстановкой и ни передъ какой отвѣтственностью. По мнѣнію Керенскаго [1]) опасныя въ случаѣ успѣха качества идущаго на проломъ Корнилова — при паническомъ отступленіи могли принести только пользу. А

[1]) Показаніе слѣдственной комиссіи.

когда мавръ сдѣлаетъ свое дѣло, съ нимъ можно вѣдь и разстаться... И Керенскій настоялъ на назначеніи Корнилова главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта.

На третій день по вступленіи въ должность Корниловъ телеграфировалъ Временному правительству : «Я заявляю, что если правительство не утвердитъ предлагаемыхъ мною мѣръ и лишитъ меня единственнаго средства спасти армію и использовать ее по дѣйствительному ея назначенію защиты Родины и свободы, то я, генералъ Корниловъ, самовольно слагаю съ себя полномочія главнокомандующаго »...

Рядъ политическихъ телеграммъ Корнилова произвелъ огромное впечатлѣніе на страну и вызвалъ у однихъ страхъ, у другихъ злобу, у третьихъ надежду. Керенскій колебался. Но... поддержка комиссаровъ и комитетовъ... Нѣкоторое успокоеніе и упорядоченіе Юго-западнаго фронта, вызванное, между прочимъ, смѣлой, рѣшительной борьбой Корнилова съ армейскими большевиками... То удручающее одиночество, которое почувствовалъ военный министръ послѣ совѣщанія 16 іюля... Безполезность оставленія на посту Верховнаго — Брусилова и безнадежность возглавленія вооруженныхъ силъ генераломъ новой формаціи, уже доказанная опытомъ Брусилова и Гутора... Настоятельные совѣты Савинкова... Вотъ рядъ причинъ, которыя заставили Керенскаго, ясно отдававшаго себѣ отчетъ въ неизбѣжности столкновенія въ будущемъ съ человѣкомъ, всѣми фибрами души отрицавшимъ его военную политику, рѣшиться на назначеніе Верховнымъ главнокомандующимъ Корнилова. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Керенскій сдѣлалъ этотъ шагъ только въ порывѣ отчаянія. Такое же чувство обреченности руководило имъ, вѣроятно, при назначеніи управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинкова.

Столкновенія начались раньше, чѣмъ можно было ожидать. Получивъ указъ о своемъ назначеніи, Корниловъ тотчасъ же послалъ Временному правительству телеграмму, въ которой « докладывалъ », что принять должность и « привести народъ къ побѣдѣ и приближенію справедливаго и почетнаго мира » онъ можетъ только при условіяхъ :

1) отвѣтственности передъ собственной совѣстью и всѣмъ народомъ.

2) полнаго невмѣшательства въ его оперативныя распоряженія и поэтому, въ назначеніе высшаго командного состава.

3) распространенія принятыхъ за послѣднее время мѣръ на фронтѣ и на всѣ тѣ мѣстности тыла, гдѣ расположены пополненія арміи.

4) принятія его предложеній, переданныхъ телеграфно на совѣщаніе въ Ставку 16 іюля.

Прочтя въ свое время въ газетахъ эту телеграмму, я былъ

не мало удивленъ содержаніемъ перваго пункта требованій, устанавливавшаго весьма оригинальную государственно-правовую форму суверенитета верховнаго командованія впредь до Учредительнаго собранія. И ждалъ съ нетерпѣніемъ оффиціальнаго отвѣта. Его не послѣдовало. Какъ оказалось, въ совѣтѣ правительства, по полученіи ультимативнаго требованія Корнилова, шли горячіе дебаты, причемъ Керенскій требовалъ для поддержанія авторитета верховной власти немедленнаго устраненія новаго Верховнаго главнокомандующаго. Правительство не согласилось, и Керенскій, обойдя молчаніемъ другіе пункты телеграммы, отвѣтилъ лишь на 2-ой — признаніемъ за Верховнымъ главнокомандующимъ права выбора себѣ ближайшихъ помощниковъ.

Въ отступленіе отъ установившагося и ранѣе порядка назначеній, правительство одновременно съ назначеніемъ Корнилова, издало указъ безъ его вѣдома о назначеніи генерала Черемисова главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ. Корниловъ счелъ это полнымъ нарушеніемъ своихъ правъ и послалъ новый ультиматумъ, заявивъ что онъ можетъ оставаться въ должности Верховнаго только при условіи, если Черемисовъ будетъ удаленъ и при томъ немедленно. До выясненія вопроса ѣхать въ Могилевъ отказался. Черемисовъ, въ свою очередь, крайне нервничалъ и грозилъ «съ бомбами въ рукахъ» войти въ штабъ фронта и установить свои права главнокомандующаго.

Это обстоятельство еще болѣе осложнило вопросъ, и Корниловъ докладывалъ по аппарату [1]) въ Петроградъ, что считаетъ болѣе правильнымъ увольненіе Черемисова въ отставку: «Для упроченія дисциплины въ войскахъ мы рѣшились на примѣненіе суровыхъ мѣръ къ солдатамъ; такія-же мѣры должны быть примѣняемы и къ высшимъ войсковымъ начальникамъ».

Революція перевернула вверхъ дномъ всѣ взаимоотношенія и существо дисциплины. Какъ солдатъ, я долженъ бы видѣть во всѣхъ этихъ событіяхъ подрывъ авторитета Временного правительства (если бы онъ былъ) и не могу не признать права и обязанности правительства заставлять всѣхъ уважать его власть. Но какъ бытописатель добавлю: у военныхъ вождей не было другихъ способовъ остановить развалъ арміи, идущій свыше; и если бы правительство по истинѣ обладало властью и во всеоружіи права и силы могло и умѣло проявлять ее, то не было бы ультиматумовъ ни отъ Совѣта, ни отъ военныхъ вождей. Больше того, тогда было бы не нужнымъ 27-е августа и невозможнымъ 25-е октября.

Въ конечномъ результатѣ въ штабъ фронта прибылъ комиссаръ Филоненко и сообщилъ Корнилову, что всѣ его пожеланія принципіально приняты правительствомъ, а Черемисовъ на

[1]) Телеграфный разговоръ съ полковникомъ Барановскимъ.

значается въ распоряженіе Временного правительства. Главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ былъ назначенъ случайно, на спѣхъ, генералъ Балуевъ, а Корниловъ 24 іюля вступилъ въ должность Верховнаго.

Призракъ « генерала на бѣломъ конѣ » получалъ все болѣе и болѣе реальныя очертанія.

Взоры очень многихъ людей — томившихся, страдавшихъ отъ безумія и позора, въ волнахъ которыхъ захлебывалась русская жизнь, все чаще и чаще обращались къ нему. Къ нему шли и честные, и безчестные, и искренніе и интриганы, и политическіе дѣятели, и воины, и авантюристы. И всѣ въ одинъ голосъ говорили :

— Спаси!

А онъ — суровый, честный воинъ, увлекаемый глубокимъ патріотизмомъ, не искушенный въ политикѣ и плохо разбиравшійся въ людяхъ, съ отчаяніемъ въ душѣ и съ горячимъ желаніемъ жертвеннаго подвига, загипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщимъ томительнымъ, нервнымъ ожиданіемъ чьего-то пришествія, — онъ искренне увѣровалъ въ провиденціальность своего назначенія. Съ этой вѣрой жилъ и боролся, съ нею же умеръ на высокомъ берегу Кубани.

Корниловъ сталъ знаменемъ. Для однихъ — контръ-революціи, для другихъ — спасенія Родины.

И вокругъ этого знамени началась борьба за вліяніе и власть людей, которые сами, безъ него, не могли бы достигнуть этой власти...

Еще 8 іюля, въ Каменецъ Подольскѣ, имѣлъ мѣсто характерный эпизодъ. Тамъ возлѣ Корнилова произошло первое столкновеніе двухъ людей : Савинкова и Завойко. Савинковъ — наиболѣе видный русскій революціонеръ, начальникъ боевой террористической организаціи соціалъ-революціонной партіи, организаторъ важнѣйшихъ политическихъ убійствъ — министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, великаго князя Сергѣя Александровича и др. Сильный, жестокій, чуждый какихъ бы то ни было сдерживающихъ началъ « условной морали »; презиравшій и Временное правительство, и Керенскаго; въ интересахъ цѣлесообразности, по своему понимаемыхъ, поддерживающій правительство, но готовый каждую минуту смести его — онъ видѣлъ въ Корниловѣ лишь орудіе борьбы для достиженія сильной революціонной власти, въ которой *ему* должно было принадлежать первенствующее значеніе. Завойко — одинъ изъ тѣхъ странныхъ людей, которые потомъ тѣснымъ кольцомъ окружили Корнилова и играли такую видную роль въ августовскіе дни. Кто онъ — этого хорошенько не зналъ и Корниловъ. Въ своемъ показаніи верховной слѣдственной комиссіи Корниловъ говоритъ, что познакомился съ Завойко въ апрѣлѣ 1917 года, что Завойко былъ когда то « предводителемъ дворянства

Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи, работалъ на нефтяныхъ промыслахъ Нобеля въ Баку и, по его разсказамъ, занимался изслѣдованіемъ горныхъ богатствъ въ Туркестанѣ и Западной Сибири. Въ Маѣ онъ пріѣхалъ въ Черновицы и, зачислившись добровольцемъ въ Дагестанскій конный полкъ, остался при штабѣ арміи въ качествѣ личнаго ординарца Корнилова. Вотъ все, что было извѣстно о прошломъ Завойко.

Первая телеграмма Корнилова Временному правительству была первоначально редактирована Завойко, который « придалъ ей ультимативный характеръ со скрытой угрозой — въ случаѣ неисполненія требованій, предъявленныхъ Временному правительству, объявить на Юго-западномъ фронтѣ военную диктатуру » [1]) Убѣжденія Савинкова перевѣсили. Корниловъ согласился даже удалить Завойко изъ предѣловъ фронта, но скоро вернулъ опять...

Все это я узналъ впослѣдствіи. Во время же всѣхъ этихъ событій я продолжалъ работать въ Минскѣ, всецѣло поглощенный теперь уже не наступленіемъ, а организаціей хоть какой-нибудь обороны полуразвалившагося фронта. Никакихъ свѣдѣній, даже слуховъ о томъ, что творится на верхахъ правленія и командованія не было. Только чувствовалось во всѣхъ служебныхъ сношеніяхъ крайне напряженное біеніе пульса.

***

Въ концѣ іюля совершенно неожиданно получаю предложеніе Ставки занять постъ главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ. Переговорилъ по аппарату съ начальникомъ штаба Верховнаго — генераломъ Лукомскимъ : сказалъ, что приказаніе исполню и пойду, куда назначатъ, но хочу знать, чѣмъ вызвано перемѣщеніе; если мотивами политическими, то очень прошу меня не трогать съ мѣста. Лукомскій меня увѣрилъ, что Корниловъ имѣетъ въ виду исключительно боевое значеніе Юго-западнаго фронта и предположенную тамъ стратегическую операцію. Назначеніе состоялось.

Я простился съ грустью со своими сотрудниками и, переведя на новый фронтъ своего друга генерала Маркова, выѣхалъ съ нимъ къ новому мѣсту службы. Проѣздомъ остановился въ Могилевѣ. Настроеніе Ставки было сильно приподнятое, у всѣхъ появилось оживленіе и надежды, но ничто не выдавало какой-либо « подземной » конспиративной работы. Надо замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ военная среда была настолько наивно неопытна, что потомъ, когда дѣйствительно началась « конспирація », она приняла такія *явныя* формы, что только глухіе и слѣпые могли не видѣть и не слышать.

[1]) Савинковъ. « Къ дѣлу Корнилова ».

Въ день нашего пріѣзда у Корнилова было совѣщаніе изъ начальниковъ отдѣловъ Ставки, на которомъ обсуждалась такъ называемая « корниловская программа » возстановленія арміи. Я былъ приглашенъ на это засѣданіе. Не буду перечислять всѣхъ основныхъ положеній, приведенныхъ ранѣе и у меня, и въ корниловскихъ телеграммахъ — требованіяхъ, какъ напримѣръ, введеніе военно-революціонныхъ судовъ и смертной казни въ тылу, возвращеніе дисциплинарной власти начальникамъ и поднятіе ихъ авторитета, ограниченіе дѣятельности комитетовъ и ихъ отвѣтственность и т. д. Помню, что наряду съ ясными и безспорными положеніями, въ проэктѣ записки, составленной отдѣлами Ставки, были и произведенія бюрократическаго творчества, мало пригодныя въ жизни. Такъ, напримѣръ, желая сдѣлать дисциплинарную власть болѣе пріемлемой для революціонной демократіи, авторы записки разработали курьезную подробную шкалу соотвѣтствія дисциплинарныхъ проступковъ и наказаній. Это — для выбитой изъ колеи, бушующей жизни, гдѣ всѣ отношенія попраны, всѣ нормы нарушены, гдѣ каждый новый день давалъ безконечно разнообразныя уклоненія отъ регламентированнаго порядка.

Какъ бы то ни было, верховное командованіе выходило на новый правильный путь, а личность Корнилова, казалось, давала гарантіи въ томъ, что правительство будетъ принуждено слѣдовать по этому пути. Несомнѣнно, что съ совѣтами, комитетами и съ солдатской средой предстояла еще длительная борьба. Но, по крайней мѣрѣ, опредѣленность направленія давала нравственную поддержку и реальное основаніе для дальнѣйшей тяжелой работы. Съ другой стороны, поддержка корниловскихъ мѣропріятій военнымъ министерствомъ Савинкова давала надежду, что колебанія и нерѣшительность Керенскаго будутъ, наконецъ, преодолѣны. Отношеніе къ данному вопросу Временного правительства въ его полномъ составѣ не имѣло практическаго значенія и даже не могло быть офиціально выражено... Керенскій въ это время какъ будто освободился нѣсколько отъ гнета Совѣта; но, подобно тому, какъ ранѣе всѣ важнѣйшіе государственные вопросы рѣшались имъ внѣ правительства совмѣстно съ руководящими совѣтскими кругами, такъ теперь, въ августѣ, руководство государственными дѣлами перешло, минуя и соціалистическія и либеральныя группировки правительства, къ тріумвирату въ составѣ Керенскаго, Некрасова и Терещенко.

По окончаніи засѣданія, Корниловъ предложилъ мнѣ остаться и, когда всѣ ушли, тихимъ голосомъ, почти шопотомъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнетъ. Ко мнѣ на фронтъ пріѣзжалъ N. Онъ все носится со своей идеей переворота и возведенія на престолъ великаго князя Дмитрія Павловича;

что то организуетъ и предложилъ совмѣстную работу. Я ему заявилъ категорически, что ни на какую авантюру съ Романовыми не пойду. Въ правительствѣ сами понимаютъ, что совершенно безсильны что-либо сдѣлать. Они предлагаютъ мнѣ войти въ составъ правительства... Ну, нѣтъ! Эти господа слишкомъ связаны съ совѣтами и ни на что рѣшиться не могутъ. Я имъ говорю: предоставьте мнѣ власть, тогда я поведу рѣшительную борьбу. Намъ нужно довести Россію до Учредительнаго собранія, а тамъ — пусть дѣлаютъ, что хотятъ : я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Такъ вотъ, Антонъ Ивановичъ, могу ли я расчитывать на вашу поддержку?

— Въ полной мѣрѣ.

Это была вторая встрѣча и второй разговоръ мой съ Корниловымъ; мы сердечно обняли другъ друга и разстались, чтобы встрѣтиться вновь... только въ Быховской тюрьмѣ.

ГЛАВА XXXV.

Служба моя въ должности главнокомандующаго арміями Юго-западнаго фронта. Московское совѣщаніе. Паденіе Риги.

Растрогало меня письмо М. В. Алексѣева.

«Мыслью моей сопутствую Вамъ въ новомъ назначеніи. Расцѣниваю его такъ, что Васъ отправляютъ на подвигъ. Говорилось тамъ много, но, повидимому, дѣлалось мало. Ничего не сдѣлано и послѣ 16 іюля главнымъ болтуномъ Россіи... Власть начальниковъ все сокращаютъ... Если бы Вамъ въ чемъ нибудь оказалась нужною моя помощь, мой трудъ, я готовъ пріѣхать въ Бердичевъ, готовъ ѣхать въ войска, къ тому или другому командующему... Храни Васъ Богъ!».

Вотъ ужъ подлинно человѣкъ, обликъ котораго не измѣняютъ ни высокое положеніе, ни превратности судьбы: весь — въ скромной, безкорыстной работѣ для пользы родной земли.

Новый фронтъ, новые люди. Потрясенный въ іюльскіе дни Юго-западный фронтъ мало-по-малу начиналъ приходить въ себя. Но не въ смыслѣ настоящаго выздоровленія, какъ казалось нѣкоторымъ оптимистамъ, а возвращенія приблизительно къ тому состоянію, которое было до наступленія. Тѣ же тяжелыя отношенія между офицерами и солдатами, то-же скверное несеніе службы, дезертирство, и неприкрытое нежеланіе воевать, не имѣвшее лишь рѣзкихъ активныхъ проявленій, ввиду боевого затишья, наконецъ, та-же, но возросшая еще болѣе, большевистская агитація, прикрывавшаяся не разъ флагомъ комитетскихъ фракцій и подготовкой къ Учредительному Собранію. Я располагаю однимъ документомъ, относящимся ко 2-ой арміи Западнаго фронта. Онъ чрезвычайно характеренъ, какъ показатель необыкновенной терпимости и поощренія разложенія арміи, проявленными представителями правительства и командованія подъ предлогомъ свободы и сознательности выборовъ. Вотъ копія телеграммы, адресованной всѣмъ старшимъ инстанціямъ 2-й арміи: «*Командармъ въ согласіи съ комиссаромъ, по ходатайству армейской фракціи соціалъ-демократовъ большевиковъ, разрѣшилъ устроить съ 15 по 18 октября при армейскомъ комитетѣ курсы подготовки инструкторовъ означенной фракціи по выборамъ въ Учредитель-*

ное собраніе, причемъ отъ организаціи большевиковъ каждой отдѣльной части командируется на курсы одинъ представитель. № 1644. Суворовъ» [1]. Подобная терпимость имѣла мѣсто во многихъ случаяхъ и гораздо раньше и основывалась на точномъ смыслѣ положенія о комитетахъ и декларацiи правъ солдата.

Увлеченныя борьбой съ контръ-революціей, революціонныя учрежденія проходили безъ всякаго вниманія мимо такихъ фактовъ, что въ расположеніи самого штаба фронта, въ городѣ Бердичевѣ, состоялись общественные митинги съ крайними большевистскими лозунгами, что мѣстная газета « Свободная Мысль» совершенно недвусмысленно угрожала « Варфоломеевской ночью » офицерамъ.

Фронтъ *держался*. Вотъ все, что можно было сказать про его положеніе. Временами вспыхивали безпорядки съ трагическимъ исходомъ, вродѣ звѣрскаго убійства генераловъ Гиршфельда, Стефановича, комиссара Линде... Предварительныя распоряженія и сосредоточеніе войскъ для предстоявшаго частнаго наступленія были сдѣланы, но само производство операціи не представлялось возможнымъ до проведенія въ жизнь « корниловской программы » и выясненія ея результатовъ.

И я ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

Революціонныя учрежденія (комиссаріатъ и комитетъ) Юго-западнаго фронта находились на особомъ положеніи : они не захватили власть, а часть ея была въ свое время имъ добровольно уступлена рядомъ главнокомандующихъ — Брусиловымъ, Гуторомъ, Балуевымъ. Поэтому мое появленіе сразу поставило ихъ въ отрицательное ко мнѣ отношеніе. Комитетъ Западнаго фронта не замедлилъ переслать въ Бердичевъ убійственную аттестацію, и на основаніи ея комитетскій органъ въ ближайшемъ же номерѣ сдѣлалъ внушительное предостереженіе « врагамъ демократіи ». Я, какъ и раньше, не прибѣгалъ совершенно къ содѣйствію комиссаріата, а комитету велѣлъ передать, что отношенія съ нимъ могу допустить только тогда, когда онъ ограничитъ свою дѣятельность строго законными рамками.

Комиссаромъ фронта былъ Гобечіо. Видѣлъ я его одинъ разъ при встрѣчѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ перевелся на Кавказъ, и должность принялъ Іорданскій [2]. Пріѣхалъ и въ первый же день отдалъ « приказъ войскамъ фронта ». Не могъ потомъ никакъ понять, что нельзя двумъ человѣкамъ одновременно ко-

---

[1]) Начальникъ штаба арміи.

[2]) Б. редакторъ журнала «Современный міръ», соц.-демократъ группы «Единство». Въ 1921 г. редактировалъ большевистскую газету въ Гельсингфорсѣ.

мандовать фронтомъ. Іорданскій и его помощники Костицынъ и Григорьевъ — литераторъ, зоологъ и врачъ — вѣроятно не послѣдніе люди въ своей специальности, были глубоко чужды военной средѣ. Непосредственнаго общенія съ солдатомъ не имѣли, жизни армейской не знали, а такъ какъ начальникамъ они не вѣрили, то весь освѣдомительный матеріалъ пришлось имъ черпать въ единственномъ демократическомъ кладезѣ всей военной премудрости — фронтовомъ комитетѣ. Былъ такой случай съ Костицынымъ въ сентябрѣ или октябрѣ, уже послѣ моего ареста : судьба столкнула его снова съ начальникомъ того юнкерскаго караула, штабсъ-капитаномъ Бетлингомъ, который въ страшный вечеръ 27 сентября велъ насъ — « Бердичевскую группу » арестованныхъ изъ тюрьмы на вокзалъ [1]). Теперь Бетлингъ съ юнкерской ротой участвовалъ въ составѣ карательнаго отряда, руководимаго Костицынымъ, усмирявшимъ какой-то жестокій и безсмысленный солдатскій бунтъ (кажется въ Винницѣ). И вотъ, наиболѣе непримиримый членъ бердичевскаго комиссаріата, хватаясь въ отчаяніи за голову, говорилъ Бетлингу :

— Теперь только я понялъ, какая безпросвѣтная тьма и ужасъ царятъ въ этихъ рядахъ. Какъ былъ правъ Деникинъ!

Помню, что этотъ маленькій эпизодъ, разсказанный Бетлингомъ во время одного изъ тяжелыхъ кубанскихъ походовъ 1918 года, доставилъ мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе : все-таки прозрѣлъ человѣкъ, хоть поздно.

Фронтовой комитетъ былъ не хуже и не лучше другихъ [2]). Онъ стоялъ на оборонческой точкѣ зрѣнія и даже поддерживалъ репресивныя мѣры, принятыя въ іюлѣ Корниловымъ. Но комитетъ ни въ малѣйшей степени не былъ тогда *военнымъ* учрежденіемъ — на пользу или во вредъ — органически связаннымъ съ подлинной армейской средой. Это былъ просто смѣшанный партійный органъ. Раздѣляясь на фракціи всѣхъ соціалистическихъ партій, комитетъ положительно варился въ политикѣ, перенося ее и на фронтъ; комитетъ велъ широкую агитацію, собиралъ съѣзды представителей для обработки ихъ соціалистическими фракціями, конечно и такими, которыя были явно враждебны политикѣ правительства. Я сдѣлалъ попытку, въ виду назрѣвающей стратегической операціи и тяжелаго переходнаго времени пріостановить эту работу, но встрѣтилъ рѣзкое противодѣйствіе комиссара Іорданскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ вмѣшивался непрестанно во всѣ вопросы военной власти, сѣя смуту въ умахъ и недовѣріе къ командованію.

На этой почвѣ отношенія обострились до того, что комитетъ и комиссары послали рядъ телеграммъ съ жалобой на меня

---

1) См. главу XXXVII.

2) Несомнѣнно лучше Западнаго.

военному министру. Въ нихъ инкриминировалось мнѣ и моему штабу и удушеніе демократическихъ учрежденій, и поощреніе удушающихъ, и преслѣдованіе начальниковъ, сочувствующихъ комитетамъ, и даже введеніе тѣлесныхъ наказаній и рукоприкладства. Послѣднія обвиненія настолько нелѣпы, что не стоитъ опровергать ихъ; въ глазахъ-же тѣхъ, кто немного, хотя-бы зналъ армейскую жизнь и тогдашнія безправность и забитость русскаго офицера — это обвиненіе прозвучитъ тяжелой и горькой ироніей. Одно — несомнѣнная истина, — мое совершенно отрицательное отношеніе къ революціоннымъ учрежденіямъ арміи. По натурѣ своей я не могъ и не хотѣлъ скрывать этого и до сихъ поръ убѣжденъ — особенно послѣ примѣра корректнѣйшаго и тактичнѣйшаго изъ военоначальниковъ, командующаго 5 арміей генерала Данилова — что притворство не принесло бы никакой пользы арміи. Если расшифровать всѣ эти криминальныя дѣйствія въ широкомъ комитетскомъ обобщеніи, то изъ-за « удушенія демократіи » выглянетъ закрытый стотысячный кредитъ на вредную литературу и отмѣна незаконныхъ суточныхъ денегъ [1]); « преслѣдованіе » обратится въ увольненіе единственнаго генерала, требовавшаго обращенія его въ техническаго совѣтника при комитетѣ; « поощреніе удушающихъ » — въ отказъ въ немедленномъ отчисленіи отъ должности безъ дознанія и слѣдствія двухъ начальниковъ, обвиненныхъ войсковыми комитетами въ неуваженіи къ революціи и въ оскорбленіи солдата и т. д. Все это, быть можетъ, мелко, но характеризуетъ обстановку, въ которой приходилось работать.

Я охотно допускаю, что ни комиссары, ни комитеты въ своихъ отношеніяхъ къ главнокомандующему не исходили изъ личныхъ побужденій. Но каждый шагъ человѣка, органически не пріемлющаго ихъ бытія, не могъ не внушать имъ самыхъ острыхъ, самыхъ фантастическихъ подозрѣній.

Ставка молчитъ. « Корниловская программа » все не объявляется. Несомнѣнно идетъ борьба. Есть еще надежда на благопріятный исходъ ея въ Петроградѣ. Но какъ пойдетъ проведеніе ея въ жизнь? Какое противодѣйствіе встрѣтитъ она на фронтѣ — въ войскахъ, въ комитетахъ? Я пригласилъ къ себѣ командующихъ арміями (въ серединѣ августа) генераловъ Эрдели, Селивачева, Рерберга (врем.), Ванновскаго. Бесѣдовали весь день. Ознакомился съ ихъ оцѣнкой положенія на фронтѣ и въ свою очередь, учитывая возможность крупныхъ осложненій

---

[1]) Вопросъ былъ возбужденъ контролемъ. На настойчивыя требованія комиссара я предложилъ ему лично открыть кредитъ комитету, съ тѣмъ, что деньги будутъ тотчасъ отпущены. Но Іорданскій, возмущавшійся « притѣсненіемъ » штаба, самъ отъ санкціонированія расхода воздержался.

и съ войсками, и съ комитетами, съ момента объявленія « программы », ознакомилъ ихъ съ ея сущностью и предложилъ обдумать мѣры къ возможно успѣшному ея проведенію. Ванновскій смотрѣлъ нѣсколько пессимистически, другіе надѣялись на благопріятный исходъ, въ особенности, генералъ Селивачевъ — прямой, храбрый и честный солдатъ, который былъ въ большой немилости у комитетовъ.

Въ сущности для противодѣйствія какому либо выступленію противъ командованія ни у кого изъ насъ не было реальной вооруженной силы. Даже въ Бердичевѣ штабъ и главнокомандующій охранялись полубольшевистской ротой и эскадрономъ ординарцевъ — прежнихъ полевыхъ жандармовъ, которые теперь изъ-за одіознаго наименованія старались всѣми силами подчеркнуть свою « революціонность ». Марковъ въ началѣ августа ввелъ въ составъ гарнизона 1-й Оренбургскій казачій полкъ, что впослѣдствіи послужило главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія нашего въ подготовкѣ « вооруженнаго мятежа ». Съ этой же цѣлью — избавиться отъ непріятнаго сосѣдства со всѣмъ этимъ распущеннымъ и развращеннымъ гарнизономъ Лысой горы [1], разгрузить переполненный Бердичевъ и освободить отъ нервирующаго сосѣдства со штабомъ — фронтовой комитетъ, было предположено въ началѣ сентября перевести штабъ фронта въ городъ Житомиръ. Тамъ квартировали два юнкерскихъ училища, лояльно настроенныя въ отношеніи правительства и командованія.

Между тѣмъ, въ Петроградѣ и въ Могилевѣ событія шли своимъ чередомъ, отражаясь въ нашемъ пониманіи только газетными свѣдѣніями, слухами и сплетнями.

« Программы » все нѣтъ. Надѣялись на Московское государственное совѣщаніе [2], но оно прошло и не внесло никакихъ перемѣнъ въ государственную и военную политику. Наоборотъ, даже внѣшнимъ образомъ рѣзко подчеркнуло непримиримую рознь между революціонной демократіей и либеральной буржуазіей, между командованіемъ и армейскимъ представительствомъ.

Но если Московское совѣщаніе не дало никакихъ реальныхъ результатовъ, оно раскрыло во всю ширину настроеніе борющихся, руководящихъ и правящихъ. Всѣ единодушно признавали, что страна переживаетъ смертельную опасность... Всѣ понимали, что соціальныя взаимоотношенія потрясены,

---

[1] Названіе казарменнаго раіона возлѣ Бердичева.

[2] Состоялось 14 августа 1917 года.

всѣ стороны экономической жизни народа подорваны... Обѣ стороны горячо упрекали другъ друга въ служеніи частнымъ классовымъ, своекорыстнымъ интересамъ. Но не въ нихъ была главная сущность : какъ это ни странно, первопричины соціальной, классовой борьбы, даже аграрный и рабочій вопросы, вызывали только расхожденіе, но не захватывали совѣщаніе страстнымъ порывомъ непримиримой распри. И даже, когда старый вождь соціалъ-демократовъ Плехановъ при всеобщемъ одобреніи обратился на право съ требованіемъ жертвы и на лѣво съ требованіемъ умѣренности, казалось, что не такъ ужъ велика пропасть между двумя враждебными соціальными лагерями.

Все вниманіе совѣщанія было захвачено другими вопросами : *о власти и арміи.*

Милюковъ перечислялъ всѣ вины правительства, побѣжденнаго совѣтами, его « капитуляціи » передъ идеологіей соціалистическихъ партій и циммервальдистами : капитуляціи въ арміи, во внѣшней политикѣ, передъ утопическими требованіями рабочаго класса, передъ крайними требованіями національностей.

« Расхищенію государственной власти центральными и мѣстными комитетами и совѣтами — отчетливо рубилъ Калединъ — долженъ быть немедленно и рѣзко поставленъ предѣлъ».

Маклаковъ выстилалъ мягко путь передъ ударомъ : «Я ничего не требую, но не могу не указать на тревогу, которую испытываетъ общественная совѣсть, когда она видитъ, что въ среду правительства приглашены... вчерашніе пораженцы». Волнуется Шульгинъ (правый) : «Я хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы дѣйствительно сильной, дѣйствительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходитъ въ деспотизмъ, который скорѣе обрушится на меня, чѣмъ на васъ — друзей этой власти »... А слѣва Чхеидзе поетъ акафисты совѣтамъ : «Только благодаря революціоннымъ организаціямъ сохранился творческій духъ революціи, спасающій страну отъ распада власти и анархіи »... « Нѣтъ власти выше власти Временнаго правительства — заключаетъ Церетелли. — Ибо источникъ этой власти — суверенный народъ — непосредственно черезъ всѣ тѣ органы, какими онъ располагаетъ, делегировалъ эту власть Временному правительству »... Конечно, поскольку это правительство покорно волѣ совѣтовъ?.. А надъ всѣми ими доминируетъ голосъ первоприсутствующаго, ищущаго « неземныхъ словъ », чтобы « передать свой трепетный ужасъ » передъ надвигающимися событіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потрясающаго... картоннымъ мечомъ, угрожая скрытымъ врагамъ : « Пусть знаетъ каждый, кто разъ уже попытался поднять вооруженную

руку на власть народную, что эта попытка будетъ прекращена желѣзомъ и кровью... Пусть еще больше остерегаются тѣ посягатели, которые думаютъ, что настало время, опираясь на штыки, свергнуть революціонную власть »...

Еще болѣе яркое противорѣчіе сказалось въ области военной. Верховный главнокомандующій въ сухой, но сильной рѣчи нарисовалъ картину гибнущей арміи, увлекающей за собою въ пропасть страну, и изложилъ въ весьма сдержанныхъ выраженіяхъ сущность извѣстной своей программы. Генералъ Алексѣевъ съ неподдѣльной горечью разсказывалъ печальную исторію прегрѣшеній, страданій и доблести былой арміи, « слабой въ техникѣ и сильной нравственнымъ обликомъ и внутренней дисциплиной ». Какъ она дошла до « свѣтлыхъ дней революціи » и какъ потомъ въ нее, « казавшуюся опасной для завоеваній революціи, влили смертельный ядъ ». Донской атаманъ Калединъ, представлявшій 13 казачьихъ войскъ, не связанный офиціальнымъ положеніемъ, говорилъ рѣзко и отчетливо : « Армія должна быть внѣ политики. Полное запрещеніе митинговъ и собраній съ партійной борьбой и распрями. Всѣ совѣты и комитеты должны быть упразднены. Декларація правъ солдата должна быть пересмотрѣна. Дисциплина должна быть поднята въ арміи и въ тылу. Дисциплинарныя права начальниковъ должны быть возстановлены. Вождямъ арміи — полная мощь! ». . Съ отвѣтомъ на эти азбучныя военныя истины выступилъ Кучинъ — представитель фронтовыхъ и армейскихъ комитетовъ : « Комитеты явились проявленіемъ инстинкта самосохраненія... они должны были создаться, какъ органы защиты правъ солдата, ибо раньше было только одно угнетеніе... они внесли въ солдатскія массы свѣтъ и знаніе... Потомъ наступилъ второй періодъ — разложенія и дезорганизаціи... выступила на сцену « тыловая сознательность », не съумѣвшая переварить всей той массы вопросовъ, которую въ ихъ мозгъ, въ ихъ жизнь выкинула революція »... Теперь онъ не отрицалъ необходимости репрессій, но « должно сочетать ихъ съ опредѣленной работой армейскихъ организацій »... Какъ это сдѣлать, сказалъ объединенный фронтъ революціонной демократіи : армію должно одушевлять не стремленіе къ побѣдѣ надъ врагомъ, а « отказъ отъ имперіалистическихъ цѣлей и стремленіе къ скорѣйшему достиженію всеобщаго мира на демократическихъ началахъ... командному составу — полная самостоятельность въ области оперативной дѣятельности и рѣшающее значеніе (?) въ области строевой и боевой подготовки »; цѣль же организацій — широкое внесеніе своей политики въ войска : « комиссары должны быть проводниками (этой) единой революціонной политики Времен. правительства, армейскіе комитеты—руководителями общественно-политической жизни солдатскихъ массъ. Возстановленіе дисциплинарной власти начальниковъ недопустимо» и т. д.

Что сдѣлаетъ правительство? Найдетъ ли оно въ себѣ достаточно силы и смѣлости порвать оковы, наложенныя большевиствующимъ совѣтомъ? [1])

Корниловъ заявилъ твердо и дважды повторилъ: «Я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что (мои) мѣры будутъ проведены безотлагательно».

А если не будутъ, — борьба?

Онъ говорилъ еще: «Невозможно допустить, чтобы рѣшимость проведенія въ жизнь этихъ мѣръ каждый разъ проявлялась подъ давленіемъ пораженій и уступокъ отечественной территоріи. Если рѣшительныя мѣры для поднятія дисциплины на фронтѣ послѣдовали какъ результатъ Тарнопольскаго разгрома и потери Галиціи и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядокъ въ тылу былъ послѣдствіемъ потери нами Риги и чтобы порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ былъ возстановленъ цѣною уступки противнику Молдавіи и Бессарабіи».

А 20-го пала Рига.

***

Стратегически и тактически фронтъ нижней Двины былъ подготовленъ вполнѣ. Войскъ, считаясь съ силой оборонительной линіи рѣки, было также достаточно. Во главѣ войскъ стояли: командующій арміей генералъ Парскій, командиръ корпуса генералъ Болдыревъ — генералы опытные и въ глазахъ демократіи отнюдь не контръ-революціонные [2]). Наконецъ, нашему командованію было извѣстно не только направленіе удара, но черезъ перебѣжчиковъ день и даже часъ атаки.

Тѣмъ не менѣе, 19 августа германцы (8 армія Гутьера) послѣ сильной артиллерійской подготовки, при слабомъ сопротивленіи съ нашей стороны, заняли Икскюльскій тетъ-де-понъ и переправились черезъ Двину. 20 августа нѣмцы перешли въ наступленіе и вдоль Митавскаго шоссе, а къ вечеру того-же дня Икскюльская группа противника, прорвавъ наши позиціи на Егелѣ, стала распространяться въ сѣверномъ направленіи, угрожая пути отхода русскихъ войскъ на Венденъ. 12-я армія, оставивъ Ригу отошла верстъ на 60-70, потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ, и къ 25-му заняла такъ называемыя Венденскія позиціи. Потери арміи выражались одними плѣнными до 9.000 человѣкъ, 81 орудіе, 200 пулеметовъ и т. д. Дальнѣй-

---

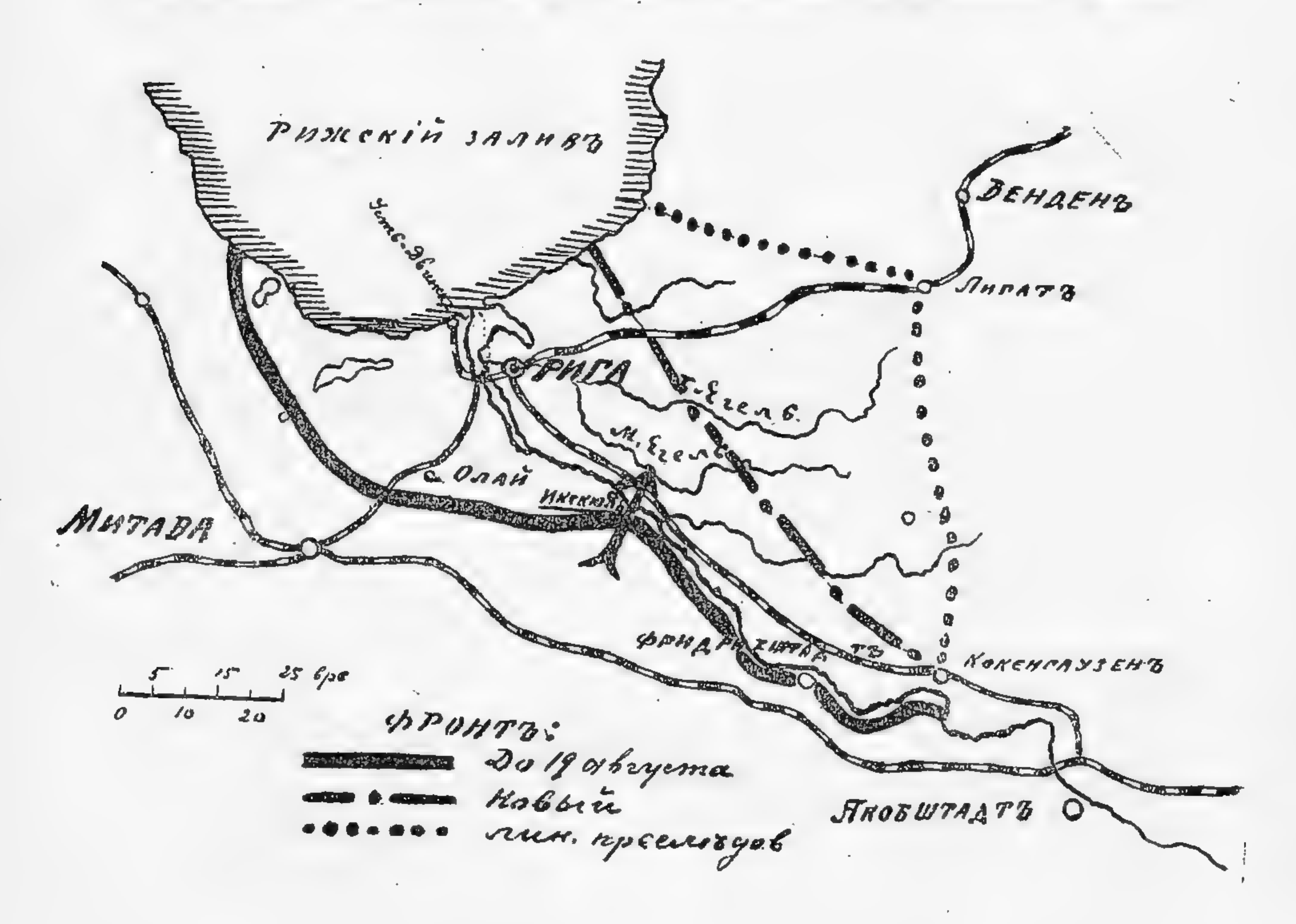
[1]) Въ августѣ соотношеніе силъ въ Совѣтѣ стало быстро мѣняться въ пользу большевиковъ, давъ имъ большинство.

[2]) Ген. Парскій занимаетъ нынѣ видный постъ въ совѣтской арміи, а ген. Болдыревъ былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ противобольшевистскимъ «фронтомъ Учредительнаго Собранія» на Волгѣ.

шее продвиженіе не входило въ планы нѣмцевъ, они приступили къ закрѣпленію занятаго огромнаго плацдарма на правомъ берегу Двины и точасъ-же двѣ дивизіи отправили на Западно-европейскій фронтъ.

Мы потеряли богатый промышленный городъ Ригу, со всѣми военными оборудованіями и запасами, а главное, потеряли надежную оборонительную линію, паденіе которой ставило подъ вѣчную угрозу и положеніе Двинскаго фронта, и направленіе на Петроградъ.

Паденіе Риги произвело въ странѣ большое впечатлѣніе. Но среди революціонной демократіи оно совершенно неожи-

данно вызвало не раскаяніе, не патріотическій подъемъ, а еще большую злобу противъ командного и офицерскаго состава. Ставка въ одной изъ своихъ сводокъ помѣстила слѣдующую фразу [1]: « Дезорганизованныя массы солдатъ неудержимымъ потокомъ устремляются по Псковскому шоссе и по дорогѣ на Бидеръ-Лимбургъ ». Это сообщеніе, несомнѣнно правдивое,

---

[1]) 21 августа.

но не опредѣляющее причины явленія, вызвало бурю въ средѣ революціонной демократіи. Комиссары и комитеты Сѣвернаго фронта прислали рядъ телеграммъ, опровергавшихъ « провокаціонныя нападки Ставки » и удостовѣрявшихъ, что « въ этой неудачѣ не было позора» , что « войска честно исполняютъ всѣ приказанія командного состава... случаевъ бѣгства и предательства войсковыхъ частей не было ». Комиссаръ фронта Станкевичъ, не соглашаясь съ тѣмъ, что не было позора въ такомъ безславномъ и безпричинномъ отступленіи, указывалъ, между прочимъ, на цѣлый рядъ ошибокъ и недочетовъ управленія. Весьма возможно, что были недочеты въ управленіи и личные, и чисто объективные, вызванные взаимнымъ недовѣріемъ, паденіемъ исполнительности и распадомъ технической службы. Но несомнѣнно и то, что войска Сѣвернаго фронта и особенно 12-й арміи были наиболѣе развалившіяся изъ всѣхъ и по логикѣ вещей не могли оказать врагу должнаго сопротивленія. Даже апологетъ войскъ 12-й арміи, комиссаръ Войтинскій, значительно преувеличивающій ея боевыя качества, 22-го телеграфировалъ петроградскому совѣту : «Сказывается неувѣренность войскъ въ своихъ силахъ, отсутсвіе боевой подготовки и, какъ слѣдствіе этого, недостатокъ устойчивости въ полевой войнѣ... Многія части дерутся съ доблестью, какъ и въ первые дни, но въ другихъ частяхъ проявляются признаки усталости и паническаго настроенія ».

Въ дѣйствительности развращенный Сѣверный фронтъ потерялъ всякую силу сопротивленія. Войска его откатывались до того предѣла, до котораго велось преслѣдованіе передовыми нѣмецкими частями и затѣмъ подались нѣсколько впередъ только потому, что обнаружилась потеря соприкосновенія съ главными силами Гутьера, въ намѣренія котораго не входило продвиженіе далѣе опредѣленной линіи.

Всѣ лѣвые органы печати, между тѣмъ, открыли жестокую кампанію противъ Ставки и командованія. Прозвучало слово « предательство »... Черновское « Дѣло Народа », органъ пораженческій, скорбѣлъ : «И въ душу закрадывается мучительное сомнѣніе : не перекладываются-ли на плечи погибающаго тысячами мужественнаго и доблестнаго солдата ошибки командованія, недостатки артиллерійскаго снабженія и неспособность вождей ». « Извѣстія » объясняли и мотивы « провокаціи »: « Ставка старается запугиваніемъ грозными событіями на фронтѣ терроризировать Временное правительство и заставить его принять рядъ мѣръ, направленныхъ прямо и косвенно противъ революціонной демократіи и ея организацій... »

Въ связи со всѣми этими обстоятельствами усилился значительно напоръ совѣтовъ противъ Верховнаго главнокомандующаго, генерала Корнилова, и въ газетахъ промелькнули слухи о предстоящемъ его удаленіи. Въ отвѣтъ появился рядъ

Ген. Корниловъ.

Стр. 190.

Прiѣздъ ген. Корнилова въ Москву на Государственное Совѣщанiе.

Стр. 201.

Ген. Романовский, убит в 1920 г. в Константинополе

рѣзкихъ резолюцій, предъявленныхъ правительству и поддерживавшихъ Корнилова [1]), а въ резолюціи Совѣта союза казачьихъ войскъ имѣлась и такая фраза : «Смѣна Корнилова неизбѣжно внушитъ казачеству пагубную мысль о безполезности дальнѣйшихъ казачьихъ жертвъ » и далѣе, что совѣтъ « снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за казачьи войска на фронтѣ и въ тылу при удаленіи Корнилова... »

Между прочимъ, поддержка эта не встрѣтила полнаго единодушія даже въ казачьей средѣ. Правленіе казаковъ моего фронта по поводу этой резолюціи вынесло слѣдующее постановленіе : «Казачество признаетъ своей единой властью Временное правительство, которому и вѣритъ. Оно можетъ распоряжаться своими ставленниками какъ хочетъ. Если-же противъ воли правительства будутъ давленія на него со стороны политическихъ партій, общественныхъ и классовыхъ организацій съ цѣлью провести свои желанія въ жизнь, казачество всѣми силами поддержитъ Временное правительство во всѣхъ его начинаніяхъ и стремленіяхъ, направленныхъ къ спасенію отечества и завоеванныхъ свободъ ».

Впрочемъ, смѣтливые казаки, раскаявшись въ оппозиціи своему руководящему органу, черезъ нѣсколько дней « разъяснили » въ печати свою резолюцію въ томъ смыслѣ, что постановленіе центральнаго союза было дурно понято ими, что совѣтъ «не угрожалъ Временному правительству, а твердо и громко заявилъ свой протестъ противъ похода извѣстной части печати и нѣкоторыхъ общественныхъ организацій на Верховнаго вождя — ставленника Временнаго правительства, генерала Корнилова ».

Такія обстоятельства предшествовали событіямъ. Вмѣсто умиротворенія, страсти разгорались все болѣе и болѣе, углублялись противорѣчія, сгущалась атмосфера взаимнаго недовѣрія и болѣзненной подозрительности.

***

Я откладывалъ свой объѣздъ войскъ, все еще не теряя надежды на благопріятный исходъ борьбы и обнародованіе «корниловской программы » [2]).

Съ чѣмъ я пойду къ солдатамъ? Съ глубоко запавшей въ сердце болью и со словами призыва « къ разуму и совѣсти »,

---

[1]) Главнаго Комитета офицерскаго союза, Военной лиги, Совѣта союза казачьихъ войскъ, Союза георгіевскихъ кавалеровъ, Совѣщанія общественныхъ дѣятелей и другихъ.

[2]) До 27 августа, т. е., до разрыва съ Корниловымъ, Керенскій не рѣшался подписать проэктъ законовъ, вытекавшихъ изъ « программы ».

скрывающими безсиліе и подобными гласу вопіющаго въ пустынѣ? Все это уже было и прошло, оставивъ только горькій слѣдъ. И будетъ вновь : мысль, идея, слово, моральное воздѣйствіе никогда не перестанутъ двигать людей на подвигъ; но что-же дѣлать, если заглохшую, заросшую чертополохомъ цѣлину надо взрыхлять желѣзнымъ плугомъ?.. Что я скажу офицерамъ, со скорбью и нетерпѣніемъ ждущимъ окончанія послѣдовательнаго и безпощаднаго процесса медленнаго умиранія арміи? Я могъ вѣдь сказать только : если правительство не пойдетъ на коренное измѣненіе своей политики, то арміи — конецъ.

7-го августа получено было распоряженіе двигать отъ меня на сѣверъ Кавказскую туземную дивизію («Дикую»), 12-го августа — бывшій въ тылу въ резервѣ 3-ій конный корпусъ, потомъ Корниловскій ударный полкъ. Назначеніе ихъ, какъ всегда, не указывалось. Направленіе-же одинаково соотвѣтствовало и Сѣверному фронту, въ то время весьма угрожаемому, и... Петрограду. Представилъ командира 3-го коннаго корпуса генерала Крымова на должность командующаго XI арміей. Ставка отвѣтила согласіемъ, но потребовала его немедленно въ Могилевъ для исполненія особаго порученія. Крымовъ проѣздомъ являлся ко мнѣ. Опредѣленныхъ указаній онъ повидимому еще не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, о нихъ не говорилъ, но ни я, ни онъ не сомнѣвались, что порученіе находится въ связи съ ожидаемымъ поворотомъ военной политики. Крымовъ былъ тогда веселымъ, жизнерадостнымъ и съ вѣрою смотрѣлъ въ будущее. По прежнему считалъ, что только оглушительный ударъ по совѣтамъ можетъ спасти положеніе.

Вслѣдъ за этимъ получено было уже оффиціальное увѣдомленіе о формированіи отдѣльной Петроградской арміи и требованіе предназначить офицера генеральнаго штаба на должность генералъ-квартирмейстера этой арміи.

Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ обстановка нѣсколько болѣе разъяснилась. Пріѣхалъ ко мнѣ въ Бердичевъ офицеръ и вручилъ собственноручное письмо Корнилова, въ которомъ мнѣ предлагалось выслушать личный докладъ офицера. Онъ доложилъ :

— Въ концѣ августа, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Петроградѣ произойдетъ возстаніе большевиковъ. Къ этому времени къ столицѣ будетъ подведенъ 3-ій конный корпусъ [1]), во главѣ съ Крымовымъ, который подавитъ большевистское возстаніе и заодно покончитъ съ совѣтами [2]). Одновременно

---

[1]) 3-ій конный корпусъ былъ вызванъ къ Петрограду Временнымъ правительствомъ.

[2]) Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что управлявшій военнымъ министерствомъ Савинковъ и командированный въ Ставку Керенскимъ

въ Петроградѣ будетъ объявлено военное положенiе и опубликованы законы, вытекающiе изъ « корниловской программы ». Васъ Верховный главнокомандующiй проситъ только командировать въ Ставку нѣсколько десятковъ надежныхъ офицеровъ — оффицiально « для изученiя бомбометнаго и минометнаго дѣла »; фактически они будутъ отправлены въ Петроградъ, въ офицерскiй отрядъ.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ передавалъ различныя новости Ставки, рисуя настроенiе ея въ бодрыхъ тонахъ. Передавалъ, между прочимъ, слухи о предстоящихъ новыхъ назначенiяхъ командующихъ войсками въ Кiевъ, Одессу, Москву, о предположенномъ новомъ составѣ правительства, среди котораго назывались имена и нынѣшнихъ министровъ, и совершенно неизвѣстные мнѣ. Во всемъ этомъ вопросѣ была нѣсколько неясна роль Временного правительства и въ частности Керенскаго. Рѣшился онъ на крутой поворотъ военной политики, уйдетъ, или будетъ сметенъ событiями, ходъ и послѣдствiя которыхъ при создавшихся условiяхъ не могутъ предрѣшить ни чистая логика, ни прозорливый разумъ.

Весь ходъ августовскихъ событiй я описываю въ этомъ томѣ въ такой послѣдовательности и въ такомъ свѣтѣ, какъ они рисовались тогда въ эти трагическiе дни на Юго-Западномъ фронтѣ, не внося въ нихъ той перспективы, которая съ теченiемъ времени освѣтила и сцену и дѣйствующихъ лицъ.

Распоряженiе о командированiи офицеровъ — со всѣми предосторожностями, чтобы не поставить въ ложное положенiе ни ихъ, ни начальство — было сдѣлано, но врядъ ли его успѣли осуществить до 27-го. Ни одинъ командующiй армiей въ содержанiе полученныхъ свѣдѣнiй посвященъ мной не былъ, и никто изъ старшаго командного состава фронта фактически не зналъ о назрѣвающихъ событiяхъ.

Было ясно, что исторiя русской революцiи входитъ въ новый фазисъ. Что принесетъ онъ? Многiе часы дѣлились своими мыслями по этому поводу — я и Марковъ. И если онъ, — нервный, пылкiй, увлекающiйся, — постоянно переходилъ отъ одного до другого полярнаго конца черезъ всю гамму чувствъ и настроенiй, то мною овладѣли также надежда и тревога. Но оба мы совершенно отчетливо видѣли и сознавали *фатальную неизбѣжность* кризиса. Ибо облшевистскiе или полу-большевистскiе совѣты — это безразлично — вели Россiю къ гибели. Столкновенiе неизбѣжно. Есть ли *тамъ*, однако, реальная возможность или только... мужество холоднаго отчаянiя?...

начальникъ его кабинета, полковникъ Барановскiй, сами предусматривали вѣроятность одновременнаго выступленiя съ большевиками, подъ влiянiемъ опубликованiя « корниловской программы», Совѣта р. и с. депутатовъ и необходимость тогда безпощадными мѣрами подавить его. (Протоколъ, приложенiе XIII къ показанiю Корнилова).

ГЛАВА XXXVI.

Корниловское выступленіе и отзвуки его на Юго-западномъ фронтѣ.

27 августа вечеромъ я былъ какъ громомъ пораженъ полученнымъ изъ Ставки сообщеніемъ объ отчисленіи отъ должности Верховнаго главнокомандующаго генерала Корнилова.

Телеграммой безъ номера и за подписью «Керенскій» предлагалось генералу Корнилову сдать временно должность Верховнаго главнокомандующаго генералу Лукомскому и, не ожидая прибытія новаго Верховнаго главнокомандующаго, выѣхать въ Петроградъ. Такое распоряженіе было совершенно незаконнымъ и не обязательнымъ для исполненія, такъ какъ Верховный главнокомандующій ни военному министру, ни министру-предсѣдателю, ни тѣмъ болѣе товарищу Керенскому ни въ какой мѣрѣ подчиненъ не былъ.

Начальникъ штаба, генералъ Лукомскій отвѣтилъ министру-предсѣдателю телеграммой № 640, которую я привожу ниже. Содержаніе ея въ копіи передано было намъ, всѣмъ главнокомандующимъ телеграммой № 6412, которая у меня не сохранилась, но смыслъ ея ясенъ изъ показанія Корнилова, въ которомъ говорится: «Я приказалъ мое рѣшеніе («должность не сдавать и выяснить предварительно обстановку») и рѣшеніе генерала Лукомскаго довести до свѣдѣнія главнокомандующихъ всѣхъ фронтовъ».

Телеграмма Лукомскаго № 640 гласила:

«Всѣ, близко стоявшіе къ военному дѣлу, отлично сознавали, что при создавшейся обстановкѣ и при фактическомъ руководствѣ и направленіи внутренней политики безотвѣтственными общественными организаціями, а также громаднаго разлагающаго вліянія этихъ организацій на массу арміи, послѣднюю возсоздать не удастся, а наоборотъ — армія, какъ таковая, должна развалиться черезъ два-три мѣсяца. И тогда Россія должна будетъ заключить позорный сепаратный миръ, послѣдствія котораго были бы для Россіи ужасны. Правительство принимало полумѣры, которыя, ничего не поправляя, лишь затягивали агонію и, спасая революцію, не спасало Россію. Между тѣмъ, завоеванія революціи можно было спасти лишь путемъ спасенія Россіи, а для этого прежде всего необходимо

создать дѣйствительную сильную власть и оздоровить тылъ. Генералъ Корниловъ предъявилъ рядъ требованій, проведеніе коихъ въ жизнь затягивалось. При такихъ условіяхъ генералъ Корниловъ, не преслѣдуя никакихъ личныхъ честолюбивыхъ замысловъ и опираясь на ясно выраженное сознаніе всей здоровой части общества и арміи, требовавшее скорѣйшаго созданія крѣпкой власти для спасенія Родины, а съ ней и завоеваній революціи, считалъ необходимыми болѣе рѣшительныя мѣры, кои обезпечили бы водвореніе порядка въ странѣ.

Пріѣздъ Савинкова [1]) и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ вашего имени, лишь заставилъ генерала Корнилова принять окончательное рѣшеніе и, согласно съ вашимъ предложеніемъ, отдать окончательныя распоряженія, отмѣнять которыя теперь уже поздно.

Ваша сегодняшняя телеграмма указываетъ, что рѣшеніе, принятое прежде вами и сообщенное отъ вашего имени Савинковымъ и Львовымъ, теперь измѣнилось. Считаю долгомъ совѣсти, имѣя въ виду лишь пользу Родины, опредѣленно вамъ заявить, что теперь остановить начавшееся съ вашего же одобренія дѣло невозможно, и это поведетъ лишь къ гражданской войнѣ, окончательному разложенію арміи и позорному сепаратному миру, слѣдствіемъ чего конечно не будетъ закрѣпленіе завоеваній революціи.

Ради спасенія Россіи вамъ необходимо идти съ генераломъ Корниловымъ, а не смѣщать его. Смѣщеніе генерала Корнилова поведетъ за собой ужасы, которыхъ Россія еще не переживала. Я лично не могу принять на себя отвѣтственности за армію, хотя бы на короткое время, и не считаю возможнымъ принимать должность отъ генерала Корнилова, ибо за этимъ послѣдуетъ взрывъ въ арміи, который погубитъ Россію. Лукомскій ».

Всѣ надежды на возрожденіе арміи и спасеніе страны мирнымъ путемъ рухнули. Я не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій относительно послѣдствій подобнаго столкновенія между генераломъ Корниловымъ и Керенскимъ и не ожидалъ благополучнаго окончанія, развѣ только, что корпусъ Крымова спасетъ положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я ни одного дня, ни одного часа не считалъ возможнымъ отожествлять себя идейно съ Временнымъ правительствомъ, которое признавалъ преступнымъ, и поэтому тотчасъ же послалъ ему телеграмму слѣдующаго содержанія :

«Я солдатъ и не привыкъ играть въ прятки. 16-го іюня, на совѣщаніи съ членами Временнаго правительства я заявилъ, что цѣлымъ рядомъ военныхъ мѣропріятій оно разрушило,

---

[1]) Какъ увидимъ впослѣдствіи, Савинковъ показалъ, что онъ « отъ имени министра-предсѣдателя никакихъ политическихъ комбинацій не предлагалъ ».

растлило армію и втоптало въ грязь наши боевыя знамена. Оставленіе свое на посту главнокомандующаго я понялъ тогда, какъ сознаніе Временнымъ правительствомъ своего тяжкаго грѣха передъ Родиной и желаніе исправить содѣянное зло. Сегодня, получивъ извѣстіе, что генералъ Корниловъ, предъявившій извѣстныя требованія [1]), могущія еще спасти страну и армію, смѣщается съ поста Верховнаго главнокомандующаго. Видя въ этомъ возвращеніе власти на путь планомѣрнаго разрушенія арміи и, слѣдовательно, гибели страны, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Временного правительства, что по этому пути я съ нимъ не пойду. 145. Деникинъ».

Марковъ одновременно послалъ телеграмму правительству, выражая солидарность съ высказанными мною положеніями [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ спросить Ставку, чѣмъ могу помочь генералу Корнилову. Онъ зналъ, что, кромѣ нравственнаго содѣйствія, въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ реальныхъ возможностей и поэтому, поблагодаривъ за это содѣйствіе, ничего болѣе не требовалъ.

Я распорядился переслать копію моей телеграммы всѣмъ главнокомандующимъ, командующимъ арміями Юго-западнаго фронта и главному начальнику снабженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ принять мѣры, чтобы изолировать фронтъ отъ проникновенія туда безъ вѣдома штаба какихъ-либо свѣдѣній о совершающихся событіяхъ до ликвидаціи столкновенія. Такія-же распоряженія получены были отъ Ставки. Полагаю, можно не прибавлять, что горячія симпатіи всего штаба были на сторонѣ Корнилова и что всѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Могилева, все еще надѣясь на благополучный исходъ.

Марковъ каждый вечеръ собиралъ офицеровъ генералъ-квартирмейстерской части для доклада оперативныхъ вопросовъ

---

1) Рѣчь шла о «Корниловской программѣ».

2) Главнокомандующіе другими фронтами отправили Временному правительству 28 августа вполнѣ лояльныя телеграммы, сущность которыхъ выражается въ слѣдующихъ выдержкахъ:

Сѣвернаго фронта, генералъ Клембовскій : « ... Считаю перемѣну Верховнаго командованія крайне опасной, когда угроза внѣшняго врага цѣлости родины и свободы повелительно требуетъ скорѣйшаго проведенія мѣръ для поднятія дисциплины и боеспособности арміи».

Западнаго фронта, генералъ Балуевъ : «Нынѣшнее положеніе Россіи требуетъ безотлагательнаго принятія исключительныхъ мѣръ, и оставленіе генерала Корнилова во главѣ армій является настоятельно необходимымъ, не взирая ни на какія политическая осложненія... »

Румынскаго фронта, генералъ Щербачевъ : «Смѣна ген. Корнилова неминуемо гибельно отразится на арміи и защитѣ Родины. Обращаюсь къ вашему патріотизму во имя спасенія родины ».

Всѣ главнокомандующіе упоминали о необходимости введенія потребованныхъ Корниловымъ мѣропріятій.

въ этотъ день, 27-го, онъ ознакомилъ ихъ со всѣми извѣстными намъ обстоятельствами столкновенія и нашими телеграммами и не удержался, чтобы въ горячей рѣчи не очертить исторической важности переживаемыхъ событій, необходимости поставить всѣ точки надъ « і » и оказать полную нравственную поддержку генералу Корнилову...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во исполненіе моего приказанія имъ принятъ былъ рядъ мѣръ по Бердичеву и Житомиру : усиленіе дежурной части 1-го Оренбургскаго казачьяго полка, занятіе караулами телеграфныхъ станцій, радіотелеграфа и типографій, временную цензуру газетъ и т. д. Штабъ хотѣлъ было для огражденія личной безопасности главнокомандующаго и правильной работы штаба потребовать 1-й Чехо-словацкій полкъ, но я отмѣнилъ это распоряженіе, не желая вызывать политическихъ осложненій; и зазорно было русскому главнокомандующему защищаться отъ своихъ солдатъ чужими штыками.

Никакихъ рѣшительно попытокъ къ личному задержанію кого-бы то ни было не дѣлалось, такъ какъ это не имѣло смысла и совершенно не входило въ наши намѣренія.

Между тѣмъ, среди фронтовой революціонной демократіи произошелъ большой переполохъ. Члены фронтоваго комитета въ эту ночь покинули общежитіе и ночевали въ частныхъ домахъ на окраинѣ города. Помощники комиссара были въ командировкѣ, а самъ Іорданскій въ Житомирѣ, и обращенныя къ нему Марковымъ приглашенія прибыть въ Бердичевъ какъ въ эту ночь, такъ и 28-го не имѣли успѣха : Іорданскій все ожидалъ « коварной засады ».

Наступила ночь, долгая ночь безъ сна, полная тревожнаго ожиданія и тяжкихъ думъ. Никогда еще будущее страны не казалось такимъ темнымъ, наше безсиліе такимъ обиднымъ и угнетающимъ. Разыгравшаяся далеко отъ насъ историческая драма, словно отдаленная гроза, кровавыми зарницами бороздила темныя тучи, нависшія надъ Россіей. И мы ждали...

Эта ночь не забудется никогда. Передъ мысленнымъ взоромъ моимъ проходятъ, какъ живыя, пережитыя тогда впечатлѣнія. Чередующіеся доклады телеграммъ съ прямого провода : Соглашеніе повидимому возможно... Надеждъ на мирный исходъ нѣтъ .. Верховное главнокомандованіе предложено Клембовскому... Клембовскій повидимому откажется... Одна за другой копіи телеграммъ Временному правительству всѣхъ командующихъ арміями фронта, генерала Эльснера и еще нѣсколькихъ старшихъ начальниковъ о присоединеніи ихъ къ мнѣнію, высказанному въ моей телеграммѣ. Трогательное исполненіе *гражданскаго долга* среди атмосферы, насыщенной подозрительностью и ненавистью... Своего *солдатскаго* долга они уже выполнить не могли... И, наконецъ, голосъ отчаянія,

раздавшійся изъ Ставки. Иначе нельзя назвать полученный ночью на 28-е приказъ Корнилова :

« Телеграмма министра-предсѣдателя за № 4163 [1]) во всей своей первой части является сплошной ложью : не я послалъ члена Государственной думы В. Львова къ Временному правительству, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя. Тому свидѣтель членъ Государственной Думы Алексѣй Аладьинъ.

Такимъ образомъ свершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбу Отечества.

Русскіе люди! Великая родина наша умираетъ. Близокъ часъ ея кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, генералъ Корниловъ, заявляю, что Временное правительство подъ давленіемъ большевистскаго большинства совѣтовъ, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба и одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на рижскомъ побережьи, убиваетъ армію и потрясаетъ страну внутри.

Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ въ эти грозныя минуты призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей Родины. Всѣ, у кого бьется въ груди русское сердце, всѣ, кто вѣритъ въ Бога — въ храмы, молите Господа Бога объ явленіи величайшаго чуда спасенія родимой земли.

Я, генералъ Корниловъ, — сынъ казака-крестьянина, заявляю всѣмъ и каждому, что мнѣ лично ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи и клянусь довести народъ — путемъ побѣды надъ врагомъ до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свои судьбы и выберетъ укладъ новой государственной жизни.

Предать-же Россію въ руки ея исконнаго врага — германскаго племени и сдѣлать русскій народъ рабами нѣмцевъ — я не въ силахъ. И предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли.

Русскій народъ, въ твоихъ рукахъ жизнь твоей Родины! »

Этотъ приказъ былъ посланъ для свѣдѣнія командующимъ арміями. На другой день получена была одна телеграмма Керенскаго, переданная въ комиссаріатъ, и съ этого времени всякая связь наша съ внѣшнимъ міромъ была прервана [2]).

---

[1]) Телеграмма эта въ штабѣ не была получена. Керенскій эпизодъ со Львовымъ формулируетъ такъ : « 26 августа ген. Корниловъ прислалъ ко мнѣ члена Государственной Думы В. Н. Львова съ требованіемъ передачи Вр. правительствомъ всей полноты военной и гражданской власти съ тѣмъ, что имъ по личному усмотрѣнію будетъ составлено новое правительство для управленія страной ».

[2]) 29 утромъ случайно попала еще телеграмма генералъ-квартир-

И такъ — жребій брошенъ. Между правительствомъ и Ставкой выросла пропасть, которую уже перейти невозможно.

***

На другой день, 28-го, революціонныя учрежденія, видя, что имъ рѣшительно ничего не угрожаетъ, проявили лихорадочную дѣятельность. Въ Житомирѣ, подъ предсѣдательствомъ Іорданскаго засѣдали мѣстные войсковые комитеты и представители соціалистическихъ партій. Делегаты фронтового комитета, не оправившіеся еще отъ испуга, пространно докладывали совѣщанію, какъ давно уже назрѣвала въ Бердичевѣ контръ-революція, какая дѣлалась подготовка, какъ разбивались всѣ усилія комитета привлечь въ общее русло « революціонной жизни » казаковъ 1-го Оренбургскаго полка и т. д. Іорданскій принялъ на себя « военную власть », произвелъ въ Житомирѣ рядъ ненужныхъ арестовъ среди старшихъ чиновъ главнаго управленія снабженій и за своей подписью, отъ имени своего, революціонныхъ организацій и губернскаго комиссара выпустилъ воззваніе, въ которомъ весьма подробно, языкомъ обычныхъ прокламацій излагалось, какъ генералъ Деникинъ замыслилъ « возвратить старый режимъ и лишить русскій народъ Земли и Воли ».

Въ то-же время въ Бердичевѣ производилась такая-же энергичная работа подъ руководствомъ фронтового комитета. Шли безпрерывно засѣданія всѣхъ организацій и обработка типичныхъ тыловыхъ частей гарнизона. Здѣсь обвиненіе было выставлено комитетомъ другое : « контръ-революціонная попытка главнокомандующаго, генерала Деникина свергнуть Временное правительство и возстановить на престолѣ Николая II ». Прокламаціи такого содержанія во множествѣ распространялись между командами, расклеивались на стѣнахъ и разбрасывались съ мчавшихся по городу автомобилей. Нервное напряженіе росло, улица шумѣла. Члены комитета въ своихъ отношеніяхъ къ Маркову становились все рѣзче и требовательнѣе. Получены были свѣдѣнія о возникшихъ волненіяхъ на Лысой горѣ. Штабъ послалъ туда офицеровъ для разъясненія обстановки и возможнаго умиротворенія. Одинъ изъ нихъ — чешскій офицеръ, поручикъ Клецандо, который долженъ былъ побесѣдовать съ командами плѣнныхъ австрійцевъ, подвергся насилію со стороны русскихъ солдатъ и самъ легко ранилъ одного изъ нихъ. Это обстоятельство еще болѣе усилило волненіе.

Изъ окна своего дома я наблюдалъ, какъ на Лысой горѣ собирались толпы солдатъ, какъ потомъ они выстроились въ

мейстера Ставки, въ которой опять высказывалась надежда на мирный исходъ.

колонну, долго, часа два митинговали, повидимому все не рѣшаясь. Наконецъ колонна, заключавшая въ себѣ эскадронъ ординарцевъ (бывшихъ полевыхъ жандармовъ) запасную сотню и еще какія-то вооруженныя команды, съ массой красныхъ флаговъ и въ предшествіи двухъ броневыхъ автомобилей двинулась къ городу. При появленіи броневика, угрожавшаго открыть огонь, оренбургская казачья сотня, дежурившая возлѣ штаба и дома главнокомандующаго, ускакала наметомъ. Мы оказались всецѣло во власти революціонной демократіи.

Вокругъ дома были поставлены « революціонные часовые »; товарищъ предсѣдателя комитета, Колчинскій ввелъ въ домъ четырехъ вооруженныхъ « товарищей » съ цѣлью арестовать генерала Маркова, но потомъ заколебался и ограничился оставленіемъ въ пріемной комнатѣ начальника штаба двухъ « экспертовъ » изъ фронтового комитета для контроля его работы; правительству послана радіотелеграмма : « Генералъ Деникинъ и весь его штабъ подвергнуты въ его ставкѣ личному задержанію. Руководство дѣятельностью войскъ въ интересахъ обороны временно оставлено за ними, но строго контролируется делегатами комитетовъ ».

Начались безконечно длинные, томительные часы. Ихъ не забудешь. И не выразишь словами той глубокой боли, которая охватила душу.

Въ 4 часа 29-го Марковъ пригласилъ меня въ пріемную, куда пришелъ помощникъ комиссара Костицинъ съ 10-15 вооруженными комитетчиками и прочелъ мнѣ « приказъ комиссара Юго-западнаго фронта Іорданскаго », въ силу котораго я, Марковъ и генералъ-квартирмейстеръ Орловъ подвергались предварительному заключенію подъ арестомъ за попытку вооруженнаго возстанія противъ Временного правительства. Литератору Іорданскому, повидимому, стало стыдно примѣнить аргументы « Земли », « Воли » и « Николая II », предназначенные исключительно для разжиганія страстей толпы.

Я отвѣтилъ, что смѣстить главнокомандующаго можетъ только Верховный главнокомандующій или Временное правительство, что комиссаръ Іорданскій совершаетъ явное беззаконіе, но что я вынужденъ подчиниться насилію.

Подъѣхали автомобили, въ сопровожденіи броневиковъ; мы съ Марковымъ сѣли; пришлось долго ждать сдававшаго дѣла Орлова возлѣ штаба; мучительное любопытство прохожихъ; потомъ поѣхали на Лысую гору; автомобиль долго блуждалъ, останавливаясь у разныхъ зданій; подъѣхали, наконецъ, къ гауптвахтѣ; прошли сквозь толпу человѣкъ въ сто, ожидавшую тамъ нашего пріѣзда и встрѣтившую насъ взглядами, полными ненависти, и грубою бранью; разведены по отдѣльнымъ карцерамъ; Костицынъ весьма любезно предложилъ мнѣ прислать необходимыя вещи; я рѣзко отказался отъ всякихъ его услугъ;

дверь захлопнулась, съ шумомъ повернулся ключъ, и я остался одинъ.

Черезъ нѣсколько дней была ликвидирована Ставка. Корниловъ, Лукомскій, Романовскій и другіе отвезены въ Быховскую тюрьму.

Революціонная демократія праздновала побѣду.

А въ тѣ-же дни государственная власть широко открывала двери петроградскихъ тюремъ и выпускала на волю многихъ вліятельныхъ большевиковъ — дабы дать имъ возможность гласно и открыто вести дальнѣйшую работу къ уничтоженію Россійскаго государства.

1-го сентября Временнымъ правительствомъ подвергнутъ аресту генералъ Корниловъ, а 4-го сентября Временнымъ правительствомъ отпущенъ на свободу Бронштейнъ-Троцкій. Эти двѣ даты должны быть памятны Россіи.

Камера № 1. Десять квадратныхъ аршинъ пола. Окошко съ желѣзной рѣшеткой Въ двери небольшой глазокъ. Нары, столъ и табуретъ. Дышать тяжело — рядомъ зловонное мѣсто. По другую сторону — № 2, тамъ — Марковъ; ходитъ крупными нервными шагами. Я почему то помню до сихъ поръ, что онъ дѣлаетъ по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой дѣлать семь. Тюрьма полна неясныхъ звуковъ. Напряженный слухъ разбирается въ нихъ и мало-по-малу начинаетъ улавливать ходъ жизни, даже настроенія. Караулъ—кажется охранной роты — люди грубые, мстительные.

Раннее утро. Гудитъ чей-то голосъ. Откуда? За окномъ, уцѣпившись за рѣшетку висятъ два солдата. Они глядятъ жестокими злыми глазами и истерическимъ голосомъ произносятъ тяжелыя ругательства. Бросили въ открытое окно какую-то гадость. Отъ этихъ взглядовъ некуда уйти. Отворачиваюсь къ двери — тамъ въ глазокъ смотритъ другая пара ненавидящихъ глазъ, оттуда также сыплется отборная брань. Я ложусь на нары и закрываю голову шинелью. Лежу такъ часами. Весь день — одинъ, другой — смѣняются « общественные обвинители » у окна и у дверей — стража свободно допускаетъ всѣхъ. И въ тѣсную душную конуру льется непрерывнымъ потокомъ зловонная струя словъ, криковъ, ругательствъ, рожденныхъ великой темнотой, слѣпой ненавистью и бездонной грубостью... Словно пьяной блевотиной облита вся душа, и нѣтъ спасенія, нѣтъ выхода изъ этого нравственнаго застѣнка. О чемъ они? « Хотѣлъ открыть фронтъ »... « продался нѣмцамъ »... Приводили и цифру — « за двадцать тысячъ рублей »... « хотѣлъ лишить земли и воли »... — это — не свое, это — комитетское. Главнокомандующій, генералъ, баринъ — вотъ это свое! « Попилъ нашей кровушки, покомандовалъ, гноилъ насъ въ тюрьмѣ, теперь наша воля — самъ посиди за рѣшеткой... Барствовалъ,

раскатывалъ въ автомобиляхъ — теперь попробуй полежать на нарахъ с. с... Недолго тебѣ осталось... Не будемъ ждать, пока сбѣжишь — сами своими руками задушимъ»... Меня они — эти тыловые воины почти не знали. Но все, что накапливалось годами, столѣтіями въ озлобленныхъ сердцахъ противъ нелюбимой власти, противъ неравенства классовъ, противъ личныхъ обидъ и своей — по чьей то винѣ — изломанной жизни, все это выливалось теперь наружу съ безграничной жестокостью. И чѣмъ выше стоялъ тотъ, котораго считали врагомъ народа, чѣмъ больше было паденіе, тѣмъ сильнѣе вражда толпы, тѣмъ больше удовлетворенія видѣть его въ своихъ рукахъ. А за кулисами народной сцены стояли режиссеры, подогрѣвающіе и гнѣвъ и восторги народные, не вѣрившіе въ злодѣйство лицедѣевъ, но допускавшіе даже ихъ гибель для вящаго реализма дѣйствія и во славу своего сектантскаго догматизма. Впрочемъ, эти мотивы въ партійной политикѣ назывались «тактическими соображеніями»...

Я лежалъ закрытый съ головой шинелью и подъ градомъ ругательствъ старался дать себѣ ясный отчетъ:

— За что?

Провѣрка этаповъ жизни... Отецъ — суровый воинъ съ добрѣйшимъ сердцемъ. До 30 лѣтъ — крѣпостной крестьянинъ; сданъ въ рекруты; послѣ 22 лѣтъ тяжелой солдатской службы николаевскихъ временъ, добился прапорщичьяго чина. Вышелъ маіоромъ въ отставку. Дѣтство мое — тяжелое, безотрадное. Нищета — 45 рублей пенсіи въ мѣсяцъ. Смерть отца. Еще тяжелѣе — 25 рублей пенсіи матери. Юность — въ ученіи и въ работѣ на хлѣбъ. Вольноопредѣляющимся — въ казармѣ на солдатскомъ котлѣ. Офицерство. Академія. Беззаконный выпускъ. Жалоба, поданная государю на всесильнаго военнаго министра. Возвращеніе во 2-ю артиллерійскую бригаду. Борьба съ отживающей группой старыхъ крѣпостниковъ; обвиненіе ими въ демагогіи. Генеральный штабъ. Цензовое командованіе ротой въ 183-мъ Пултусскомъ полку. Вывелъ окончательно рукоприкладство. Неудачный опытъ «сознательной дисциплины». Да, господинъ Керенскій, и *это* было въ молодости... Отмѣнилъ негласно дисциплинарныя взысканія — «слѣдите другъ за другомъ, останавливайте малодушныхъ — вѣдь вы же хорошіе люди — докажите, что можно служить безъ палки». Кончилось командованіе: рота за годъ вела себя средне, училась плохо и лѣниво. Послѣ моего ухода старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собралъ роту, поднялъ многозначительно кулакъ въ воздухъ и произнесъ внятно и раздѣльно:

— Теперь вамъ — не капитанъ Деникинъ. Поняли?..

— Такъ точно, г. фельдфебель.

Рота, разсказывали потомъ, скоро поправилась.

Потомъ манчжурская война. Боевая работа. Надежды на возрожденіе арміи. Открытая борьба въ удушаемой печати съ верхами арміи противъ косности, невѣжества, привиллегій и произвола; борьба за офицерскую и солдатскую долю. Время было суровое — вся служба, вся военная карьера была поставлена на карту... Командованіе полкомъ. Непрестанныя заботы объ улучшеніи солдатскаго быта. Теперь уже послѣ Пултусскаго опыта — требовательность по службѣ, но и береженіе человѣческаго достоинства солдата. Какъ будто понимали тогда другъ друга и не были чужими. Опять война. Желѣзная дивизія. Близость къ стрѣлку, общая работа. Штабъ — всегда возлѣ позиціи, чтобы раздѣлить съ войсками и грязь, и тѣсноту, и опасности. Потомъ длинный страдный путь, полный славныхъ боевъ, въ которыхъ общая жизнь, общія страданія и общая слава сроднили еще болѣе и создали взаимную вѣру и трогательную близость.

Нѣтъ, я не былъ никогда врагомъ солдату.

Я сбросилъ съ себя шинель и, вскочивъ съ наръ, подошелъ къ окну, у котораго на рѣшеткѣ повисла солдатская фигура, изрыгавшая ругательства.

— Ты лжешь, солдатъ! Ты не свое говоришь! Если ты не трусъ, укрывшійся въ тылу, если ты былъ въ бояхъ, ты видѣлъ, какъ умѣли умирать твои офицеры. Ты видѣлъ, что они...

Руки разжались, и фигура исчезла. Я думаю — просто отъ суроваго окрика, который, не взирая на безпомощность узника, оказывалъ свое атавистическое дѣйствіе.

Въ окнѣ и въ дверномъ глазкѣ появились новыя лица...

Впрочемъ, не всегда мы встрѣчали одну наглость. Иногда сквозь напускную грубость нашихъ тюремщиковъ видно было чувство неловкости, смущеніе и даже жалость. Но этого чувства стыдились. Въ первую холодную ночь, когда у насъ не было никакихъ вещей, Маркову, забывшему захватить пальто, караульный принесъ солдатскую шинель; но черезъ полчаса — самому ли стыдно стало своего хорошаго порыва, или товарищи пристыдили — взялъ обратно. Въ случайныхъ замѣткахъ Маркова есть такія строки : «Насъ обслуживаютъ два плѣнныхъ австрійца... Кромѣ нихъ нашимъ метръ-д-отелемъ служитъ солдатъ, бывшій финляндскій стрѣлокъ (русскій) очень добрый и заботливый человѣкъ. Въ первые дни и ему туго приходилось — товарищи не давали прохода; теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашемъ питаніи прямо трогательны, а новости умилительны по наивности. Вчера онъ заявилъ мнѣ, что будетъ скучать, когда насъ увезутъ... Я его успокоилъ тѣмъ, что скоро на наше мѣсто посадятъ новыхъ генераловъ — вѣдь еще не всѣхъ извели »...

Тяжко на душѣ. Чувство какъ то раздваивается : я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, безсмысленную,

но къ солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный. сбитый съ толку человѣкъ, способный и на гнусное преступленіе и на высокій подвигъ! ..

Скоро несеніе караульной службы поручили юнкерамъ 2-й житомирской школы прапорщиковъ. Стало значительно легче въ моральномъ отношеніи. Не только сторожили узниковъ, но и охраняли ихъ отъ толпы. А толпа не разъ, по разнымъ поводамъ собиралась возлѣ гауптвахты и дико ревѣла, угрожая самосудомъ. Въ домѣ наискось спѣшно собиралась въ такихъ случаяхъ дежурная рота, караульные юнкера готовили пулеметы. Помню, что въ спокойномъ и ясномъ сознаніи опасности, когда толпа особенно бушевала, я обдумалъ и свой способъ самозащиты : на столикѣ стоялъ тяжелый графинъ съ водой; имъ можно проломить черепъ первому ворвавшемуся въ камеру; кровь ожесточитъ и опьянитъ « товарищей », и они убьютъ меня немедленно, не предавая мученіямъ...

Впрочемъ, за исключеніемъ такихъ непріятныхъ часовъ, жизнь въ тюрьмѣ шла размѣренно, методично; было тихо и покойно; физическія стѣсненія тюремнаго режима, послѣ тяготъ нашихъ походовъ и въ сравненіи съ перенесенными нравственными испытаніями — сущіе пустяки. Въ нашъ бытъ вносили разнообразіе небольшія приключенія : иногда какой нибудь юнкеръ-большевикъ, ставъ у двери, передаетъ новости часовому — громко, чтобы было слышно въ камерѣ, что на послѣднемъ митингѣ товарищи Лысой горы, потерявъ терпѣніе, рѣшили окончательно покончить съ нами самосудомъ и что туда намъ и дорога. Другой разъ Марковъ, проходя по корридору, видитъ юнкера-часового, опершагося на ружье, у котораго градомъ сыплются слезы изъ глазъ : ему стало жалко насъ... Какой странный, необычайный сентиментализмъ для нашего звѣринаго времени...

Двѣ недѣли я не выходилъ изъ камеры на прогулку, не желая стать предметомъ любопытства « товарищей », окружавшихъ площадку передъ гауптвахтой и разсматривающихъ арестованныхъ генераловъ, какъ экспонаты въ звѣринцѣ... Никакого общенія съ сосѣдями. Много времени для самоуглубленія и размышленія.

А изъ дома напротивъ каждый день, когда я открываю окно, — не знаю другъ или врагъ — выводитъ высокимъ теноромъ пѣсню :

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я друзья...

ГЛАВА XXXVII.

Въ Бердичевской тюрьмѣ. Переѣздъ «бердичевской» группы арестованныхъ въ Быховъ.

Въ тюрьму, кромѣ меня и Маркова, участіе которыхъ въ событіяхъ опредѣляется предыдущими главами, были заключены слѣдующія лица:

3) Командующій Особой арміей, генералъ-отъ-инфантеріи Эрдели.

4) Командующій 1 арміей, генералъ-лейтенантъ Ванновскій.

5) Командующій 7 арміей, генералъ-лейтенантъ Селивачевъ.

6) Главный начальникъ снабженій Юго-западнаго фронта, генералъ-лейтенантъ Эльснеръ.

Виновность перечисленныхъ лицъ заключалась въ высказанной ими солидарности съ моей телеграммой № 145, а послѣдняго, кромѣ того, въ выполненіи моихъ приказаній объ изолированіи фронтового раіона въ отношеніи Кіева и Житомира.

7, 8) Помощники генерала Эльснера — генералы Павскій и Сергіевскій — лица уже абсолютно не имѣвшія никакого отношенія къ событіямъ.

9) Генералъ-квартирмейстеръ штаба фронта, генералъ-маіоръ Орловъ — израненный, сухорукій — человѣкъ робкій и только исполнявшій въ точности приказанія начальника штаба.

10) Поручикъ чешскихъ войскъ Клецандо, ранившій 28 августа солдата на Лысой горѣ.

11) Штабсъ-ротмистръ князь Крапоткинъ — старикъ свыше 60 лѣтъ, добровoлецъ, комендантъ поѣзда главнокомандующаго. Совершенно не былъ посвященъ въ событія. Въ случайной бесѣдѣ его съ однимъ изъ нашихъ адъютантовъ выяснилось, что въ его распоряженіи имѣется дисциплинированная поѣздная охранная команда, которою и смѣнили за нѣсколько дней до 27-го большевистскую охрану дома главнокомандующаго. Кромѣ того, князь Крапоткинъ говорилъ всѣмъ солдатамъ «ты», считая, что они ему годятся во внуки. Другихъ преступленій слѣдствіе ему не инкриминировало.

Вскорѣ генералы Селивачевъ, Павскій и Сергіевскій были

отпущены. Князю Крапоткину объявили объ отсутствіи состава преступленія 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что насъ не будутъ судить въ Бердичевѣ. Для обвиненія насъ въ мятежѣ нужно было сообщество восьми человѣкъ, никакъ не меньше. Наши противники были очень заинтересованы этой цифрой, желая соблюсти приличія... Впрочемъ, отдѣльно отъ насъ, при комендантскомъ управленіи содержался въ запасѣ и даже былъ впослѣдствіи отвезенъ въ Быховъ еще одинъ арестованный — военный чиновникъ Будиловичъ — немощный тѣломъ, но бодрый духомъ юноша, который позволилъ себѣ однажды сказать гнѣвной толпѣ, что она не стоитъ и мизинца тѣхъ, кого заушаетъ [1])... Больше ничего преступнаго за нимъ никто не числилъ. Въ случайно, можетъ быть умышленно, попавшемъ въ мою камеру единственномъ номерѣ газеты на второй или третій день ареста я прочелъ указъ Временного правительства правительствующему сенату отъ 29 августа :

« Главнокомандующій арміями Юго-западнаго фронта, генералъ-лейтенантъ Деникинъ отчисляется отъ должности главнокомандующаго съ преданіемъ суду за мятежъ.

Министръ-предсѣдатель А. Керенскій.

Управляющій военнымъ министерствомъ Б. Савинковъ ».

Такіе-же указы въ тотъ же день отданы были о генералахъ Корниловѣ, Лукомскомъ, Марковѣ и Кисляковѣ. Позднѣе состоялся приказъ объ отчисленіи ген. Романовскаго.

На второй или третій день ареста на гауптвахтѣ появилась приступившая къ опросу слѣдственная комиссія, подъ наблюденіемъ главнаго полевого прокурора фронта генерала Батога, подъ предсѣдательствомъ помощника комиссара Костицына и въ составѣ членовъ :

Завѣдывающаго юридической частью комиссаріата, подполковника Шестоперова;

Члена кіевскаго военно-окружнаго суда, подполковника Франка;

Членовъ фронтового комитета, прапорщика Удальцова и младшаго феерверкера Левенберга.

Мое показаніе, въ силу фактическихъ обстоятельствъ дѣла, было совершенно кратко и сводилось къ слѣдующимъ положеніямъ : 1) всѣ лица, арестованные вмѣстѣ со мною, ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ противъ правительства не участвовали; 2) всѣ распоряженія, отдававшіяся по штабу въ послѣдніе дни, въ связи съ выступленіемъ генерала Корнилова, исходили отъ меня; 3) я считалъ и считаю сейчасъ, что дѣятельность Временного правительства преступна и гибельна для Россіи;

---

[1]) Продѣлалъ съ Добровольческой арміей кубанскіе походы и служилъ ей до самой смерти — отъ сыпного тифа въ 1920 г.

но тѣмъ не мѣнѣе, возстанія противъ него не подымалъ, а, пославъ свою телеграмму № 145, предоставилъ Временному правительству поступить со мной какъ ему заблагоразсудится.

Позднѣе главный военный прокуроръ Шабловскій, ознакомившись со слѣдственнымъ дѣломъ и съ той обстановкой, которая создалась вокругъ него въ Бердичевѣ, пришелъ въ ужасъ отъ « неосторожной редакціи » показанія.

Уже къ 1-му сентября Іорданскій доносилъ военному министерству, что слѣдственной комиссіей обнаружены документы, устанавливающіе наличіе давно подготовлявшагося заговора... Вмѣстѣ съ тѣмъ, литераторъ Іорданскій запросилъ правительство, можетъ ли онъ по вопросу о направленіи дѣлъ арестованныхъ генераловъ дѣйствовать въ предѣлахъ закона, *сообразно съ мѣстными обстоятельствами*, или-же обязанъ руководствоваться какими-либо *политическими соображеніями* центральной власти. Ему былъ данъ отвѣтъ, что дѣйствовать надлежитъ, не считаясь ни съ чѣмъ, какъ только съ закономъ, и... *принимая во вниманіе обстоятельства на мѣстахъ* [1]).

Въ силу такого разъясненія Іорданскій рѣшилъ предать насъ военно-революціонному суду, для чего отъ одной изъ подчиненныхъ мнѣ ранѣе дивизій фронта былъ приготовленъ составъ суда, а общественнымъ обвинителемъ предназначенъ членъ исполнительнаго комитета Юго-западнаго фронта, штабсъ-капитанъ Павловъ.

Такимъ образомъ, интересы компетентности, нелицепріятія и безпристрастія были соблюдены.

Іорданскій былъ такъ заинтересованъ скорѣйшимъ осужденіемъ меня и заключенныхъ со мной генераловъ, что 3 сентября предложилъ комиссіи, не ожидая выясненія обстановки во всемъ ея объемѣ, передавать дѣла въ военно-революціонный судъ по группамъ, по мѣрѣ выясненія виновности.

Костицынъ, зайдя въ мою камеру, отъ имени Маркова предложилъ мнѣ обратиться совмѣстно съ нимъ къ В. Маклакову, съ предложеніемъ принять на себя нашу защиту. На посланную телеграмму Маклаковъ отвѣтилъ согласіемъ. Кромѣ того, наши близкіе, жившіе въ Кіевѣ, не расчитывая на своевременность прибытія Маклакова ввиду разстройства желѣзныхъ дорогъ и торопливости г. Іорданскаго, пригласили трехъ кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ [2]). Лично меня вопросъ этотъ интересовалъ весьма условно, такъ какъ приговоръ бердичевскаго суда былъ предрѣшенъ его составомъ, обстановкой и настроеніями.

---

[1]) Офиціальное сообщеніе.

[2]) Возможно, что находятся въ Совѣтской Россіи, поэтому именъ не называю.

Насъ угнетала сильно полная неизвѣстность о томъ, что дѣлается во внѣшнемъ мірѣ. Изрѣдка Костицынъ знакомилъ насъ съ важнѣйшими событіями, но въ комиссарскомъ освѣщеніи эти событія дѣйствовали на насъ еще болѣе угнетающе. Ясно было, однако, что власть разваливается окончательно, большевизмъ все болѣе подымаетъ голову и гибель страны повидимому непредотвратима.

Около 8-10 сентября, когда слѣдствіе было закончено, обстановка нашего заключенія нѣсколько измѣнилась. Въ камеры стали попадать почти ежедневно газеты, сначала тайно, потомъ, съ 22-го, офиціально. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ смѣны одной изъ караульныхъ ротъ мы рѣшили произвести опытъ: во время прогулки по корридору я подошелъ къ Маркову и заговорилъ съ нимъ; часовые не препятствовали; съ тѣхъ поръ каждый день мы всѣ принимались бесѣдовать другъ съ другомъ; иногда караульные требовали прекращенія разговора — мы немедленно замолкали, но чаще намъ не мѣшали. Во второй половинѣ сентября допущены были и посѣтители; любопытство «товарищей» Лысой горы было повидимому уже удовлетворено, ихъ собиралось возлѣ площадки меньше, и я выходилъ ежедневно на прогулку, имѣя возможность видѣть всѣхъ заключенныхъ и иногда перекинуться съ ними двумя-тремя словами. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы знали, что дѣлается на свѣтѣ, а возможность общенія другъ съ другомъ устраняла гнетущее чувство одиночества.

Изъ газетъ мы узнали, какъ генералъ Алексѣевъ «послѣ тяжкой внутренней борьбы» принялъ должность начальника штаба при «главковерхѣ» Керенскомъ — очевидно для спасенія корниловцевъ. И какъ черезъ недѣлю онъ вынужденъ былъ оставить должность, не будучи въ силахъ работать въ тягостной атмосферѣ новаго командованія.

Узнали подробно о судьбѣ Корнилова и о томъ, что возбужденъ вопросъ о переводѣ нашей «бердичевской группы» въ Быховъ, для совмѣстнаго суда съ корниловской группой. Это извѣстіе вызвало живѣйшій интересъ и большое удовлетвореніе. Съ этого дня главной темой бесѣдъ былъ вопросъ: повезутъ или оставятъ.

Спрошенный мною по этому поводу при обходѣ камеръ Костицынъ, отвѣтилъ:

— Ничего нельзя сдѣлать. Вашъ-же генералъ Батогъ настаиваетъ на томъ, что переводъ недопустимъ, и что судъ долженъ состояться безъ замедленія здѣсь, въ Бердичевѣ.

Прокуроръ Батогъ — другъ революціонной демократіи! Какъ странно, реакціонеръ и крѣпостникъ. Славившійся жестокостью своихъ приговоровъ. Орудіе внутренней политики въ военномъ судѣ стараго режима. Тотъ Батогъ, который 28 августа, придя ко мнѣ съ докладомъ, и глядя въ сторону своими

бѣгающими глазами, патетическимъ голосомъ говорилъ по поводу моей телеграммы правительству:

— Наконецъ то, этимъ *предателямъ* сказано во всеуслышаніе прямое и заслуженное ими слово...

Хотѣлъ было подѣлиться съ Костицынымъ своимъ недоумѣніемъ, но воздержался: не стоитъ нарушать трогательной дружбы Батога и Іорданскаго.

Изъ газетъ мы узнали также, что разслѣдованіе корниловскаго дѣла поручено верховной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ главнаго военно-морского прокурора Шабловскаго [1]).

Около 9-го сентября вечеромъ возлѣ зданія тюрьмы послышался сильный шумъ и яростные крики многочисленной толпы. Черезъ нѣкоторое время въ мою камеру вошли четыре незнакомыхъ мнѣ лица — смущенные и чѣмъ то сильно взволнованные. Назвали себя предсѣдателемъ и членами верховной слѣдственной комиссіи по дѣлу Корнилова [2]). Шабловскій нѣсколько прерывающимся еще голосомъ началъ говорить о томъ, что цѣль ихъ прибытія вывести насъ въ Быховъ и что по тому настроенію, которое создалось въ Бердичевѣ, по неистовству толпы, которая сейчасъ окружаетъ тюрьму, они видятъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ гарантій правосудія, одна только дикая месть. Онъ прибавилъ, что для комиссіи нѣтъ никакихъ сомнѣній въ недопустимости выдѣленія нашего дѣла и въ необходимости единаго суда надъ всѣми соучастниками корниловскаго выступленія. Но что комиссаріатъ и комитеты противятся этому всѣми средствами. Поэтому комиссія предлагаетъ мнѣ, не пожелаю ли я дополнить показанія какими-нибудь фактами, которые бы еще болѣе наглядно устанавливали связь нашего дѣла съ корниловскимъ. Ввиду невозможности производить сейчасъ допросъ подъ ревъ собравшейся толпы, рѣшили отложить его до другого дня.

Комиссія ушла; вскорѣ разошлась и толпа.

Что я могъ сказать имъ новаго? Только развѣ о той оріентировкѣ, которую мнѣ далъ Корниловъ въ Могилевѣ и черезъ посланца. Но это было сдѣлано въ порядкѣ исключительнаго довѣрія Верховнаго главнокомандующаго, которое я ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ нарушить. Поэтому нѣкоторыя детали, которыя на другой день я добавилъ къ прежнимъ показаніямъ, не утѣшили комиссію и не удовлетворили, повидимому, присутствовавшаго при дознаніи вольноопредѣляющагося — члена фронтового комитета.

---

[1]) Члены комиссіи: военные юристы, полковники Раупахъ и Украинцевъ, судебный слѣдователь Колоколовъ и представители центральнаго исполнительнаго комитета Совѣта р. и с. д. Либеръ и Крохмаль.

[2]) Шабловскій, Колоколовъ, Раупахъ и Украинцевъ.

Мы, тѣмъ не менѣе, ждали съ нетерпѣніемъ освобожденія изъ бердичевскаго застѣнка. Но надежды наши омрачались все больше и больше. Газета фронтоваго комитета методически подогрѣвала страсти гарнизона; доходили свѣдѣнія, что на засѣданіяхъ всѣхъ комитетовъ выносятся постановленія не выпускать насъ изъ Бердичева; шла сильнѣйшая агитація комитетчиковъ среди тыловыхъ командъ гарнизона, собирались митинги, проходившіе въ крайне приподнятомъ настроеніи.

Цѣль комиссіи Шабловскаго не была достигнута. Какъ оказалось, еще въ началѣ сентября на требованіе Шабловскаго— не допускать сепаратнаго суда надъ « бердичевской группой », Іорданскій отвѣтилъ, что, « не говоря уже о переводѣ генераловъ куда бы то ни было, даже малѣйшая отсрочка суда надъ ними грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для Россіи — осложненіемъ на фронтѣ и новой гражданской войной въ тылу », и что какъ по политическимъ, такъ и по тактическимъ соображеніямъ необходимо судить насъ въ Бердичевѣ, въ кратчайшій срокъ и военно-революціоннымъ судомъ » [1]).

Фронтовой комитетъ и Кіевскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, не взирая на всѣ убѣжденія, уговоры, доказательства посѣтившаго ихъ засѣданіе Шабловскаго и членовъ его комиссіи — на переводъ нашъ не согласились. На обратномъ пути въ Могилевѣ состоялось совѣщаніе по этому вопросу въ составѣ Керенскаго, Шабловскаго, Іорданскаго и Батога. Всѣ, кромѣ Шабловскаго, пришли къ совершенно недвусмысленному заключенію, что фронтъ потрясенъ, солдатская масса волнуется и требуетъ жертвы и что необходимо дать возможность разрядиться сгущенной атмосферѣ цѣною хотя бы неправосудія... Шабловскій вскочилъ и заявилъ, что онъ недопуститъ такого циничнаго отношенія къ праву и справедливости.

Помню, что разсказъ этотъ вызвалъ во мнѣ недоумѣніе. Не стоитъ спорить о точкахъ зрѣнія. Но если по убѣжденію министра-предсѣдателя въ вопросѣ охраненія государственности допустимо руководствоваться велѣніемъ цѣлесообразности, то въ чемъ заключалась вина Корнилова?

14-го сентября состоялся диспутъ въ Петроградѣ, въ послѣдней « аппеляціонной инстанціи » — въ военномъ отдѣлѣ центральнаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ между Шабловскимъ и представителемъ комитета Юго-западнаго фронта, поддержаннымъ всецѣло Іорданскимъ. Послѣдніе заявили, что если военно-революціонный судъ не состоится на мѣстѣ, въ Бердичевѣ, въ теченіи ближайшихъ пяти дней, то можно опасаться самосуда надъ арестованными. Центральный комитетъ, однако, согласился съ доводами

---

[1]) Интервью Шабловскаго въ « Рѣчи ».

Шабловскаго и свою резолюцію въ этомъ духѣ послалъ въ Бердичевъ.

И такъ, организованный самосудъ былъ устраненъ. Но въ рукахъ революціонныхъ учрежденій Бердичева былъ еще другой способъ ликвидаціи « бердичевской группы », способъ легкій и безотвѣтственный — въ порядкѣ народнаго гнѣва...

Пронесся слухъ, что насъ везутъ 23-го, потомъ сообщили, что отъѣздъ состоится 27-го въ 5 часовъ вечера съ пассажирскаго вокзала.

Вывести арестованныхъ безъ огласки не представляло никакого труда : на автомобилѣ, пѣшкомъ въ юнкерской колоннѣ, наконецъ, въ вагонѣ — узкоколейный путь подходилъ вплотную къ гауптвахтѣ и выводилъ на широкую колею внѣ города и вокзала [1]). Но такой способъ переѣзда не соотвѣтствовалъ намѣреніямъ комиссаріата и комитетовъ.

Генералъ Духонинъ изъ Ставки запросилъ штабъ фронта, есть ли въ Бердичевѣ надежныя части и предложилъ прислать отрядъ для содѣйствія нашему переѣзду. Штабъ фронта отказался отъ помощи. Главнокомандующій генералъ Володченко наканунѣ, 26-го, выѣхалъ на фронтъ...

Вокругъ этого вопроса искусственно создавался большой шумъ и нездоровая атмосфера ожиданія и любопытства.

Керенскій прислалъ комиссаріату телеграмму : «... Увѣренъ въ благоразуміи гарнизона, который можетъ изъ среды своей выбрать двухъ представителей для сопровожденія ».

Съ утра комиссаріатъ устроилъ объѣздъ всѣхъ частей гарнизона, чтобы получить согласіе на нашъ переводъ.

Распоряженіемъ комитета былъ назначенъ митингъ всего гарнизона на 2 часа дня, т. е., за три часа до нашего отправленія и при томъ на полянѣ, непосредственно возлѣ нашей тюрьмы. Грандіозный митингъ дѣйствительно состоялся; на немъ представители комиссаріата и фронтоваго комитета объявили распоряженіе о нашемъ переводѣ въ Быховъ, предусмотрительно сообщили о часѣ отъѣзда и призывали гарнизонъ... къ благоразумію; митингъ затянулся надолго и, конечно, не расходился. Къ пяти часамъ тысячная возбужденная толпа окружила гауптвахту, и глухой ропотъ ея врывался внутрь зданія.

Среди офицеровъ юнкерскаго баталіона 2-ой житомирской школы прапорщиковъ, несшихъ въ этотъ день караульную службу, былъ израненный въ бояхъ штабсъ-капитанъ Бетлингъ, служившій до войны въ 17-мъ пѣхотномъ Архангелородскомъ полку, которымъ я командовалъ [2]). Бетлингъ попросилъ на-

---

[1]) Въ тотъ же день утромъ насъ водили безъ караула при одномъ сопровождающемъ въ баню, за версту отъ гауптвахты, и это не привлекло ничьего вниманія.

[2]) Этотъ доблестный офицеръ потомъ одинъ изъ первыхъ доброволь-

чальство школы замѣнить своей полуротой команду, назначенную для сопровожденія арестованныхъ на вокзалъ. Мы всѣ одѣлись и вышли въ корридоръ. Ждали. Часъ, два...

Митингъ продолжался. Многочисленные ораторы призывали къ немедленному самосуду... Истерически кричалъ солдатъ, раненый поручикомъ Клецандо, и требовалъ его головы... Съ крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара Костицынъ и Григорьевъ. Говорилъ и милый Бетлингъ — нѣсколько разъ, горячо и страстно. О чемъ онъ говорилъ, намъ не было слышно.

Наконецъ, блѣдные взволнованные — Бетлингъ и Костицынъ — пришли ко мнѣ.

— Какъ прикажете? Толпа дала слово не трогать никого; только потребовала, чтобы до вокзала васъ вели пѣшкомъ. Но ручаться ни за что нельзя.

Я отвѣтилъ:

— Пойдемъ.

Снялъ шапку, перекрестился: Господи благослови!

Толпа неистовствовала. Мы — семь человѣкъ, окруженные кучкой юнкеровъ, во главѣ съ Бетлингомъ, шедшимъ рядомъ со мной съ обнаженной шашкой въ рукѣ, вошли въ тѣсный корридоръ среди живого человѣческаго моря, сдавившаго насъ со всѣхъ сторонъ. Впереди — Костицынъ и делегаты (12-15), выбранные отъ гарнизона для конвоированія насъ. Надвигалась ночь. И въ ея жуткой тьмѣ, прорѣзываемой иногда лучами прожектора съ броневика, двигалась обезумѣвшая толпа; она росла и катилась, какъ горящая лавина. Воздухъ наполняли оглушительный ревъ, истерическіе крики и смрадныя ругательства. Временами ихъ покрывалъ громкій тревожный голосъ Бетлинга:

— Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!...

Юнкера, славные юноши, сдавленные со всѣхъ сторонъ, своею грудью отстраняютъ напирающую толпу, сбивающую ихъ жидкую цѣпь. Проходя по лужамъ, оставшимся отъ вчерашняго дождя, солдаты набирали полныя горсти грязи и ею забрасывали насъ. Лицо, глаза, уши заволокло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бѣдному калѣкѣ генералу Орлову разбили сильно лицо; получилъ ударъ Эрдели, и я — въ спину и голову.

По пути обмѣниваемся односложными замѣчаніями. Обращаюсь къ Маркову:

— Что, милый профессоръ, конецъ?!

— Повидимому...

цевъ — въ первомъ корниловскомъ кубанскомъ походѣ въ 1918 году былъ вновь израненъ и весною 1919 года умеръ отъ сыпного тифа.

Пройти прямымъ путемъ къ вокзалу толпа не позволила. Повели кружнымъ путемъ, въ общемъ верстъ пять, по главнымъ улицамъ города. Толпа растетъ. Балконы бердичевскихъ домовъ полны любопытными; женщины машутъ платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса :

— Да здравствуетъ свобода!

Вокзалъ залитъ свѣтомъ. Тамъ новая громадная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. И все слилось въ общемъ морѣ — бушующемъ, ревущемъ. Съ огромнымъ трудомъ насъ провели сквозь него подъ градомъ ненавистныхъ взглядовъ и ругательствъ. Вагонъ. Рыдающій въ истерикѣ и посылающій толпѣ безсильныя угрозы офицеръ — сынъ Эльснера, и любовно успокаивающій его солдатъ-денщикъ, отнимающій револьверъ; онѣмѣвшія отъ ужаса двѣ женщины—сестра и жена Клецандо, вздумавшія проводить его... Ждемъ часъ, другой. Поѣздъ не пускаютъ—потребовали арестантскій вагонъ. Его на станціи не оказалось. Угрожаютъ расправиться съ комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагонъ, весь загаженный конскимъ пометомъ — какіе пустяки! Переходимъ въ него безъ помоста; несчастнаго Орлова съ трудомъ подсаживаютъ въ вагонъ; сотни рукъ сквозь плотную и стойкую юнкерскую цѣпь тянутся къ намъ... Уже десять часовъ вечера... Паровозъ рванулъ. Толпа загудѣла еще громче. Два выстрѣла. Поѣздъ двинулся.

Шумъ все глуше, тусклѣе огни. Прощай Бердичевъ!

Керенскій пролилъ слезу умиленія надъ самоотверженіемъ « нашихъ спасителей » — такъ онъ называлъ не юнкеровъ, а комиссаровъ и комитетчиковъ : «Какая иронія судьбы! Генералъ Деникинъ, арестованный какъ сообщникъ Корнилова, былъ спасенъ отъ ярости обезумѣвшихъ солдатъ членами исполнительнаго комитета Юго-западнаго фронта и комиссарами Временного правительства. Я помню, съ какимъ волненіемъ мы съ незабвеннымъ Духонинымъ читали отчетъ о томъ, какъ горсть этихъ храбрыхъ людей конвоировала арестованныхъ генераловъ сквозь толпу тысячъ солдатъ, жаждавшихъ ихъ крови » [1])... Зачѣмъ клеветать на мертваго? Духонинъ навѣрно волновался за участь арестованныхъ не меньше, чѣмъ за... судьбу ихъ революціонной стражи...

Римскій гражданинъ, Понтій Пилатъ сквозь тьму временъ лукаво улыбался...

---

[1]) « Дѣло Корнилова ».

ГЛАВА XXXVIII.

Нѣкоторые итоги перваго періода революціи.

Не скоро еще исторія въ широкомъ, безпристрастномъ освѣщеніи дастъ намъ картину русской революціи. Той перспективы, которая сейчасъ открывается нашему взору, достаточно только для того, чтобы уяснить себѣ нѣкоторыя частныя явленія ея и, быть можетъ, отвергнуть сложившіеся вокругъ нихъ предразсудки и заблужденія.

Революція была неизбѣжна. Ее называютъ *всенародной*. Это опредѣленіе правильно лишь въ томъ, что революція явилась результатомъ недовольства старой властью рѣшительно всѣхъ слоевъ населенія. Но въ вопросѣ о формахъ ея и достиженіяхъ между ними не было никакого единомыслія, и глубокія трещины должны были появиться съ перваго же дня послѣ паденія старой власти.

Революція имѣла образъ многоликій. Для крестьянъ — переходъ къ нимъ земли; для рабочихъ — переходъ къ нимъ прибылей; для либеральной буржуазіи — измѣненіе политическихъ условій жизни страны и умѣренныя соціальныя реформы; для революціонной демократіи — власть и максимумъ соціальныхъ достиженій; для арміи — безначаліе и прекращеніе войны.

Когда царская власть пала, въ странѣ, до созыва Учредительнаго собранія, не стало вовсе легальной, имѣвшей какое-либо юридическое обоснованіе, власти. Это совершенно естественно и вытекаетъ изъ самой природы революціи. Но люди, добросовѣстно заблуждаясь или сознательно искажая истину, создали завѣдомо ложныя теоріи о « всенародномъ происхожденіи Временного правительства » или о « полномочности Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ », какъ органа, представляющаго яко-бы « *всю* русскую демократію ». Какую растяжимую совѣсть нужно имѣть, чтобы, исповѣдуя демократическіе принципы и возставая жестоко противъ малѣйшаго уклоненія отъ четырехчленной формулы и другихъ правовѣрныхъ условій законности выборовъ, считать полномочнымъ органомъ демократіи Петроградскій Совѣтъ или Съѣздъ совѣтовъ, порядокъ избранія которыхъ имѣлъ необыкновенно упрощенный и односторонній характеръ. Не даромъ Петроградскій со-

вѣтъ долгое время стѣснялся даже опубликовать списки своихъ членовъ. Что касается верховной власти, то не говоря уже о « всенародности » ея происхожденія отъ « частнаго засѣданія Государственной Думы», техника ея построенія была настолько несовершенной, что повторяющіеся кризисы могли прервать само существованіе ея и всякіе слѣды преемственности. Наконецъ, дѣйствительно « всенародное » правительство не могло бы остаться одинокимъ, всѣми покинутымъ — на волю кучки захватчиковъ власти. То самое правительство, которое въ мартовскіе дни съ такою легкостью получило всеобщее признаніе. Признаніе, но не фактическую поддержку.

Послѣ 3-го марта и до Учредительнаго Собранія *всякая* верховная власть носила признаки самозванства, и *никакая* власть не могла-бы удовлетворить всѣ классы населенія, ввиду непримиримости ихъ интересовъ и неумѣренности ихъ вожделѣній.

Ни одна изъ правившихъ инстанцій (Временное правительство, Совѣтъ) не имѣла за собою надлежащей опоры *большинства*. Ибо это большинство (80%) устами своего представителя въ Учредительномъ собраніи 1918 года сказало : «У насъ крестьянъ нѣтъ разницы между партіями; партіи борются за власть, а наше мужицкое дѣло — одна земля ». Но если бы даже, предрѣшая волю Учредительнаго Собранія, Временное правительство удовлетворило полностью эти желанія большинства, оно не могло расчитывать на немедленное подчиненіе его общегосударственнымъ интересамъ и на *активную* поддержку : занятое чернымъ передѣломъ, сильно отвлекавшимъ и элементы фронта, крестьянство врядъ-ли дало бы государству добровольно силы и средства къ его устроенію, то есть, много хлѣба и много солдатъ — храбрыхъ, вѣрныхъ и законопослушныхъ. Передъ правительствомъ оставались бы и тогда неразрѣшимые для него вопросы : не воюющая армія, не производительная промышленность, разрушаемый транспортъ и... партійныя междуусобія.

Оставимъ, слѣдовательно, въ сторонѣ всенародное и демократическое происхожденіе временной власти. Пусть она будетъ самозванной, какъ это имѣло мѣсто въ исторіи всѣхъ революцій и всѣхъ народовъ. Но самый фактъ широкаго признанія Временного правительства давалъ ему огромное преимущество передъ всѣми другими силами, оспаривавшими его власть. Необходимо было, однако, чтобы эта власть стала настолько сильной, по существу абсолютной, самодержавной, чтобы, подавивъ силою, быть можетъ оружіемъ, всѣ противодѣйствія, довести страну до Учредительнаго собранія, избраннаго въ обстановкѣ, не допускающей подмѣны народнаго голоса, и охранить это собраніе.

Мы слишкомъ злоупотребляемъ элементомъ стихійности, какъ оправданіемъ многихъ явленій революціи. Вѣдь та « ра-

сплавленная стихія », которая съ необычайной легкостью сдунула Керенскаго, попала въ желѣзныя тиски Ленина-Бронштейна и вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ не можетъ вырваться изъ большевистскаго застѣнка.

Если бы такая жестокая сила, но одухотворенная разумомъ и истиннымъ желаніемъ народоправства, взяла власть и, подавивъ *своеволіе*, въ которое обратилась *свобода*, донесла бы эту власть до Учредительнаго собранія, то русскій народъ не осудилъ бы ее, а благословилъ. Въ такомъ же положеніи окажется всякая временная власть, которая приметъ наслѣдіе большевизма; и судить ее будетъ Россія не по юрическимъ признакамъ происхожденія, а по дѣламъ ея.

Почему сверженіе негодной власти стараго правительства есть подвигъ, во славу котораго Временное правительство предполагало соорудить въ столицѣ монументъ, а попытка сверженія негодной власти Керенскаго, предпринятая Корниловымъ, исчерпавшимъ всѣ легальныя средства, и послѣ провокаціи министра-предсѣдателя, есть мятежъ?

Но потребность сильной власти далеко не исчерпывается періодомъ до Учредительнаго собранія. Вѣдь бывшее Собраніе 1918 года напрасно взывало къ странѣ уже не о подчиненіи, а просто объ избавленіи его отъ физическаго насилія буйной матросской вольницы. И ни одна рука не поднялась на защиту его. Пусть *то* Собраніе, рожденное въ стихіи бунта и насилія, не выражало воли русскаго народа, а будущее отразитъ ее болѣе совершенно. Полагаю, однако, что даже люди съ наиболѣе восторженной вѣрой въ непогрѣшимость демократическаго принципа не закрываютъ глаза на неограниченныя возможности будущаго, которое явится наслѣдіемъ небывалаго въ исторіи и никѣмъ еще не изслѣдованнаго физическаго и психологическаго перерожденія народа.

Кто знаетъ, не придется ли демократическій принципъ, самую власть Учредительнаго Собранія и его велѣнія утверждать желѣзомъ и новою кровью...

Такъ или иначе, состоялось *внѣшнее* признаніе власти Временного правительства. Въ работѣ правительства трудно и безполезно раздѣлять то, что исходило отъ доброй воли и искренняго убѣжденія его и что носитъ печать насильственаго воздѣйствія Совѣта. Если Церетелли имѣлъ право заявить, что « не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ Временное правительство не шло на соглашеніе », то мы также имѣемъ право отождествлять ихъ работу и отвѣтственность.

Вся эта дѣятельность вольно или невольно имѣла характеръ разрушенія, не созиданія. Правительство отмѣняло, упраздняло, расформировывало, разрѣшало... Въ этомъ заключался центръ тяжести его работы. Россія того періода

представляется мнѣ ветхимъ, старымъ домомъ, требовавшимъ капитальной перестройки. За отсутствіемъ средствъ и въ ожиданіи строительнаго періода (Учр. Собр.), зодчіе начали вынимать подгнившія балки, причемъ часть ихъ вовсе не замѣнили, другую подмѣнили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свѣжими бревнами безъ скрѣпъ — послѣднее средство оказалось хуже всѣхъ. И зданіе рухнуло. Причинами такого строительства были: первое — отсутствіе цѣлостнаго и стройнаго плана у русскихъ политическихъ партій, вся энергія, напряженіе мысли и воли которыхъ были направлены, главнымъ образомъ, къ разрушенію существовавшаго ранѣе строя. Ибо нельзя назвать практическимъ планомъ отвлеченные эскизы партійныхъ программъ; онѣ — скорѣе законные или фальшивые дипломы на право строительства. Второе — отсутствіе у новыхъ правящихъ классовъ самыхъ элементарныхъ техническихъ знаній въ дѣлѣ управленія, какъ результатъ систематическаго, вѣками отстраненія ихъ отъ этихъ функцій. Третье — непредрѣшеніе воли Учредительнаго Собранія, требовавшее, во всякомъ случаѣ, героическихъ мѣръ къ ускоренію его созыва, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не менѣе героическихъ мѣръ для обезпеченія дѣйствительной свободы выборовъ. Четвертое — одіозность всего, на чемъ лежала печать стараго режима, хотя бы оно имѣло въ основѣ здоровую сущность. Пятое — самомнѣніе политическихъ партій, каждая порознь представлявшихъ «волю всего народа» и отличавшихся крайней непримиримостью къ противникамъ.

Вѣроятно долго еще можно бы продолжать этотъ перечень, но я остановлюсь на одномъ фактѣ, имѣющемъ значеніе далеко не ограничивающееся однимъ лишь прошлымъ. Революцію ждали, ее готовили, *но къ ней не подготовился никто*, ни одна изъ политическихъ группировокъ. И революція пришла въ нощи, заставъ ихъ всѣхъ, какъ евангельскихъ дѣвъ, со свѣтильниками погашенными. Одной стихійностью событій нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не создалъ заблаговременно общаго плана каналовъ и шлюзовъ для того, чтобы наводненіе не превратилось въ потопъ. Ни одна руководящая партія не имѣла программы для временнаго переходнаго періода въ жизни страны, программы, которая по существу и по масштабу не могла вѣдь соотвѣтствовать нормальнымъ планамъ строительства, какъ въ системѣ управленія, такъ и въ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что единственный активъ, который оказался въ этомъ отношеніи къ 27 марта 1917 г. въ рукахъ прогрессивнаго и соціалистическаго блоковъ былъ для перваго — предназначеніе министромъ-предсѣдателемъ князя Львова, для второго — совѣты и приказъ № 1. Потомъ уже началось сумпорожное, безсистемное метаніе правительства и Совѣта.

Къ сожалѣнію эта разница, рѣзко отличающая два періода — переходный и строительный, двѣ системы, двѣ программы до сихъ поръ не достаточно ярко рисуются въ общественномъ сознаніи.

Весь періодъ активной борьбы съ большевизмомъ прошелъ подъ знакомъ смѣшенія двухъ этихъ системъ, расхожденія взглядовъ и неумѣнія создать переходную форму власти.

Повидимому и теперь антибольшевистскія силы, углубляя свое политическое расхожденіе и строя планы на будущее, не готовятся къ процессу воспріятія власти послѣ крушенія большевизма, и подойдутъ къ нему опять съ голыми руками и мятущимся разумомъ. Только теперь процессъ этотъ будетъ неизмѣримо труднѣе. Ибо второй послѣ « стихійности » мотивъ оправданія неуспѣха революціи или вѣрнѣе ея первостепенныхъ дѣятелей — « наслѣдіе царскаго режима » — значительно поблѣднѣлъ на фонѣ большевистскаго кроваваго тумана, застлавшаго русскую землю.

***

Передъ новой властью (Временное правительство) всталъ капитальнѣйшій вопросъ — о войнѣ. Отъ рѣшенія его зависѣла участь страны. Рѣшеніе въ пользу сохраненія союза и продолженія войны основывалось на побужденіяхъ этическихъ, въ то время не вызывавшихъ сомнѣній, и практическихъ — до нѣкоторой степени спорныхъ. Нынѣ даже первыя поколебались послѣ того, какъ и союзники, и противники отнеслись съ жестокимъ, циничнымъ эгоизмомъ къ судьбамъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, для меня не подлежитъ сомнѣнію правильность тогдашняго рѣшенія продолжать войну. Можно дѣлать различныя предположенія по поводу возможностей сепаратнаго мира — былъ-ли бы онъ « Брестъ-Литовскимъ » или менѣе тяжелымъ для государства и нашего національнаго самолюбія. Но надо думать, что этотъ миръ, весною 1917 года, привелъ бы къ расчлененію Россіи и экономическому ея разгрому (всеобщій миръ за счетъ Россіи), или далъ бы полную побѣду центральнымъ державамъ надъ нашими союзниками, что вызвало бы въ ихъ странахъ потрясенія несравненно болѣе глубокія, чѣмъ переживаетъ нынѣ германскій народъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не создавалось никакихъ объективныхъ данныхъ для измѣненія къ лучшему политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ условій русской жизни и для уклоненія въ иную сторону путей русской революціи. Только, кромѣ большевизма, въ свой пассивъ Россія внесла бы ненависть побѣжденныхъ на долгіе годы.

Рѣшивъ вести войну, надо было сохранить армію, допу-

стивъ извѣстный консерватизмъ въ ея жизни. Такой консерватизмъ служитъ залогомъ устойчивости арміи и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избѣгнуть участія арміи въ историческихъ потрясеніяхъ, то нельзя и обращать ее въ арену политической борьбы, создавая вмѣсто служебнаго начала — *преторіанцевъ или опричниковъ*, безразлично — царскихъ, революціонной демократіи или партійныхъ.

Но армію развалили.

На тѣхъ принципахъ, которые положила революціонная демократія въ основу существованія арміи, послѣдняя ни строиться, ни жить не можетъ. Не случайность, что всѣ позднѣйшія попытки вооруженной борьбы противъ большевизма начинались съ организаціи арміи на нормальныхъ началахъ военнаго управленія, къ которымъ постепенно старалось переходить и совѣтское командованіе. Никакія стихійныя обстоятельства, никакія ошибки военныхъ диктатуръ и силъ имъ содѣйствовавшихъ и противодѣйствовашихъ, повлекшія неудачу борьбы (объ этомъ — правдивое слово впереди), не въ состояніи затемнить этой непреложной истины. Не случайность также, что руководящіе круги революціонной демократіи не могли создать никакой вооруженной силы, кромѣ жалкой пародіи — « Народной арміи » на такъ называемомъ « фронтѣ Учредительнаго Собранія ». Это именно обстоятельство привело русскую соціалистическую эмиграцію къ теоріи непротивленія, отрицанія вооруженной борьбы, къ сосредоточенію всѣхъ надеждъ на внутреннее перерожденіе большевизма и сверженіе его какими то безплотными « силами самого народа », которыя все таки иначе какъ желѣзомъ и кровью проявить себя не могутъ : « великая, безкровная » съ начала и до конца тонетъ въ крови...

Отмахнуться отъ огромнаго вопроса — о возсозданіи на твердыхъ началахъ національной арміи — не значитъ рѣшить его.

Что-же? Со дня паденія большевизма сразу наступитъ миръ и благоволѣніе въ странѣ, развращенной рабствомъ, горшимъ татарскаго, насыщенной рознью, местью, ненавистью и... огромнымъ количествомъ оружія? Или со дня паденія русскаго большевизма отпадутъ своекорыстныя вожделѣнія многихъ иностранныхъ правительствъ, а не усилятся еще больше, когда исчезнетъ угроза совѣтской моральной заразы? Наконецъ, если бы даже вся старая Европа путемъ нравственнаго перерожденія перековала мечи на орла, развѣ не возможно пришествіе новаго Чингисхана изъ нѣдръ той Азіи, которая имѣетъ вѣковые и неоплатные счета за Европой?

Армія возродится. Несомнѣнно.

Но, потрясенная въ своихъ историческихъ основахъ и тра-

диціяхъ, она, подобно былиннымъ русскимъ богатырямъ, немало времени будетъ стоять на распутьи, тревожно вглядываясь въ туманныя дали, еще окутанныя предразсвѣтной мглой, и чутко прислушиваясь къ неясному шуму голосовъ, зовущихъ ее. И среди обманчивыхъ зововъ — съ великимъ напряженіемъ будетъ искать подлинный голосъ... своего народа.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА
ПЕРВАГО ТОМА.

